

СОВЕТ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ГОСУДАРСТВ - УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

Табрические тении 2008

Таврические чтения 2008

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ**

**Всероссийская
научно-практическая конференция
16 декабря 2008 года**

С.-Петербург · 2009

Научное издание

*Печатается по решению оргкомитета
Всероссийской научно-практической конференции*

*Под редакцией доктора исторических наук
А.Б. Николаева*

Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 16 декабря 2008 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ]: Сб. научн. статей / Под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2009. – 356 с.

ISBN 978-5-904247-20-1

Сборник «Таврические чтения 2008» включает в себя материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России». Статьи сборника посвящены рассмотрению различных вопросов истории российского парламентаризма. Сборник предназначен для историков, политологов и широкого круга читателей.

- © Коллектив авторов, 2009.
- © Николаев А.Б., редактирование, составление, 2009.
- © Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, 2009.

ISBN 978-5-904247-20-1

В последние годы значительно активизировалась работа по изучению исторического опыта и деятельности Государственных дум России, появились новые научные труды и не только в России, но и в странах Содружества Независимых Государств

Важным шагом на этом пути стала проведенная в декабре 2008 г. в Таврическом дворце -- штаб-квартире Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России» (Таврические чтения), материалы которой и представлены в данном сборнике.

Сегодня стало возможным обстоятельное изучение истории парламентаризма в России и других государствах Содружества на достоверной документационной основе, появилась возможность дать объективные непредвзятые оценки деятельности тех или иных политических сил становлении демократических форм государственности. Все это удалось авторам сборника.

Но в истолковании истории приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем. Стремление восстановить настоящую историю даст возможность лучше помнить самих себя и соответственно определить цели развития своих стран и стратегию их достижения, ведь в прошлом зашифрованы причины наших бед и наших достижений.

Рашифровать их, собрать по крупицам зерна политической и практической деятельности депутатов тех лет, перенести все положительное на современную парламентскую почву -- в этом видится значение данной книги

Я верю, что материалы данного сборника будут востребованы политиками, историками и всеми, кого интересует история России и других стран Содружества Независимых Государств.

*Генеральный секретарь Совета МПА СНГ,
доктор экономических наук,
профессор М.И. Кротов*

Содержание

Предисловие	5
Учредительному собранию – 90 лет	9
<i>Лукоянов И.В.</i> Учредительное собрание 5 января 1918 г.: речи и дела	9
Государственная дума Российской империи: создание и деятельность	16
<i>Куликов С.В.</i> Николай II и парламентаризм (1906–1917)	16
<i>Циунчук Р.А.</i> Думская избирательная система как фактор оформления новой этнополитической географии Российской империи	75
<i>Шилов Д.Н.</i> Первые дни народного представительства глазами царского сановника (по материалам воспоминаний А.Н. Ку- ломзина)	91
<i>Ростовцев Е.А.</i> «Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911)	98
<i>Григорьев С.И.</i> Государственная дума и Министерство импера- торского двора	134
<i>Костылев А.В.</i> Выборы в III Государственную думу в Санкт- Петербурге	140
<i>Гинев В.Н.</i> Проблема контроля за деятельностью проектируемой всесословной волости в правительстве и Государственных думах третьего и четвертого созывов (1907–1916 гг.)	152
<i>Нардова В.А.</i> Городовое положение для городов Царства Польского и Государственная дума	165
<i>Булгакова Л.А.</i> Государственная дума и «великий закон» 25 июня 1912 года	194
<i>Колоницкий Б.И.</i> Визит Николая II в Государственную Думу и общественное мнение (февраль 1916 года)	213
<i>Сафонов М.М.</i> Государственная дума и Акт отречения Николая II от престола	218
<i>Кулегин А.М.</i> Агитационно-пропагандистская деятельность Вре- менного комитета Государственной думы (На материалах коллекции листовок ГМПР)	235
<i>Николаев А.Б.</i> Отдел сношений с войсками и населением Вре- менного комитета Государственной думы: создание, состав и основные направления деятельности (1917 г.)	246

Приложение	274
Думская биография	281
<i>Мельцин М.О.</i> Апостолы «Народной свободы». Депутаты I и II Государственных дум князя Петр и Павел Долгоруковы: на пути к Думе	281
<i>Ведерников В.В.</i> Почему Герценштейн? (К истокам Териокской трагедии)	291
<i>Соснер И.Ю.</i> Член I Думы князь Георгий Львов	306
<i>Иванов А.А.</i> Правые депутаты в энциклопедии «Государственная дума Российской империи»: уточнения и дополнения	318
Российский парламентаризм на современном этапе	326
<i>Павроз А.В.</i> Политический процесс 1992–1993 гг. и формирование современного российского парламентаризма	326
Приложения	335
<i>Наумов С.А.</i> «Парламентские дебаты»: от игры к публичной политике	335
<i>Крохина Л.А.</i> Концепция постоянно действующей выставки «Парламентаризм: история и современность»	348
Сведения об авторах	352
Сокращения	354

ПРЕДИСЛОВИЕ

16 декабря 2008 г. в Таврическом дворце прошла Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России» («Таврические чтения 2008»). Организатором этой конференции, как и предыдущего научно-практического семинара¹, выступил Музей истории парламентаризма в России (МИПР). Решение о проведении конференции было принято на заседании научно-методического совета при МИПРе. В состав оргкомитета конференции вошли: д. ист. н., доцент, председатель научно-методического совета при МИПРе К.А. Пшёнко, д. ист. н., профессор А.Б. Николаев, к. ист. н., с. н. с. С.В. Куликов, к. ист. н., с. н. с. И.В. Лукоянов, директор МИПРа Л.А. Крохина и сотрудники Музея О.Н. Гавриленко, Ю.В. Сухова и Н.Д. Лапина.

Информация о предстоящей конференции была размещена 12 декабря 2008 г. на сайте Балтийского информационного агентства. В ней сообщалось, что «в конференции примут участие известные историки из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани». Кроме этого, «организаторы отметили, что помимо докладов участникам будет продемонстрирован научно-популярный фильм «День между прошлым и будущим...» (режиссер Алексей Олиферук), посвященный началу работы Государственной думы Российской империи. По итогам конференции планируется издание сборника «Таврические чтения 2008»².

Как и в прошлый раз («Таврические чтения 2007»), в ходе конференции выступили не только известные специалисты-историки, но и представители научной молодежи — студенты высших учебных заведений С.-Петербурга. Укажем, что студенты вузов С.-Петербурга рабо-

¹ По итогам этого научно-практического семинара был издан сборник: Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, Молодежный центр истории парламентаризма]: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008.

² Участники «Таврических чтений» обсудят историю парламентаризма в России // Балтийское информационное агентство [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.baltinfo.ru/news/n72363>.

тали в секции № 4 (Молодежная секция). Они принимали участие или в «круглом столе» (зал № 16) или в «парламентских дебатах» (зал № 1). «Круглый стол» на тему «Роль и место парламента в политической системе современной России» вели к. ист. н., руководитель Молодежного центра истории парламентаризма С.Э. Калкожный, к. полит. н., старший преподаватель кафедры политического управления СПбГУ А.В. Павроз и студентка 5-го курса БГТИ «Военмех», председатель Молодежного отделения РАПН в С.-Петербурге Н.И. Маркова. «Парламентские дебаты» на тему «Проблема взаимоотношения власти и общества» прошли под руководством к. полит. н., доцента кафедры политологии РГПУ С.А. Наумова. Материалы заседания «круглого стола» и «парламентских дебатов» в данном сборнике не публикуются.

Среди студентов, принявших участие в конференции, были члены «Молодой гвардии» Единой России. Один из них на следующий день после конференции писал на сайте своей организации: «В первой группе собрались те, кому хотелось обсудить историю парламентаризма в России, те традиции, которые успели сформироваться за столь непродолжительное время существования Государственной думы России. Другие отправились на обучающую игру, моделирующую парламентские дебаты по английскому образцу, особенность которых заключается в динамичности, регулярном перебивании оппонентов для уточняющих вопросов или же замечаний. Безусловно, нам стоит прибегать к опыту других стран, в особенности тех, история парламента которых исчисляется не одной сотней лет»³.

В предлагаемом читателям сборнике представлены доклады и сообщения, которые прозвучали на пленарном заседании, проходившем в Думском зале Таврического дворца, и в ходе 3-х секционных заседаний⁴: «Общие проблемы парламентаризма в России» (руководитель секции: д.ист.н., в. н. с. ИЭ РАН В.Л. Степанов, зал. № 9), «Думская биографика» (И.В. Лукоянов, зал № 10) и «Государственная дума Российской империи: формирование и деятельность» (А.Б. Николаев, зал № 11). Все они (доклады и сообщения) были переработаны авторами в научные статьи.

³ Мы помним историю, мы являемся будущим // «Молодая гвардия» Единой России [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/img/2008/12/17/3509>

⁴ Сообщения о конференции прошли по телевидению (выпуск «Вести» Санкт-Петербург) и радио (Радио России «Санкт-Петербург») (Таврические чтения посвятили истории парламентаризма в России // ГТРК «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://petersburg.rfn.ru/region/news.html?id=12118&rid=43&iid=8362>, Вторые Таврические чтения // ГТРК «Санкт-Петербург» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.rtr.spb.ru/radio_ru/radio_2008/news_detail.asp?id=386).

Предваряет сборник приветственное слово Генерального секретаря Совета МПА СНГ М.И. Кротова, а открывает – статья И.В. Лукоянова, посвященная 90-летию Учредительного собрания. Автор вводит в научный оборот документы, выявленные им в ОР РНБ, которые отражают «не хорошо известный ход дискуссии с трибуны, а фрагменты законодательской работы, которая в те короткие часы проходила либо в некоторых фракциях, либо среди групп депутатов прямо в зале заседания». Речь идет о четырех законопроектах, которые предполагалось вынести на рассмотрение Учредительным собранием. Лукоянов пишет, что «один из них касался порядка конституирования Учредительного собрания, два – организации безопасности депутатов и форума в целом и наконец, последний – об общих принципах построения временной исполнительной власти». По мнению автора, сам факт работы «над этими документами показывает, что в Таврическом дворце оказались депутаты, искавшие пути к тому, чтобы взять власть в свои руки».

В разделе «Государственная дума Российской империи: создание и деятельность» помещено 12 статей участников конференции «Таврические чтения 2008». С.В. Куликов, продолжая изучать вопрос об отношении Николая II к Государственной думе⁵, вновь пишет о дуализме императора и заявляет о том, что он «являлся противником не идеи народного представительства как таковой, а парламентаризма». Доказательству этого дискуссионного тезиса и посвящена его весьма объемная статья. К работе Куликова примыкает исследование С.И. Григорьева, который характеризует министра императорского двора В.Б. Фредерикса как дуалиста. Автор заявляет, что Фредерикс «на деле был сторонником, а отнюдь не противником думской монархии». Две статьи сборника посвящены избирательной системе и выборам в Государственную думу. Р.А. Циунчук в своей работе пишет, что Государственная дума «стала первым местом в модерной истории Российской империи, где легально встретились и активно прозвучали такие актуальные и ныне вопросы как мусульманский, русский, казачий, кавказский, еврейский, сибирский <...> и др.» Автор, рассматривая думское избирательное право, утверждает, что оно способствовало «формированию и проявлению национальной и региональной идентичности народов империи», стало фактором оформления новой этнополитической географии Российской империи. О выборах в III Государственную думу в С.-Петербурге рассказывает в своем исследовании А.В. Костылев. Он приходит к выводу о том, что в ходе выборов «петербуржцы остались верны ведущей либеральной оппозиционной партии –

⁵ См.: Куликов С.В. Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения 2007. СПб., 2008. С. 14–45.

кадетах». Интересные сведения о первых днях народного представительства по материалам воспоминаний А.Н. Куломзина приводит в своей статье Д.Н. Шилов. В работе Е.А. Ростовцева предпринимается попытка «рассмотреть отношения правительства, профессорских коллегий и думских политических сил с момента учреждения народного представительства до 1911 года». 3 статьи сборника посвящены непосредственно законодательной деятельности Государственной думы: В.Н. Гинев останавливает свое внимание на той борьбе, которая развернулась вокруг законопроекта о волостном земском управлении, В.А. Нардова пишет о Городовом положении для городов Царства Польского, а работа Л.А. Булгаковой посвящена принятию, основным положениям и последствиям «великого закона» 25 июня 1912 г. о признании нижних воинских чинов и их семейств. Б.И. Колоницкий в своем сообщении привел интересные данные о посещении 9 февраля 1916 г. Николаем II Государственной думы. 3 статьи сборника посвящены событиям 1917 г.: М.М. Сафонов продолжает исследовать вопрос об отречении Николая II⁶, А.М. Кулегин и А.Б. Николаев пишут об агитационно-пропагандистской деятельности Временного комитета Государственной думы.

«Думская биографика» представлена исследованиями М.О. Мельчина о депутатах I и II Государственных дум князьях Петре и Павле Долгоруковых, И.Ю. Соснера о депутате I Думы кн. Г.Е. Львове, В.В. Ведерникова об убийстве перводумца М.Я. Герценштейна, а также статьей А.А. Иванова, в которой содержатся весьма ценные сведения о ряде правых думцев, которые дополняют и уточняют биографические справки, опубликованные в энциклопедии «Государственная дума Российской империи» (М., 2008).

В последнем разделе сборника помещена статья А.В. Павруза, посвященная политическому процессу 1992–1993 гг. и формированию современного российского парламентаризма.

В приложении к сборнику публикуются работа С.А. Наумова о международной программе «Дебаты» и статья Л.А. Крохиной о концепции постоянно действующей выставки «Парламентаризм: история и современность».

Надеемся, что и этот сборник найдет своего заинтересованного читателя.

А.Б. Николаев
28 сентября 2009 г.

⁶ Сафонов М.М. Роль Государственной думы в подготовке отречения Николая II // Таврические чтения 2007. С. 161–181.

Учредительному собранию – 90 лет

И.В. ЛУКОЯНОВ

Учредительное собрание 5 января 1918 г.: речи и дела

5 января 2008 г. исполнилось 90 лет Учредительному собранию России. Общеизвестно, что депутаты, избранные по всей России впервые в истории по самому демократичному избирательному праву (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование), работали в Таврическом дворце всего один день, за который успели принять несколько даже не законов – а резолюций⁷. Историки единодушны в своих оценках: Учредительное собрание в тех условиях не имело шансов на долгое и плодотворное существование. А что же сами депутаты, участники этого всероссийского конгресса? Неужели они не отдавали себе отчета в происходящем и безропотно шли на Голгофу, даже не пытались сопротивляться большевистской власти?

В историографии достаточно хорошо известно, как к открытию Учредительного собрания готовилось Временное правительство и сменившие его большевики. Меньше внимания, как правило, уделяется деятельности партии социалистов-революционеров.

Депутаты, представляющие самую многочисленную фракцию – эсеров, стали съезжаться в Петроград в конце 1917 г., большинство их разместились в пустующем лазарете Земгора на Большой Болотной, д. 2. В грязных, непригодных помещениях (не было даже стульев) «болотная группа» заседала сначала через день-два, а с середины декабря – ежедневно. К концу декабря на заседания собиралось до 250 человек. Для работы избрали бюро фракции во главе с В.В. Рудне-

⁷ Под конец заседания, когда «караул устал», председательствующий В.М. Чернов успел провести голосование и получить одобрение большинства оставшихся депутатов на постановление о государственном устройстве России (республика), Закон о земле (принятый в краткой редакции – 10 статей – провозглашал отмену права собственности на землю и передачу ее местным властям для распределения между всеми желающими согласно трудовой нормы), постановление о демократическом мире с призывом к союзникам немедленно завершить войну.

вым, состоявшее из 20–30 человек, а также полтора десятка комиссий, призванных подготовить законопроекты для будущего Учредительного собрания⁸. Была даже создана специальная комиссия «первого дня», готовившая сценарий открытия Учредительного собрания и его первых шагов. По свидетельству участников, интенсивная работа шла днем и ночью, а перед самым открытием Учредительного собрания – и ранним утром⁹. Казалось бы, от такой работы должна была остаться настоящая гора бумаг, в том числе – законопроектов. М.В. Вишняк, как-то мимоходом, заметил, что «в портфеле эсеровской фракции» находились «подробно разработанные законопроекты “об организации исполнительной власти”, об образовании “гвардии Учредительного собрания” и об иммунитете его членов»¹⁰. Но ни их содержание, ни судьбу мемуарист не прояснил. Где же они? Исследователи ссылаются, как правило, на немногочисленные протоколы заседаний и некоторые другие материалы, находящиеся в основном в одном (!) деле в фонде эсеровской партии – и все¹¹.

Объяснение тому, почему гора родила мышь, состоит, вероятно, в тактике, избранной эсерами для участия в Учредительном собрании. «Крестьянская партия» сделала ставку на подготовку земельного закона. Известно, какую остроту приобрел этот вопрос в России в начале XX в. Кроме того, на его первостепенности настаивали крестьяне – члены эсеровской фракции. «Они требовали выдвинуть в первую очередь законопроект о земле, дабы в случае, если придется разъехаться по домам, они могли показать избирателям, чего домогалось У[чредительное] с[обрание] и чего не дали ему осуществить большевики»¹². Такой подход – готовиться к вероятному разгону Учредительного собрания – был созвучен представлениям эсеровского руководства. Не удивительно, что на составление даже черновика, самого общего и краткого варианта законопроекта ушло много времени и сил. Вообще эсеры сделали ставку на разработку и максимально быстрое одобрение собранием нескольких законов, призванных решить некоторые острейшие проблемы. Кроме вопроса о земле, это были вопросы о

⁸ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 321–322; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 281–284.

⁹ Климушкин П.Д. Правда об Учредительном собрании. Самара, 1918. С. 2; Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIII. С. 33.

¹⁰ Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 165, прим.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45.

¹² Вишняк М.В. Указ. соч. С. 105.

мире, о продовольствии, о политическом устройстве России и, наконец, на пятом месте – вопрос о власти¹³. Вероятно, в этом крылась главная ошибка эсеров – для большевиков проблема власти всегда стояла на первом месте. Эсеры же сделали ставку на то, чтобы занять Учредительное собрание работой, чтобы не дать возможности разжечь демагогические дискуссии и тем повод большевистской власти для досрочного роспуска народного представительства. А уж результаты, как они надеялись, скажут сами за себя: собрание получит в глазах народа необходимый авторитет, защитив тем самым себя от разгона. Борьба за влияние на массы отошла, таким образом, на задний план – это была стратегическая ошибка. Несмотря на то, что усилиями эсеровской фракции и ЦК, а также специальной агитационно-митинговой комиссии эсеры смогли организовать до 250 митингов и собраний (каждый день – по 10–20) в поддержку Учредительного собрания, этого оказалось недостаточно¹⁴. К тому же фракция «не считала возможным связывать будущее Учредительного собрания с гадательным успехом уличного выступления демонстрантов¹⁵. Она сделала ставку на то, чтобы «удержать У[чредительное] с[обрание] на известной высоте, не уронить его достоинства, внедрить и углубить его идею в душе народа»¹⁶. Конечно, чистый парламентаризм в тех условиях являлся политической иллюзией.

Тем не менее, как позднее объяснял М.В. Вишняк, эсеры допускали, что первый день работы Учредительного собрания вполне мог стать последним. Поэтому первое заседание следовало провести так, «чтобы укрепить позиции для последующей борьбы с большевиками», «чтобы после него что-нибудь осталось»¹⁷. За всеми этими витиеватыми фразами, написанными полтора десятилетия спустя после событий, явно проступает другое – признание того, что внятного, работающего плана действий у эсеров не было. М.В. Вишняк обмолвился, что главной целью большинства было – беречь Учредительное собрание, так же как и I Думу¹⁸. Оборонительная позиция против большевиков исключала успех дела – кажется, этого большинство депутатов не поняло. Показательно, что фракция отвергла план борьбы с большевиками, представленный одним из ее членов Л.А. Хрисаненковым как химерический!¹⁹ По-видимому, эсеры преувеличили страх боль-

¹³ Климущин П.Д. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 1.

¹⁵ Вишняк М.В. Указ. соч. С. 105.

¹⁶ Там же. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 104–105.

¹⁸ Там же. С. 105.

¹⁹ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 285.

шевиков перед Учредительным собранием – он хотя и был, но не сковал их, не сделал нерешительными.

Ход первого и единственного заседания подтвердил многие опасения. Он хорошо известен по стенограмме, опубликованной еще в 1918 г. Если судить по ней, то Учредительное собрание не проявило себя силой, готовой противостоять большевикам. Действительно, избрав председателем В.М. Чернова и отказавшись с хода одобрить большевистскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа России», оно ограничилось в противостоянии ленинцам именно этим. Вступительное слово В.М. Чернова, неприлично и тактически безграмотно растянутое на два с лишним часа, стало сплошной уступкой большевикам, поиском компромисса с ними. Блестящее по стилю и аргументам выступление И.Г. Церетели являлось не более чем удачным опытом полемического противостояния и не несло в себе ничего конструктивного для жизни форума. В остальном же стенограмма Учредительного собрания оставляет впечатление, что собравшиеся в Таврическом дворце избранники народа не отдавали себе отчета в остроте и напряженности момента, вступив в долговременные, иногда – отвлеченные дискуссии.

В Отделе рукописей РНБ долгое время скрытым от читателей хранилось небольшое количество бумаг, оставшихся от товарища директора библиотеки в то время, позже эмигрировавшего А.И. Браудо, которые касались деятельности Учредительного собрания. Самое интересное в них – то, что эти документы отразили не хорошо известный ход дискуссии с трибуны, а фрагменты законотворческой работы, которая в те короткие часы проходила либо в некоторых фракциях, либо среди групп депутатов прямо в зале заседания. Даже крайне незначительного их количества достаточно для того, чтобы несколько по иному посмотреть на ход событий в Таврическом дворце 5 января 1918 г. Речь идет о четырех проектах, которые готовились для рассмотрения Учредительным собранием. Один из них касался порядка конституирования Учредительного собрания, два – организации безопасности депутатов и форума в целом и, наконец, последний – об общих принципах построения временной исполнительной власти²⁰.

В первом из них предполагалось резко сократить время, необходимое для проведения формальных процедур проверки полномочий и определения регламента заседаний Учредительного собрания. Пред-

²⁰ В лихорадочной спешке, сопровождавшей завершение работы Учредительного собрания, уже в пятом часу утра 6 января 1918 г. депутаты приняли короткое постановление, объявляющее Россию федеративной республикой (Учредительное собрание. Россия, 1918. М., 1991. С. 160).

лагалось использовать временно Наказ Государственной думы, кворум установить как половину депутатов собрания, «объявивших» о своем прибытии в Петроград. Наконец, главное: «приступить, не ожидая окончания поверки полномочий членов Учредительного собрания, к рассмотрению вопросов об организации власти и об обеспечении деятельности Учредительного собрания»²¹. Принятие этого документа, состоявшего из 5 пунктов, позволяло значительно ускорить прохождение первого, конституирующего этапа в деятельности форума.

Спешные меры предполагалось принять для организации нормальной работы собрания и обеспечения его безопасности. Специальный документ (проект закона о неприкосновенности личности и свободе слова членов Учредительного собрания) обещал иммунитет от любых преследований во время сессии²². Он производит впечатление более-менее завершенного, хотя и сырого документа. В нескольких его статьях прописаны прямые санкции (например, п. 5 – заключение в исправительный дом или крепость тех, кто препятствовал бы деятельности депутатов или п. 6 – заключение в тюрьму за оскорбление членов собрания) с отсылкой к главе I Уголовного уложения для осуществления этих мер. Препятствование же деятельности не расписано. Например, понятно, если речь идет об активном сопротивлении. А пассивное? Невыполнение распоряжений? И т.п. Сопоставление показывает, что за основу для данного документа был взят раздел III «Временных правил об ограждении безопасности Учредительного собрания и охранении порядка в его здании» с рядом изменений (по большей части упрощений)²³. Вероятно, это делалось затем, чтобы простотой формулировок избежать лишних дискуссий.

Подготовлен также был проект временных правил об обеспечении безопасности Учредительного собрания и сохранении порядка в его здании, явно нацеленный на противодействие большевикам²⁴. Предполагалось все вопросы безопасности подчинить председателю собрания, а осуществлять их должны были комендант и комиссар, назначаемые собранием (страховка против единоличных решений председателя?). Председателю собрания также предоставлялось право напрямую вызывать в Таврический дворец воинские части, что, несомненно, предусматривало вытеснение из здания большевистских матросов. Эти временные правила явно стали результатом спешной доработки «Временных правил об ограждении безопасности Учредительного собра-

²¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. № 250. Л. 2.

²² Там же. № 249. Л. 1.

²³ Учредительное собрание. С. 29–30.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. № 248. Л. 2.

ния и охранении порядка в его здании», подготовленных Временным правительством для принятия их собранием²⁵. Но в этих правилах не предусматривалась должность комиссара, кроме того, он и комендант не должны были избираться собранием — их назначал единолично председатель собрания. Председатель собрания также не мог напрямую вызывать воинские части, а только через обращение к соответствующим военным властям. То есть сравнение двух документов показывает, что проект Временного правительства был взят за основу, но в него был внесен ряд существенных изменений.

Временные правила представлялись задачей первоочередной важности, так как сохранился черновой документ — заготовка заявления от имени подписавших (подписей нет) членов Учредительного собрания с предложением избрать комиссию из 15 депутатов для срочного рассмотрения законопроекта об ограждении безопасности форума с требованием провести эту работу в 5-часовой срок (т.е. до завершения первого дня заседаний собрания)²⁶.

Наконец, наибольший интерес представляет проект постановления Учредительного собрания о порядке осуществления власти в России, состоящий из 15 пунктов. Согласно этому документу, вся полнота власти передавалась Исполнительному комитету, но не съезда советов, а Учредительного собрания из 7 человек, которому делегировалось право назначения и увольнения министров, издания распоряжений, регламентирующих деятельность ведомств, текущее руководство внешней политикой и вообще решения всех вопросов, относящихся к верховной исполнительной власти. То есть создавался некий орган, напоминающий директорию, коллективного главу исполнительной власти, чему не было прецедента в истории России начала XX в. За Учредительным собранием оставалась законодательная функция, в том числе и в части бюджета. Этот проект постановления также имел в своей основе «Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании», подготовленный Временным правительством²⁷. Отличие состояло в том, что проект Временного правительства был больше по объему и в нем вместо президиума предлагался институт временного президентства. Однако президент этот являлся промежуточной инстанцией между Учредительным собранием и Советом министров, у которого также предусматривался председатель. Авторы чернового варианта явно опасались единоначалия, заменили президента на президиум, но при этом Учредительное

²⁵ Учредительное собрание. С. 28–30.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. № 248. Л. 3.

²⁷ Учредительное собрание. С. 30–31.

собрание в ходе заседания 5 января 1918 г. категорически отказалось от избрания президиума, боясь, что большевики и левые эсеры смогут блокировать его работу.

Эти черновые материалы оставляют впечатление экспромта, который осуществлялся в Таврическом дворце впопыхах, по ходу заседания. По-видимому, сделанные заранее заготовки оказались непригодны. Однако готовить законопроекты в зале заседаний Таврического дворца либо в помещениях фракций под присмотром приведенных большевиками людей с ружьями было не просто неудобно, но и весьма сложно и даже опасно. Видимо, поэтому черновики носят столь несовершенный характер. В их основе лежали документы, подготовленные Временным правительством, в которые спешно были внесены некоторые изменения, чтобы они соответствовали сложившейся ситуации. Но все-таки они отразили недостаточную энергию и решительность противников комиссаров. Их авторы явно не вполне понимали, что следует делать. Тем не менее работа над этими документами показывает, что в Таврическом дворце оказались депутаты, искавшие путей к тому, чтобы взять власть в свои руки. Определенный потенциал у Учредительного собрания имелся, но его было явно недостаточно для того, чтобы победить оформляющийся диктаторский режим.

Государственная дума Российской империи: создание и деятельность

С.В. КУЛИКОВ

Николай II и парламентаризм (1906–1917)

Отношения Николая II с I–IV Думами – столь же ключевая проблема истории дореволюционных Дум, как и вопрос о его роли при создании народного представительства. Рассмотрение последней проблемы приводит к выводу, что царь являлся противником не идеи народного представительства как таковой, а парламентаризма. В начале XX в. под парламентаризмом подразумевали прежде всего зависимость правительства от палат, т.е. ограничение главы государства не только в законодательстве, но и в управлении (английская модель). Парламентаризму противопоставляли дуализм (конституционализм), при котором правительство зависело от главы государства и, следовательно, он был ограничен только в законодательстве, оставаясь неограниченным в управлении (германская модель)²⁸.

Подписанные Николаем II 23 апреля 1906 г. Основные государственные законы подтвердили, что Дума является именно органом конституционно-дуалистической, а не парламентской, системы, формально ограничивая царя в законодательстве, а не в управлении. Ограничение своей власти в законодательстве самодержец открыто признал, публикуя Основные законы, когда он отметил особо, что Манифестом 17 октября 1905 г. объявил об осуществлении им законодательной власти «в единении с представителями народа», «установив новые пути, по которым будет проявляться самодержавная власть, всероссийских монархов в делах законодательства». Основные зако-

²⁸ Подробнее см.: Куликов С.В. 1) Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – нач. XX). Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 283–284; 2) Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности. // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 года. Сб. научн. ст. СПб., 2008.

ны, по словам императора, были дополнены «положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной»²⁹. Таким образом, Николай II, указав на «нераздельность», т.е. неограниченность, своей власти в управлении и ее «раздельность» в законодательстве, согласился, что, в отличие от управления, в законодательстве его власть ограничена.

«Государь, – отмечал кадет В.А. Маклаков, – преодолел в себе “ветхого человека” и личными симпатиями жертвовал конституционной идее». При этом, однако, царь полагал, что границу между законодательством и управлением Дума переходить не должна. По наблюдениям юриста Г.Н. Михайловского, в императорских пометах, делавшихся на разного рода документах, «развивались типичные для так называемых конституционно-дуалистических монархий рассуждения о недопустимости вторжения законодательной власти в область исполнительную». «Государь, – писал в связи с этим министр финансов П.Л. Барк, – желал сохранить систему, принятую в Германии, Австрии и Америке, где глава государства не стеснен определенной средой для выбора премьера и прочих министров, и где министры ответственны не перед палатами, а только перед главой государства»³⁰. То, что в России, при существовании законодательной Думы, отсутствует парламентаризм, говорили или писали, принимая во внимание мнение суверена, и ближайшие царские сотрудники, прежде всего – премьер-министры: С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, И.Л. Горемыкин, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов.

С.Ю. Витте писал в воспоминаниях, что Основные законы 1906 г. «установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма». П.А. Столыпин полагал, что «нужно отличать парла-

²⁹ Высочайше утвержденные 23 апреля 1906 г. Основные государственные законы // Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 44. Об Основных законах 1906 г. см.: Куликов С.В. 1) Граф С.Ю.Витте и П.А.Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С.Ю. Витте – выдающийся государственный деятель России. Мат. науч. конф. СПб., 1999; 2) Власть науки и наука власти в России нач. XX в. // Россия XXI. 2001. № 5–6; 3) Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России нач. XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Мат. всеросс. науч.-методол. сем. СПб., 2004; 4) Бюрократические вариации на оппозиционную тему: источники Основных государственных законов 1906 г. // Проблемы российской истории. 2006. Вып. VI. См. также: Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. 1998. Кн. 8; Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть. Источники. Исследования. Рецензии.

ментаризм от конституционализма. У нас, – говорил премьер английскому журналисту в августе 1906 г., – есть только конституционализм, как и в Германии или даже в Американской республике». «Законодательная власть, – заявил П.А. Столыпин французскому журналисту через месяц, – должна быть строго отграничена от исполнительной. Не забудьте, что наш строй – строй конституционный, а не «парламентарный»». В апреле 1908 г., подразумеваемая отсутствие в России парламентаризма, В.Н. Коковцов сказал с думской трибуны, что «у нас, слава Богу, нет парламента», причем П.А. Столыпин увидел в этих словах «святую истину», считая, что «прямой долг правительства – бороться против всякого расширения захватным порядком Думой новых прав, не предусмотренных законом». Дуалистический характер позиции И.Л. Горемыкина с очевидностью выявился во время диалога, состоявшегося в сентябре 1915 г. между премьером и председателем IV Думы М.В. Родзянко: «Вы, Михаил Владимирович, хотите управлять?» – «Да, понятно». – «Как понятно, управлять? Вы должны законодательствовать, а мы управлять». Уже после Февральской революции Б.В. Штурмер показывал, что ранее в России существовала конституция, но не такая, как в парламентарных государствах Западной Европы, где «с переменой государственного строя во все учреждениа палаты сначала проникают общественные мнения» и «правительство, которому сочувствуют, поддерживают, которому не сочувствуют – не поддерживают». В декабре 1916 г. во всеподданнейшем докладе требование нижней палаты о необходимости «ответственного перед Государственною думою министерства» А.Ф. Трепов находил «не отвечающим точному смыслу Основных государственных законов»³¹. Таким образом, в 1906–1917 гг. дуализм являлся официальной идеологией Российской империи, задавая правила игры и для Николая II, и для Думы. Насколько же эти игроки соблюдали правила?

³⁰ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 175. С. 70; Михайловский Г.И. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 82; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 66.

³¹ Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства: в 7-ми т. М.; Л., 1924–1927. Т. 1; М.; Л., 1924. С. 235–236; Допрос М.В. Родзянко. 4 сентября 1917 г. // Там же. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 154; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 272; Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания: в 2-х т. СПб., 2003. Т. 2. С. 470; Утешительные перспективы. Беседа с г. Столыпиным корреспондента «Tribune». Август 1906 г.; Беседа с П.А. Столыпиным корреспондента «Journal» г. Нодо. Сентябрь 1906 г. // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. Сб. док. М., 2006. С. 469, 479. См. также: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 300.

При открытии I Думы царь, по наблюдениям В.А. Маклакова, «во всем шел ей навстречу». В 1906 г., писал тот же автор в другом месте, Николай II «стал конституционным монархом и пытался лояльно играть свою новую роль». Благожелательность императора по отношению к Думе выявилась уже на стадии подготовки церемониала ее открытия, составление проекта которого царь поручил в конце марта 1906 г. члену Государственного совета графу К.И. фон дер Палену. Граф заявил суверену, что «почти во всех конституционных государствах государь открывает законодательную сессию, принимая обе палаты у себя во дворце и произнося речь с высоты трона», а потому и он «должен принять Государственный совет и Государственную думу в Зимнем дворце», причем этому должен предшествовать «торжественный въезд» монарха в Петербург. Николай II полностью согласился с рекомендациями Палена. В дальнейшем подробности церемониала царь обсуждал вместе с министром Императорского двора и супругой Александрой Федоровной. «Фредерик завтракал, – записал император 15 апреля 1906 г. – Долго говорили втроем о церемониале открытия Думы». После этого Александра Федоровна вместе с обер-церемониймейстером бароном П.П. Корфом «сочиняла» «церемониал открытия», которому «будет придана, – сообщила она великому князю Константину Константиновичу 17 апреля, – возможная пышность»³².

Проявившаяся в области ритуала несомненная благожелательность Николая II к еще неоткрывшейся Думе была показательна, тем более, что выборы в нее дали большинство оппозиционным и революционным партиям – кадетам и трудовикам. Однако царь надеялся, что большинство депутатов отличается политической зрелостью и, поэтому, пойдет на сотрудничество с его правительством. Монарх заявил министру финансов В.Н. Коковцову 22 апреля, что «Дума, встретившись с ответственной работой, может быть, окажется на самом деле менее революционной» и «земские круги, которым, по-видимому, будет принадлежать руководящее значение в Думе, не захотят взять на себя неблагодарную роль быть застрельщиком в новой вспышке борьбы между правительством и новым народным представительством». В назначении председателем Совета министров вместо графа С.Ю. Витте члена Государственного совета И.Л. Горемыкина какой-либо вызов Думе отсутствовал. Тут имелась не антидумская, а антивиттевская

³² Половцов А.А. Дневник // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 99; Николай II. Дневники. М., 1991. С. 310; Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 284; Маклаков В.А. 1) Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 155; 2) Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 11.

подоплека и, справедливо писал В.А. Маклаков, не было «и намек на то, чтобы государь этим назначением хотел помешать либеральным реформам» или «взрывать конституцию». При этом сотрудничество его правительства с Думой виделось императору в рамках дуализма. При назначении П.А. Столыпина министром внутренних дел Николай II сказал ему 25 апреля, что «не хочет министра из случайного думского большинства»³³. Иными словами, глава государства не хотел установления парламентаризма.

Принимая 27 апреля членов обеих палат в Зимнем дворце, царь произнес программную речь, также отмеченную печатью благожелательного отношения к Думе и выражавшую его личные взгляды. Текст речи монарх «написал сам, заимствовав многое из нескольких представленных ему проектов». Эти проекты исходили от либеральных общественных деятелей А.А. Клопова и В.И. Ковалевского и члена Государственного совета А.А. Половцова. В речи отсутствовал титул «самодержец», хотя его сохранили за императором Основные законы. «Это, — замечал В.А. Маклаков, — была уступка, которую государь заставил себя сделать в угоду настроению Думы». Вместе с тем Николай II снова признал ограничение своей власти в законодательстве, заявив, что депутаты призваны им «к содействию в законодательной работе», а также отметил, что «для благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права». «Речь, — удостоверял В.А. Маклаков, — намечала политический курс, совпадавший с давнишней программой либерализма»³⁴. Все это позволяет причислить последнего самодержца к консервативным либералам.

Существует мнение, что уже в момент открытия Думы император относился к ней с ненавистью: после приема думцев царская чета уда-

³³ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 152; П.А. Столыпин – О.Б. Столыпиной. 26 апреля 1906 г. // Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 605; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 43. О П.А. Столыпине см.: Зырянов И.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992; Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина: в 2-х т. СПб., 2002; Conroy M.S. Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politics in Late Tsarist Russia. Boulder, 1976; Ascher A. P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001.

³⁴ Полное собрание речей императора Николая II. 1894 – 1906. СПб., 1906. С. 74–75; Половцов А.А. Указ. соч. С. 103–104, 106; Из архива С.Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 142–143; А.А. Клопов – Николаю II. 20 апреля 1906 г. // Тайный советник императора. СПб., 2002. С. 382; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 65, 68. О деятельности I Думы см.: Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962; Ганелин Р.И. Первая Государственная дума Российской империи и ее судьба // Вестник межпарламентской ассамблеи. 1996. № 1; Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, 1983.

лилась, якобы, в один из будуаров Зимнего дворца, где монарх, у которого «текли слезы», «сильно ударил кулаком» по подлокотнику кресла и крикнул, подразумевая Думу: «Я ее создал и я ее уничтожу ... так будет. Верьте мне». Этот рассказ приводится в воспоминаниях секретаря Витте журналиста А.А. Спасского-Одынца, услышавшего его от статс-дамы А.А. Араповой, а та — от вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Но данное свидетельство не из первых или вторых, а из третьих и даже четвертых рук, и доверять ему нет никаких оснований, особенно при сопоставлении с источником из первых рук — дневником Николая II. «Знаменательный день приема Государственного совета и Государственной думы и начала официального существования последней, — записал он 27 апреля. — В час и $\frac{3}{4}$ начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я (сказал) прочел приветственное слово. Государственный совет стоял справа, а Дума — слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на “Александрию”, пошли обратно. Приехали домой в 4 $\frac{1}{2}$. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества». Церемониал открытия Думы произвел на Николая II столь положительное впечатление, что уже 6 мая он выразил Палену «благодарность» за то, что граф «настойл на необходимости открыть сессию новых законодательных палат торжественным приемом и тронным приветствием». Неверно, поэтому, представлять императора как человека, изначально затаившего против Думы некую злобу и только и искавшего случая эту злобу проявить. В.А. Маклаков назвал «легендой» мнение, «будто государь с самого начала хотел уничтожить ту конституцию, которую он обнародовал»³⁵. Достоверные исторические источники подтверждают приведенное мнение.

«Уничтожить конституцию», т.е. Основные законы 1906 г., хотели не Николай II и его правительство, а большинство Думы, которое уже 27 апреля, устами кадета И.И. Петрункевича, выступило за дарование политической амнистии, хотя это входило в прерогативы монарха. Требование амнистии было не только антиконституционным, но и просто неуместным — из-за усиления революционного террора. С 27 апреля по 9 июля 1906 г., т.е. за время функционирования I Думы, революционеры убили 104 представителя власти и 90 частных лиц и ранили 233 человека. Такая ситуация, естественно, не могла подвигнуть императора на дарование амнистии. Когда в начале мая Николаю II доло-

³⁵ Половцов А.А. Указ. соч. С. 110; Николай II. Указ. соч. С. 312; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 18; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 25.

жили об убийстве командира Петербургского порта вице-адмирала К.П. Кузьмича, царь, отличавшийся невозмутимостью, вдруг «топнул ногой» и воскликнул: «После всех этих убийств смеют еще говорить об амнистии!»³⁶. Вопрос об осуждении революционного террора думское большинство даже не поднимало.

В первом заседании Думы, 27 апреля, выбранный ею председатель, кадет С.А. Муромцев, допустил еще одну бестактность, которая, несомненно, задела Николая II. Непосредственно перед выступлением Муромцева ему намекнули «из сфер» о желательности избегания им иностранного слова «конституция», подобно тому, как император в своей речи избегнул слова «самодержавный». Однако председатель Думы проигнорировал эти намеки и упомянул о «прерогативах конституционного монарха». Тем не менее, глава государства принял Муромцева уже на следующий день, 28 апреля, причем императору председатель нижней палаты, сказал царь Константину Константиновичу, «скорее понравился, держа себя скромно и глядя прямо в глаза»³⁷. Это была первая и последняя аудиенция Муромцева у самодержца, поскольку председатель Думы считал... ниже своего достоинства, как «второе лицо в государстве», ходатайствовать о всеподданнейших докладах!

В ответном адресе Николаю II, принятом 5 мая, большинство нижней палаты выступило за замену действующего избирательного закона – всесобщим избирательным правом и дуализма – парламентаризмом, упразднение Государственного совета и принудительное отчуждение частновладельческих земель. Все эти требования, равно как и выдвижение их депутатами, полностью противоречили Основным законам и были равносильны призыву к государственному перевороту. Неудивительно, что последующая деятельность перводумцев, отмечал В.А. Маклаков, «оказалась сплошным отрицанием конституции»³⁸. Попыткой вернуть нижнюю палату на почву законности стала декларация кабинета Горемыкина, выражавшая личное мнение царя, который знал ее содержание.

³⁶ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 387–388; Тюткин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 21; Выступление И.И. Петрунькина. 27 апреля 1906 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: в 4-х т. М., 1995. Т. 1. С. 36.

³⁷ Николай II. Указ. соч. С. 312; Константин Константинович Указ. соч. С. 290; Выступление С.А. Муромцева. 27 апреля 1906 г. // Ораторы России в Государственной думе (1906–1917): в 2-х т. СПб., 2004. Т. 1. 1906–1907 гг. С. 222; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 73.

³⁸ Выступление В.Д. Набокова. 5 мая 1906 г. // Государственная дума. 1906–1917. Т. 1. С. 59–62; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 7.

Беседа 12 мая с Коковцовым, император заявил, что с текстом декларации «совершенно согласен», лично выступая за то, чтобы «он был еще более резок и внушителен». Монарх, однако, не стал требовать изменений текста, дабы «не дать повода говорить потом, что правительство не соблюло сдержанности в своем расхождении с народным представительством», хотя Николаю II представлялось очевидным, что «этим дело не кончится». «Не будем, впрочем, забегать вперед, — заметил император, — бывает, что и самая безнадежная болезнь проходит каким-то чудом, хотя едва ли в таких делах бывают чудеса». Сутью правительственной декларации, зачитанной Горемыкиным 13 мая, являлась, по оценке В.А. Маклакова, «либеральная программа». Подразумеваемая декларацию, он писал, что «более мягкого и благожелательного ответа изобрести [было] невозможно». Горемыкин, а значит — и царь, отверг только те требования адреса, которые противоречили Основным законам, прежде всего — требование заменить дуализм парламентаризмом. В отличие от Николая II Дума отличалась бескомпромиссностью, а потому выразила недоверие кабинету и снова выступила за замену дуализма парламентаризмом, что подразумевал прозвучавший в ответ на декларацию призыв кадет В.Д. Набокова: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной»³⁹. Оратор, однако, упустил из виду, что царь наряду с Думой и Государственным советом, согласно Основным законам, также являлся органом законодательной власти, между тем кабинет и так подчинялся самодержию.

Несмотря на бескомпромиссность нижней палаты, монарх по-прежнему искал соглашения с нею и для достижения этого был готов использовать все возможные средства — вплоть до допущения элементов парламентаризма. «Желание государя наладить нормальные отношения с Думой, — подчеркивал В.А. Маклаков, — не исчезло ни после адреса, ни даже после конфликта Думы с правительством. И после государь шел на уступки так далеко, как ожидать было трудно. Переговоры об образовании думского министерства показывают, что он и тогда еще верил в зрелость русской общественности». Во второй половине июня по поручению Николая II переговоры с лидерами кадетов, прежде всего — П.Н. Милюковым, о создании министерства с участием думцев вели дворцовый комендант генерал Д.Ф. Трепов, назначенный член группы центра Государственного совета А.С. Ермолов,

³⁹ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 165; Выступление И.Л. Горемыкина. 13 мая 1906 г.; Выступление В.Д. Набокова. 13 мая 1906 г. // Ораторы России в Государственной думе. Т. 1. 1906–1907 гг. С. 101–107, 227; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 41, 125.

министр иностранных дел А.П. Извольский и П.А. Столыпин. Согласно списку Трепова, премьером должны были стать Милюков, Муромцев или Петрункевич, министрами: финансов – Н.Н. Кутлер, юстиции – Набоков, земледелия – Петрункевич, просвещения – А.А. Мануйлов, внутренних дел – П.Н. Милюков, его товарищами – Ф.Ф. Кокошкин, князь Г.Е. Львов и Н.Н. Щепкин, обер-прокурором Синода – Н.Н. Львов или князь Е.Н. Трубецкой. Следовательно, назначение министров Двора, военного, морского, иностранных дел, торговли и промышленности и государственного контролера оставлялось за императором. Судя по всему, вариантом списка Трепова являлся список, который царь показывал Коковцову. По этому списку премьер – Муромцев, министры: внутренних дел – Милюков или Петрункевич, юстиции – Набоков или В.Д. Кузьмин-Караваев, иностранных дел – Милюков или Извольский, финансов – М.Я. Герценштейн, земледелия – Н.Н. Львов, государственный контролер – Д.Н. Шипов. Министры Двора, военный и морской, назначались бы «по усмотрению его величества». Согласно списку Извольского, премьером намечался Муромцев, министром внутренних дел – Столыпин или Муромцев (его товарищи – князь Г.Е. Львов и А.А. Муханов), юстиции – Кузьмин-Караваев. Извольский рекомендовал также дать министерские портфели Милюкову и Шипову⁴⁰. Очевидно, что, как минимум, назначение министров Двора, военного, морского и иностранных дел Извольский, как и Трепов, оставлял за монархом.

В историографии утвердилось мнение, что Трепов советовал образовать чисто кадетское министерство, а Извольский – коалиционное, общественно-бюрократическое. Однако сравнение их списков показывает, что и Трепов, и Извольский выступали за создание общественно-бюрократического кабинета (назначение, по меньшей мере, министров Двора, военного, морского и иностранных дел и в том, и в другом случае предоставлялось императору), причем посты в общественной части кабинета предназначались не только кадетам, но и мирнообновленцам и октябристам. Нуждается в корректировке и еще

⁴⁰ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 116–120; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. I. С. 175. См. также: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 283–302; Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1917. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 190–196; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия») Л., 1977. С. 71–109; Рутыч Н.Н. В поисках «правительства доверия». К 75-летию созыва I и II Думы // Рутыч Н.Н. Думская монархия. Статьи разных лет. СПб., 1993. С. 33–48; Виттенберг Б.М. Комментарии. // Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 216–217; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 156.

одно историографическое представление – о том, что Столыпин являлся противником участия в кабинете кадетов. На самом деле, ведя переговоры с Милюковым, Столыпин выступал только за то, чтобы назначение министров Двора, военного, морского, иностранных и внутренних дел, осталось бы прерогативой монарха. Милюков соглашался, чтобы выбор первых четырех министров зависел от императора, но категорически настаивал на назначении Думой министра внутренних дел. План образования коалиционного кабинета, писал в этой связи В.А. Маклаков, «был погублен непримиримой позицией Милюкова»⁴¹. Для занятия поста министра внутренних дел явно требовался специфический полицейский опыт, отсутствовавший у общественников.

Бескомпромиссная позиция лидера кадетов, особенно в виду продолжавшегося игнорирования Думой Основных законов, делала неизбежным ее роспуск. Тем не менее Николай II и в данном случае стремился к соглашению с оппозицией, а потому планировал отправить кабинет Горемыкина в отставку и поручить роспуск новому, коалиционному министерству во главе с Шиповым. Однако во время аудиенции, данной ему царем 28 июня, Шипов отказался возглавить «кабинет роспуска» и рекомендовал императору, не распуская нижнюю палату, создать думское министерство во главе с Муромцевым и с участием Милюкова. Аргументация Шипова убедила Николая II, но его «благоприятное отношение» к этой аргументации продолжалось до начала июля, когда «положение резко изменилось». Уже 2 июля на совещании у Горемыкина, состоявшемся с ведома монарха, премьер Столыпин и военный министр генерал А.Ф. Редигер решили распустить Думу 9 июля. Главной причиной такого решения стало возбуждение нижней палатой вопроса о публикации ее обращения к населению в ответ на Правительственное сообщение по аграрному вопросу. Продолжая игнорировать Основные законы, думское большинство фактически стремилось к государственному перевороту, что, в конечном итоге, и предопределило ее роспуск. «Сама Дума, – резонно заключал В.А. Маклаков, – заставила себя распустить»⁴².

Оформление решения Николая II распустить Думу заняло 7–9 июля, что видно из его дневниковых записей. 7 июля: «Принял Горе-

⁴¹ Винавер М.М. Муромцев – адвокат и председатель Думы // С.А. Муромцев. Сб. ст. М., 1911. С. 272; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2-х т. М., 2004. Т. 2. С. 220; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 267.

⁴² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 56; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 156; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 454–463.

мыкина; подписал указ о роспуске Думы!.. Весь вечер читал». 8 июля «Занятой утомительный день, напомнивший мне дни, предшествовавшие 17-му октябрю прошлого года. Утром были доклады. От 5 до 8^{1/2} разговаривал с Горемыкиным, который уходит, и со Столыпиным, назначаемым на его место... Вечером читал». 9 июля «Свершилось! Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался Манифест на завтра; подписал его около 6 час». Манифест о роспуске I Думы под руководством Столыпина составили министр юстиции И.Г. Щегловитов, товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский и выборный член правой группы Государственного совета Ф.Д. Самарин. «Выборные от населения, – говорилось в Манифесте, – вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению»⁴³. Следовательно, распущенной Думе вменялось в вину вторжение в область управления, т.е. стремление к установлению парламентаризма, что действительно противоречило Основным законам 1906 г.

Даже решившись на роспуск Думы, Николай II не отказывался от соглашения с оппозицией, вследствие чего родилась версия о попытке царя в ночь с 8 на 9 июля приостановить роспуск. Эта версия опровергается царскими дневниками, а потому ее нельзя не расценить как легенду. Однако поводы для подобной легенды действительно существовали, свидетельствуя о колебаниях не монарха, а руководителей нижней палаты. Только тогда, когда ее роспуск был уже предreshен, Муромцев 8 июля наконец-то обратился к царю с просьбой об аудиенции, результатом которой председателю Думы виделись переговоры о создании кабинета во главе с ним и с участием Милюкова в роли министра внутренних дел. Горемыкин ответил Муромцеву 9 июля, т.е. в день роспуска, что он будет принят императором лишь «в качестве частного лица», причем вечером того же дня Муромцеву официально сообщили, что аудиенция назначена ему на 12 часов 30 мин. 10 июля. Бывший председатель Думы предпочел избрать путь нелегальной борьбы и 10 июля вместе с большинством перводумцев подписал Выборг-

⁴³ Манифест 9 июля 1906 г.: // Савич Г.Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 168; Николай II. Указ. соч. С. 323; *Гурко И.В.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 573–574.

ское воззвание. Хотя досрочный роспуск Думы монархом однозначно соответствовал Основным законам, они, протестуя против этого, призывали население к отказу от выплаты налогов и исполнения воинской повинности, что полностью противоречило тем же Основным законам. Выборгское воззвание привело к полному разочарованию Николая II в политической зрелости кадетов. «Да, это активное или пассивное воздействие — какая чепуха! — воскликнул он, подразумевая поведение кадетов в Выборге, 28 сентября 1906 г., при всеподданнейшем докладе главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений барона А.А. Будберга. — Я от них ожидал большего ума. Неужели они не видят, что за ними никого нет»⁴⁴. Как известно, никакого общероссийского резонанса Выборгское воззвание не получило.

Несмотря на воззвание, Николай II после него оставался сторонником соглашения с оппозицией, которое бы не противоречило Основным законам, и, в связи с этим, как и ранее, надеялся создать коалиционный, общественно-бюрократический кабинет. По поручению царя переговоры об образовании такого кабинета вел с общественными деятелями новый премьер Столыпин. Кандидатами в министры вместо скомпрометировавших себя в Выборге кадетов были преимущественно мирнообновленцы и октябристы: П.Г. Виноградов (министр народного просвещения), граф П.А. Гейден (государственный контролер), А.И. Гучков (министр торговли и промышленности), А.Ф. Кони (министр юстиции), Н.Н. Львов (главноуправляющий землеустройством и земледелием), Самарин (обер-прокурор Синода), а также князь Г.Е. Львов и Шипов. Кандидаты в министры выдвинули условие, чтобы общественным деятелям, объединившимся между собой на одной политической программе, предоставили половину портфелей, в том числе портфель министра внутренних дел⁴⁵. Очевидно, что в данном случае лидеры оппозиции продолжали вести ту же линию, что и П.Н. Милюков, не желая, как и он, идти на уступки по вопросу о руководителе МВД.

Николай II тем не менее принял Самарина, П.Н. Львова и Гучкова, которые в конечном итоге отказались идти в кабинет. Объясняя причины этого, царь писал матери, подразумевая Львова и Гучкова: «У

⁴⁴ Будберг А.А. Запись всеподданнейшего доклада 28 сентября 1906 г. 26 октября 1906 г. (копия) // Архив СПб ИИ РАН. Ф. П.А. Садиков; Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 6–7; Милюков П.Н. С.А. Муромцев. Биографический очерк // С.А. Муромцев. С. 49; Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 46, 53–54 (письмо князя Г.Е. Львова от 12 июля 1906 г.).

⁴⁵ Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 465–468; Письмо А.И. Гучкова жене. 17 июля 1906 г. // П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 153. См. также: Старцев В.И. Указ. соч. С. 109–123; Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 211–217.

них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужной скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется и без них обойтись». Сразу после приема Львова и Гучкова вечером 20 июля император сообщал Столыпину: «Принял Львова, Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в Совет министров. Надо искать ближе. Нечего падать духом». Таким образом, Николай II разочаровался и в государственных потенциях более умеренных деятелей, чем кадеты, но – не окончательно. «Мне известно о пущенном слухе, – писал император премьеру 25 июля, – будто я переменял свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления целой группы лиц с какой-то программой». Последнее означало бы фактическое введение парламентаризма, противником чего являлся Николай II, не чуждавшийся, впрочем, допущения элементов парламентаризма в практику дуализма. Подтверждением этому является то, что он пытался найти других кандидатов в министры из лагеря общественности. «Подыскивая возможных кандидатов на должность главноуправляющего земледелием и землеустройством, кроме Н.Н. Львова, сообщал император Столыпину, – я вспомнил о херсонском губернском предводителе Сухомлинове. Говорят, что он в Петербурге. Постарайтесь увидеться с ним для беседы. По вынесенному затем впечатлению можно будет судить о будущем»⁴⁶. Н.Ф. Сухомлинов, являвшийся одним из лидеров октябристов и выборным членом Группы центра Государственного совета, судя по всему, также отказался от предложенного ему портфеля.

Хотя правительство Столыпина, во исполнение царской воли, осуществляло программу либеральных реформ, опубликованную 24 августа, выборы во II Думу дали еще более оппозиционное большинство, чем в I Думе. II Дума, вспоминал В.А. Маклаков, «по своему официальному составу оказалась негодной, чтобы работать и конституционный строй укрепить». Общее между I и II Думами было то, что обе они выступали за немедленную замену дуализма парламентаризмом, т.е. за государственный переворот. Бескомпромиссность нижней палаты, доходившая до прямого неуважения к монарху, проявилась уже при ее открытии, 20 февраля 1907 г. Когда по поручению Николая II вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев обратился к

⁴⁶ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 102, 103; Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 192–193.

нижней палате с приветствием от императора, правые депутаты выслушали его выступление стоя, а затем закричали: «Да здравствует государь император! Ура!». Левые депутаты, в том числе кадеты, среди них -- будущий председатель II Думы Ф.А. Головин и Кутлер (получавший, как бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием, пенсию в 7.000 руб.), в этой демонстрации не участвовали, о чем царь узнал от Щегловитова, действовавшего в данном случае по поручению Совета министров⁴⁷.

Поведение левых депутатов, естественно, сразу настроило против них Николая II, который, впрочем, оценил его сдержанно: «Поведение левых, -- писал император премьеру 20 февраля, -- характерно, чтобы не сказать неприлично». Более резко царь оценил левых 1 марта, когда сообщал матери: «Конечно, Ты уже знаешь, как открылась Дума и какую колоссальную глупость и неприличие сделала вся левая, не встав, когда кричали “ура” правые! Я получаю с того дня телеграммы из всех углов России с выражением глубокого возмущения истинно русских людей -- этою непочтительностью Думы». Хотя председателем Думы стал Головин, император воспринял выбор Думы сравнительно спокойно, сообщая премьеру 20 февраля: «По-моему, лучше, что уже выбран председатель, -- все-таки меньше неопределенности... Вероятно, завтра придется принять Головина. Будьте бодры, стойки и осторожны. Велик Бог Земли русской». Несмотря на поведение Головина, ответ на свое ходатайство об аудиенции у царя председатель Думы получил от министра Двора Фредерикса уже вечером 20 февраля⁴⁸. В этом нельзя не усмотреть проявление монархом благожелательного отношения к оппозиционной нижней палате.

Николай II принял Головина на следующий день, причем председатель Думы произвел на царя крайне отрицательное впечатление, о чем он сообщил Марии Федоровне 1 марта: «Общее впечатление мое, что он -- полное ничтожество!» Тем не менее, подавляя личные чувства, во время получасового приема император вел себя демонстративно уважительно, поскольку первым пошел навстречу Головину и подал ему руку. Николай II интересовался распределением депутатов по фракциям и возможностью образования «работоспособного цент-

⁴⁷ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. I. М., 1924. С. 19; Правительственное сообщение. 24 августа 1906 г. // И.А. Столыпин. Программа реформ. Док. и мат. М., 2003. Т. I. С. 28-32; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля -- 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 80.

⁴⁸ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 108; Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907--1910 гг. // Красный архив. 1932. Т. 50--51. С. 176; Головин Ф.А. Николай II. // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 84, 85.

ра». В ответ на слова Головина, что «Дума работоспособна и в серьезные моменты всегда будет иметь сплоченное большинство», царь заметил: «Дай Бог, дай Бог», причем в его словах «слышалось сомнение». Призывая Думу через ее председателя к сотрудничеству с кабинетом на поприще проведения реформ, монарх отметил: «Правительство заготовило для Думы целый ворох законопроектов». Дума, полагал Николай II, «должна дружно работать с правительством», поскольку «того настоятельно требуют интересы государства». В конце аудиенции он высказал «несколько добрых пожеланий» Думе и «лично» Головину⁴⁹. Следовательно, к сотрудничеству кабинета с нижней палатой монарх стремился настолько, что подавил в себе личное нерасположение к ее председателю.

Дальнейшую судьбу Думы царь поставил в зависимость от реакции депутатов на декларацию Столыпина, содержавшую обширную программу либеральных преобразований. После декларации, писал самодержец матери 1 марта, «скоро станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом или начнет терять время и свой небольшой престиж болтовней и ругательствами. Поживем — увидим». От состоявшегося 6 марта выступления премьера в Думе (именно тогда прозвучала фраза «Не запугаете!») император остался в восторге. «Ты, конечно, прочитала в газетах о речи Столыпина в Думе и об ответе его на разные дерзости в том же заседании, — писал монарх Марии Федоровне 8 марта. — Все, слышавшие, как он говорил, остались довольны; я очень рад за него, что он имел такой успех, это его подбодрит и всех хороших и даст ему самому энергию и уверенность в себе»⁵⁰. В это время, вопреки росту оппозиционности Думы, Николай II еще не думал о ее роспуске.

Слабые надежды царя на возможность установления сотрудничества кабинета и нижней палаты питались его высокой оценкой выступлений в Думе не только премьера, но и министра финансов. Реагируя на прозвучавшие в ней 20 марта речи Столыпина и Коковцова, в ответ на критику Кутлера, монарх сообщал матери 29 марта: «Вероятно, Ты читаешь в газетах о том, что делается или, скорее, болтается в Думе. Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова. С ними никто в Думе не может справиться, они говорят так умно и находчиво, а главное — одну правду. Кутлер-

⁴⁹ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 176; Николай II Указ. соч. С. 355; Головин Ф.А. Указ. соч. С. 85–87.

⁵⁰ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 176, 177; Выступление П.А. Столыпина. 6 марта 1907 г. // Ораторы России в Государственной думе. Т. 1. С. 320–333.

подлец совсем провалился. Но все было бы хорошо, если бы то, что говорится в Думе, оставалось в ее стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает. Во многих местах уже настроение делается менее спокойным, опять заговорили о земле и ждут, что скажет Дума по этому вопросу. Отовсюду мне посылают телеграммы и адреса с просьбою распустить ее. Но это еще рано, нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда – хлопнуть»⁵¹. Несмотря на явную неаботоспособность нижней палаты, царь не хотел бросать перчатку первым.

Эвентуальная возможность роспуска Думы в глазах Николая II приобретала все более четкие очертания по причине того, что левые партии при попустительстве Головина использовали думскую трибуну и вообще нижнюю палату не для законодательства, а для революционирования страны. «В деле плодотворной работы Государственной думы, – писал император премьеру 31 марта, – громадное значение имеет правильное и беспристрастное направление прений председателем. Между тем Головин почти не останавливает левых ораторов... Крайние речи по аграрному вопросу, рассылаемые по всей России, а также печатные письма от имени депутатов представляют серьезную опасность для спокойствия деревни. Газетные слухи о решении Комиссии о безработных вступать в прямые сношения с рабочими также наводят на размышления»⁵². Постоянные нарушения большинством депутатов Основных законов неуклонно подводили царя к необходимости ее роспуска.

Поводы для роспуска, как и в случае с I Думой, дала сама нижняя палата, в которой 16 апреля меньшевик А.Г. Зурабов нанес оскорбление армии. Между тем подобного рода инцидент не мог не привлечь к себе особого внимания Николая II, поскольку еще 20 февраля он указал военному министру Редигеру, предполагая неизбежность думских нападков на вооруженные силы за их участие в подавлении революции: «при малейшем задевании армии следует давать категорический (грозный) отпор, при чем всегда можно указать, что армия не занима-

⁵¹ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 180; Выступление П.А. Столыпина. 20 марта 1907 г. // Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 78–79; Выступление В.Н. Коковцова. 20 марта 1907 г. // Ораторы России в Государственной думе. Т. I. С. 158–171.

⁵² Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 109–110. При последней публикации этого письма его авторство ошибочно приписали не монарху, а Столыпину (П.А. Столыпин – Николаю II. После 30 марта 1907 г. // Столыпин П.А. Переписка. С. 27).

ется политикой, а исполняет тяжелый долг». Именно зурабовский инцидент обусловил обращение царя к вопросу о роспуске Думы. «Куда же дальше идти и чего еще ждоть, – говорил император Коковцову вскоре после пресловутого инцидента, – если недостаточно того, чтобы открыто призывалось население к бунту, позорилась армия, смешивалось с грязью имя моих предков, – и нужны ли еще какие-либо доказательства того, что никакая власть не смеет молчаливо сносить подобные безобразия, если она не желает, чтобы ее самое смел вихрь революции»⁵³. Зурабовский инцидент поставил перед Николаем II вопрос о роспуске, положительное же решение этого вопроса предопределялось начавшимся в начале мая делом членов социал-демократической фракции, готовивших вооруженное восстание.

Конечно, в деле социал-демократов имелся элемент провокации, инициировать которую позволили они сами. «Провокаторам и шпионам, – признавал П.Н. Милюков, – нетрудно было найти в тактике социалистов криминал, против которого спорить было невозможно». Необходимость роспуска стала для царя еще более очевидной после отказа думского большинства выполнить требование кабинета о снятии с виновных социал-демократов депутатской неприкосновенности. Между тем император являлся сторонником этой меры и ареста депутатов, полагая, что «нужно принять необходимую меру раньше, чем она окажется последним средством». Объясняя свою точку зрения, он говорил министру финансов: «следует идти не за теми, кто больше кричит о незаконности, а сам готовит[ся] совершить, быть может, самую большую, а за теми, кто пока молчит и недоумевает, почему бездействует правительство и я сам». Более того, перманентное стремление первых Дум к государственному перевороту подвигло к этой мере Николая II. Не позднее 10 мая царь поинтересовался у Коковцова, почему правительство «все еще медлит представить ему на утверждение указы о роспуске Думы и о пересмотре избирательного закона»⁵⁴. Изменение избирательного закона помимо Думы, т.е. Третьеиюньский государственный переворот, имело годовую предысторию.

Мысль о необходимости пересмотра избирательного закона, сообщал его автор Крыжановский Коковцову 20 июня 1929 г., возникла у Горемыкина «через несколько же дней» после открытия I Думы, чья

⁵³ Полянов А.А. Указ. соч. С. 20; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 229–230; Выступление А.Г. Зурабова. 16 апреля 1907 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: в 4-х т. М., 1995. Т. 2. С. 222–229.

⁵⁴ Милюков П.Н. Воспоминания: в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 429; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 226; Герасимов А.В. Указ. соч. С. 255–257.

неработоспособность определилась уже тогда. В самом начале мая премьер поручил Крыжановскому составить записку об изменении порядка выборов «без нарушения по возможности оснований действовавшей системы». В конце мая он подготовил не только записку, но и два проекта изменения избирательного закона. Незадолго до роспуска I Думы эти материалы Горемыкин без ведома Столыпина представил монарху, который передал их новому премьеру. Решение вопроса об изменении избирательного закона Николай II отложил «до выяснения результатов выборов во Вторую Думу». Назначая выборы во II Думу по прежнему закону, царь сказал Столыпину, что «согласен сделать еще один опыт с этим законом, если же этот опыт окажется неудачным, то закон надо изменить». Пока существовала надежда, что II Дума окажется более законопослушной, чем I, император не считал решение вопроса об изменении избирательного закона актуальным. Когда 28 сентября 1906 г. А.А. Будберг поставил данный вопрос перед сувереном, он заявил: «Этот вопрос очень меня озабочивает, и я приказал на всякий случай все подготовить; может быть, придется к этому прибегнуть»⁵⁵. После того, как окончательно стало ясно, что возвращение II Думы на почву законности невозможно, Николай II оказался вынужденным пойти не только на ее роспуск, но и на изменение избирательного закона.

Хотя изменение сводилось к сужению круга избирателей, царь повелел Столыпину, чтобы «ни один из тех разрядов населения коренной России, который допущен был действующим законом к участию в государственных выборах, не был лишен этого участия». Подписанные монархом указ о роспуске Думы и новый избирательный закон фельдъегерь привез из Петергофа в Петербург, на заседание кабинета, в 2 часа ночи 3 июня. Эти документы сопровождало письмо Николая II Столыпину, помеченное половиной 12-го ночи 12 июля: «Я ожидал целый день с нетерпением известия Вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взятаяжка. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, в воскресенье утром, распушена. Твердость и решимость – вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелым Бог

⁵⁵ Будберг А.А. Запись всеподданнейшего доклада 28 сентября 1906 г. 26 октября 1906 г.; Ганелин Р.Ш. От Манифеста 17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 537 (письмо С.Е. Крыжановского В.Н. Коковцову от 20 июня 1929 г.); Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 57. См. также: Островский А.В. Третьеиюньский переворот 1907 г. Дисс. ... к. ист. н. Л., 1977.

владеет!» Понятно, что в этом письме выявилась неприязнь его автора не к институту Думы вообще, а к конкретному большинству II Думы, попиравшему Основные законы. «Простояла чудная погода, — записал император 3 июня. — Настроение было такое же светлое по случаю разгона Думы». «Слава Богу, — отметил он на следующий день, — уже второй день после роспуска Думы всюду полнейшее спокойствие»⁵⁶. Мнение царя о том, что II Дума не отражает настроения страны, как и в случае с I Думой, снова подтвердилось.

Третьеиюньский переворот не означал того, что монарх разочаровался в дуализме и Основных законах. Объясняя в мае 1907 г. невозможность реставрации абсолютизма, консервативный мыслитель Л.А. Тихомиров записал, что «сам император в высшей степени за конституцию и слышать не хочет о ее уничтожении». Целью изменения избирательного закона было создание работоспособного законодательного органа. Во время состоявшейся 17 мая встречи с Головиным Николай II указал на то, что «Дума по своему составу неработоспособна», «левое ее крыло заражено антигосударственными идеями» и «такой состав Думы есть следствие неудачного избирательного закона». Для того, чтобы нижняя палата стала работоспособной, «надо, — полагал он, — изменить этот закон». При этом ограничение царской власти в законодательстве оставалось, по мнению царя, неизбежным. В Манифесте 3 июня 1907 г., составленном Столыпиным, император публично заявил, что, оставляет «в силе все дарованные подданным Нашим Манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами права»⁵⁷. Сохранение ограничения своей власти в законодательстве после третьеиюньского переворота Николай II признавал не только публично, но и неофициально.

«В прежнее время, — гласил Особый журнал Совета министров, утвержденный царем 25 декабря 1907 г., — законодательная власть, во всей ее полноте, сосредоточивалась в руках монарха, верховного в то же время носителя и власти исполнительной». «Ныне, после образования выборных законодательных учреждений, — выражали министры точку зрения не только свою, но и царя, — подобное смешение двух вышеуказанных, совершенно различных областей не должно быть допускаемо». Следовательно, после 3 июня 1907 г., в отличие от «пре-

⁵⁶ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 408–409; Николай II. Указ. соч. С. 369, 370; Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 127; Шванебах П.Х. Записки сановника // П.А. Столыпин глазами современников. С. 118.

⁵⁷ Манифест 3 июня 1907 г. // Законодательные акты переходного времени (1904–1908 гг.). СПб., 1909. С. 557; Тихомиров Л.А. Из дневника. 1907 // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 110; Головин Ф.А. Указ. соч. С. 92, 93.

жного времени», т.е. периода до 1906 г., законодательная власть, по сравнению с исполнительной, принадлежала монарху не «во всей ее полноте», т.е. являлась ограниченной. Приверженность императора идеалу ограниченной монархии представлялась несомненной для таких осведомленных современников, как, например, Тихомирова, который записал в августе 1908 г.: о «перекладке самого фундамента», т.е. о реставрации абсолютизма, «никто (сверху) и не думает», поскольку там «рады, что страна „успокоилась“, и рассуждают, что от добра добра не ищут». Показательно также, что в сентябре того же года Тихомиров отметил, что «сам царь ограничивает царскую власть»⁵⁸. Поведение Николаем II идеалов дуализма должно было, казалось бы, создать основу для тесного сотрудничества его правительства со сформированной по новому избирательному закону, а потому – более лояльной, чем первые Думы, III Думой, в которой руководящую роль играли октябристы. Однако к 1 ноября 1907 г., когда открылась III Дума, лидеры октябристов эволюционировали влево и выступали если не за немедленную, то постепенную фактическую замену дуализма парламентаризмом и, в связи с этим, открыто нарушали Основные законы.

Уже при составлении думского адреса царю октябристы поддерживали кадетов, которые выступили против внесения в текст адреса титула «Самодержец Всероссийский», и в результате большинством 212 голосов против 146 данный титул был опущен. Между тем его содержали не только Основные законы, но и торжественное обещание, подписанное всеми депутатами I – III Дум. Еще 28 апреля 1906 г. фракции I Думы постановили подписать обещание «без оговорок», поскольку титул «Самодержец» «конституции не исключает». По справедливому замечанию В.А. Маклакова, «непризнание законного титула за монархом всегда считается оскорбительным», и голосование Думы Николая II «оскорбило», что он дал почувствовать сухой отметкой на тексте адреса: «Готов верить выраженным чувствам. Ожидаю плодотворной работы». Призывая думцев не нарушать Основные законы, царь начертил на обращении к нему правых депутатов: «Верю, что созданная мною Дума обратится на путь труда, и в строгом подчинении установленным мною Основным законам оправдает мои надежды». В.А. Маклаков утверждал, что адрес нижней палаты из-за «отказа в титуле» «восстановил государя против нее». Действительно, решив было при-

⁵⁸ Тихомиров Л.А. Из дневника (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 72. С. 157; Т. 73. С. 173; Особый журнал Совета министров 23 ноября 1907 г. «О положении Ведомства учреждений императрицы Марии при действии новых Основных государственных законов» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч. 2. С. 768–769.

нять депутатов, император отказался от этого. «Относительно присма Государственной думы, – писал он Столыпину 9 ноября, – я пришел к следующему заключению: теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила в смысле возлагаемых мною на нее надежд для совместной работы с правительством. Следует избегать преждевременных выступлений с моей стороны и прецедентов. Эту точку зрения безусловно разделяет и государыня императрица. Поживем, увидим!»⁵⁹. Вместе с тем, подавляя собственное самолюбие, Николай II все-таки согласился на прием думцев.

Прием состоялся 12 февраля 1908 г. в Царском Селе, причем туда приехали 280 депутатов – правые, умеренные и октябристы. Монарх заявил своим гостям, что «рад» видеть их «у себя» и пожелал им «успеха в налаживающейся, по-видимому, работе в Государственной думе». Он напомнил, что депутаты созваны «для разработки нужных России законов» и для «содействия» царю «в деле укрепления ... порядка и правды». Наиболее важным император назвал законопроект об аграрной реформе, полагая, что Россия «будет благоденствовать и укрепляться верой русских людей в Бога, преданностью своим царям и беспредельной любовью к своей Родине». Встреча с думцами произвела на Николая II самое благоприятное впечатление. «Приемом остался очень доволен, – сообщал император Столыпину 13 февраля, – сказал, что хотел, а главное рад, что члены Думы видели государя и наследника. Ни малейшего инцидента». Благоприятное впечатление произвел на царя и председатель нижней палаты октябрист Н.А. Хомяков, по причине чего перспективы сотрудничества Думы монарх оценивал скорее оптимистически. «У нас здесь все идет недурно, – писал самодержец Марии Федоровне 28 февраля. – На днях я принимал Хомякова и имел с ним очень длинный и приятный разговор. Желание работать у них большое, но уменья, к сожалению, мало! А бюджет рассмотреть необходимо поскорее, в этом главная задержка»⁶⁰. Законодательная деятельность Думы затруднялась не только государственной неопытностью многих ее депутатов,

⁵⁹ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 115; *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 400; Выступление государственного секретаря барона Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта. 27 апреля 1906 г. // Государственная дума. 1906-1917. Т. 1. С. 35; *Маклаков В.А.* 1) Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 27, 68; 2) Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 41, 42.

⁶⁰ Из резолюций Николая II // Бюл. 1918. № 12. С. 142; Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907-1910 гг. С. 182; Богданович А.В. Указ. соч. С. 457; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания: в 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 285.

но и их стремлением к фактическому введению парламентаризма, что проявилось уже в начале 1908 г. по вопросу о воссоздании флота, приобретшему особую актуальность в связи с итогами русско-японской войны.

По инициативе председателя Комиссии по государственной обороне Гучкова думское большинство обусловило выделение ассигнований Морскому министерству на строительство четырех дредноутов обновлением его руководства и реформированием учреждений данного ведомства, вторгаясь тем самым в военное управление, являвшееся по 96-й статье Основных законов прерогативой монарха. При обсуждении вопроса о дредноутах на заседании бюро фракции октябристов Гучков заявил, намекая на шпиль Адмиралтейства, где находилось Морское министерство: «Нужно сломить острие самодержавия». Очевидно, что вопрос об ассигновании на дредноуты лидер октябристов рассматривал не столько как военный, сколько как политический, надеясь его муссированием создать такие прецеденты, которые постепенно привели бы к парламентаризации управления. Поведение думцев сильно беспокоило Николая II. «Меня, — писал он Столыпину 11 марта, — очень озабочивают морские вопросы». Солидаризирование с депутатами членов верхней палаты вызвало откровенное негодование царя. «На днях идиот граф Олсуфьев в Государственном совете, — сообщал он матери 27 марта, — сказал, что Государственная дума оказалась патриотичной тем, что она хочет отказать в деньгах на флот. Я нахожу, что это гораздо хуже и опаснее, чем то, что говорят и нишут революционеры. Неправда ли?»⁶¹. Реакция монарха объяснялась, помимо прочего, тем, что Д.А. Олсуфьев являлся камергером Высочайшего двора и должен был вести себя более лояльно.

Хотя 24 мая за ассигнование 11.250.000 руб. на воссоздание флота в Думе выступил Столыпин, думское большинство с подачи Гучкова отказалось поддержать правительство. Тихомиров расценил 24 мая 1908 г. как «день крупнейшего шага к созданию парламента» и даже полагал, что 17 октября 1905 г. «завершено» 24 мая 1908 г. Конкретизируя свое мнение, Тихомиров писал: «В отношении обороны страны глава правительства не Столыпин, а царь. И вот Дума заявила, что распоряжения царя таковы, что ему денег давать нельзя. Вот внутренний смысл “события”. Довершит его государь, который, конечно, смолчит.

⁶¹ Переписка Н.А. Романова и И.А. Столыпина. С. 118; Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 184; *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 41. Об отношениях правительства и Думы в связи с воссозданием флота см.: *Щацко К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968.

А это и будет означать, что он Думе подчиняется». Оппозиция нижней палаты вывела из равновесия Николая II, который 25 мая сообщил Столыпину, что ему «очень хотелось отписать ... крепкое слово ... Думе за ее слепое и ничем не оправдываемое отклонение кредита на воссоздание флота». Тем не менее, принимая после этого Хомякова, монарх согласился с мотивацией решения думского большинства: «Ну, конечно, как же можно отпускать деньги на броненосцы, пока не водворен порядок [в Морском министерстве]»⁶². Ради компромисса с нижней палатой царь опять подавил свое самолюбие.

Впрочем принципиальную оценку думской тактике как ведущей к фактической замене дуализма парламентаризмом император дал, но не лично, а устами премьера. Выступая в Государственном совете 13 июня, Столыпин говорил про «губительность» парламентаризма и «перемены каждые 2–3 месяца в России правительства вследствие неблагоприятного для него востума законодательных палат». Премьер выразил уверенность, что «опаснее всего был бы бессознательный переход к этому порядку, бесшумный, незаметный переход к нему путем создания прецедентов». Опасность фактического введения парламентаризма состояла, с точки зрения Столыпина, в том, что оно создало бы «положение, при котором действительность, практика не соответствовали бы нашим Основным законам, и это несоответствие грозило бы большим нестроением». Премьер отметил, что «в парламентарных странах правительство ответственно перед парламентом, у нас в России, по Основным законам, правительство ответственно перед монархом». Если палаты, прогнозировал Столыпин, «станут на путь вмешательства в исполнительные действия правительства, то создастся положение полной безответственности; не будет существовать уже власти в государстве, несущей эту ответственность». Осознавая, что он выразил кредо не только свое, но и суверена, премьер 14 июня представил императору текст вчерашней речи «в защиту флота», в которой, подчеркнул Столыпин, указал «на недопустимость вмешательства Государственной думы и Совета в действия власти исполнительной»⁶³. Тем не менее, противореча Основным законам, думцы вычеркивали ассигнования на дредноуты из смет Морского министерства

⁶² Выступление А.И. Гучкова. 24 мая 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 1392–1396; Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 118; Тихомиров Л.А. Указ. соч. // Красный архив. 1935. Т. 72. С. 149, 153; Выступление П.А. Столыпина. 24 мая 1908 г. // Столыпин П.А. Указ. соч. С. 150–159.

⁶³ Выступление П.А. Столыпина в Государственном совете. 13 июня 1908 г. // Столыпин П.А. Указ. соч. С. 173–174; П.А. Столыпин – Николаю II. 14 июня 1908 г. // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 401.

1909 и 1910 гг., и воссоздание флота происходило только благодаря тому, что Государственный совет эти ассигнования восстанавливал.

К маю 1908 г. относится еще один прецедент вмешательства Думы в военное управление за счет императорской прерогативы: уже через три дня после отказа нижней палаты в ассигновании на дредноуты, 27 мая, Гучков выступил против пребывания великих князей Николая и Петра Николаевичей, Сергея Михайловича и Константина Константиновича на высших военно-административных должностях. «Престиж великих князей, – признавал, в связи с этим Николай Николаевич, -- подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием». Подразумевая царский трон, Тихомиров отметил 29 мая: «Никогда еще две первые Думы его не потрясали так». Поведение Гучкова вызвало неблаговоление Николая II не только к лидеру октябристов, но и к военному министру. Во время всеподданнейшего доклада Редигера, состоявшегося 17 июня, монарх повелел, чтобы «впредь подобные выпады не оставались без отпора». В то же время, принимая затем Хомякова, царь хотя и высказал «недовольство» Гучковым, но сделал это «с величайшей мягкостью», заметив: «Если Александр Иванович имел что-либо сказать про великих князей, то он мог получить у меня аудиенцию и сказать мне, но не выносить этого на трибуну». Своим выступлением Гучков замедлил осуществление намерений самого императора. «Я с вами согласен, что участие великих князей вредно, но мне кажется, что вашим выступлением вы только укрепили их положение, – сказал Гучкову Столыпин. -- И у государя бывала мысль их устранить, а сейчас, для того, чтобы не делать впечатление, что действует по вашему настоянию, [он] все оставит по-прежнему». Впрочем уже 26 июля самодержец уволил Николая Николаевича с поста председателя Совета государственной обороны, хотя, и с императорским рескриптом⁶⁴. Однако Петр Николаевич был уволен в феврале 1909 г., Константин Константинович – только в феврале 1910, а Сергей Михайлович оставался на своем посту до 1917 г.

Гучков, однако, не ограничился великими князьями, и, выступая в Думе 23 февраля 1909 г., раскритиковал качество высшего командно-

⁶⁴ Выступление А.И. Гучкова. 27 мая 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. Стб. 1598–1600; Записка великого князя Николая Николаевича Николаю II об «окончательном» падении престижа великих князей. Не ранее 17 июня 1908 г.; Проект рескрипта великому князю Николаю Николаевичу, написанный им самим от имени Николая II. // Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). Л.: М., 1925. С. 28, 29–30; Тихомиров Л.А. Указ. соч. // Красный архив. 1935. Т. 72. С. 150, 155; Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 194, 196; Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 216.

го состава армии, причем Редигер частично согласился с критикой лидера октябристов. На следующий день, 24 февраля, Николай II заявил Редигеру, что «Гучкову следовало бы дать резкий отпор», а 10 марта объявил генералу, что вследствие «слабого возражения» Редигера он потерял «его доверие, как военный министр», и 11 марта дал Редигеру отставку. «У меня было много и пренеприятных дел, — сообщал император Марии Федоровне 18 марта. — Пришлось сменить военного министра Редигера за то, что он два раза в Думе не только не ответил против речи Гучкова, но согласился с ним и этим не защитил честь армии». Постоянное вмешательство нижней палаты в военное управление вызвало ответную реакцию царя, который «запретил» новому военному министру генералу В.А. Сухомлинову «выступать в Государственной думе», заявив: «Что вам с ними спорить, вы — мой министр»⁶⁵. Вместо министра стал выступать его товарищ, т.е. заместитель.

К концу 1908 — началу 1909 гг. относится апофеоз явного стремления народного представительства к ограничению царской власти в военном управлении — именно тогда, в нарушение ст. 96 Основных законов. Дума и Государственный совет одобрили законопроект о штатах Морского Генерального штаба. Реагируя на это, Николай II сказал Сухомлинову 22 апреля: «Я создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала». Понятно, что здесь подразумевался совещательный голос нижней палаты в управлении, а не в законодательстве. Впрочем, хотя у самодержца и не было сомнений, что «все же статья 96 нарушена», он полагал, что «не следует преувеличивать опасности такого нарушения», и даже заявил премьеру: «Эту Государственную думу нельзя упрекать в попытке захватить власть, и с ней ссориться нет никакой надобности». Тем не менее законопроект о штатах император не утвердил и, поскольку данный законопроект внес в Думу кабинет Столыпина, он подал в отставку. Судя по всему, внося в нижнюю палату законопроект по малоначинному на первый взгляд вопросу военно-морского управления, премьер надеялся добиться такой ценой большей уступчивости от оппозиции. Царь, однако, не принял отставки Столыпина, ибо не желал создавать парламентарный прецедент. «О доверии или о недоверии речи быть не может, — писал император премьеру 25 апреля. — Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (Сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке. Конечно, и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро

⁶⁵ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 188; Поливанов А.А. Указ. соч. С. 67; Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 277–282.

улягутся». Более того, в Рескрипте Столыпину 26 апреля монарх, отвергнув законопроект, одновременно поручил правительству выработать, «в соответствии с Основными законами», инструкцию по применению 96 ст.⁶⁶. Такой инструкцией стали Правила (Положение), утвержденные Николаем II 24 августа 1909 г.

Правила установили, что на разрешение самодержца представляются «все вообще» вопросы относительно устройства армии и флота, в том числе все штаты по Военному и Морскому ведомствам. Однако в Думу должны были вноситься все законопроекты о новых ассигнованиях на развитие вооруженных сил и те законопроекты, которые затрагивали вопросы общего законодательства, но только в частях, составляющих предмет общих законов. В первый же день осенней сессии Думы левые, поддержанные Гучковым, инициировали запрос, инкриминировавший Правилам сужение законодательных прав народного представительства, но умеренные октябристы нарушения Основных законов в Правилах не видели. В октябре 1909 г., выступая на Третьем съезде Союза 17 октября, М.М. Алексеенко признал, что, «Положение не внесло существенных изменений». В действительности Положение сузило компетенцию не Думы, а правительства. Ст. 96 предусматривала меры, хотя и вызывавшие расходы, но не требовавшие рассмотрения в Думе вследствие права военного и морского министров покрывать эти расходы из общих сбережений по сметам. Между тем в пункте 3 Положения при упоминании о подобных мерах и кредитах утверждалось, что последние могут покрываться не из общих, а только из «соответствующих сбережений». Очевидно, что это выражение подразумевало обращение остатков кредита лишь на нужды, соответствовавшие, по своему содержанию, кредитам, от которых и получились сбережения⁶⁷. Тем самым свобода действий военного и

⁶⁶ Переписка И.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 120; Поливанов А.А. Указ. соч. С. 65, 69; *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 299. См. также: *Аврех А.Я.* III Дума и начало кризиса третьиононьской системы. // Исторические записки. 1955. Т. 53; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978. С. 122–141; *Белов Ю.С.* Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX вв. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999.

⁶⁷ *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912. С. 95, 95–96; Доклад М.М. Алексеенко на 3-м съезде делегатов Союза 17 октября // Партия «Союз 17 октября». М., 2000. Т. 2. С. 238; Особый журнал Совета министров 26 мая 1909 г. «По проекту правил о порядке применения статьи 96 Основных государственных законов» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. См. также: *Дякин В.С.* Сфера компетенции указа и закона в третьиононьской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 253.

морского министров в финансовой сфере существенно ограничивалась.

Несмотря на уступки Николая II Думе, делавшиеся им в рамках Основных законов, нижняя палата продолжала стремиться к ограничению царской власти в военном управлении, поощряемая Хомяковым, а с начала 1910 г. – его преемником Гучковым. Император полагал, что Гучков, «а в особенности Хомяков», имели обыкновение «не слышать, что говорят левые». В августе 1910 г. Дума обусловила свое согласие на выделение кредитов Морскому ведомству ревизией его учреждений. Первоначально царь полагал, что «никакой ревизии не надо», поскольку товарищ морского министра адмирал И.К. Григорович «все привел в порядок», «а деньги, – сказал император премьеру, – я прикажу дать». Подавляя свое недовольство, по вопросу о ревизии монарх пошел навстречу нижней палате, не переступая, однако, границы дуалистической системы. Уже 14 августа он повелел назначенным членам Государственного совета генералам А.Ф. Редигеру и П.Ф. Рербергу и М.Д. Дмитриеву «обследовать в хозяйственном и административном отношениях» деятельность Главного управления кораблестроения и снабжений и представить свои заключения монарху. В декабре ревизорам дали показания 12 думцев, от крайне правых до кадетов в том числе Гучков, после чего 29 января 1911 г. доклад о результатах ревизии Рерберг представил монарху. На основании выводов доклада был составлен императорский рескрипт, данный 28 февраля морскому министру адмиралу С.А. Восводскому и содержащий программу реформы Морского ведомства. Выполнением этой программы занялся популярный у оппозиции Григорович, сделанный 19 марта преемником Воеводского, причем, назначая нового министра, царь попросил его «ладить с Думой». Уступки нижней палате, сделанные Николаем II в рамках Основных законов, привели к тому, что 6 июня 1912 г. думское большинство, вопреки интригам Гучкова, вотиравшего с левым меньшинством, ассигновало 502.000.000 руб. на усиление Балтийского флота⁶⁸. Таким образом, решая вопрос о воссоздании флота, монарх особенно ярко проявил сознательную приверженность дуализму и неприятию парламентаризма.

С другой стороны, будучи прагматиком, император не являлся противником допущения элементов парламентаризма в политическую практику дуализма и, в связи с этим, как и летом 1906 г., стремился ввести в правительство представителей общественности, в чем сходилась со Столыпиным. Летом 1907 г. премьер приглашал В.И. Кова-

⁶⁸ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 99, 104; Савич Н.В. Указ. соч. С. 47; Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 312–331. См. также: Шацкило К.Ф. Указ. соч. С. 165–166, 182–192.

левского «в состав кабинета». Идея коалиционного министерства переживала свой ренессанс в 1909 г. В январе этого года министром торговли и промышленности стал выборный член группы центра Государственного совета В.И. Тимирязев. Летом Столыпин «хотел иметь ... в министерстве» московского губернского предводителя дворянства А.Д. Самарина и «с разрешения» царя предлагал ему министерский портфель, но тот «отказался». В сентябре премьер намеревался заменить Тимирязева Г.А. Крестовниковым, одним из октябристских лидеров и выборным членом той же группы верхней палаты. В ноябре министром путей сообщения был назначен председатель Всероссийского национального союза, назначенный член подгруппы правого центра Государственного совета С.В. Рухлов. В сентябре 1909 г. думы ожидали «большие перемены в составе высшего управления» и обсуждали списки «соединенного министерства». Первый вариант обновления кабинета был таков: премьер и министр иностранных дел – П.А. Столыпин, министр внутренних дел – А.А. Макаров, полиции – генерал П.Г. Курлов, военный – В.А. Сухомлинов. Далее шли представители общественности: министр финансов – А.И. Гучков, морской – В.В. Хвощинский, земледелия – Н.Н. Львов, народного просвещения – М.М. Ковалевский, торговли и промышленности – В.И. Ковалевский, юстиции – В.Д. Набоков, государственный контролер – Д.Н. Шипов, обер-прокурор Синода – М.Я. Капустин. Второй вариант предусматривал назначение П.Н. Милюкова министром внутренних дел. Третий вариант подразумевал создание кабинета только из думцев во главе с П.Н. Милюковым⁶⁹. Очевидно, что в это время, как и летом 1906 г., снова проявилась непримиримость кадетского лидера по кадровым вопросам, объяснявшаяся стремлением его партии к установлению парламентаризма, т.е. фактически к государственному перевороту.

Если III Думу отличали попытки ограничения царской власти в управлении и тем самым выхода за границы Основных законов, то Государственный совет, оставаясь на легальной почве, неоднократно проваливал одобренные нижней палатой реформаторские законопроекты, причем по вине оппозиции как справа, так и слева. Торможение Государственным советом реформ, инициированных императором, наталкивало его на мысль о сокращении прав народного представительства. В 1909 или 1910 гг. Николай II поинтересовался у министра

⁶⁹ *Политиков А.А.* Указ. соч. С. 34; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 201–202; Николай II – Александре Федоровне. 15 июня 1915 г. // Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 154; П.А. Столыпин – А.В. Кривошину. 7 сентября 1909 г. // Столыпин П.А. Переписка. С. 335.

юстиции Щегловитова, считает ли он «такой порядок нормальным, при котором отклоненное одной из законодательных палат уже на вершину не поступает?» Постановка подобного вопроса традиционно считается направленной только против Думы, но это верно лишь отчасти, поскольку она выступала в роли первой инстанции законодательного процесса, монарх же, несомненно, подразумевал вторую инстанцию, т.е. Государственный совет. Действительно, именно в сессию 1909–1910 гг. верхняя палата затормозила прохождение законопроекта об аграрной реформе, передав его в согласительную комиссию, хотя данному законопроекту император придавал первенствующее значение. То, что царь подразумевал Государственный совет, подтверждается и тем, что после несогласия Щегловитова с Николаем II он заметил: «Вы все-таки об этом подумайте и побеседуйте по этому вопросу только с одним лицом, именно с председателем Государственного совета». Председатель верхней палаты М.Г. Акимов «пришел в полный ужас» от сообщения Щегловитова, полагая, что «на этом вопросе даже останавливаться нельзя», и заявил императору: «Худ или хорош этот порядок, но на нем помирился весь мир, и поэтому мириться с ним нужно и вам. И нечего рассуждать, что его нужно ломать»⁷⁰. Резкая реакция председателя Государственного совета вполне объяснима: если бы вопрос, поднятый Николаем II, воплотился во что-то реальное, до статуса законсовещательного органа была бы низведена прежде всего верхняя, а не нижняя палата. Мера эта, аналогичная реформе английской Палаты лордов в 1911 г., являлась не просто либеральной, а даже радикальной, поскольку подразумевала фактическое введение однопалатной системы, к чему стремились кадеты.

При всех его внутренних сомнениях, обусловленных поведением оппозиционеров как в верхней, так и в нижней палате, монарх оставался сторонником сохранения дуализма и противником реставрации абсолютизма. Тихомиров отметил в марте 1910 г., что император «доволен положением и не расположен к каким-либо шагам, способным его изменить». Показательно также, что на Особом журнале Совета министров 26 января 1910 г., в котором признавалось ограничение царской власти в законодательстве и ее неограниченность в управлении, Николай II 29 мая 1910 г. написал «Согласен». Основные законы, утверждалось в Особом журнале, «строго разделяют власть законодательную от власти управления. Первая, — полагали министры, — осуществляется у нас государем императором в единении с Государствен-

⁷⁰ Вспомогательный отчет председателя Государственного совета за сессию 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 51; Допрос И.Г. Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. М.:И., 1925. Т. 2. С. 436.

ным советом и Государственной думой; власть же управления во всем ее объеме принадлежит Его императорскому величеству»⁷¹. Следовательно, царь согласился с тем, что законодательная власть принадлежит ему не «во всем объеме», т.е. в области этой власти он ограничен.

Противодействие Государственного совета реформам Николай II предпочел нейтрализовать не понижением его статуса, а принятием законопроектов в порядке 87 ст. Основных законов, использование которой являлось неперменным атрибутом дуализма, что доказал министерский кризис марта 1911 г., в связи с отвержением верхней палатой законопроекта об образовании земства в Юго-Западном крае. Данной реформе монарх придавал особое значение, сказав 26 января депутации Киевского и Подольского губернских земских комитетов: «Я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы вы получили земство, полезное для вашего края и всей России в желаемом вами смысле». Правда, в историографии традиционно считается, что упомянутому законопроекту сочувствовал прежде всего Столыпин, которого, якобы, Николай II предал, поскольку накануне голосования в Государственном совете принял Акимов и назначенного члена Правой группы верхней палаты В.Ф. Трепова и заявил последнему, чтобы его коллеги голосовали «по совести», т.е. против законопроекта. Источником этой версии является информация, опубликованная 5 марта в передовице газеты «Речь» и в заметке вечернего выпуска «Биржевых ведомостей», т.е. оппозиционных органов прессы, а потому – не вполне достоверная. В действительности Акимову и Трепову царь, отмечал октябрист Н.В. Савич, «определенно дал понять», что «очень дорожит прохождением законопроекта». Акимов, записал в дневнике лидер правых в Думе граф А.А. Бобринский, передал «высочайшее повеление в качестве статс-секретаря голосовать за проект». Среди членов правой группы верхней палаты, согласно информационному листку «Осведомительного бюро», «упорно говорили» «о переданном членам Государственного совета через статс-секретаря Акимова неперменном желании Его величества даровать западному краю земское самоуправление». В отличие от Акимова, Трепов, интриговавший против Столыпина вместе с председателем правой группы П.Н. Дурново, по сведениям Савича, «скрыл» желание монарха от коллег и «просто сообщил», что «от них ждут, что каждый будет вотировать по своему

⁷¹ Тихомиров Л.А. Указ. соч. // Красный архив. 1936. Т. 74. С. 170; Особый журнал Совета министров 26 января 1910 г. «Об изменении порядка направления дел о новых железных дорогах и рассмотрения вопросов, вытекающих из уставов железнодорожных обществ» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 г. М., 2001. С. 55, 60, 61.

убеждению», многие же правые поняли треповскую дезинформацию как исходящее от императора повеление сорвать намеченную реформу⁷². В результате 5 марта голосами не только левых, центра, но и части правых Государственный совет законопроект отклонил.

Поведение правых, более чем наполовину состоявших из назначенных императором сановников, вызвало «резкую реакцию» со стороны Николая II, поскольку члены по назначению «пошли против явно выраженной воли власти, их назначившей». Неудивительно, что результаты голосования не пошатнули, а утвердили положение Столыпина в Царском Селе, куда он ездил с докладом уже 5 марта и откуда вернулся, согласно информационному листку, «еще более упрочив положение кабинета», так как монарх выразил желание, чтобы поступки Трепова «были расследованы». Действия своих противников в Государственном совете премьер изобразил перед сувереном как попытку фактического введения парламентаризма. Подразумевая сановников, участвовавших в провале законопроекта, Столыпин заявил царю, что «они ведут к гибели», ибо «говорят: „не надо законодательствовать, а надо только управлять“». «У нас нет парламентаризма, – заметил премьер, – но именно теперь был случай это доказать». Отвечая Столыпину на его просьбу об отставке, Николай, не желавший создавать парламентарного прецедента, заявил «самым решительным образом»: «Я не могу согласиться на ваше увольнение, и я надеюсь, что вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться вас, но допустить подобный исход под влиянием частичного несогласия Совета. Во что же обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думой, будут сменяться министры». Подразумевая март 1911 г., Милоков отмечал, что царь «не соглашался уволить министра из-за разногласия с законодательными учреждениями», поскольку это «был бы „парламентаризм“». Расценивая Столыпина как защитника дуализма, монарх, естественно, встал на сторону премьера и по его рекомендации прервал сессию палат с 12 по 15 марта, провел законопроект по 87 ст. в думской редакции и отправил в длительный отпуск Дурново и Трепова. Все эти меры вызвали возмущение Столыпиным не только в Государственном совете, но и в Думе, хотя в данном случае премьер

⁷² Бобринский А.А. Дневник // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 142; Савич Н.В. Указ. соч. С. 68; Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 г. // Нестор. Технология власти. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 91, 118, 119. См. также: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 212–241. О практике применения 87 статьи см.: Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. 7.

действовал в интересах нижней палаты и октябристов. Гучков публично дистанцировался от Столыпина и сложил с себя председательство (его преемником избрали октябриста М.В. Родзянко), причем отставку октябристского лидера «сферы» трактовали «не только как протест против Столыпина, но и как протест против царя, утвердившего закон»⁷³. Таким образом, вопреки историографическому стереотипу, в марте 1911 г. Столыпина предал не Николай II, а Гучков.

Ошибочно и мнение о том, что если не во время мартовского кризиса, то после него царь намеревался расстаться со Столыпиным. Характерна реакция монарха на предложение премьера прервать сессию палат на три дня. С одной стороны, император заметил: «А вы не боитесь, что та же Дума осудит вас за то, что вы склонили меня на такой искусственный прием, не говоря уже о том, что перед Государственным советом ваше положение делается чрезвычайно трудным». Тем не менее Николай II согласился со Столыпиным: «Хорошо, чтобы не потерять вас, я готов согласиться на такую небывалую меру, дайте мне только передумать ее. Я скажу вам мое решение, но считайте, что вашей отставки я не допущу». Безусловный отказ императора от увольнения Столыпина объяснялся именно тем, что они были единомышленниками, отстаивая дуализм от его фактической замены парламентаризмом. Оппозиционеры олицетворяли для премьера, говорил он 1 апреля в Государственном совете, оправдывая свои действия, политическое направление, «сознательно или бессознательно склоняющееся к парламентаризму и преуменьшению прав монарха в области издания чрезвычайных указов до призрачности». Накануне, 31 марта, Акимов информировал Бобринского, что царь «на стороне Столыпина». Граф И.И. Толстой записал 2 апреля, что положение премьера является «прочным благодаря поддержке государя». Позднее, 22 апреля, князь П.П. Голенищев-Кутузов-Толстой сообщил Толстому, что император по-прежнему относится к Столыпину «с полным доверием», а сам граф отметил 27 апреля: монарх считает премьера «молодцом»⁷⁴. Причиной конца политической карьеры Столыпина было не недовольство им Николая II, а лишь покушение 1 сентября.

Находясь под впечатлением от предательства Гучковым Столыпина в марте, в конце 1911 г. император советовал новому премьеру В.Н.

⁷³ Милоков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 76; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 389; Савич Н.В. Указ. соч. С. 68, 83; Из кулуаров Государственной думы. С. 119; Запись рассказа П.А. Столыпина об аудиенции у Николая II. 5 марта 1911 г. // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 491.

⁷⁴ Бобринский А.А. Указ. соч. С. 150; Столыпин П.А. Указ. соч. С. 347; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 390; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 361, 363.

Коковцову «не стоять в зависимости от какой-либо партии». Между тем Гучков, по-прежнему стремившийся к ограничению царской власти в управлении, начал в Думе кампанию по косвенной дискредитации Николая II, используя в качестве аргумента за введение парламентаризма миф о Г.Е. Распутине. Так, 25 января 1912 г. лидер октябристов затронул распутинскую тему при выступлении с запросом о конфискации номеров газет «Голос Москвы» и «Вечернее время», напечатавших письмо связанного с Гучковым религиозного публициста М.А. Новоселова к церковным властям с необоснованными обвинениями против старца. После этой речи монарх, осознавая, в кого на самом деле метит оратор, заявил главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В. Кривошеину, что «Гучкова мало повесить». Параллельно лидер октябристов продолжал активно вмешиваться в военное управление, нарушая царские prerogatives, и уже 18 февраля Николай II говорил Сухомлинову о Гучкове «с неудовольствием» и спрашивал военного министра, передал ли генерал депутату, что «государь называет его “подлецом”». Тем не менее 9 марта при обсуждении сметы Синода Гучков еще определеннее муссировал миф о Распутине, сказав, что он «хозяйничает на верхах» и «вертит ту ось, которая тащит за собою и смену направлений, и смену лиц». Лучшее всего зная истинное положение вещей, монарх расценивал заявления лидера октябристов как сознательную клевету и свое недовольство им переносил и на Думу. Однако, как и ранее, реакция царя не означала, что он является сторонником сокращения прав нижней палаты. По воспоминаниям сенатора С.П. Белецкого, после речи Гучкова император, «считаясь с государственными соображениями, заглупшая в себе личное чувство обиды, не пошел навстречу сильному напору на него разных влияний, желавших этот момент личных чувств государя использовать в своих домогательствах об упразднении этого государственного института»⁷⁵. Впрочем, недовольство Николая II Думой не могло не проявляться если не в реальной политике, то в области ритуала.

Когда 8 марта Родзянко послал монарху ходатайство об аудиенции, то на ходатайство «долго не было ответа», а затем царь отказался

⁷⁵ Выступление А.И. Гучкова. 9 марта 1912 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. III. Стб. 583–584; Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 274; Допрос А.И. Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 254; *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 110; Интересная находка. Стенограмма показаний В.Н. Коковцова, данных ЧСК Временного правительства // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 108. О премьерстве В.Н. Коковцова см.: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

принять председателя Думы. «Я, – писал император премьеру, – не желаю принимать Родзянко, тем более, что всего на днях он был у меня. Скажите ему об этом. Поведение Думы глубоко возмутительно, в особенности отвратительна речь Гучкова по смете Св. Синода. Я буду очень рад, если мое неудовольствие дойдет до этих господ, не все же с ними раскланиваться и только улыбаться». Коковцов, узнав о том, что в случае отказа в аудиенции, Родзянко уйдет в отставку и снимет с себя придворное звание камергера, рекомендовал императору не идти на конфликт, и стремление монарха к соглашению с оппозицией перевесило снова. «Я, – сказал он премьеру, подразумевая председателя нижней палаты, – обижать его не хотел, напротив, я им очень доволен. Дума стала другая при нем: ассигновали на флот и Артиллерийское ведомство». Вместо недвусмысленного отказа Николай II, готовившийся к отъезду в Ливадию, по совету Коковцова написал Родзянко следующую записку: «У меня решительно нет свободной минуты перед отъездом. Прошу Вас прислать мне все Ваши доклады. Я приму Вас по моем возвращении». Согласившись с премьером, император заметил: «Вы опять меня убедили; я готов послать вашу записку. Вы правы, лучше не дразнить этих господ. Я найду другой случай сказать им то, что думаю об их выходках, и мне особенно было бы обидно сыграть в руку противникам Морской программы»⁷⁶. На примере с аудиенцией Родзянко хорошо видно, что царь относился отрицательно не к Думе как таковой, а к попыткам ее отдельных ораторов выйти за границы лояльности. То же самое подтверждает и история с организацией приезда монархом депутатов в связи с окончанием полномочий III Думы.

Вопрос о приеме по просьбе многих думцев Коковцов поднял перед Николаем II 22 апреля, во время всеподданнейшего доклада премьеру, состоявшегося в Ливадии. Ради одобрения Думой программы воссоздания флота император немедленно и «с удовольствием» согласился принять депутатов. «Я, – сказал он Коковцову, подразумевая свое обещание принять думцев, – даю вам полное право выразить за меня такое обещание; за Морскую программу я готов им забыть все огорчения, которые они причинили мне по смете Синода и по кредитам на церковно-приходские школы». Если ассигнования на воссоздание флота 6 июня были одобрены большинством Думы, как уже указывалось выше, вопреки левым и Гучкову, то при обсуждении вопроса об ассигнованиях на церковно-приходские школы лидер октябристов попытался взять реванш и, поддерживаемый большинством, выступил против этих

⁷⁶ Родзянко М.В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. XVII. С. 52, 53; Коковцов В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 43. 44.

ассигнований. Сползание Думы в сторону оппозиционности снова вызвало у царя раздражение, и он решил отказаться от приема депутатов. На письме Коковцова с напоминанием о необходимости приема Николай II написал: «У меня решительно нет времени принять Государственную думу». Однако во время всеподданнейшего доклада премьеру ему удалось после «величайших усилий» убедить императора сдержать свое обещание. «Вы совершенно правы, – заметил он, – я не имею права нарушить моего обещания и опять благодарю вас за то, что вы отговорили меня от неправильного шага. Я приму членов Думы послезавтра. Не знаю только, что я скажу им; их речи опять были мне очень неприятны и даже возмутительны, и едва ли я могу воздержаться от того, чтобы не высказать им этого»⁷⁷. Несмотря на поведение депутатов недовольство ими монарх небезуспешно принес в жертву соображениям государственной целесообразности.

Выступая на приеме, состоявшемся 8 июня в Царском Селе, корректную критику деятельности Думы Николай II уравнивал признанием ее заслуг. «Не скрою от вас, – заявил он, – что некоторые дела получили не то направление, которое мне представлялось бы желательным. Считаю, что прения не всегда носили спокойный характер. А для дела главное – спокойствие. С другой стороны, я рад удостоверить, что вы положили много труда и стараний на решение главных в моих глазах вопросов: по землустроюству крестьян, по страхованию и обеспечению рабочих, по народному образованию и по всем вопросам, касающимся государственной обороны». Царь напомнил о желательности кредита на церковно-приходские школы. «Меня чрезвычайно огорчило, – признался он депутатам, – ваше отрицательное отношение к близкому моему сердцу делу церковно-приходских школ, завещанному мне моим незабвенным родителем». В основе царской речи лежал набросок, подготовленный Коковцовым, но фраза о церковно-приходских школах была внесена самим императором⁷⁸. Несмотря на недвусмысленный намек императора III Дума на своем последнем заседании по инициативе Гучкова фактически провалила законопроект об ассигновании на школы.

Еще большей неоднозначностью характеризовались отношения Николая II с открывшейся 15 ноября 1912 г. IV Думой, поскольку накануне этого, записал Тихомиров 30 октября, лидеры оппозиции вплоть до октябристов решили «потребовать ответственности министров», т.е. установления, вопреки Основным законам, парламентаризма. Коков-

⁷⁷ Выступление А.И. Гучкова. 6 июня 1912 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. 4. Стб. 3902–3913; Родзянко М.В. Указ. соч. С. 54; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 54, 62, 63.

⁷⁸ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 473–474; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 63.

цов также имел информацию, что новая Дума «в значительном числе членов» хотела «управлять страной через посредство руководимого ею правительства». Неудивительно, что в председатели нижней палаты октябрист Родзянко прошел голосами левых, из-за чего в знак протеста правые и националисты покинули зал заседаний. При отсутствии трети депутатов новоизбранный председатель обратился к оставшимся с речью, в которой назвал государственный строй России «конституционным», чем вызвал недовольство царя. Аудиенция, данная им председателю Думы 17 ноября, отличалась «большою холодностью» со стороны монарха, спросившего Родзянко, «отчего» «наш строй» он объявил «конституционным». Намек императора на отсутствие в России конституции объяснялся тем, что в это время форму правления, называвшуюся при Дворе «конституцией», оппозиционеры именовали «парламентарным строем», но его в России начала XX в. не существовало. В глазах Николая II Родзянко оказывался вождем в борьбе Думы за замену дуализма парламентаризмом, против чего выступали покинувшие зал заседаний правые и националисты. Подразумевая их верноподданническую демонстрацию, царь иронически заметил: «Как это было неуместно и непонятно, когда вы произносили вашу глубоко патриотическую речь». Император поинтересовался у Родзянко, надеется ли он на возможность образования в нижней палате «рабочего центра», давая понять, что левое большинство, избравшее Родзянко, «неработоспособно»⁷⁹. Несмотря на то, что в Думе монарх разочаровался уже в самом начале ее деятельности, он не оставлял попыток найти почву для сотрудничества с нею.

Хотя лидер националистов П.Н. Балашев ходатайствовал перед Николаем II о приеме им только депутатов, принадлежавших к правой и националистической фракциям, министр Двора Фредерикс сообщил Родзянке 27 ноября о согласии царя принять депутатов всех фракций. Тогда председатель Думы через министра Двора 4 декабря «очень» просил императора «по соображениям внутренней политики» принять нижнюю палату в Зимнем дворце и до роспуска ее на рождественские каникулы, в один из дней между 6 и 12 декабря, причем министр поддержал просьбу председателя. На докладе Фредерикса монарх раздраженно написал: «А если это меня не устраивает?». Однако в сущности император пошел навстречу Родзянко, поскольку прием состоялся

⁷⁹ Всеподданнейший доклад барона В.Б. Фредерикса. 4 декабря 1912 г. // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства Императорского двора). Оп. 45. 1912 г. Д. 10ж. Л. 46; *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 56–57; *Тихомиров Л.А.* Указ. соч. // Красный архив. 1936. Т. 75. С. 177; *Коковцов В.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 130, 266; *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 223; Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 22.

12 декабря и именно в Зимнем дворце. Занимая центристскую позицию, Николай II дистанцировался от черносотенцев и не испытывал каких-либо предрассудков даже к левым. Когда председатель Думы поинтересовался у министра Двора, «пожелает ли государь принять кадет», последний ответил, что «государь примет всех, кто захочет явиться, даже социалистов». Многие кадеты, в том числе Милюков, на приглашение не откликнулись, однако во время приема, длившегося полтора часа, царь оказался «холоднее, чем с другими», не с левыми, а с правыми. Впервые в истории дореволюционных Дум на приеме присутствовали подавляющее большинство депутатов (374 из 440) и значительное количество представителей оппозиции (26 кадетов, 44 прогрессиста, польское и белорусско-литовское коло, мусульмане и беспартийные, всего – 87 человек). Ранес кадеты на подобного рода официальные мероприятия никогда не ездили⁸⁰. Несмотря на демонстративно примирительное отношение Николая II к оппозиции, она не шла на заключение компромисса с правительством.

В декларации Коковцова, одобренной царем и озвученной премьером в Думе 5 декабря, была развернута широкая программа либеральных реформ, которые планировалось осуществлять, не выходя за границы Основных законов. Однако именно поэтому думское большинство, стремившееся к замене дуализма парламентаризмом, отвергло сотрудничество с правительством, и Коковцов оказался «мишенью для ожесточенных нападков со стороны народных представителей». Более всего непримиримость нижней палаты проявила себя в конце мая 1913 г., после выступления лидера черносотенцев Н.Е. Маркова-2-го, безосновательно обвинившего премьера в казнокрадстве. Подразумевая Коковцова, Марков заявил 27 мая: «Министр совершил чудо, гг., он объединил Четвертую Государственную думу в одном порыве, и этот порыв, гг., он гласит два слова: красть нельзя». Далее последовало трогательное единение лидера черносотенцев и... председателя фракции социал-демократов Н.С. Чхсидзе, крикнувшего своему политическому противнику: «Позвольте ванну руку». Хотя, Марков не пользовался симпатиями большинства нижней палаты, она, прежде всего – в лице Родзянко, отказалась извиниться перед Коковцовым за оскорбительную выходку собственного депутата и поддержала не либерального премьера, а черносотенного думца. В своей оппозиционности IV Дума превзошла две первые, поскольку даже в них ничего подобного не наблюдалось. На заседании кабинета 30 мая министры единогласно решили в знак протеста против отказа нижней палаты не

⁸⁰ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 57, 58; *Донесения Л.К. Куманина* // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 17.

посещать ее заседания. Во время всеподданнейшего доклада 31 мая Коковцов сообщил об инциденте и постановлении правительства Николаю II, который «отнесся к этому довольно безразлично», заметив только, что «вообще ... министрам не следует бывать много в Думе». Однако на прямой вопрос премьера, допускает ли он возможность «пройти без внимания» подобный эпизод, император «решительно» ответил: «Разумеется нет, ведь иначе завтра так же безнаказанно вас могут и ударить»⁸¹. Реакция царя объяснялась тем, что непримиримая позиция, занятая нижней палатой, была еще более оскорбительной для него самого, поскольку события, вызвавшие «забастовку министров», происходили буквально накануне «юбилейной» поездки самодержца по Центральной России, приуроченной к 300-летию династии Романовых.

К 15 ноября, т.е. ко времени открытия очередной сессии Думы, «забастовка министров» продолжалась – по причине того, что градус оппозиционности думского большинства не понизился, а повысился. «Съезжаются в столицу члены Государственной думы, – сообщал 14 октября министр внутренних дел Н.А. Маклаков Николаю II, находившемуся в Ливадии. – Собираются в Таврическом дворце думские фракции. Впечатление от того, что там происходит, неотрадное. Готовятся спешно запросы, вырабатывается план ожесточенной борьбы Думы с правительством. С первых же дней Дума резко поднимает общественную температуру, и, если не встретит на первых же шагах сильного отпора от Вашего правительства, полное расстройство нашей мирной жизни неминуемо». Маклаков намеревался выступить перед нижней палатой, решительно призывая ее к сотрудничеству с властью и в случае неудачи своего демарша рекомендовал императору досрочно распустить Думу, что полностью допускалось Основными законами. На заседании кабинета 17 октября остальные министры также пришли к выводу, что депутаты готовятся к «резким выступлениям против правительства», поскольку «значительная часть думских кружков, даже из сравнительно умеренных партий, настроена крайне оппозиционно». Поэтому и кабинет высказался за то, чтобы, при необходимости, монарх досрочно распустил нижнюю палату. Между тем 18 октября Николай II, сообщив Маклакову, что был «приятно поражен»

⁸¹ Выступление Н.Е. Маркова-2-го. 27 мая 1913 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 65 – 66; Николай II Указ. соч. С. 404; Коковцов В.П. Указ. соч. Т. 2. С. 139; Выступление В.Н. Коковцова. 5 декабря 1912 г. // Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. 1907–1917 гг. С. 160 – 178; Шелькинг Е.Н. Ключевые фигуры российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний // Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях 1914–1920. М., 2007. С. 276.

содержанием его письма от 14 октября, далее писал: «С теми мыслями, которые Вы желаете высказать в Думе, я вполне согласен. Это именно то, что им давно следовало услышать от имени моего правительства. Лично думаю, что такая речь министра внутренних дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г. Родзянко и его присных закусить языки»⁸². Здесь ясно чувствуются горький осадок, оставшийся в сознании царя после годового противостояния Думы его стремлению добиться сотрудничества между правительством и оппозицией.

Николай II не только согласился на досрочный роспуск, но счел «необходимым и благонамеренным» немедленно обсудить в кабинете свою «давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Государственной думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается». «Это – при отсутствии у нас конституции – есть полная бессмыслица! – обращался царь к Маклакову в том же письме от 18 октября. – Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом – в русском духе». Мнение монарха об «отсутствии у нас конституции», комментировал брат Н.А. Маклакова письмо от 18 октября, соответствовало «тому пониманию, которого держались левые партии, настаивавшие, что Основные законы – только лжеконституция, и видевшие доказательство этого в сохранении титула “Самодержавного”». Государь их рассуждение только довел до конца». Однако ключевая фраза процитированного письма – выражение «возвращение к спокойному течению законодательной деятельности», поскольку в результате оппозиционности нижней палаты законодательная деятельность оказалась почти полностью заблокированной. Беседуя с императором уже 22 декабря 1913 г., Родзянко прямо признал, что за целый год функционирования IV Думы в ее Общем собрании было «мало сделано», по причине же «забастовки министров», вызванной в том числе и его собственным поведением, «создалось невозможное положение» и даже, вспоминал Родзянко, «работа в комиссиях совершенно затормозилась». Именно прагматическое стремление царя к разблокированию законодательной деятельности, а не его консерватизм, и навели Николая II к

⁸² Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и др. док. М.: Л., 1927. С. 91, 93; Особый журнал Совета министров 17 октября 1913 г. «О некоторых мерах на случай нарушения правильного хода государственной и общественной жизни» // Особые журналы Совета министров. 1913 г. М., 2005. С. 411–412.

мысли о превращении Думы в законосовещательную. Впрочем, хорошо зная об отрицательном отношении коллег к мысли, заинтересовавшей суверена, Маклаков хотя и солидаризировался с ним, но не решился на обсуждение этой мысли в кабинете. Понятно, что если бы для самодержца понижение статуса нижней палаты имело принципиальное значение, он, оставив Маклакова, уволил бы его оппонентов, чего, однако, не произошло. Следуя рекомендации Совета министров, конфликт между правительством и Думой царь намеревался прекратить путем досрочного роспуска нижней палаты, т.е. в соответствии с Основными законами. На Особом журнале Совета министров император 23 октября наложил резолюцию: «Срок созыва новой Государственной думы должен быть значительно отдален»⁸³. Но в конечном итоге стремление Николая II к соглашению с нижней палатой взяло верх, и он отказался от ее досрочного роспуска.

Более того, монарх принял участие в ликвидации повода для «забастовки министров», поскольку Маркову 2-му через посредников – одним из них явился Щегловитов – была передана высочайшая воля, чтобы он публично извинился перед Коковцовым. До сведения лидера черносотенцев довели также слова императора о том, что «ему вообще непонятны такие верноподданные чувства, при которых верноподданный дерзает думать, что Его Величество либо не знает, что делают его министры, либо чуть ли не потворствует воровству». После этого на заседании нижней палаты 1 ноября Марков немедленно извинился перед премьером, инцидент между правительством и Думой оказался исчерпанным и «забастовка министров» прекратилась. Очевидно, что рассмотрение Николаем II вопроса о понижении статуса Думы было вызвано рецидивом ее оппозиционности, а не враждебностью царя идее законодательных учреждений. Как только менялось отношение Думы к правительству, менялось и отношение монарха к Думе, что доказала аудиенция, данная им Родзянко 22 декабря. В ходе аудиенции выявилось «благожелательное» и «высокомилоостивое отношение» к нижней палате со стороны императора, который признал «нежелательность дальнейшей задержки в осуществлении реформ». Отличавшая поведение самодержца «ласковость» была такова, что Родзянко пришел к выводу: столь «милоостивым приемом он удостоен впер-

⁸³ Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С. 92; Родзянко М.В. Указ. соч. С. 67; Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 33; Особый журнал Совета министров 17 октября 1913 г. «О некоторых мерах на случай нарушения правильного хода государственной и общественной жизни». С. 411; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 253.

вые»⁸⁴. Примирительные настроения царя сказались не только в области официального ритуала, но и в сфере высшей кадровой политики.

В поисках компромисса с оппозицией Николай II 30 января 1914 г. заменил неугодного ей Коковцова Горемыкиным, назначение которого, по информации близких к императору националистов, отнюдь не знаменовало «поворота в сторону реставрации или даже реакции». Наоборот, назначением этого сановника монарх надеялся достичь «действительного объединения в составе высшего правительства», повелев ему привести Совет министров, Думу и Государственный совет «к единой общей работе, обеспечивающей планомерный ход нашего законодательства». Согласно сведениям Родзянко, «дедушка» был «весьма благосклонен» к нижней палате и собирался проводить по отношению к ней «новый курс», результатом которого стала бы «счастливая эра» для народного представительства. Горемыкин лишь осуществлял директивы самого царя — на заседании Совета министров 10 февраля, состоявшемся в Зимнем дворце под председательством Николая II, он рекомендовал министрам «не дразнить Думу». Условия соглашения правительства с оппозицией, базирующегося на Основных законах, т.е. на формальном сохранении дуализма, император выдвинул в Рескрипте, данном Горемыкину 6 марта. «Только порядок и уважение к утвержденному мною закону, — гласил рескрипт, — могут создать те условия, при которых законодательная работа будет успешной и плодотворной. На том же уважении к закону и на взаимном доверии должна быть основана работа Мосго правительства и законодательных учреждений». Официально царь не сочувствовал явному выходу Думы и Государственного совета, «круг ведомства коих, — говорилось в рескрипте, — строго очерчен в законе», за пределы дуалистической системы⁸⁵. Впрочем на практике в поисках соглашения его правительства с оппозицией монарх был готов идти намного дальше.

Во время состоявшейся 10 апреля встречи с А.А. Клоповым Николай II, намекая на предстоящую либерализацию правительственного курса, заявил: «Подождите, будут большие перемены». Под переменами царь подразумевал согласование высшей кадровой политики с Ду-

⁸⁴ Николай II Указ. соч. С. 439; Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 3; № 10. С. 33, 34.

⁸⁵ Высочайший рескрипт 6 марта 1914 г. // Белецкий С.П. И.Л. Горемыкин. 27 октября 1839 – 27 октября 1914 г. Пг., 1914. С. 44, 45; Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 133; Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 17, 18; Глинка Я.В. Одинадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 127. О «новом курсе» см. также: Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьюньевской системы. Л., 1988. С. 178–219.

мой, т.е. допущение в практику дуализма элементов парламентаризма. Знаковым событием явилось назначение членами Комитета финансов председателей бюджетных комиссий обеих палат М.М. Алексеевко и А.П. Никольского, что вызвало «полное сочувствие» монарха. В мае фактический премьер и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин представил императору записку, в которой доказывал необходимость увольнения неугодных Думе министров: народного просвещения – Л.А. Кассо, внутренних дел – Н.А. Маклакова и юстиции – И.Г. Щегловитова⁸⁶. Записка получила одобрение самодержца и запланированные кадровые перемены должны были состояться осенью 1914 г., однако их задержала начавшаяся 19 июля Первая мировая война. Упомянутых министров, кроме умершего ранее Л.А. Кассо, Николай II заменил сановниками, пользовавшимися доверием нижней палаты, в июне-июле 1915 г.

Проводя «новый курс», нацеленный на сотрудничество с думским большинством, император оказался в коллизии с Государственным советом, который при обсуждении законопроекта о введении Городового положения в Польше его отверг, хотя Горемыкин «открыто намекал» в кулуарах верхней палаты, что в данном случае «монарх стоит на стороне Думы». Торможение Государственным советом реформаторского процесса, равно как и слишком медленное рассмотрение законопроектов Думой, снова навело царя на мысль о превращении народного представительства в законосовещательное. На заседании Совета министров, состоявшемся 18 июня под председательством Николая II, он заявил буквально следующее: «Вот я часто думаю, в какой степени тот закон, который сейчас существует, в какой степени он отвечает интересам России? Есть целый ряд законов, которые не осуществляются, потому что две палаты несогласны; есть такие, которые желательно провести, которые вносит правительственная власть, но они тонут в Думе». Во-первых, однако, рассуждения самодержца имели чисто теоретический характер. «Это, – вспоминал Н.А. Маклаков, – был обмен мнений, серьезного тут ничего не было». Во-вторых – острие своего выступления император направил против верхней палаты, а не нижней, поскольку аргументируя за изменение существовавшего положения, сослался «на отклонение Государственным советом законопроекта, касавшегося введения Городового положения в губерниях Царства Польского». Монарх заметил, что «вот эта мера, которая была с высоты престола признана необходимою, мера, по по-

⁸⁶ А.А. Клопов – Николаю II. 10 июня 1915 г. // РГИА. Ф. 1099 (А.А. Клопов). Оп. 1. Д. 13. Л. 10 об.; Из переписки царских сановников. С. 133; Николай II Указ. соч. С. 457; Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 22.

воду которой давались обещания, тем не менее останется без осуществления, в виду того, что Государственный совет ее отклонил». Хотя царь находил, что «это порядок совершенно ненормальный», Горемыкин и остальные министры, кроме Маклакова, выступили за сохранение существовавшего положения, и монарх полностью согласился с ними, сказав в конце заседания: «Господа, как было, так и будет». Премьер хотел провести законопроект о введении Городового положения в Польше по 87 ст. Основных законов, но император, видимо, не желая повторения мартовского кризиса 1911 г., 5 июня подписал рескрипт о повторном внесении законопроекта в Думу⁸⁷. Только в чрезвычайных условиях Первой мировой войны царь издал этот законопроект по 87 ст.

Предвоенная сессия Думы ознаменовалась «небывало высокими-лостивым» отношением к ней со стороны Николая II, доказательством чего стало примирительное отношение монарха даже к откровенно революционным акциям представителей социал-демократической фракции. На заседании нижней палаты 19 апреля лидер социал-демократов Н.С. Чхеидзе заявил о необходимости превращения России в республику. Резонанс от этой речи усилился 22 апреля, когда для выступления с декларацией Горемыкин четыре раза поднимался на трибуну и четыре раза сходил с нее из-за обструкции, устроенной социал-демократами. Масштабы обструкции были таковы, что впервые в истории дореволюционных Дум удалению на 15 заседаний подвергся 21 депутат. Министры уговаривали премьера после первого же скандала уехать всем из нижней палаты, но он не согласился на это и, несомненно — с ведома царя, высказался за сотрудничество правительства и Думы «в пределах начертанных ... законом обязанностей», объявив, что его приемная открыта для всех депутатов «без всяких исключений». Между тем дело Чхеидзе, согласно закону, поступило в I Департамент Государственного совета, который постановил предать его Верховному уголовному суду. Монарх, однако, не утвердил Меморию I Департамента по этому делу, написав на ней 3 июля: «Надеюсь, что впредь председатель Государственной думы не допустит суждений, противных закону и присяге. Дело прекратить»⁸⁸. Едва ли можно

⁸⁷ Допрос И.Г. Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 437; Допрос Н.А. Маклакова. 1 июня 1917 г. // Там же. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 133, 134; *Ковалевский М.М.* Воспоминания // История СССР. 1969. № 5. С. 87.

⁸⁸ Вспомогательный отчет председателя Государственного совета о деятельности Государственного совета за сессию 1913 – 1914 гг. Пг., 1914. С. 112, 113; Выступление Н.С. Чхеидзе. 19 апреля 1914 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 2. Стб. 1642; Выступление И.Л. Горемыкина. 22 апреля 1914 г. // Там же. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 785–807; Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 31; Глинка Я.В. Указ. соч. С. 128.

найти лучшее доказательство того, что отношение Николая II к народному представительству отличала беспрецедентная толерантность, которая зачастую отсутствовала у оппозиционеров, не говоря уже о революционерах.

После вступления России 19 июля в Первую мировую войну, 26 июля, перед открытием чрезвычайной однодневной сессии законодательных учреждений, царь принял депутатов в Зимнем дворце, где заявил: «Сердечно благодарю вас, господа, за проявленные вами патриотические чувства, в которых я никогда не сомневался и проявленные в такую минуту на деле. От всей души желаю вам всякого успеха. С нами Бог». На заседании большинство фракций Думы, в том числе вечно оппозиционная кадетская, впервые за всю ее историю оказали безусловную поддержку кабинету Горемыкина. После заседания нижней палаты император сообщил воспитателю наследника Алексея Николаевича П. Жильяру о том, «какую огромную радость доставило ему занятое ею положение, полное решимости, достоинства и горячего патриотизма». «У меня, – заключил Николай II, – теперь полная вера в будущее». Насколько сильными были впечатления, полученные самодержцем от верноподданнической манифестации народного представительства, видно из речи, произнесенной им 5 августа в Большом дворце Московского кремля. Тогда он восхищенно говорил, что «весь верный» ему «русский народ, повсюду – и на местах, и в Государственной думе, и в Государственном совете», «единодушно» откликнулся на царский призыв «встать дружно всей Россией, откинув распри, на защиту родной земли и славянства»⁸⁹. В результате Дума окончательно реабилитировала себя в глазах императора, для которого поддержание «священного единения» власти и общества, особенно во время войны, стало главной задачей внутренней политики. А.В. Кривошшин и его сторонники расценили «священное единение» в качестве предпосылки для замены дуализма парламентаризмом и ограничения царской власти в управлении если не де-юре, то де-факто.

В первой половине 1915 г. с полного согласия царя фактический премьер оказывал содействие созданию «сборного», общественно-бюрократического кабинета. Вместо непопулярных у Думы Л.А. Кассо, С.И. Тимашева, Н.А. Маклакова, В.А. Сухомлинова, В.К. Саблера и И.Г. Цегловитова их преемниками стали пользовавшиеся обществен-

⁸⁹ Речь Николая II, произнесенная «при высочайшем выходе, состоявшемся по случаю войны на западной границе» // РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 517. ЛЛ. 1-4 об.; Родзянко М.В. Указ. соч. С. 80, 81; *Жильяр П.* Император Николай II и его семья (Петербург, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям. Л., 1990. С. 77.

ным доверием граф П.Н. Игнатьев, князь В.Н. Шаховской, выборный член группы правого центра Государственного совета князь Н.Б. Щербатов, назначенный член кружка внепартийного объединения верхней палаты генерал А.А. Поливанов, назначенные члены правой группы Государственного совета А.Д. Самарин и А.А. Хвостов. Кривошеин содействовал также назначению товарищами главноуправляющего землеустройством и земледелием и министров внутренних дел и народного просвещения депутатов Думы графа В.В. Мусина-Пушкина и князя В.М. Волконского и выборного члена правой группы Государственного совета А.К. Рачинского. Наконец Кривошеин был причастен и к возникновению в августе 1915 г. Прогрессивного блока – законодательного большинства леволиберального толка. Вошедшие в блок законодатели, вплоть до прогрессивных националистов, равнялись на кадетов, ибо первый пункт его программы подразумевал фактическое введение парламентаризма путем немедленного создания «министерства общественного доверия»⁹⁰. Поскольку блокюисты не признали «министерством доверия» обновленный кабинет Горемыкина, в политическом контексте 1915 г. борьба за такое министерство имела не только оппозиционный, но и революционный характер. Неудивительно, что уже в августе блок вышел из-под контроля бюрократической группировки, которая его инициировала, и превратился в оппонента как ее, так и всей дуалистической монархии в целом.

Николай II отказался от немедленного удовлетворения пункта о «министерстве доверия», причем обуславливалось это не консерватизмом императора, а соображениями чисто прагматического порядка. После отречения от престола 5 марта 1917 г. экс-император, объясняя, почему «он так упорно не соглашался на некоторые уступки», сказал

⁹⁰ О роли представителей бюрократической элиты в образовании Прогрессивного блока см.: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России вт. пол. XIX – нач. XX в. Кишинев; СПб., 2000. Об отношении блока с правительством см.: Дякин В.С. 1) Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; 2) Крушение царизма // Власть и реформы. С. 618–642; *Левых А.Я.* Распад трестейонской системы. М., 1985; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; *Шелохаев В.В.* Российские либералы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8; *Hamm M.F.* Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of Progressive bloc // *Slavonic Review*. 1974. Vol. 33. № 3; *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. L., 1977. Обоснование мнения о тождественности «министерства доверия» и «ответственного министерства» см.: *Куликов С.В.* «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: государственно-правовые аспекты политической борьбы в предреволюционной России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Мат. IV межд. науч.-теор. конф. СПб., 2004.

дворцовому коменданту генералу В.Н. Воейкову, что, «во-первых, всякая ломка существующего строя во время такой напряженной борьбы с врагом привела бы только к внутренним катастрофам, а во-вторых, уступки, которые он делал за время своего царствования по настоянию так называемых общественных кругов, приносили только вред Отечеству, каждый раз устрания часть препятствий работе зловерных элементов, сознательно ведущих Россию к гибели». Сведения Воейкова соотносятся с информацией Жильяра, отмечавшего в своих воспоминаниях: «Царь все не решался пойти на либеральные уступки, которых от него требовали; он полагал, что время было для этого не подходящее и что опасно производить опыты новых реформ в разгар войны. Не то, чтобы он лично стоял за свои права самодержца – он был воплощенной простотой и скромностью – но он опасался последствий, которые могли бы иметь столь резкая перемена в условиях, имевших исключительно серьезный характер»⁹¹. Следовательно, введение парламентаризма во время войны монарх расценивал как открытие дверей революции, способной только перечеркнуть военные усилия России. Между тем необходимо учитывать и то, что внешняя политика, т.е. война, в августе 1915 – марте 1917 г. была для императора более приоритетной сферой, чем внутренняя, поскольку в это время он занимал пост верховного главнокомандующего.

Николай II выступал за соглашение с Прогрессивным блоком, но находил, что оно должно базироваться на Основных законах, т.е. на формальном сохранении дуализма, при фактическом допущении элементов парламентаризма. Личный курс императора был равнодействующей между дуализмом и парламентаризмом, доказательством чего стало его согласие на создание новых органов верховного управления – особых совещаний по обороне, перевозкам, продовольствию, топливу и беженцам и Финансово-экономической комиссии. Членами совещаний и комиссии наряду с бюрократами являлись думцы, в том числе лидеры Прогрессивного блока. Курсу царя между дуализмом и парламентаризмом соответствовали и ключевые назначения 1915–1916 гг.: министрами внутренних дел – депутата Думы А.Н. Хвостова, оказавшегося первым в истории думцем-министром, и земледелия – выборного члена группы центра Государственного совета А.Н. Наумова, а также замена И.И. Горемыкина назначенным членом правой группы верхней палаты Б.В. Штюмерера, лидера консервативно-либеральной бюрократии. А.Н. Хвостов, Б.В. Штюмерер и другие министры, не при-

⁹¹ Жильяр П. Указ. соч. С. 142; Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С. 160–161.

нимая пункта программы Прогрессивного блока о «министерстве доверия», выполняли по повелению Николая II остальные пункты программы. Для обеспечения сотрудничества правительства и оппозиции 9 февраля 1916 г. при открытии думских занятий впервые за историю Дум император посетил Таврический дворец и выступил перед депутатами с благожелательной речью. Все это подтверждает, что царь не являлся принципиальным противником расширения прав нижней палаты, полагая, однако, что оно возможно только как результат политического развития большинства населения Империи. «Власть Думы должна прогрессировать потихоньку, – говорил монарх английскому генералу Д. Хэнбэри-Вильямсу в январе 1916 г., – ввиду трудности скорого развития воспитания широких масс его подданных»⁹². Вместе с тем как политический стратег Николай II просчитывал разные варианты развития внутрироссийской ситуации, в том числе и возможность установления парламентаризма во время войны.

В данном случае единомышленником императора являлся начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, помощник которого генерал В.Е. Борисов уже в эмиграции вспоминал, что вопрос о конституции «не раз дебатировался в Кабинете оперативных докладов». По свидетельству Борисова, Николай II «относился к обсуждению вопросов конституционной перспективы совершенно спокойно и благодушно, как на вопрос, постоянно дебатруемый с 1905 г.». Царь «не относился к Алексею как к “изменнику”, “предателю”, а как к истинному слуге России, а с нею и царя, и высказывающему свои искренние убеждения», поскольку «действительно конституционным он сам желал бы сделаться». Свидетельства Борисова полностью согласуются с воспоминаниями другого помощника Алексева, генерала М.К. Дитерихса, которому Алексеев рассказал после Февральской революции, что «в начале 1916 г. монарх, будучи в Ставке, три дня носил с собой Указ о даровании России конституции», т.е. парламентаризма. В эти дни он почти не покидал своего кабинета и все время «в большом волнении и задумчивости» ходил по комнате из

⁹² *Hanbury-Williams J.* The Emperor Nicholas II. As I knew him. London, 1922. P. 76. О посещении царем Думы см.: *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // *Английская набережная*, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 302–307; *Витенберг Б.М.* 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. С. 311–340. О назначении Б.В. Штюрмера см.: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л. Горемыкина к Б.В. Штюрмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 – январь 1916 гг.) // *Россия и Первая мировая война*. Мат. межд. науч. кол. СПб., 1999; *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // *Источник. Историк. История*. Сб. науч. раб. СПб., 2001. Вып. 1.

угла в угол. Очевидно, Алексеев имел в виду проект Манифеста, составленный с его ведома генералом Е.З. Барсуковым и подразумевавший фактическое введение парламентаризма по рецепту Прогрессивного блока путем создания «министерства доверия». Действительно, в первом пункте Манифеста глава государства «признавал за благо» «образовать Совет министров из лиц, пользующихся общественным доверием». По некотором размышлении Николай II отказался от подписания Указа «о даровании России конституции», мотивируя свое решение соображениями функционального, а не политического порядка. «Я не верю, – сказал император Алексею, подразумевая парламентаризм, – чтобы конституционное правление принесло благо России. Настоящая тяжелая война требует исключительных мер для поддержания в народе подъема, необходимого для победы, но народ никогда не будет уважать законов, исходящих, может быть, от его односельчан»⁹³. Указ остался неподписанным не в силу консерватизма царя, а потому, что он опасался пагубного влияния на ход военных действий внутренней дестабилизации, неизбежной при введении парламентаризма, тем более, если бы оно сопровождалось демократизацией третьей инстанции избирательного закона.

В 1916 г. Николай II по-прежнему отдавал явное предпочтение соглашению с Прогрессивным блоком в рамках Основных законов, доказательством чего стало назначение в сентябре 1916 г. товарища председателя Думы октябриста А.Д. Протопопова управляющим МВД, замена Б.В. Штюрмера А.Ф. Треповым, а его – князем Н.Д. Голицыным (назначенными членами правой группы Государственного совета). Однако эти кадровые перемены не привели к ослаблению оппозиционности Прогрессивного блока, хотя, помимо них, с августа 1915 по февраль 1917 г. царь и правительство в порядке управления или законодательства выполнили, полностью или частично, большинство пунктов программы блока. Единственным невыполненным пожеланием оппозиции оставался пункт о создании «министерства доверия». Тем не менее, противясь немедленному установлению парламентаризма во время войны, монарх до самой Февральской революции не выполнял рекомендации черносотенцев о полном роспуске оппозиционной Думы и превращении ее в законосовещательную. Более того, в области высшей кадровой политики монарх сознательно допускал кос-

⁹³ Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале: в 2-х ч. М., 1991. Ч. 2. С. 35; Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. СПб., 1997. С. 6–7; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 194, 196, 198. Подробнее об этом документе см.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 214–218, 223.

венное влияние палат. Именно оно, а не мифическое влияние «темных сил» и стало главной причиной «министерской чехарды». Практика формирования и деятельности Совета министров, относящаяся к 1915–1916 гг., если и не привела к установлению парламентаризма, то по крайней мере содержала в себе несравнимо больше его элементов, чем до войны. По сути дела накануне Февральской революции форма правления в России была переходной от дуализма к парламентаризму. Именно эту переходную форму имел в виду кадетский государствовед С.А. Котляревский, когда, доказывая, что «согласие с правительственной политикой большинства палат есть необходимость и для конституционно-дуалистических государств», отмечал: «Получается, конечно, не парламентаризм, но и не тот абсолютный дуализм, изображаемый в немецкой юриспруденции»⁹⁴.

Накануне Февральской революции Николай II сопротивлялся не столько парламентаризму, сколько именно введению его во время войны, считая, что это ухудшит внутриполитическую ситуацию, а потому пагубно отразится на боевых действиях. Показательно, что в ноябре 1916 г. самодержец несколько раз говорил подруге царской семьи А.А. Вырубовой «о будущих переменах конституционного характера», не раз повторяя: «Выгоним немца, тогда примусь за внутренние дела!» Из бесед с императором А.А. Вырубова сделала вывод, что «государь все хотел дать, что требовали, но – после победоносного конца войны». «Почему, – удивлялся он, – не хотят понять, что нельзя проводить внутренние государственные реформы, пока враг на русской земле? Сперва надо выгнать врага!». Тогда же царь, подразумевая «министерство доверия», заметил Протопопову, что «уступки Думе в это время вряд ли своевременны» и «надо предвидеть необходимость реформ к концу войны». В январе 1917 г. Николай II признался лейб-дантисту С.С. Кострицкому, что «ответственное министерство», покрывавшее в глазах царя «министерство доверия», «было бы очень выгодно для него лично, так как сняло бы с него много ответственности». Однако тут же монарх заметил, что «даровать во время войны ответственное

⁹⁴ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912. С. 213. Подробнее о «министерской чехарде» см.: Куликов С.В. 1) «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // Из глубины времен. 1994. Вып. 3; 2) Николай II и его министры в годы Первой мировой войны: механизмы назначения и увольнения. // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Мат. науч. конф. СПб., 1997; 3) IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. Сб. ст. в честь 70-летия Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998; 4) Камарилья и «министерская чехарда». Соотношение вербальных и бюрократических практик в позднимперской России // Новая политическая история. Сб. науч. раб. СПб., 2004.

министерство он не находит возможным». «Сейчас, — отметил император, — это неблагоприятно отразится на фронте. А вот через три, четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война, тогда это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью... Сейчас же все должно делаться только для фронта»⁹⁵. Личные признания Николая II соотносятся с информацией, исходящей от его родственников.

В письме царю великого князя Николая Михайловича от 1 ноября 1916 г. последний явно принимал в расчет намерения двоюродного племянника, выводя следующие строки: «Когда время настанет, — а оно уже не за горами, — ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность министров перед тобой и перед законодательными учреждениями». Очевидно, Николай Михайлович подразумевал послевоенный период. Проект Манифеста о даровании ответственного министерства, составленный 1 марта 1917 г., уже в ходе Февральской революции, под руководством великого князя Павла Александровича, который, несомненно, знал о политических планах родного племянника, не случайно начинала преамбула, гласившая: «в твердом намерении переустроить государственное управление в Империи на началах широкого народного представительства Мы предполагали приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны». Со ссылкой на другую подругу царской семьи, Ю.А. Ден, сам весьма близкий к этой семье офицер С.В. Марков отмечал, что после победы над Германией Николай II планировал образовать «Особую комиссию по разработке широкой конституции, принимая во внимание все особенности русского уклада и быта» и, в день совершеннолетия цесаревича Алексея Николаевича, т.е. в 1920 г., «отречься от престола в его пользу с тем, чтобы начало его царствования ознаменовалось дарованием этой реформы, дабы он в день своего коронования был первым русским царем, присягнувшим на верность конституции». Монарх полагал, что «народные массы, оздоровленные победоносной войной, проникнутые упоением победы и искренним патриотизмом, лучше, чем когда-либо, воспримут дарованные им права»⁹⁶. Вместе с

⁹⁵ Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 17; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг.: в 3-х т. Нью-Йорк, 1962. Т. 3. С. 24; *Вырубова А.А.* Страницы из моей жизни // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 200–201.

⁹⁶ Кулисы истории. Новые документы к истории Февральского переворота (Архив «Огонька»). Манифест б[ывших] великих князей // Огонек. 1923. № 1. Б.п.; Николай Михайлович – Николаю II. 1 ноября 1916 г. // Николай II и великие князья. С. 146; Марков С.В. Покинутая царская семья. 1917–1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. С. 43–44.

тем уже во время войны Николай II готовил предпосылки для первого шага на пути к парламентаризму, а именно – для судебной ответственности министров перед народным представительством.

В конце декабря 1916 г. царь одобрил записку Протопопова о введении путем издания особого Манифеста судебной ответственности министров, которая могла «развить существовавшую русскую конституцию», причем императору, вспоминал Протопопов, «поправилась моя мысль». Не исключено, что именно упомянутым Манифестом являлся Указ «об ответственном кабинете», который был подписан Николаем II и хранился в письменном столе министра юстиции Н.А. Добровольского. Указ предполагалось обнародовать «через Сенат, на Пасху», т.е. 2 апреля 1917 г., но этому помешала Февральская революция. Судебная ответственность министров рассматривалась государstвооведами как условие окончательной парламентаризации управления. «Постепенно, – подчеркивал С.А. Котляревский, – судебная ответственность уступает место политической и сама становится достоянием скорее конституционной археологии, чем конституционного действующего права». Судебная ответственность министров соответствовала взглядам умеренных оппозиционеров. Член Прогрессивного блока Б.И. Кринский (фракция центра) заявил 20 октября 1916 г. на заседании бюро блока: «“Требовать ответственного министерства” – мы можем только путем революционным. Но сложившиеся обстоятельства дают возможность сделать первый шаг; если мы категорически потребуем судебной ответственности – право Думы предавать суду министров. Существует везде. Этот первый шаг будет иметь такую колоссальную популярность, в которой не откажут. Первоначальная ответственность была судебная»⁹⁷. Таким образом, и в данном случае царь и правительство шли навстречу Прогрессивному блоку.

Нарастание оппозиционности Думы в ее осеннюю сессию дошло до явной революционности – чего стоила одна речь П.П. Милюкова 1 ноября 1916 г. с обвинением верховной власти в «измене», речь, которая, по оценке эсеровского публициста В.Л. Бурцева, «вся построена на лжи» и которую ее автор не без гордости называл «штурмовым сигналом русской революции». Но даже в такой ситуации Николай II стремился к сохранению «священного единения» власти и общества и хотел, сообщал он супруге 13 декабря, подразумевая думцев, «показать им и всей стране, что, несмотря на все сказанное ими, правительство

⁹⁷ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 101 – 102; Протопопов А.Д. Предсмертная записка // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 186, 187; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 56. С. 90; Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60.

желает работать вместе». Осенняя сессия, однако, давала поводы для предположения о том, что после открытия 14 февраля 1917 г. весенней сессии нижняя палата начнет новый «штурм власти». При всей готовности царя на соглашение с оппозицией он был вынужден учитывать и возможность досрочного роспуска IV Думы, на что имел полное право по Основным законам, и потому 8 февраля через Протопопова предложил Н.А. Маклакову подготовить проект Манифеста о роспуске. В проекте IV Дума обвинялась в том, что она, как и первые две Думы, «вновь уклонилась в область политических стремлений» и «вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы». После указания на то, что «России нужны не речи, смущающие народную душу и расшатывающие нашу государственность, а созидательная работа, укрепляющая государственный порядок», объявлялось о роспуске IV Думы и назначении выборов в V Думу на декабрь 1917 г.⁹⁸ Таким образом, ничего, противоречившего Основным законам, в проекте не было.

Роспуск нижней палаты Николай II рассматривал не как окончательное решение, но только в качестве гипотетической возможности. Когда 11 февраля Маклаков представил проект императору, то он сказал: «Оставьте, я посмотрю» и добавил, что «это на всякий случай», «он еще не знает, как поступить», и «вообще, вопрос требует обсуждения со всех сторон». По свидетельству Протопопова, от роспуска царь отказался, поскольку сознавал, что состояние страны требовало «наличности Думы». Николай II глубоко верил, что запланированное на весну 1917 г. совместное наступление союзников по Антанте закончится полной победой, которая приведет к резкому улучшению внутриполитической ситуации и сделает роспуск нижней палаты ненужным. В.М. Волконский, подразумевая мнение царя, говорил В.В. Шульгину в начале февраля, что если весеннее наступление закончится удачно, то Думу «прогонять не придется, потому что на радости все забудется»⁹⁹. Таким образом, из всех возможностей внутриполитичес-

⁹⁸ Проект Манифеста о роспуске IV Государственной думы // ГАРФ. Ф. 601 (Император Николай II). Оп. 1. Д. 1003. ЛЛ. 1-2; Из переписки Николая II с министрами // *Монархия перед крушением*. С. 97; *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С. 72; Николай II - Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 636-637; Выступление П.Н. Милокова. 1 ноября 1916 г. // *Ораторы России в Государственной думе*. Т. 2. С. 245-255.

⁹⁹ Показания А.Д. Протопопова. С. 25; Допрос Н.А. Маклакова. 14 июня 1917 г. // *Падение царского режима*. М.: Л., 1926. Т. 5. С. 208; *Шульгин В.В.* Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 161; Николай II. Указ. соч. С. 623.

кого развития, наметившихся накануне Февральской революции, роспуск нижней палаты был наименее вероятной.

Та же самая причина — желание обеспечить внутриполитические условия победы России в войне — заставляла Николая II как откладывать установление парламентаризма на послевоенное время, так и в целях нейтрализации нараставшей оппозиционности Прогрессивного блока задумываться о возможности дарования парламентаризма еще до победы. Когда 29 января при встрече монарха с А.А. Клоповым он рекомендовал августейшему собеседнику приехать 14 февраля в Думу и объявить об образовании «ответственного министерства» во главе с князем Г.Е. Львовым, Николай II заметил: «Да, кажется, другого выхода нет». «Император, — вспоминала статс-дама баронесса С.К. Буксгевден, — намеревался сформировать “министерство народного доверия” в январе 1917 г., но, учитывая то лихорадочное состояние, в котором находилась вся страна, решено было перенести этот план на более позднее время». Согласно сведениям Родзянко, накануне своего отъезда в Ставку, намеченного на 22 февраля, т.е., очевидно, 21, монарх совещался с «некоторыми министрами» во главе с премьером с Н.Д. Голицыным, после чего решил явиться на следующий день в Думу и объявить о даровании «ответственного министерства», но вечером сообщил Голицыну, что уезжает в Могилев, т.е. Ставку. Сведения Родзянко полностью соотносятся с информацией хорошо осведомленной (она была знакома с несколькими министрами) княгини Ю. Каптакузиной, графини Сперанской, которая писала, что накануне отъезда в Ставку Николай II «созвал членов своего кабинета» и, вняв их советам, обещал сегодня же «создать достойный доверия Кабинет министров, как требовала Дума», и «добровольно даровать России конституцию», т.е. парламентаризм. Император повелел составить проекты двух указов, о создании «министерства доверия» и введении парламентаризма, но после разговора с Протопоповым и Александрой Федоровной, выступивших против подобных уступок, царь не только не подписал указы, но даже, якобы, уничтожил их. Придворный историограф генерал Д.Н. Дубенский также вспоминал, что накануне 22 февраля при Дворе «были разговоры о создании нового ответственного министерства»¹⁰⁰. Что же происходило на самом деле?

¹⁰⁰ Допрос генерала Д.Н. Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 388; Родзянко М.В. Указ. соч. С. 168, 169; Гтинка Я.В. Указ. соч. С. 177; Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 388; Каптакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. М., 2007. С. 156–157.

В дневнике Николая II нет подтверждений того, что в дни, предшествовавшие его отъезду, он собирал под своим председательством Совет министров. Однако в это время он принял несколько министров по отдельности: так, 20 февраля у царя были министры морской, адмирал И.К. Григорович, и торговли и промышленности, князь В.Н. Шаховской, после них – Н.Д. Голицын, 21 февраля монарх принял министров военного, генерала М.А. Беляева, иностранных дел, Н.Н. Прокровского, и А.Д. Протопопова, 22 февраля – министров народного просвещения, Н.К. Кульчицкого, и юстиции, Н.А. Добровольского. Важно также отметить, что в своем дневнике Николай II не отражал события дня так подробно, как это делали составители камер-фурьерских журналов, но в журнале за февраль 1917 г. запись за 21 февраля, когда, согласно Родзянко и Кантакузиной, монарх совещался с министрами, попросту... отсутствует¹⁰¹. Не исключено, что эпизоды, описанные упомянутыми мемуаристами, могли относиться к совещанию императора не с кабинетом в целом, а с премьером (о нем прямо упоминает председатель Думы). Во всяком случае приведенные эпизоды доказывают, что накануне Февральской революции чаша весов в сознании Николая II склонялась скорее в сторону дарования парламентаризма, нежели отказа от этого, что подтверждается его поведением уже в дни революции.

В Могилеве, параллельно с подготовкой весеннего наступления, царь, идя навстречу оппозиции, 24 февраля предпринял конкретные шаги по выполнению плана, поддержанного фрондирующими великими князьями, в частности – Николаем Михайловичем. В письме от 19 февраля Марии Федоровне он заявил себя сторонником «немедленного удаления Александры Федоровны от государя» путем отправки императрицы в Ливадию «под предлогом поправки ее здоровья или здоровья Алексея», считая это «первой уступкой чаяниям всей России». В Александре Федоровне оппозиционеры видели единственную преграду на пути к парламентаризму, почему и выступали за изоляцию ее от супруга. Поводы для выполнения плана предоставили... царские дети, заболевшие корью. Передавая мнение лейб-хирурга С.П. Федорова, Николай II сообщал жене 24 февраля: «Он находит, что для детей, а особенно для Алексея, абсолютно необходима перемена климата после того, как они выздоровеют - вскоре после Пасхи. На мой вопрос, куда, по его мнению, лучше было бы поехать, он назвал Крым». «Действительно, - заключал император, - совет великолепный, и каким отдыхом это было бы для тебя!» Днем 27 февраля дворцовый ко-

¹⁰¹ Николай II. Указ. соч. С. 624; Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь 1916 – февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С. 22, 76.

мендант В. Н. Воейков поинтересовался у начальника Военно-морского управления Ставки капитана 1-го ранга А. Д. Бубнова, гарантирует ли он безопасность царской семьи в Ливадии от неприятельского обстрела со стороны Черного моря. Бубнов ответил, что «за безопасность от врага внешнего мы ручаемся, но за безопасность от врага внутреннего — нет». Воейков небрежно махнул рукой и заметил: «Пустяки — с этим мы справимся». В конце февраля начальнику Канцелярии Министерства Двора генералу А. А. Мосолову стало известно, что монарх «соглашается отправить Александру Федоровну в Ливадию»¹⁰². Намерение Николая II отправить императрицу, главную противницу парламентаризма, в почетную ссылку свидетельствовало о том, что вопрос о введении той или иной формы парламентаризма он решит уже в ближайшем будущем.

Не случайно вечером 27 февраля среди приближенных императора циркулировали слухи о его согласии «на образование ответственного министерства» во главе с князем Г. Е. Львовым и с оставлением за царем выбора министров Двора, военного, морского и иностранных дел. Тогда же, т. е. вечером 27-го, из беседы с Николаем II генерал Н. И. Иванов, посланный в Петроград наводить порядок, вынес впечатление, что для монарха вопрос о создании «министерства доверия» «относительно не был новым» и относится он к этому вопросу «благоприятно», решив управлять «при посредстве министерства доверия в соответствии с желанием большинства Государственной думы». После беседы Иванов сказал Дубенскому: «Дается ответственное министерство, послана об этом телеграмма в Петроград. Государь надеется, что это внесет успокоение, и восстание можно будет потушить». Не исключено, что Иванов имел в виду телеграмму царя Голицыну, которая в 23.25 была отправлена в ответ на телеграмму премьера с просьбой о замене его кабинета «ответственным министерством» и, в частности, гласила: «Относительно перемен в личном составе — при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми». В этом ответе традиционно видят отказ императора от соглашения с оппозицией, но из ответа следует лишь одно — что монарх являлся противником перемен именно при данных обстоятельствах, а не вообще. Будучи сторонником компромисса с Думой, выработку конкретных условий такого компромисса Николай II поставил, однако, в зависимость от личного ознакомления

¹⁰² *Мосолов А. А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С. 89; *Бубнов А. Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С. 136; Николай II - Александр Федорович. 24 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке. С. 653; «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С. 23.

с ситуацией, сложившейся в Петрограде. «Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, — сообщил Алексеев великому князю Михаилу Александровичу, царскому брату, во время телеграфного разговора, начавшегося в 22.30, — его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село». Для приближенных императора представлялось очевидным, что по возвращении в Царское Село он пойдет навстречу оппозиции. Около 11-ти вечера помощник В.Б. Фредерикса барон Р.А. Штакельберг сообщил Дубенскому, что монарх «согласился» на «ответственное министерство»¹⁰³.

Ранним утром 28 февраля, беседуя с Алексеевым непосредственно перед отъездом из Могилева, Николай II сообщил, что после его возвращения «будет создаваться ответственное министерство». В ходе вторичной беседы с Ивановым, объясняя, почему он отказывался ввести парламентаризм, император заявил: «Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Однако теперь Николай II считал необходимым «согласиться на это требование Думы». Данные слова утвердили Иванова, что монарх решил перейти «к системе управления через министерство общественного доверия». В течение 28 февраля по пути в Петроград император думал о формах возможного компромисса с оппозицией и намеревался поставить во главе кабинета Родзянко, предоставив ему право выбора всех министров, за исключением министров Двора, военного, морского и иностранных дел. По мысли царя, правительство должно было оставаться ответственным перед ним, а не перед Думой¹⁰⁴. Следовательно, Николай II размышлял о даровании «министерства доверия», т.е. об ограничении своей власти в управлении не де-юре, а де-факто, при формальном сохранении Основных законов 1906 г.

На следующий день, 1 марта, монарх надеялся доехать до Царского Села и вступить в переговоры с Временным комитетом Думы, первоначально планировавший послать к императору для переговоров Родзянко. Когда царский поезд отправился со станции Дно на Псков, где находился Штаб Северного фронта, император сообщил Воейкову о своем намерении дать «ответственное министерство» и «пойти на

¹⁰³ Экспедиция генерала Иванова на Петроград // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 226; Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 10–11, 12, 13; *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 44, 49, 51, 52; Перетц Г.Г. Указ. соч. С.30.

¹⁰⁴ Экспедиция генерала Иванова на Петроград. С. 230; *Дубенский Д.Н.* Указ. соч. С. 52, 53, 56; *Мордвинов А.А.* Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 98.

такие уступки, которые могли бы разрешить создавшееся положение», повелев генералу выехать из Пскова навстречу Родзянко и предупредить его о решении монарха «пойти навстречу неоднократно ранее высказывавшемуся желанию». «Для меня, – записал 1 марта Дубенский, – совершенно ясно, что вопрос о конституции окончен, она будет введена наверное. Царь и не думает спорить и протестовать». Очевидно, что и в данном случае речь шла о «министерстве доверия». Готовность императора еще до приезда в Псков пойти на фактическое введение парламентаризма подтвердил Фредерикс, который после прибытия царского поезда в этот город вечером 1 марта сообщил главнокомандующему Северным фронтом генералу Н.В. Рузскому, что монарх «дает ответственное министерство». Для министра Двора «министерство доверия» и «ответственное министерство» были синонимами. Согласно длившемуся в ночь с 1 на 2 марта телеграфному разговору Рузского с Родзянко, сразу после остановки в Пскове, во время первого доклада главнокомандующего, царь объявил генералу, что поручит председателю Думы составить «министерство, ответственное перед его величеством», «министерство доверия»¹⁰⁵. На это место разговора Рузского с Родзянко исследователи не обращали никакого внимания, между тем отсюда следует, что к моменту приезда Николай II действительно был готов образовать «министерство доверия».

Во время второго доклада генерала он попытался уговорить императора дать министерство, ответственное перед Думой, «ответственное министерство». Выступая против не только фактического, но и формального ограничения своей власти в управлении, монарх выдвинул, помимо мистических, и рациональные аргументы. Главный из них заключался в указании на несостоятельность лидеров Прогрессивного блока в качестве государственных деятелей. Николай II высказал убеждение, что «общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей». Только после полуторачасового доклада Рузский получил от императора согласие на объявление через Родзянко, что монарх дарует «ответственное министерство» и «предлагает ему формировать первый кабинет»¹⁰⁶. Правление Временного правительства показало, что царь оказался проницательнее генерала.

¹⁰⁵ Допрос генерала Д.Н. Дубенского. С. 403; *Дубенский Д.Н.* Указ. соч. С. 56, 57; *Февральская революция 1917 г.* С. 56; *Войков В.Н.* Указ. соч. С. 129.

¹⁰⁶ *Рузский Н.В.* Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (Беседа с генералом С.Н. Вильчковским) // *Отречение Николая II.* С. 152–153; Из дневника великого князя Алдрса Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // *Красный архив.* 1928. Т. 26. С. 204.

Последним аргументом, убедившим императора в неизбежности немедленного введения парламентаризма, стала телеграмма Николаю II от Алексеева, передававшаяся из Могилева с 22.20 и содержавшая проект Манифеста о поручении Родзянко сформировать «ответственное министерство». После этого монарх написал телеграмму Родзянко, которая гласила: «Ради спасения родины и счастья народа предлагаю Вам составить министерство во главе с Вами, но министр иностранных дел, военный и морской будут назначаться мной». Тем самым император соглашался на фактическое введение парламентаризма — именно так он устанавливался и в других странах. Однако Рузский, человек военный, мало искушенный в юридических тонкостях, не найдя в тексте телеграммы слов об «ответственном министерстве», расценил это как отсутствие необходимой гарантии. Главнокомандующий попросил Воейкова доложить Николаю II, что ему, Рузскому, царь объявил о даровании «ответственного министерства», а в телеграмме сказано лишь о формировании нового кабинета без указания на то, перед кем он ответственен. В результате в ночь с 1 на 2 марта состоялся третий доклад Рузского, после которого монарх передал генералу новую телеграмму Родзянко. В ней председателю Думы прямо поручалось образовать «ответственное министерство» уже без упоминания о назначении главою государства каких-либо министров¹⁰⁷. Таким образом, теперь император согласился на введение парламентаризма не только де-факто, но и де-юре.

Рано утром 2 марта в Могилев была отправлена телеграмма Николаю II Алексееву, затрагивавшая судьбу Манифеста об «ответственном министерстве» и полученная Ставкой в 5.25: «Можно объявить представленный Манифест, пометив его Псковом». Данное решение предопределялось не Февральской революцией, а выявившимся еще до нее стремлением императора к соглашению с оппозицией. Революция была не причиной, а лишь поводом для царского волеизъявления, поводом, давшим санкцию решению, которое в обычных обстоятельствах Николай II не стал бы принимать, опасаясь народного сопротивления модернизации — ведь даже во время революции он продолжал убеждаться в преданности самодержавию простого народа. «Огромная толпа заполняла всю станцию, — описывал Дубенский следование царского поезда 1 марта через Старую Руссу. — Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Допрос Д.Н. Дубенского. С. 404; Февральская революция 1917 г. С. 53; Из дневника великого князя Андрея Владимировича. С. 204–205.

¹⁰⁸ Дубенский Д.Н. Указ. соч. С. 57, 58; Февральская революция 1917 г. С. 61.

Февральская революция выглядела причиной окончательного согласия монарха на немедленное дарование парламентаризма только внешне.

Днем 2 марта Рузский, Алексеев и главнокомандующие фронтами, принимая во внимание мнение Думы, устами своего председателя предложившей Николаю II отречься от престола, поддержали не царя, а Думу. Но даже после согласия монарха на это он оставался сторонником парламентаризма, поскольку в окончательном тексте Манифеста об отречении в пользу Михаила Александровича экс-император дал Думе полный карт-бланш относительно очертаний будущей парламентарной системы. «Заповедуем брату Нашему, – гласил Манифест, – править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»¹⁰⁹. Тем самым Николай II заложил основы парламентарной монархии, способствуя легальному эволюционированию России от дуализма к парламентаризму. Однако политическая элита, подпавшая под влияние ее республикански-настроенной, революционной части, хотела большего – не парламентарной монархии, а созыва Учредительного собрания, которое открывало, помимо конституционно-монархических, и республиканско-демократические перспективы, и поэтому жертва монарха оказалась напрасной.

Непредвзятый анализ отношений последнего царя и дореволюционных Дум показывает, что эти отношения со стороны монарха предопределялись его сознательной приверженностью дуалистической системе и тем, насколько нижняя палата вписывалась в упомянутую систему, провозглашенную Основными государственными законами 1906 г. Первые две Думы, однозначно революционные, а потому – открыто нарушавшие Основные законы, тем самым становились на путь государственного переворота, который в итоге для создания работоспособной нижней палаты 3 июня 1907 г. был вынужден произвести сам Николай II. Две следующие Думы, выбиравшиеся по новому избирательному закону, именно по этой причине оказались более законопослушными и работоспособными, однако их отличали рецидивы оппозиционности, попытки постепенной замены дуализма парламен-

¹⁰⁹ Манифест отречения Николая II // Отречение Николая II. С. 223; О IV Думе в период Февральской революции см.: Николаев А.Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. О позиции Ставки и руководителей армии накануне и во время отречения Николая II см.: Куликов С.В. Февральская «революция сверху» или Фиаско «генералов для пронунасиamento» // Россия XXI. 2004. № 4.

таризмом путем расширительного толкования Основных законов. Иногда, например – в 1913 г., оппозиционность нижней палаты достигала критической массы, что грозило затормозить законодательный процесс и наталкивало царя на мысль о превращении Думы в законосовещательную. Лишь только, однако, нижняя палата возвращала себя в рамки Основных законов, Николай II сразу же отказывался от мысли о понижении ее статуса.

Следовательно, отношение царя к Думе имело чисто ситуативный характер и напрямую зависело от отношения Думы к царскому правительству, а не наоборот – антидумские действия и мысли монарха всегда были только непосредственной реакцией на антиправительственные и незакономерные выпады нижней палаты, а не результатом принципиального неприятия Николаем II самой идеи народного представительства. Более того, как типичный прагматик, он отнюдь не являлся безусловным сторонником дуализма и допускал возможность постепенной эволюции России в сторону парламентарной монархии, что проявилось особенно ярко в период Первой мировой войны. Конфликт между царем и лидерами Прогрессивного блока, ставший одной из причин Февральской революции, возник не потому, что первый был противником парламентаризма, а вторые – его сторонниками, а потому, что Николай II, понимая опасность перемены политического режима в момент войны, откладывал ее на послевоенное время или даже на начало правления Алексея Николаевича, между тем как думцы имели в войне, точнее – в обеспечении ее победного исхода, усматривали главную причину для введения парламентаризма. Вместе с тем, осознание неизбежности этой реформы облегчило для царя сначала согласие на нее (1 марта 1917 г.), а затем – и на отречение от престола (2 марта).

Р.А. ЦИУНЧУК

Думская избирательная система как фактор оформления новой этнополитической географии Российской империи

В современной историографии постепенно утверждается тезис о том, то Дума стала первым местом в современной истории Российской империи¹¹⁰, где легально встретились и активно прозвучали такие ак-

¹¹⁰ Циунчук Р.А. Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма // Kazan, Moscow, St.Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire Ka-

туальные и ныне вопросы как мусульманский, русский, казачий, кавказский, еврейский, сибирский, польский, немецкий, балтийский, старообрядческий и даже такие как молоканский, менонитский, мариавитский и др., каждый из которых может и должен составить отдельное исследование. Ныне специальные монографические работы посвящены польскому, украинскому, белорусскому, азербайджанскому, мусульманскому и казачьему представительству в Думе¹¹¹.

Однако принципиально важно увидеть и прочитать через Думу весь комплекс этноконфессиональных и региональных проблем России. С появлением Думы возникала новая этнополитическая география империи. Представляется, что важным методологическим ключом к исследованию Думы должен стать системный подход и трактовка Думы и Государственного совета как новой сложной подсистемы в традиционной политической системе России начала XX века. Причем эта подсистема, несмотря на все известные недостатки, генетически принадлежала уже к демократическим институтам и являлась в тот момент одним из важнейших потенциальных мостов-переходов, обеспечивающих транзит от старой России к новой.

заны, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Междунар. сб. научн. ст. М., 1997. С. 83–105; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998; Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законодательства. М., 1999; Циунчук Р.А. Государственная дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных политических элит // Исторические записки. М., 2001. Т. 4 (122); Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX в. СПб., 2001; Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004; см. также фундаментальное издание, подготовленное к 100-летию Государственной думы: Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. М., 2006. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.).

¹¹¹ *Werzchowski M. Sprawy Polskie w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa. 1966; Lukawski Z. Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906–1909. Wrocław. 1967; Chmielewski E. The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; Саид-Заде С. Азербайджанские депутаты в Государственной думе. Баку, 1991; Киян М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). Харьков, 1997; Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблема “свободы совести” в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; Забайски М.М. Расійська Дзяржаўная Дума ў грамадско-палітычным жыцці Беларусі 1906–1917 гг. Мінск, 1999; Сергеев В.Н., Шансугов Д.Ю. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917). Ростов-на-Дону, 2003; Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1917. Казань, 2005; Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы, 2006; Котокова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008.*

Важно заметить, что неожиданно для власти Дума стала вторым после Всеобщей переписи 1897 года общеимперским проектом, способствовавшим осмыслению страны как многонациональной и определению идентичности различных этнических, конфессиональных и религиозных сообществ.

Кстати, и сами материалы переписи сыграли важную роль в ходе выработки законодательства о Думе и Государственном совете в Советании под руководством графа Д.М. Сольского.

Новый исследовательский дискурс побуждает привлечь также и междисциплинарную методологическую категорию языков описания и самоописания к анализу всего явления отечественного парламентаризма и его этноконфессионального и регионального измерения.

Важнейшей структурой думской субсистемы, заметно способствовавшей формированию и проявлению национальной и региональной идентичности народов империи, стало думское избирательное право. Формирование избирательных округов, учитывавших не только сложившиеся административные границы губерний, областей и генерал-губернаторств, но и этноконфессиональный состав населения, его плотность, развернувшаяся предвыборная борьба и деятельность депутатов от регионов сделали думский фактор весьма заметным в складывании новой этнополитической географии Российской империи.

Интересно отметить, что уже в период подготовки законодательства о Думе и о выборах произошло столкновение традиционалистской идеологии (и соответствующей архаической имперской лексики) с модерновыми концептами, идеями и практиками, отраженными в новом политическом языке. Пытаясь учесть эти противоречия, имперская власть, делая новый шаг по пути модернизации, стремится сконструировать новую русскую политическую лексику, определить и ее смысловые границы — например, появляются термины Государственная дума (но не парламент), Основной закон (но не Конституция), Земский собор (но не конституционная ассамблея), думский наказ (но не регламент), роспись расходов и доходов (но не бюджет) и т.д.

Фактически накануне созыва Государственной думы власть раздваивается между двумя политическими линиями: 1) правительственным намерением наднациональной интеграции общеимперского социума, поясняя, что «мера эта (как указывалось в комментарии комиссии Д.М. Сольского к проекту о выборах) должна получить важное государственное значение в деле сближения многочисленных народностей, объединенных под сенью русской державы с коренным русским населением»¹¹² и 2) национальными требованиями выравнива-

¹¹² РГИА. Ф. 1544. Оп.1. Д. 1. Л. 37.

ния политико-правового статуса этносов, конфессий и регионов, которые, как полагал министр внутренних дел П.Н. Дурново, вызывают серьезный страх «окраинного сепаратизма»¹¹³. Заметим, что по мере развития событий многие во власти считали необходимым все больше опираться в политике на правомонархические консервативные силы и даже финансировать и деятельность и выборные кампании таких партий, особенно в окраинных губерниях.

В ходе совещаний Д.М. Сольского по выработке правил о выборах его участники, желая интегрировать всю без изъятий территорию империи вокруг думского представительства, используют своеобразную терминологию: ядро империи, коренные русские губернии, исконно русские города, инородческие окраины, великорусское племя, а в отношении Туркестана применяют колониальную лексику: туземцы, пришлое население, задачи колонизации края, (генерал-губернатор Н.Н. Тевяшов), метрополия, колонии и среднеазиатские владения, господствующая нация (министр П.Н. Дурново).

Обсуждение выборной системы дало толчок к национальной и региональной самоидентификации народов, к формированию языков политического выражения национальных интересов.

Имперская власть, конструируя Государственную думу и Государственный совет, моделируя избирательное законодательство, была весьма озабочена проблемой нежелательного весомого инородческого представительства в первом российском парламенте. Еще в конце 1904 года в докладе князя П.Д. Святополк-Мирского императору Николаю II (подготовленном С.Е. Крыжановским, одним из главных конструкторов думской политической системы, в то время помощником начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД), когда впервые предполагалось ввести в Государственный совет некоторое число представителей населения, пояснялось, что выборными должны были быть только представители от имевших земство 34 губерний, «которые почти все составляют коренные русские области», а представителей окраинных многонациональных местностей империи планировалось назначать¹¹⁴. Спустя менее чем год С.Е. Крыжановский в записке «К преобразованию Государственного совета», направленной в Особое совещание под руководством графа Д.М. Сольского, особо выделял эту проблему: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66 % общего количества населения, а чуждые народности достигают 34 %, то

¹¹³ ОР РНБ. Ф. 781. Д. 232. ЛЛ. 1–2.

¹¹⁴ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1996. С. 472; Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 253.

есть такого процента, какого не знает ни одна западно-европейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации. Национальная борьба и теперь проявляется у нас в высокой степени, а в будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли уже будет связана территориальная целостность империи. Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и самый престол Российских государей, безусловно, господствовал в законосовещательных учреждениях... В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство»¹¹⁵. При обсуждении реформ государственного устройства император Николай II требовал обеспечить обязательное «право каждого русского чувствовать себя дома на всем протяжении империи» и необходимость политически выделить «исток русского национального ядра»¹¹⁶.

Проще всего было сразу же поставить законодательные преграды для проникновения в Думу нежелательного инородческого элемента и создать льготную избирательную схему ее пополнения лояльными к власти национальными представителями. Имперская думская конструкция должна была гарантировано обеспечить преимущественное представительство «коренных» русских губерний. Первоначально при обсуждении схемы выборов в «булыгинскую» Думу предполагалось лишить избирательных прав «кочевых и бродячих инородцев», евреев и жителей Финляндии (имевших свой автономный Сейм). По настоянию С.Ю. Витте и вопреки аргументам А.Г. Булыгина было решено предоставить право избирать и быть избранными в Думу евреям, при этом Совет министров исходил из того, что в условиях цензового голосования «в Думу пройдут, может быть, несколько евреев, которые едва ли могут повлиять на мнения 400–500 ее членов»¹¹⁷. В смягченном варианте избирательного закона были также сняты ограничения для «кочевых инородцев», но вопрос о представительстве финляндских подданных остался открытым. Против избрания финляндских депутатов в Думу выступали и в самой Финляндии, предполагая, очевидно, что такое участие означало бы более тесную интеграцию Великого княжества Финляндского в общероссийское политико-правовое поле. В марте 1906 года Финляндский генерал-губернатор А.Ф. Лан-

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

¹¹⁶ Смирнов А.Ф. Государственная дума российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 46.

¹¹⁷ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 149

гоф писал Д.М. Сольскому: «По моему глубокому убеждению, едва ли участие в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для империи и Великого княжества Финляндского вопросов»¹¹⁸. При этом в качестве основных политических аргументов такого неучастия генерал-губернатор называл, во-первых, финляндскую законодательную самостоятельность, а во-вторых, слабую распространенность русского языка в Финляндии.

Специально обсуждался также вопрос об обязательности для избираемого в депутаты владеть русским языком и грамотой. В утвержденном царем 6 августа 1905 года Положении о выборах в Государственную думу в пункте «д» ст. 6 было прописано, что от участия в выборах полностью устранялись так называемые «бродячие инородцы», а ст. 55 вводила языковой ценз, указывая, что в члены Думы могут избираться только кандидаты знающие русский язык¹¹⁹. Позднее уже при производстве выборов в губерниях Царства Польского возникли затруднения, когда оказалось, что в процессе голосования массово подавались записки на польском языке или бланки с подстрочным переводом на польский. Вставал вопрос о признании действительности таких выборов. Поэтому в Особом совещании графа Д.М. Сольского 16 апреля 1906 года (за 11 дней до открытия Думы) обсуждался также вопрос о возможности использования польского языка при голосовании (в губернских избирательных собраниях кандидаты, баллотировались записками), одиннадцать членов комиссии соглашались с возможностью подавать записки и на русском, и на польском языке, пятеро допускали записки на польском как исключительные; в итоге был подготовлен и подписан Указ, разрешавший избирательные записки и бланки, написанные по-польски.¹²⁰

При разработке правил о выборах власть целенаправленно стремилась создать привилегии для избирателей губерний и городов Центральной России (надеясь на их лояльность) и ограничить представительство национальных регионов. В приложении к статье 2 Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 года устанавливалось общее число депутатов (412) от 51 губернии и области Европейской части Российской империи, а примечанием к ст. 1 оговаривалось, что «выборы в Думу от губерний Царства Польского,

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 96об.

¹¹⁹ Законодательные акты переходного времени (1904–1906 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1907. С. 140, 153.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 390–391; Законодательные акты переходного времени. С. 566.

областей Уральской и Тургайской и губерний и областей Сибирских, генерал-губернаторств Степного и Туркестанского и Наместничества Кавказского, а также от кочевых инородцев производятся на основании особых правил»¹²¹.

Проекты Правил применения закона о выборах к окраинам империи обычно составлялись С.Е. Крыжановским при участии В.С. Налбандова, в то время чиновника Главного управления по делам местного хозяйства МВД, а затем обсуждались в Особом совещании¹²².

В период обсуждения Совещанием региональных правил Министерство пыталось еще более усилить «имперскость» избирательного закона, урезать права национальных регионов, создать привилегии для русских выборщиков на окраинах. П.Н. Дурново писал 25 марта Д.М. Сольскому: «Заявления, проживающих на окраинах русских людей, которые поступают за последнее время в столь значительных количествах..., свидетельствуют с несомненностью о существенном пробеле всей нашей системы выборов в Государственную думу. Пробел этот заключается в том, что система выборов не обеспечивает в той мере, в какой бы следовало, подобающего места в Думе представительству великорусского племени, трудами которого создана империя»¹²³. Параллельно правительство дорабатывало избирательный закон (11 декабря 1905 г.), пересматривало учреждения Думы и Государственного совета (20 февраля и 24 апреля 1906 г.) и редактировало Основные государственные законы (23 апреля 1906 г.), что свидетельствовало не только о хроническом запаздывании законотворческого процесса, но и о вынужденных маневрах правительства с целью формирования наиболее лояльного состава первой Государственной думы.

Важнейшим вопросом политической географии думских выборов стал вопрос об избирательных округах, об их территории и плотности заселения, об этноконфессиональном и социальном составе населения этих округов. При конструировании «булыгинской» Думы и думского избирательного закона была намечена средняя норма представительства – 1 депутат должен был представлять 250 тысяч человек, которую, посоветовавшись, решили применять только к губерниям Европейской России, повысив норму для окраинных губерний до 350 тысяч. Предполагалось распределение числа депутатов между центральными губерниями, управляемыми по общему учреждению, и окраинными территориями пропорционально уплачиваемым налогам, а

¹²¹ Положение о выборах в Государственную думу // Государственная дума. Указания 6 августа 1905 г. (б.м.), 1905. С. 1.

¹²² Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, (б.г.). С. 49.

¹²³ ОР РНБ. Ф. 781. Д. 232. ЛЛ. 1–106.

внутри этих групп – в пропорции к числу населения. При выборах в первую Думу эта общая раскладка сохранилась и даже усилилась после выхода местных Правил о применении Положения о выборах. Завышение представительства от русских по составу губерний центральной России разъяснялось «государственным значением коренных русских губерний в общем строе империи»¹²⁴. Объяснительная записка Министерства внутренних дел аргументировала также завышение представительства крупных по территории, но сравнительно малонаселенных русских северных губерний (Архангельская, Вологодская, Олонецкая) указанием на то, что в ином случае «разносторонние местные интересы... не найдут себе достаточного выражения»¹²⁵. На Кавказе были созданы крупные многонациональные избирательные округа, включавшие в себя по несколько административных единиц (Батумская область и Сухумский округ, Дагестанская область и Закатальский округ, Кубанская область и Черноморская губерния), в которых, конечно же, невозможно было адекватно отразить разносторонние местные интересы. «Подобное образование особых избирательных округов, пределы которых не совпадали бы с границами отдельных административных территорий, – отмечалось при обсуждении, – могли бы в значительной степени изменить как распределение выборщиков, так и взаимное соотношение различных групп избирателей, среди которых преобладающее значение должны получить лица, принадлежащие к более состоятельным классам населения и потому заинтересованные в сохранении порядка»¹²⁶. Безусловное предпочтение в кавказских округах было отдано казачьему населению: в Терской области (где инородцев и иногородних крестьян было в четыре раза больше чем казаков) они избирали столько же выборщиков (15), сколько уполномоченные от сельских сходов и за ними было закреплено одно из трех депутатских мест¹²⁷. В округе, объединившем Кубанскую область и Черноморскую губернию, казаки составили около 40% населения и им было представлено 45 мест выборщиков (тогда как от съезда уполномоченных от сельских сходов инородцев и крестьян – неказачьих определено 14 мест), а фиксированная квота казачьих мест в Думу составила 3 (из 6 от всего округа)¹²⁸.

Особое значение для полного представительства народов и регионов империи имел подробно обсуждавшийся в Особом совещании вопрос об избирательных правах такого крупного многонационально-

¹²⁴ Материалы по учреждению Государственной думы. (Б.м.), 1905. С. 127.

¹²⁵ Там же. С. 126.

¹²⁶ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 11. Л. 86.

¹²⁷ Законодательные акты переходного времени. С. 340–341.

¹²⁸ Там же. С. 339–340.

го региона империи как Средняя Азия с населением более 5 миллионов человек. Вариант полного лишения населения Средней Азии представительства по причине его неготовности к законодательной работе был признан «в политическом отношении небезопасным», совместные выборы, по мнению большинства членов Совещания, привели бы «фактически к полному устранению русского элемента в крае от избрания в Государственную думу», поскольку ни один «инородец», избранный от Туркестана не будет содействовать проведению там «русской государственной (колониальной) политики»; решено было «для охраны русских интересов в Средней Азии и тесного единения края с империей» предоставить из общего числа 13 6 мест городскому оседлому русскому населению (5% населения), 1 место семиреченским казакам (0,6% населения) и 6 – инородцам, составлявшим 94,4% населения этих областей¹²⁹.

Таким образом, по нашим подсчетам, проведенным на основе Положения о выборах в Государственную думу и региональных правил о применении Положения о выборах, а также сведений Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, среднее по всей империи количество населения на одного депутата I–II Дум составляло 239,8 тысяч человек, в то время когда по губерниям России – 227,8 тыс., по Польше – 254,1 тыс., по Сибири и Дальнему Востоку – 274,2 тыс., по Кавказу – 290,2 тыс., а по Казахстану и Средней Азии – 336,8 тысяч человек, крайние показатели отличались друг от друга почти в шесть с половиной раз (Олонекская губерния – 121,3 тыс. и Ферганская область – 786,1 тыс. чел.).

Еще более заметными оказывались различия в нормах представительства по городам империи. Сначала для отдельного представительства были выделены города-стотысячники, которых тогда было 19. Однако 13 из них (Баку, Варшава, Вильна, Екатеринослав, Казань, Киев, Кишинев, Лодзь, Одесса, Рига, Ташкент, Тифлис, Харьков) оказались городами со значительным нерусским, нередко неправославным населением. Поэтому составители избирательного закона решили расширить это число до 26 и «включить в этот список некоторые чисто русские города, близко подходящие по численности к помещенным в списке»¹³⁰. Так отдельное представительство получили Воронеж (80,6 тыс. чел.), Курск (75,7 тыс.), Нижний Новгород (90 тыс.), Орел (69,7 тыс.), Самара (90 тыс.), Ярославль (71,6 тыс.), а также единственный из сибирских городов Иркутск (центр генерал-губернаторства с насе-

¹²⁹ Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 81–82.

¹³⁰ Материалы по учреждению Государственной думы. С. 30.

лением в 51 тыс. жителей), оказалось, что крайние показатели по городскому представительству отличались друг от друга почти в 8 раз (Одесса – 403, 8 тыс. и Иркутск – 51 тыс.).

В связи с обсуждением и опубликованием в Положении о выборах норм представительства от губерний и областей лично императору и в правительство поступали письма, телеграммы и записки с предложениями об изменении норм представительства, отразившие национально-региональные проблемы и этноконфессиональные интересы населения империи. Впервые появилась возможность легальной презентации политических интересов народов, выразителями которых становятся общественно-политические организации и представители новых национальных политических элит. Ряд обращений представляли собой приговоры сельских общин и их уездных или даже губернских (и областных) съездов, принимавшиеся в связи с началом выборной кампании. Их можно рассматривать в контексте развернувшегося в 1905–1906 гг. «наказного» движения. Главная цель такого рода обращений – усиление национального (а, следовательно, конфессионального и регионального) представительства в Думе. Несколько петиций пришли из губерний Европейской России. 19 февраля 1906 г. было отправлено письмо «доверенного от Башкирского народа Оренбургской губернии, Орского уезда, 4-й Усертанской волости, деревни Хайбуллиной Фифтахитдина Биккулова», предлагавшего разделить избирателей по национальному признаку для «предоставления башкирскому народу права избирать в Государственную думу своих представителей особо от русского крестьянского населения в Башкирии, пропорционально числу душ»¹³¹. Зыряне (коми) Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии вносили предложение от имени 120.000 зырян избирать прямо одного зырянина в уездном собрании¹³². Особой национальной общностью со своими специфическими интересами воспринимали себя поволжские немцы, которые в письме за 364 подписями предлагали создать особую избирательную немецкую единицу в Саратовской губернии (Камышинский, Саратовский и Аткарский уезды)¹³³. Звучали даже предложения о переустройстве самой избирательной системы по национальному признаку. С таким предложением разделить каждую курию избирателей по национальностям, «предоставляя каждой народности пропорционального ей числа выборщиков» выступил Минский комитет Союза 17 октября¹³⁴. Нужно отметить, что подобная избирательная новация шла дальше Програм-

¹³¹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 243об.

¹³² Там же. ЛЛ. 270 – 271.

¹³³ Там же. ЛЛ. 272 – 277.

¹³⁴ Там же. ЛЛ. 282 – 282об.

мы Союза 17 октября, утвержденной Всероссийским съездом 8 февраля 1906 года.

Ряд заявлений поступило от населения «азиатских национальных окраин» (по которым действовали особые Правила о выборах), причем активность здесь проявляли не только представители «окраинных инородцев», но и группы русского (православного) населения, озабоченные получением отдельных депутатских мест в Думе. Представитель инородческого населения Якутской области Василий Никифоров в телеграмме С.Ю. Витте сообщал об обсуждении вопроса о введении земства и о порядке выборов в Думу и просил ввиду «разбросанности населения на громадной территории» дать указание местной администрации о «необходимости приступить немедленно к выборам»¹³⁵.

В 1906 году делегация бурят во главе с ламой (Бандидо-хамболамой) приезжала в Петербург, чтобы просить у С.Ю. Витте и П.Н. Дурново два гарантированных депутатских места для бурят в Думу¹³⁶.

«Киргиз-кайсацкое» население Уральской и Тургайской областей выступило за расширение своего представительства (избирать членов Думы прямым голосованием по областям, не применять к киргизам имущественного ценза, дать возможность султанам выбирать своего депутата от каждой области, а для образованной элиты выставлять свои кандидатуры вне прописки)¹³⁷. Уполномоченные киргизского (казахского) населения Семипалатинской области отправили телеграмму, указывая, что в этой области избирается 1 депутат от 135 (135.000 – *Р.Ц.*) казаков и 1 депутат от 800.000 киргизов, поэтому «киргизы, глубоко привыкшие верить в справедливость белого царя», просят изменить норму представительства до 200 тысяч на одного депутата¹³⁸. Здесь обращение к имперской власти написано в традициях архаической политической лексики. По Правилам о выборах от Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей из общего числа в 10 депутатов Думы 4 могли выбирать «инородцы» (только кочевая часть, которых составляла 70% всего населения указанных областей), тогда как остальных 6 депутатов выбирали: двух – казаки (1 – уральские и 1 – от объединенного казацкого округа в составе Акмолинской и Семипалатинской областей и Томской губернии) и четырех – городское и сельское русское население¹³⁹.

В двух восточных губерниях Царства Польского – Люблинской и Седлецкой, часть населения которого составляло православное укра-

¹³⁵ Там же. Д. 12. Л. 111.

¹³⁶ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 110. Л. 6.

¹³⁷ Там же. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 18–19.

¹³⁸ Там же. Д. 10. ЛЛ. 250–251.

¹³⁹ *Сидельников С.М.* Указ соч. С. 82.

инское меньшинство, возник так называемый Холмский казус. Холмский православный архиепископ Евлогий уже после того, как депутатами от этих губерний были избраны исключительно поляки, обратился за поддержкой к Ober-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, добиваясь, чтобы «русскому населению Холмищины и Подляшья выбирать, отдельно от поляков и евреев Царства Польского, своего русского депутата в Государственную думу»¹⁴⁰.

В марте 1906 года, в то время, когда в центральной России уже завершаются выборы, приходы русских Тифлиских церквей и местное «патриотическое общество» (по заявлению авторов – более 20 тысяч человек) и столько же православных айсоров в своем письме «просят даровать русскому населению Закавказья право избирать, совместно с айсорами из своей среды, в отдельных от других национальностей, собраниях двух членов в Государственную думу»¹⁴¹.

Подробную записку с аргументацией об увеличении представительства от польских губерний передал через товарища министра внутренних дел Д. Трепова один из лидеров польского Союза реальной политики граф Велепольский. Сравнивая нормы представительства от русских губерний (250 тыс. чел. на одного депутата) с нормами от окраинных губерний (350 тыс. чел.), Велепольский полагал, что необходимо пересмотреть численность представительства для Польши, а аргументом приводил расчеты средней суммы уплаты налогов на одного жителя, поскольку «губернии Царства Польского несут государственные повинности наравне с самыми отягощенными в этом отношении областями империи», но «смещиваются для общих выводов в одно целое с несущими гораздо меньшие тяготы Кавказом, Закавказьем и Средне-Азиатскими владениями»¹⁴². Эти предложения были подкреплены просьбами от представителей варшавского городского самоуправления и предпринимательства об увеличении депутатской квоты от Варшавы¹⁴³.

Встречные претензии содержала переданная в Особое совещание «Челобитная царю от депутации окраинных губерний» – «Русских людей Привислинского, Северо-Западного и Прибалтийского края», за подписями Василия Курчинского, Александра Касьмина, Ивана Высоцкого, Федора Филлера и Густава Шмида, где высказывалось опасение, что «русское население, живущее среди других иноплеменных групп может оказаться совершенно без представителей в Думе»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 8. Л. 53об.

¹⁴¹ Там же. Д. 10. Л. 265.

¹⁴² Там же. ЛЛ. 47–47об.

¹⁴³ Там же. ЛЛ. 166–169.

¹⁴⁴ Там же. Л. 262.

Как бы полемизируя со сторонниками расширения представительства польских губерний письмо формулировало «...ужасающий факт, что в экономическом отношении польский край давно уже живет за счет все более и более оскудевающего русского центра», отталкиваясь от этого утверждения, составители записки заявляли об угрозе получения поляками 25 % мест в Думе¹⁴⁵. Составители письма приводили свои подсчеты национального состава и утверждали, что «в Минской губернии, где население 80 % русских, 15 % евреев, 3 % поляков, 2 % прочих из всего числа 9 членов в Государственную думу могут попасть 8 поляков и разве лишь 1 русский, а именно из крестьян», в Прибалтике «благодаря ценовым преимуществам немцев, составляющих лишь 7 % населения и численному преобладанию эстов (35 %) и латышей (около 50 %), русские, составляющие 5 1/2 % населения края, также могут не иметь ни одного своего представителя в Думе», и из «12 миллионов русского населения всего Северо-Западного края в Государственной думе может не оказаться ни одного представителя», «точно также и в Царстве Польском около 450.000 русских людей (не считая даже русского населения Холмской Руси) не могут рассчитывать на избрание хотя бы одного члена в Государственную думу»¹⁴⁶. Авторы записки настаивали на том, что интересы русских ущемлены по сравнению с другими народами и приводя список «привилегированных», по их мнению, этносов, заявляли: «Является естественным желанием для русских людей пользоваться у себя дома, в своей родной стране, отнюдь не большими, только лишь не меньшими правами, в сравнении, например, с калмыками, бурятами, казанскими татарами и прочими своими иноплеменными согражданами»¹⁴⁷. Записка завершалась требованием издать «в целях восстановления русских граждан» царский указ, где были бы реализованы следующие предложения: 1) В Привислинских губерниях сверх общего числа определенных для Царства Польского и Холмской Руси избрать еще двух членов Государственной думы; 2) В губерниях Северо-Запада – дополнительно по одному русскому члену Думы от каждой губернии; 3) В Прибалтийском крае – так же; 4) В Прибалтийском крае предоставить русским представителям право участвовать с решающим голосом в совещании при Временном Прибалтийском генерал-губернаторе; 5) Предоставить русскому населению Польши, Северо-Западного и Прибалтийского края право иметь необходимое число русских представителей и в Государственном совете¹⁴⁸. Ясно, что реализация подобной схемы выборов увели-

¹⁴⁵ Там же. Л. 262об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 262–262об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 263 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 263.

чивала бы нормативную численность депутатов более чем на десять человек и означала бы принципиальное изменение самой модели Думы и Государственного совета. «Челобитная» была единственным ходатайством, получившей визу императора: «Можно рассмотреть в Совещании под председательством графа Сольского»¹⁴⁹. После обсуждения в тексте Мемории Совещания 10 марта 1906 г. отмечалось, что «без сомнения, весьма желательно было бы устранить такое обидное для русского самосознания и с политической точки зрения невыгодное положение вещей», но 1) уже поздно, 2) нет уверенности, что пройдут люди, «поддерживающие русскую идею»¹⁵⁰. 28 марта 1906 г. в Совещание поступило представление о дополнении избирательных правил министра внутренних дел И.Н. Дурново, который называл «вопрос о представительстве в Думе интересов русского населения окраин Империи чрезвычайно важным» и считал не подлежащим сомнению «что ни одно место члена Государственной думы от Варшавы не будет занято лицом русского происхождения», а потому предлагал добавить еще одно место от Варшавы, упоминая, что тогда, как и просили представители варшавских организаций на 779.000 населения будет как раз 3 депутата из расчета 250.000 на одного члена Думы, а вопрос о том, кого считать «лицом русского происхождения» оставить на усмотрение Варшавского генерал-губернатора¹⁵¹. В проекте Мемории Совещания 28 марта 1906 г. предложения зырян, киргизов, немцев, башкир, русских и айсоров Тифлиса рекомендовалось отклонить. 8 апреля 1906 года, когда итоги выборов в губерниях Европейской России были уже известны, министр внутренних дел И.Н. Дурново направил в Особое совещание дополнительное представление об избрании отдельного депутата в Думу от русского (православного) населения Люблинской и Седлецкой губернии (Холмская Русь), которое обсуждалось также 16 апреля и было утверждено императорским Указом 22 апреля 1906 года¹⁵². Так, уже в перводумской избирательной кампании 1906 года появилось особое православное Холмское избирательное собрание. Так этнополитический фактор становился все более заметным в формировании новой политической географии Российской империи. Впоследствии этот избирательный округ составил ядро новой Холмской губернии, выделенной из Царства Польского.

Общее руководство выборами взяло на себя Министерство внутренних дел, а ключевую роль в организации выборов на окраинах ре-

¹⁴⁹ Там же. ЛЛ. 257–260.

¹⁵⁰ Там же. Л. 258.

¹⁵¹ Там же. ЛЛ. 316–316 об.

¹⁵² Там же. ЛЛ. 371, 419–420, 437; Законодательные акты переходного времени. С. 563–565.

шено было отвести местным властям. Так, кавказскому наместнику было предоставлено, во-первых, право «определять время приступа к распоряжениям о производстве выборов в Государственную думу в отдельных частях вверенного ему края, когда местные условия не будут тому препятствовать», во-вторых, «в Елисаветпольской и Эриванской губерниях при производстве первых выборов в Государственную думу, в случае надобности соединять селения и колонии в избирательные участки, хотя бы в иных случаях и чересполосно, а также разделять губернские избирательные собрания на отделения и определять число подлежащих избранию от каждого из них членов Думы из назначенного на губернию общего их числа»¹⁵³. При выборах от православных Люблинской и Седлецкой губерний Варшавский генерал-губернатор имел право «соединять... уезды с небольшим числом православных приходов и образовывать из них соединенный избирательный съезд», а также распределять общее число выборщиков «между съездами уполномоченных в соответствии с общим количеством прихожан каждого уезда»¹⁵⁴.

Закон о выборах 3 июня 1907 г., принятый, как известно, в обход Думы, сократил число членов Думы на 82 депутата с 524 до 442 человек и ставил одной из своих целей резкое ограничение представительства национальных регионов. В Манифесте о роспуске Государственной думы и об изменении порядка выборов от 3 июня 1907 г. указывалось: «Созданная для укрепления государства российского, Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены»¹⁵⁵. В итоге представительство польских губерний в III–IV Думах сократилось на 23 мандата (с 37 до 14), Кавказ потерял 19 из 29 депутатских мест (осталось 10), представительство Сибири и Дальнего Востока сократилось на 5 мест (с 21 до 14), а из 23 депутатов от Средней Азии и Казахстана самодержавные законодатели оставили только 1 место для уральских казаков. Было также сокращено представительство от Вятской, Киевской, Пермской и Уфимской губерний, возможно как в свя-

¹⁵³ Законодательные акты переходного времени. С. 329.

¹⁵⁴ Там же. С. 564–565.

¹⁵⁵ *Калинычев Ф.И.* Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. М., 1957. С. 273.

зи с тем, что они избирали оппозиционных депутатов¹⁵⁶, так и в связи с многонациональным составом этих губерний.

Одновременно обсуждались и готовились изменения избирательного закона, который отсекал бы от выборов наиболее оппозиционный к власти электорат, в том числе на национальных окраинах. Итак, разочаровавшись в попытках получить лояльную Думу, правительство вновь применяет политику «двойного стандарта» в отношении избирательной системы. Наряду с полным лишением представительства населения Средней Азии, Казахстана, Якутии и уменьшением по закону 3 июня 1907 г. более чем в три раза числа избираемых депутатов в Польше и на Кавказе и на одну треть – в Сибири правительство стало применять практику дробления съездов избирателей в многонациональных губерниях Европейской России.

На выборах в III и IV Думу с санкции Министерства внутренних дел делению по национальному или вероисповедальному признаку подверглись съезды избирателей. Благодаря такому принципу формирования выборщиков III и IV Дум заметно усилилось лояльное правительству представительство. Для гарантированного представительства русского населения окраин были введены специальные квотированные места от Закавказья, Варшавы и от Виленской и Ковенской губерний. Русское население Закавказья составило отдельный округ и избирало одного депутата. Положением определялось: «К русскому населению Закавказья в отношении производства выборов в Государственную думу причисляются лица русского происхождения: православные, старообрядные и лютеране. Ближайшее, в отдельных случаях, указание, кто именно должен быть причислен к лицам русского происхождения, представляется наместнику, распоряжения коего по сему предмету признаются окончательными и обжалованию не подлежат»¹⁵⁷.

Асимметрия избирательной системы еще более усилилась.

Третьеиюньская избирательная система оставалась неизменной вплоть до 1917 года вопреки попыткам думских национальных и оппозиционных фракций восстановить представительство окраин; фактически она демонстрировала «отрицательную» динамику процесса избирательного нормотворчества, политически затрудняла адекватную презентацию интересов нерусского населения, заметно препятствовала формированию у власти реальной картины сложных межнациональных отношений.

¹⁵⁶ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 14.

¹⁵⁷ Калинычев Ф.И. Указ. соч. С.385–386.

Тем не менее с появлением Государственной думы, с развитием думской политической практики социально-политическая жизнь страны необратимо обрела новые, достаточно четко выраженные этноконфессиональное и региональное измерения, формировала новую этнополитическую географию Российской империи.

Д.Н. ШИЛОВ

Первые дни народного представительства глазами царского сановника (по материалам воспоминаний А.Н. Куломзина)

Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923) – личность весьма примечательная в сонме пореформенных государственных деятелей Российской империи¹⁵⁸. В сфере почестей и наград он достиг всего, чего только мог пожелать – чин действительного тайного советника, звание статс-секретаря его величества, орден Андрея Первозванного. В то же время в течение более чем полувековой своей службы он никогда не занимал поста, который бы позволил ему руководить решением задач государственного масштаба в той или иной сфере. Всесторонне образованный, умеющий работать сам и организовать труд других, склонный к научно-исследовательской деятельности, Куломзин не раз являлся кандидатом в министры, но министром так и не стал.

Одной из причин тому был характер Анатолия Николаевича, по определению современника, «стремительный и увлекающийся»¹⁵⁹. Резкий, не всегда склонный к неизбежным в большой политике компромиссам, Куломзин в течение десятилетий оставался на вторых ролях в системе государственного управления империи. Это привело к тому, что для историографии его судьба, работы и деяния долгое время находились «в тени» более удачливых современников. Лишь в последние два десятилетия к А.Н. Куломзину появился интерес, обусловленный, в первую очередь, существованием его громадных и информативных мемуаров.

¹⁵⁸ Довольно подробную биографию Куломзина см.: *Ремнев А.В.* Тайные пружины царских канцелярий, или история жизни одного российского бюрократа // *Выдающиеся государственные деятели России XVIII – XX вв.*: Сб. науч. ст. Омск, 1996. С. 101–133. Справочные сведения о нем можно почерпнуть в издании: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиогр. справ. 2-е изд. СПб., 2002. С. 380–385.

¹⁵⁹ *Покровский Н.Н.* Комитет министров и его канцелярия в 1890-х гг. // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 10б.

Воспоминания А.Н. Куломзина «Пережитое» были написаны, по-видимому, большей частью в 1903 г. на отдыхе на швейцарском курорте Вевэ (Vevey) (отдельные сюжеты – ранее, в 1890-х гг.) и с тех пор постоянно дополнялись. Надо полагать, что автор вел какие-то заметки и раньше. Приблизительно в конце 1916 – начале 1917 гг. воспоминания были перепечатаны, затем в текст были внесены некоторые изменения, после чего Куломзиным были предприняты неудачные попытки опубликовать их в «Историческом вестнике» или «Голосе минувшего». Летом 1918 г. была начата, но не завершена новая перепечатка, по которой также делалась небольшая авторская правка¹⁶⁰.

Вариант воспоминаний, готовившийся Куломзиным к печати, ныне находится в Отделе рукописей РГБ. По-видимому, он неполон. Основная же масса рукописей хранится в личном фонде А.Н. Куломзина в РГИА (Ф. 1642. Оп. 1). Их изучение показало, что абсолютно все части воспоминаний имеются в наличии, но в разных редакциях.

Оба упомянутых варианта мемуаров доведены до 1904 г. Отметим, что политические события 1917–1918 гг. оказали определенное влияние на редактирование Куломзиным своих воспоминаний. Наиболее яркий пример – «Николай II» после событий в Екатеринбурге по всему тексту заменено на «Государь». В других случаях были смягчены первоначальные резкие характеристики государственных деятелей. Например, вспоминая о службе в Государственной канцелярии в 1860-х гг., Куломзин написал: «Государственным секретарем был назначен молодой, тридцати пяти лет; товарищ главноуправляющего кодификационным отделом Сольский, известный своим близким знакомством с[о] Сводом законов, человек сухой и несимпатичный». Впоследствии выделенная курсивом фраза была зачеркнута. В другом месте была снята реплика о том, что морской министр Н.К. Краббе был болен возвратным сифилисом, которая сначала приводилась в качестве бытовавшей в свое время сплетни¹⁶¹.

Несмотря на то, что большая часть мемуаров посвящена деятельности автора по Комитету Сибирской железной дороги и потому наполнена огромным количеством специальных сведений, А.Н. Куломзин немало размышлял и на общеполитические темы. Перед читателем проходит галерея государственных деятелей последних трех царствований, начиная с реформаторов 1860-х гг. и заканчивая министрами и членами Государственного совета предреволюционного пе-

¹⁶⁰ Подробнее об этом см.: Ремнев А. В. Тайные пружины царских канцелярий. С. 131–132.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 193. Л. 40; Д. 188. Л. 63.

риода. Заседания Государственного совета, стили работы министров, их административные достоинства и недостатки, взаимоотношения с императорами — обо всем этом пишет Куломзин, попутно сообщая массу любопытных бытовых мелочей и анекдотов. Характер и личные качества автора, его резкость, несклонность к компромиссам, привычка делить людей на «своих» и «чужих» также наложили отпечаток на текст мемуаров. Можно, например, отметить, что критические отзывы Куломзина о политических противниках гораздо информативнее, нежели характеристики друзей — М.С. Каханова, Н.Н. Селифонтова, Н.И. Стояновского. Последние под пером мемуариста предстают все как один талантливыми и высоконравственными государственными мужами, оттираемыми при царском режиме от власти бесцеремонными прохвостами. Главное же, на наш взгляд, достоинство мемуаров заключается в чрезвычайной информированности и наблюдательности автора.

Менее известна в историографии последняя глава мемуаров Куломзина «Мои занятия в Государственном совете», посвященная событиям 1904–1906 гг., написанная уже в эмиграции. Кроме нее Анатолий Николаевич успел надиктовать свои замечания на вышедшие в 1922–1923 гг. воспоминания С.Ю. Витте. Обе рукописи были переданы наследниками Куломзина в Русский заграничный исторический архив в Праге и после 1945 г. в его составе попали в фонды ГАРФ¹⁶². Указанная глава представляет собой черновой автограф, написанный характерным трудночитаемым почерком Куломзина, содержащий большое количество редакционных исправлений.

Значительная часть «эмигрантской» главы «Пережитого» посвящена учреждению Государственной думы и реформе Государственного совета в 1906 г., а также первым неделям функционирования новых учреждений. Любопытно, что в мемуарах Куломзин явно симпатизирует позиции власти, в то время как в 1906 г., как хорошо известно, он явился одним из наиболее радикальных членов старого Государственного совета¹⁶³. Автор вспоминает: «Наконец опубликована новая редакция Основных законов, в которой исключено слово неограниченный; Государь высокомилоостиво принимает собранных в Зимнем дворце членов новых законодательных учреждений и с огромным достоинством читает свое прекрасное приветствие, в котором, говоря о даруемом с высоты Престола новом представительном строе, упоминает лишь, что наравне с новыми правами необходим порядок, ко-

¹⁶² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. ЛЛ. 1–33.

¹⁶³ См., например: *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 65, 201–202.

торый они призваны охранять. Члены Г[осударственной] думы, кое-как выслушав великодушные слова Его Величества, едва отвечали слабым несогласным “ура”. [...] Жена моя поехала на это торжество и была поражена тем, как толпа провожала ругательствами следовавшие по направлению к зданию Думы экипажи, свидетельствуя таким поведением о тех успехах, которые сделал у нас со времени кончины Царя-Миротворца революционный дух. [...]

В Г[осударственной] думе большинство принадлежало, увы, к так называемым кадетам. Эти люди вместо благодарности благодушному монарху явно намеревались, если власть не перейдет мирным путем в их руки, завладеть ею хотя бы путем возбуждения новых беспорядков. Со стороны верховной власти произошла тут роковая ошибка вследствие глубоко прискорбного недоверия к Витте. Это был человек уже доказавший при заключении Портсмутского мирного договора свое умение путем личного воздействия своей сильной воли выходить из самых затруднительных положений. Как человек, свыше целого десятилетия пробывший на высоком посту министра финансов, он пользовался в интеллигентных кругах несомненным авторитетом и популярностью и по своему самолюбию был лично заинтересован в том, чтобы употребить все силы своего большого ума для того, чтобы вывести страну из кризиса. Вместо того, он был заменен дряблым, равнодушным [...] Горемыкиным, составившим свой кабинет большею частью из лиц, совершенно неизвестных в широких общественных кругах, с участием других, пользующихся в тех же кругах глубокою ненавистью вследствие своего общеизвестного реакционного образа мыслей, как, например, злосчастный Стишинский. Лишь один свежий человек имелся в этом министерстве, это был Столыпин, занимавший пост министра в[нутренних] дел.

Что касается Г[осударственного] совета, то в его рядах сразу выразилась глубокая рознь при обсуждении ответного адреса на приветствие Государя. Согласно с моими убеждениями мне надлежало бы принадлежать к группе правых, но из суждений большинства членов этой группы во время предварительных переговоров ярко выразилось реакционное их направление, и это решительно помешало мне к ним присоединиться. И действительно, составленный этою группою проект адреса не содержал даже благодарности за дарованные с высоты престола законодательным учреждениям права; он дышал сожалением о покинутом строе неограниченной власти монарха. К такому проекту большинство Совета не могло пристать и поневоле этому большинству, состоявшему из довольно-таки разношерстных элементов, как то умеренно правых, не желавших возвращения к старым традициям, к которым и я принадлежал, умеренных либералов, принявших

кликну центра, представителей Польши и Литвы и, наконец, кадетов, пришлось объединиться. В свой проект адреса это большинство включило обращение к Государю просьбы о помиловании тех отдельных лиц, кои за предшествующее время навлекли на себя без определенной вины по недомыслию кару закона. Один из членов правой группы, всеми уважаемый генерал-ад[ъютант] Рихтер, выступил с указанием, что Государь считает право помилования своею прерогативою и что ходатайство о применении этой прерогативы он сочтет для себя обидным. Конечно, можно было бы обойтись без этого ходатайства, достаточно было выразить сожаление о лицах, оказавшихся виновными в нарушении закона без умысла, но тогда голоса могли расколоться и таким образом проект правой партии мог оказаться соединившим большее число голосов. К тому же ораторы указывали, что даже преступникам не воспрещается ходатайствовать о помиловании. Во время переговоров в частных собраниях членов Совета по поводу проекта адреса несколько ярых левых, прибывших из провинций, нахально высказывали, что только выборные члены суть настоящие правомочные члены Совета, а правительственные члены не могут быть признаны вполне правомочными; несмотря на очевидную нелепость этого заявления я все-таки счел нужным возразить, что мы, члены от правительства, считаем себя в полном праве войти в состав отдельных групп I[Государственного] совета согласно убеждениям каждого из нас. В этом заявлении я был горячо поддержан другими. Если в основание создания правительственных членов легла бы мысль, что на них лежит обязанность всегда слепо голосовать в согласии с министерством, то очевидным стало, что это предположение не выдерживает критики. Ходатайство о помиловании известной категории нарушителей закона могло показаться обидным для Е[го] В[еличества] лишь по недоразумению, но напештываниями отдельных членов правой группы неудовольствие Государя против большинства было доведено до озлобления; распространились слухи о намерении Государя наложить те или другие взыскания на лиц, имевших влияние на вотирование негодной ему редакции адреса; о возможности исключения из состава присутствующих того или другого члена. Подобная мера совершенно выходила бы из пределов только что изданного закона, в силу которого состав присутствующих правительственных членов определялся раз в год 1 января, так что члены от правительства, по крайней мере, в течение года, на который они назначены, могли себя считать свободными в выражении своих мнений».

Последующие выступления А.Н. Куломзина в реформированном Государственном совете носили уже явно характер парламентских речей. Несмотря на подчеркиваемую в мемуарах почтительность к пер-

соне Николая II, понравиться последнему они явно не могли. Первое из них случилось в Общем собрании по поводу внесенного министром народного просвещения П.М. Кауфманом и одобренного Думою проекта закона о помощи земским учреждениям и Синоду в расходах на содержание начальных училищ. «В Совете правая группа, — пишет Куломзин, — не возбуждая прямой оппозиции против закона, выразила сомнение в возможности его одобрения без более обстоятельного его рассмотрения, что следовало бы образовать комиссию из представителей земских учреждений и сведущих лиц, в которой всесторонне его обсудить и т.д. Высказанные некоторыми ораторами возражения против этого предложения были недостаточно рельефны и закон легко мог быть заживо надолго погребен. Тогда я счел нужным высказать, что упомянутое предложение очевидно высказано лишь по недоразумению; формирование комиссий из сведущих лиц и представителей общественных учреждений для предварительной разработки законодательных проектов — это те приемы, которыми заменяли до сих пор отсутствие законодательных учреждений, состоящих из лиц по избранию населения; в настоящее время в Г[осударственном] совете присутствуют полномочные представители всех губернских собраний и дворянских учреждений и если бы Г[осударственный] совет подчинился заявленному пожеланию, то это равнялось бы признанию себя неправомочным вообще в обсуждении одобренного Думою проекта, что не соответствовало бы только что дарованным ему с высоты престола правам. После этого значительным большинством проект закона был одобрен».

Другая речь касалась выработки Государственным советом внутреннего порядка своего делопроизводства. Куломзин пишет: «Законом указывалось лишь образование особых комиссий из членов Совета для предварительного перед общим собранием рассмотрения законопроектов. Состав комиссий по особому постановлению Совета определялся в согласии с численным соотношением отдельных групп членов. Оставался вопрос о постановке делопроизводства в будущих комиссиях. Установление этого порядка возложено было на специальное совещание из членов Совета, в которое я также попал. Во всех представительных собраниях Запада доклады комиссий в общих собраниях возлагались на членов комиссий по избранию последних. Тот же порядок был принят и в Г[осударственной] думе. Между тем государственный секретарь бар[он] Икскуль предложил, чтобы составление докладов комиссий общему собранию было отнесено к обязанностям чинов Госуд[арственной] канцелярии. Таким образом, члены Совета обратились бы в пешек в руках канцелярии. В числе других я решительно восстал против такого измышления. Чтобы оттенить современ-

ное отношение канцелярии к членам Совета от прежних порядков я даже выразился, что настоящие взаимные отношения между канцелярией и членами Совета представляются мне расм земным по сравнению с недавним прошлым, причем я привел пример, что за время моего участия в Совещании о нуждах дворянского сословия в числе некоторых других участников совещания отказался от подписания журнала, нам в черновом виде не предъявленного, в коем изложение бывших суждений совсем не соответствовало суждениям. Нежелательно, сказал я, затруднять работы Совета подобными коллизиями».

Результатом эмоциональных «парламентских» речей Куломзина явилось его принудительное отстранение от заседаний Государственного совета. «На следующий же день после моей защиты самостоятельности членов Совета, — сообщает автор, — я получил ранний визит г[осударственного] секретаря, объявившего мне высочайшую волю, чтобы я на 4 месяца оставил столицу и чтобы не появлялся более в совещании по постановке делопроизводства в Совете. Тут присутствовавшая при моих объяснениях с государственным секретарем жена сразу выказала то отличающее ее присутствие духа и те возвышенные чувства, которые всегда руководят ею в критические минуты нашей жизни. Она сразу же выразила, что мы не будем себя считать вправе разглашать принятое государем относительно меня решение, также и не вправе сетовать на это решение, и что поступок государя отнюдь не может уменьшить нашу любовь к монарху. [...] Искуль показывал вид якобы удрученный; это дало мне повод обратиться к нему с вопросом, не известно ли ему, чем вызван наложенный на меня ostrakизм. В ответ он подтвердил ходивший слух о намерении Государя наложить те или другие взыскания на лиц, имевших влияние на вотирование негодного адреса или не помешавших своим вмешательством в суждения его принятию Советом, и в конце пробурчал, что Государь сказал ему, что он остался недоволен моим письмом. [...] Когда я сетовал на то, что Государь не согласился на обсуждение вопроса об отчуждении части частновладельческих земель, когда я возмущался заменою перед открытием Думы министерства Витте крайне непопулярным кабинетом Горемыкин — Стишинский, я писал моему младшему сыну в деревню некоторые письма, в коих с сожалением указывал на предвидимые мною губительные для государства последствия столь близорукой политики. Для публики моему удалению из столицы была придана форма отпуска, но о вынужденном удалении был поставлен в известность лишь председатель Государственного совета Э.В. Фриш».

Завершается текст последней главы воспоминаний описанием избирательного собрания в Кинешме Костромской губернии для выбо-

ров во II Государственную думу, на которых баллотировался сын Куломзина Анатолий (в то время предводитель дворянства Кинешемского уезда). «К сожалению, — замечает мемуарист, — принятая у нас сложная система выборов в Думу не давала хода, как бы следовало, избранникам уезда. Требовалось прохождение через горнило губернского избирательного собрания, где встречались лица, мало друг другу известные; интригам и пропаганде открывался простор. И здесь сын мой являлся выдающимся кандидатом. Левые же партии, если не могли помешать избранию в числе других также и кандидатов правого направления, то имели возможность провести наименее для них вредных. Ему самому случалось слышать про себя: “этого нельзя пропускать, он слишком умен”. Таким образом, он неизменно проходил в Думу по уезду в три первые думы и ни разу не был пропущен Костромским избирательным собранием».

В целом воспоминания Куломзина являются ценнейшим источником по истории внутренней политики Российской империи в различных ее аспектах на протяжении всего пореформенного времени. Существующие публикации отдельных их частей эпизодичны и труднодоступны для массового читателя¹⁶⁴. В настоящее время Российским гуманитарным научным фондом поддержан проект К.А. Соловьева (Институт общественной мысли, Москва) по изучению мемуаров А.Н. Куломзина, очевидно, с целью последующей их публикации. Однако заявленные в проекте хронологические рамки «Пережитого» — 1880–1906 годы — вызывают сильное недоумение, поскольку охватывают лишь половину воспоминаний, причем более позднюю по хронологии. Подобная частичная публикация мемуаров А.Н. Куломзина, на наш взгляд, нежелательна и нанесет очевидный ущерб наиважнейшему и весьма ответственному делу их введения в научный оборот.

Е.А. РОСТОВЦЕВ

«Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911)

Общепризнано, что «университетский вопрос» имел в российском обществе начала XX в. значение, далеко выходящее за рамки выс-

¹⁶⁴ Куломзин А.Н. Мои воспоминания по должности мирового посредника Кинешемского уезда первого призыва // Сельский вестник. 1911. № 5; *Он же*. Воспоминания мирового посредника // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. 1941. Вып. 10. Небольшой отрывок также помещен в статье: Ремнев А.В. Омское Прииртышье в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Известия Омского отдела Русского географического общества. 1995. № 1.

шей школы, а проблема автономии университетов была органично связана с движением либеральной оппозиции¹⁶⁵. Отсюда внимание историков к борьбе профессоров и «общества» за принятие нового университетского устава, который должен был сменить «реакционный» устав 1884 г.¹⁶⁶. В этой связи в ряде работ уже затрагивалась тема «университетского вопроса» в деятельности Государственной думы¹⁶⁷. В то же время проблематика большинства исследований связана либо с анализом политики Министерства народного просвещения (МНП), либо программ политических партий, либо революционным движением в стенах университетов. Между тем в тени остается политика ведущих профессорских коллегий, которые не просто выступали в качестве основных участников борьбы за автономию, но и во многом определяли направление тех процессов, которые проходили в высшей школе в эпоху «думской монархии». В настоящей статье мы попытаемся в общих чертах рассмотреть отношения правительства, профессорских коллегий (прежде всего, подробно останавливаясь на анализе стратегии Совета столичного университета) и думских политических сил с момента учреждения народного представительства до 1911 года, ознаменовавшимся известным конфликтом МНП с высшей школой. Для решения поставленной задачи важно: во-первых, прояснить сущность понятия «университетской автономии» в рассматриваемый пе-

¹⁶⁵ См., напр.: *Марков А.Р.* Что значит быть студентом? М., 2005. С. 57–68; *Иванов А.Е.* Университетская политика самодержавия в конце XIX – нач. XX в. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148–169; *Воробьева Ю.С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 10–49; *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Л., 1971; *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 214–219; *Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West Princeton, 1991; *Wartenweiler D.* Civil society and academic debate in Russia. 1905–1914. Oxford, 1999 и др.

¹⁶⁶ О законодательной и законотворческой деятельности власти в университетском вопросе см.: *Иванов А.Е.*: 1) Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 172–181; 2) Университетская политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148–169; *Воробьева Ю.С.* Указ. соч. С. 17–29; *Дмитриев А.Н.*: 1) Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайтуса. СПб., 2007. С. 236–255; 2) *State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War* // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. S. 149–152.

¹⁶⁷ См., прежде всего: *Воробьева Ю.С.* Указ. соч. С. 29–49.

риод; во-вторых, попытаться реконструировать модель отношений университетской корпорации и власти, роль в этих отношениях народного представительства; наконец, представляет интерес собственно процесс формирования основных политических дискурсов, связанных с высшей школой, нашедших отражение в думских прениях по «университетскому вопросу».

«Автономия» и «революция»

Прежде всего нужно прояснить вопрос о том, какой была формальная и фактическая автономия российских университетов в период 1906–1917 гг. С формально-юридической точки зрения автономия университетов Империи, как и других государственных высших учебных заведений, носила весьма ограниченный характер, основываясь на Университетском уставе 1884 г.¹⁶⁸ и Временных правилах 27 августа 1905 г.¹⁶⁹ Внутри университетской корпорации основным органом принятия решений был профессорский (университетский) совет, который обладал правом свободного выбора членов университетской корпорации (ректора, проректора, декана, профессора, приват-доцента), однако МНП было вправе не утвердить выбор университета, заместить по своему усмотрению любую университетскую магистратуру. Все изменения в составе университетских кафедр также утверждались министерством, им формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялся размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т.п. Все сношения с министерством университетских корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа. Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись ее подавляющему большинству скорее как общественные, чем государственные организации. Еще в ходе обсуждения в 1902 г. проекта будущего устройства университетов профессорские советы единодушно высказались за автономию преподавательских коллегий, выборность их членов, включая ректора, за восстановление штатных должностей доцентов (уп-

¹⁶⁸ Устав императорских российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 г. Стб. 985–1026.

¹⁶⁹ О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения // ИСЗ III. Т. XXV. Отделение I. № 26692. С. 658–659.

раздненных университетским уставом 1884 г.), за студенческое самоуправление (воссоздание деятельности так называемых «советов старост»). Такая позиция профессорского сообщества нашла отражение в материалах многочисленных правительственных комиссий, занятых разработкой нового университетского устава в период с 1901 по 1916 г.¹⁷⁰ и сопровождавших их общественных дискуссиях¹⁷¹. Задача университетов виделась не столько в решении утилитарных запросов государства и общества, сколько в «просвещении» граждан, вмешательство государства в университетскую жизнь представлялось излишним и даже недопустимым. В рассуждениях русских профессоров об устройстве университетов есть ссылки на западноевропейский опыт организации университетов, на модель университетского образования, сформулированную В.Ф. Гумбольдтом¹⁷². Популярны были также идеи о назначении «высшей школы» как творца «единой культуры» человечества¹⁷³.

При этом надо отметить, что *фактически* профессорские советы уже имели определяющее значение для определения всего хода внутренней жизни университетов. На практике вмешательство МНП во внутреннюю жизнь университетов носило весьма ограниченный характер: случаи неутверждения избранных университетскими корпо-

¹⁷⁰ Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения в устройстве российских университетов. СПб., 1902; Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1–5; Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов. СПб., 1906; Труды совещания профессоров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906; Об уставе и штатах императорских российских университетов. СПб., 1910; Об издании общего устава и штатов императорских российских университетов. Пг., 1916 и др.

¹⁷¹ См.: Менделеев Д.И. Заветные мысли Д. Менделеева. СПб., 1904; *Гревс И.М.* Временные правила 27 августа 1906 г. об управлении университетами и освобождении науки // Право. 1905. 1 сентября. Стб. 2933–2938; *Чирьев С.И.* Проекты преобразования высших и средних учебных заведений. Киев, 1905; *Сергеевич В.И.* Реформа университетского преподавания. СПб., 1908; *Кауфман П.М.* Новый университетский устав. СПб., 1909; *Эйхельман О.* Проект для нового устава императорских российских университетов. Киев, 1909; *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. [СПб., б.г.]; Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* Об основах университетской реформы // Вернадский В.И. О науке. СПб., 2002. Т. II: Научная деятельность и научное образование. С. 115–143; *Багалей В.И.* Экономическое положение университетов. М., 1916 и др.

¹⁷² Ср.: *Ляхович Е.С. Ревнушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 43–53; *Гаульсен Ф.* Германские университеты. СПб., 1904.

¹⁷³ См. напр.: *Вернадский В.И.* Задачи высшего образования настоящего времени // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 1–17.

рациями должностных лиц были единичными. Таким образом, фактическая автономия университетов была несравненно больше формальной. Любое вмешательство Министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор университетской корпорации¹⁷⁴.

Политические воззрения большинства российских профессоров при всех их различиях можно охарактеризовать как демократически-либеральные. Как известно, члены университетских корпораций приняли участие в целом ряде либеральных общественных проектов начала XX в.¹⁷⁵ Ряд членов профессорских коллегий принял участие в знаменитой банкетной кампании, проходившей в ноябре-декабре 1904 г.¹⁷⁶ Российские профессора в большинстве своем подписали (или впоследствии присоединились) к известной «Записке 342» о нуждах просвещения, в которой декларировались либеральные принципы, в том числе идея «академической свободы», которая, по словам авторов «Записки», «несовместима с современным государственным строем России»¹⁷⁷. Таким образом, идея «свободного, автономного университета» вошла в стандартный набор политических лозунгов либеральной оппозиции еще в период ее организационного формирования в 1904–1905 гг. Профессора приняли самое активное участие в деятельности Академического союза, созданного в марте 1905 г. по инициативе полуреволюционного «Союза освобождения»¹⁷⁸, идейной платформой которого стала как раз «Записка 342-х». «Академический союз» в литературе обоснованно называют организационным предшественником кадетской партии¹⁷⁹. Он также, как известно, был одной из важ-

¹⁷⁴ См. об этом, напр.: *Ростовцев Е.А.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу на страницах // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2009. С. 139–142, 151–152.

¹⁷⁵ См.: *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы.* М., 2001; *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX в. // *История СССР.* 1990. № 5. С. 64–66; *Kassov S.D.* Op. cit. P. 214–219.

¹⁷⁶ См.: *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976 С. 143–146; *Шацкило К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 294.

¹⁷⁷ Наши дни. 1905. 19 января.

¹⁷⁸ *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы. С. 66.

¹⁷⁹ *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов.* Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 202–212.

ных организаций «Союза союзов», созданного в мае 1905 г. и явившегося одним из главных «локомотивов» революции¹⁸⁰. Иначе говоря, не будет преувеличением сказать, что профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, по существу, являлся одним из основных ресурсов оппозиционной самодержавию кадетской партии, – по подсчетам В.В. Шелохаева 22 (40,7 %) членов первого ЦК кадетской партии представляли высшую школу¹⁸¹. Позиция кадетской партии по вопросам высшего образования, вполне отвечавшая настроениям профессуры, была заявлена в пункте 53 VIII раздела партийной программы, принятой I съездом (12–18 октября 1905 г.): «Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах. Увеличение их числа. Уменьшение платы за слушание лекций. Организация просветительской работы высшей школы для широких кругов населения. Свободная организация студенчества»¹⁸². В то же время такой общий характер формулировок партийной программы, в свою очередь, был связан с тем, что относительно форм автономного управления университетом, размера платы за обучение и статуса студенческих организаций среди кадетской профессуры единства не было. Надо отметить, что среди университетской элиты, представленной в руководстве кадетской партии, наибольшее влияние, несомненно, имели москвичи (в том числе ректор Московского университета А.А. Мамуилов, профессора В.И. Вернадский, С.А. Муромцев, С.А. Котляревский, А.А. Кизеветтер, П.И. Повгородцев и др.), что неудивительно, если иметь в виду традиционное положение Московского университета как центра российского «освободительного движения». Характерно, что среди активных деятелей партии «народной свободы» мы можем найти не так уж много членов Совета столичного университета – в их числе член ЦК Л.И. Петражицкий и председатель Петербургского комитета партии Н.И. Кареев. С 1910 г. в ряды членов ЦК кадетов вошел профессор В.М. Гессен; впоследствии членами ЦК стали также профессора Д.Д. Grimm, А.А. Шахматов. Менее «активными» членами партии также в разное время были столичные профессора Э.Д. Grimm, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Зелинский, Ф.А. Браун, М.И. Ростовцев, В.В. Бартольд, М.Я. Пергамент, И.А. Покровский и

¹⁸⁰ См., напр.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 220–245; *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 86–102.

¹⁸¹ *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 310–320.

¹⁸² См.: Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг.: в 3-х т. М., 1997–2000. Т. 1. С. 40.

некоторые другие профессора. Еще менее представлена в «активе» кадетов была профессура провинциальных вузов, в Киевском (св. Владимира) и Одесском (Новороссийском) университетах и вовсе были сильны позиции правой профессуры¹⁸³.

Надо помнить и о том, что в отношениях власти и преподавательской корпорации всегда присутствовало еще одно активное действующее лицо — студенчество, позиция которого, впрочем, определялась не столько корпоративными интересами, сколько влиянием на него определенных политических сил. Как известно, студенчество российских университетов на протяжении рассматриваемого периода находилось в значительной степени под контролем радикальных (социалистических) политических сил — социал-демократов и эсеров¹⁸⁴, которые явно доминировали в среде социально активных студентов, участвовавших в политических сходках, и, следовательно, имели ведущие позиции в формируемых там органах студенческого самоуправления¹⁸⁵. Отметим, что до осени 1905 г. студенческое движение, парализовавшее с начала революции работу университетов, в целом играло на руку профессорским корпорациям, добивавшимся юридического оформления университетской автономии. Уступкой власти стали Правила 27 августа 1905 г., предоставлявшие профессорской коллегии право на самостоятельное замещение основных университетских должностей, включая ректора. Однако они не только не удовлетворяли притязаний либеральной профессуры, но и были обоснованно восприняты ею как свидетельство слабости и растерянности правительства, которое необходимо использовать для того, чтобы добиться дальнейших уступок. После Манифеста 17 октября преподавательские корпорации активно включаются в легальную политическую борьбу. Эта «легальность», с одной стороны, открывала для либеральной университетской элиты возможность использовать новое «либеральное министерство» графа И.И. Толстого для достижения своих целей (в декабре 1905 г. университеты активно включились в обсуждение проекта нового Университетского устава, которое началось по

¹⁸³ См. напр.: *Иванов А.Е.* Университетская политика самодержавия в конце XIX — начале XX в. С. 167.

¹⁸⁴ См., напр.: *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 118–137.

¹⁸⁵ См. напр.: *Энгель Г.А.* 1905 г. и студенческое движение в Петербурге // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х т. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. II: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. С. 79; *Бондаревская Т.П.* Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 67–80.

инициативе нового министра)¹⁸⁶, с другой, не исключала для нее также ни потенциальной возможности нового использования «революционного» студенчества против власти, ни активного участия в оппозиционной политической деятельности¹⁸⁷.

С появлением народного представительства университетский вопрос почти сразу попал в повестку дня. Кроме общеполитических обстоятельств этому способствовало широкое участие университетской элиты в составе Государственной думы. Так, в составе I Думы было 10 профессоров и 4 приват-доцента¹⁸⁸, во главе ее становится профессор Московского университета С.А. Муромцев. Начало работы Думы вдохновляющее было воспринято профессорскими коллегиями. Так, в мае 1906 г. по предложению профессора В.М. Шимкевича Совет Петербургского университета обратился к Думе с приветственным обращением, в котором подчеркивалось, что только «энергичный и твердый образ действий» народных избранников «может вывести страну на путь нормального и мирного развития и тем самым возродить высшую школу к новой лучшей жизни, на благо народа и процветание науки»¹⁸⁹. В условиях господства радикальных и либеральных настроений среди большинства членов Государственной думы юридическое закрепление проекта автономии, подготовленной совещаниями профессоров под руководством министра И.И. Толстого, казалось возможным. Однако после отставки С.Ю. Вите в конце апреля 1906 г. оказался в отставке и сам граф И.И. Толстой. Разумеется, эта новость была критично воспринята профессорскими коллегиями, однако почти всеобщее возмущение вызвала весть о роспуске самой Думы. В сентябре 1906 г. Совет столичного университета решил принять участие в явно оппозиционной акции – приеме делегации английских парламентских и общественных деятелей, устраиваемом членами распушенной Государственной думы (во главе распорядительной комиссии по организации приема стоял лидер кадетов И.И. Милоков)¹⁹⁰. Представителями университета на приеме английской делегации были избраны актив-

¹⁸⁶ Труды совещания профессоров.

¹⁸⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Указ. соч. С. 151.

¹⁸⁸ Думский сборник. Государственная дума первого созыва (27 апреля – 8 июля 1906 г.). СПб., 1907. С. 10.

¹⁸⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 мая 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907. С. 71; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. / Сост. ординарным проф. И.И. Кауфманом. СПб., 1907. С. 33.

¹⁹⁰ См.: От распорядительной комиссии по устройству приема английской делегации. Приложение 1-е к протоколу заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. С. 133–135.

ные политические деятели университетской корпорации – бывшие депутаты Думы профессора М.М. Ковалевский (лидер партии демократических реформ) и кадет Л.И. Петражицкий¹⁹¹.

Впрочем, преемник И.И. Толстого министр П.М. фон Кауфман начал свою деятельность на посту министра народного просвещения, действуя вполне в либеральном духе¹⁹²: создав в августе 1906 г. совещание по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, министр вел его в стиле своего предшественника графа И.И. Толстого, фактически не вмешиваясь в дискуссии профессоров. В результате в решениях совещания, поддержанных председателем, появился важный для профессуры пункт, требующий «преподать местной администрации предписание в том смысле, чтобы никакие мероприятия общего или частного характера по отношению к высшим учебным заведениям, к учащим и учащимся в них не принимались ею без предварительного сношения с академическими властями»¹⁹³. В то же время министр потребовал на совещании от советов высших учебных заведений, чтобы они сами принимали меры для «устранения беспорядков», оговорив, что «лишь после безуспешности этих мер должна выступить общая администрация, предупреждая, однако, начальников высших учебных заведений о принятом решении и предстоящих распоряжениях»¹⁹⁴.

Однако в осеннем семестре 1906/07 учебного года намеченное взаимодействие между советами университетов и властями не сработало – революционные студенческие сходки с участием огромного количества «посторонних лиц» проходили в стенах высших учебных заведений постоянно. Происходило это прежде всего благодаря деятельности студенческих организаций, которые решительно игнорировали призывы к успокоению, звучавшие со стороны профессорских коллегий – в частности, можно указать на конфликт, который развернулся в Петербургском университете между Профессорским советом и Советом старост в октябре 1906 г.¹⁹⁵. Характерна зарисовка, присутствующая на страницах дневника великого князя Константина Коп-

¹⁹¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г. // Там же. С. 127–128. Ср.: Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб, 1991. С. 369.

¹⁹² См. об этом мемуары и дневник самого И.И. Толстого: Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 283; *Толстой И.И. Дневник. 1906–1916*. СПб, 1997. С. 38.

¹⁹³ Протокол Совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях. [16 августа 1906 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11457. Л. 120.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Д[ьяконов] А. 1905 и 1906 гг. в Петербургском университете. Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк). СПб, 1907. С. 115–124.

стантиновича, относящаяся к ноябрю 1906 г.: «За обедом С.Ф. Платонов [профессор, известный историк] к общему нашему ужасу рассказывал о возмутительных, царящих в Петербургском университете порядках: ссылаясь на одного из своих коллег-профессоров, Платонов привел его сравнение университета с общественной грелкой: всякий, кому вздумается, прямо с улицы идет туда, как бы ни был одет; в коридорах, даже в аудиториях ходят в шапках и курят, и никто с этим безобразием не может справиться»¹⁹⁶. В такой ситуации П.М. фон Кауфман уже в начале 1907 г. поставил вопрос о контроле над многочисленными студенческими организациями, возникшими при университетах. В своей основе предложения министра не противоречили, кстати, и настроениям профессорских советов, который в этот период пытался использовать министерские циркуляры для «обуздания» студенческого «самоуправления», в значительной степени «захватившего» власть в университетах.

В этой обстановке – поиска компромисса между профессорским сообществом и МНП начала работу II Дума. Выступая в марте 1907 г. перед депутатами II Государственной думы с программой правительственных законопроектов, П.А. Столыпин несколько туманно коснулся перспектив законоустройства высшей школы, заявив, что в этом деле правительство «ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предложенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил»¹⁹⁷. При этом министерство П.М. фон Кауфмана не внесло в III Думу ни одного «программного» законопроекта (за исключением проекта введения всеобщего начального обучения), что вызывало критику депутатов¹⁹⁸. Однако такая позиция МНП вполне объяснима, – министру приходилось лавировать между профессурой (и солидарным с ней большинством Думы) и позицией правых в отношении высшей школы как «рассадника революции». Так, во II Думе по инициативе В.М. Пуришкевича раздавались запросы со стороны правых, «почему министерство не обращает внимание на положение университетов, когда власть в высших учебных заведениях перешла в самозванные советы студенческих старост, подчиняющих себе

¹⁹⁶ Из дневника Константина Романова. 1906 г. [3 ноября] // Красный архив. Исторический журнал. 1931. Т. 2 (45). С. 129.

¹⁹⁷ Заседание 5. 6 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. Стб. 118.

¹⁹⁸ Председатель редакционной комиссии [Гессен В.М.] [Выступление в прениях] Заседание 33. 4 мая 1907 г. // Там же. Т. II. Стб. 139–140.

насилованными актами и свободную волю профессоров и значительную часть учащихся»¹⁹⁹. Впрочем, и сама II Дума вряд ли была достаточно активной в этой сфере, — до своего роспуска она едва успела избрать комиссию по народному образованию²⁰⁰.

Можно заключить, что к моменту завершения революции 1905 — 07 гг. была выработана своеобразная модель отношений между властью и университетской корпорацией, построенная на разграничении полномочий между МНП и университетскими советами на основании положения об университетской автономии (хотя представления о ее границах у власти и у профессорских коллегий были различными). При этом народному представительству (в котором либеральная профессура видела своего союзника) предстояло разрешить эти спорные вопросы, приняв новый университетский устав. Таким образом, на данном этапе позиция Думы как одной из законодательных палат воспринималась всеми заинтересованными сторонами как ключевая. Однако насколько эффективной в эпоху «3-июньской монархии» оказалась ее роль, и как в целом работала сложившаяся в ходе революции модель отношений между властью и высшей школой?

От реформы к репрессиям: МНП, профессорские коллегии и Государственная дума: 1907—1911 гг.

Третьеиюньский переворот 1907 г. поставил советы университетов в новое сложное положение, связанное с началом политической реакции. Первым актом новой эпохи в сфере высшего образования стало издание «Правил 11 июня». Согласно этому документу уставы студенческих организаций должны были «преследовать цели не противные существующим узаконениям» и утверждаться профессорскими коллегиями²⁰¹. Таким образом, хотя новые «Правила» были выработаны еще в мае 1907 г. на совещании начальников высших учебных заведений в их финальной редакции, как оказалось, они скорее «играли на руку» министру, а не профессорам. Содержавшийся в «Правилах» пункт о том, что «никакие отдельные студенческие организации... не могут быть признаваемы в качестве представительных организаций всех студентов», уже в скором времени дал министерству возможность настаивать на ликвидации такого института, как совет студенческих старост — органа, который в ряде университетов носил рево-

¹⁹⁹ Заседание 13. 20 марта 1907 г. // Там же. Т. I. Стб. 887.

²⁰⁰ Заседание 46. 24 мая 1907 г. // Там же. Т. II. Стб. 1144—1145.

²⁰¹ О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений // ЖМНП. 1907. № 7—8. С. 41—43.

люционный характер. Таким образом, «Правила», касающиеся студентов, в скрытой форме несли угрозу и профессорской автономии, поскольку ограничивали права университетских коллегий самим определять порядок отношений со студенческой аудиторией²⁰². Главное, что на практике упразднение «советов старост» затрудняло процесс переговоров профессоров с «революционным активом» студенчества и делало поведение учащих менее предсказуемым (и подконтрольным) университетским советам.

В июле - августе 1907 г. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман и подчиненные ему попечители учебных округов издадут ряд «охранительных» циркуляров, связанных со стремлением ограничить университеты от политически неблагонадежных лиц²⁰³, женщин²⁰⁴ и евреев²⁰⁵. Вообще, своей двусмысленной политикой, выразившейся в попытке, с одной стороны, вести постоянный диалог с профессорскими коллегиями, и, с другой стороны, следуя общей правительственной линии, в нормативном порядке ограничивать университетское самоуправление, министр привел возглавляемое им ведомство к явному тупику²⁰⁶. Между тем в созданной III Государственной думе университетский вопрос (равно как и другие вопросы народного просвещения) довольно скоро стал предметом серьезного обсуждения. Программный характер носил соответствующий пункт формулы перехода к обсуждению проекта государственной росписи доходов и расходов на 1908 г. в сфере высшего образования. Дума признала необходимым скорейшее внесение на законодательное рассмотрение проекта нового университетского устава и штатов; меры, направленные на подготовку молодых ученых для замещения профессорских кафедр; представление МНП об увеличении количества университетов в России; меры по отмене ограничений при поступлении в университеты для лиц, окончивших 4 класса духовных семинарий и ряд других. А.Н. Ропп, рассматривавший деятельность Думы в области образования, отмечал, что «все эти мероприятия, за исключением пер-

²⁰² О подготовке «Правил 11 июня» и их значении в университетской жизни см.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 42–43; Савельева В.Г. Положение совета министров 11 июня 1907 г. // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 283–294.

²⁰³ Министр народного просвещения – Ректору СПб. университета. 1 августа 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб, 1908. С. 194–195.

²⁰⁴ Там же. С. 201–202.

²⁰⁵ Попечитель СПб. учебного округа – Начальникам высших, средних и частных высших учебных заведений. 14 февраля 1907. № 2010 // Там же. С. 198–199.

²⁰⁶ См.: Савельева В.Г. Указ. соч. С. 293–294.

вого, самого важного, были выполнены отчасти по инициативе членов Государственной думы, отчасти же вследствие внесения правительственных законопроектов»²⁰⁷. И хотя в этой оценке есть определенное преувеличение, надо признать, что депутаты сразу активно занялись вопросами высшей школы. 15 ноября 1907 г. состоялись выборы комиссии по народному образованию в составе 55 депутатов Думы во главе с октябристом В.К. фон-Анрепом²⁰⁸. Первоначально в ее ведение входили все вопросы народного образования при том, что вопросами, касающимися высших учебных заведений, занималась специальная подкомиссия в составе 11 человек во главе с профессором медицины Казанского университета М.Я. Капустиным (также членом Союза 17 Октября)²⁰⁹. Разумеется, как и в других вопросах, ключевая роль в обсуждении законопроектов, связанных с высшей школой, принадлежала также бюджетной комиссии (от нее по вопросам науки и образования постоянным докладчиком также выступал М.Я. Капустин). Надо отметить, что с началом работы Думы давление на министра со стороны консервативных сил в правительстве и «правых» в обществе усиливалось²¹⁰, – знаковым стало письмо от 14 декабря 1907 г., составленное товарищем председателя Союза Русского Народа В.М. Пуришкевичем от имени 45 правых членов Государственной думы, к министру с требованием разъяснить, какие меры он принял в отношении советов профессоров Петербургского и Юрьевского университетов, решения которых, по мнению авторов запроса, нарушали закон²¹¹. В дальнейшем в выступлениях представителей правых претензии только нарастали, и к «списку обвиняемых» были причислены еще профессорские коллегии Московского, Казанского и Новороссийского университетов²¹².

В условиях бойкота министерских решений со стороны профессорских коллегий и нарастающего давления со стороны правых отставка министра была предопределена. 1 января 1908 г. П.М. фон Кауфмана на посту министра народного просвещения сменил А.Н. Шварц,

²⁰⁷ Ропп А.Н. Что сделала Третья Государственная дума для народного образования СПб., 1912. С. 199.

²⁰⁸ Комиссия по народному образованию // Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб, 1912. Ч. I. С. 117; Комиссия по народному образованию // Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия первая. СПб, 1908. С. 30–31.

²⁰⁹ Комиссия по народному образованию // Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. СПб, 1908. С. 75–76.

²¹⁰ См., напр.: Толстой И.И. Дневник. С. 173–174.

²¹¹ Председателю Государственной думы – 45 членов Государственной думы. 11 декабря 1907 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. ЛЛ. 98–103.

в «правление» которого противостояние Министерства с рядом высших учебных заведений империи вышло на новый уровень²¹³. Новый министр, который, в отличие от предшественника, сам являлся университетским профессором, не побоялся вступить в открытую конфронтацию с профессорскими коллегиями; последние тоже изменили отношение к министерству, постепенно переходя к нему в открытую оппозицию. О назначении А.Н. Шварца и его возможных последствиях красноречиво высказался хорошо его знавший бывший министр и активный сторонник университетской автономии И.И. Толстой: «Глупее этого краснобая, заслужившего почти общее неудовольствие всех в трех округах, в коих он был попечителем, не могли найти! Я думаю, что если сей мудрец (а в действительности форменный ступак) продержится год в министрах -- он такого натворит, что и вообразить трудно. Во всяком случае, беспорядки и даже, вероятно, закрытие учебных заведений в ближайшем будущем обеспечено вполне»²¹⁴.

Первое столкновение Думы с новым министром связано с дискуссией вокруг Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Целью университета, основанного по инициативе генерала Альфонса Леоновича Шанявского, было «служить распространению просвещения» среди народных масс²¹⁵. А.Л. Шанявский, предчувствуя свою скорую смерть от чахотки, которой долгое время болел, завещал будущему университету все свое имущество²¹⁶ и умер 7 ноября 1905 г. После его кончины основные решения, связанные с судьбой этого проекта, принимала Комиссия для выработки устава и организации народного университета. В нее входили как лица, назначенные Альфонсом Леоновичем (Л.А. Шанявская, В.К. Рот, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, К.А. Тимирязев, В.Е. Якушин, А.П. Шереметевская, А.Н. Реформатский и Н.В. Сперанский), так и избранные Московской городской думой (А.С. Алексеев, А.С. Вишняков, А.П. Геннерт, М.Я. Герценштейн, кн. В.М. Голицын, А.И. Гучков, А.А. Мануйлов,

²¹² См., напр.: Речь Г.Г. Замысловского в Государственной думе. Третий созыв. Сессия I. Заседание 80. 6 июня 1908 г. // Ораторы в Государственной думе [1907–1917 гг.] / Рук. проекта В.А. Шахматов. СПб., 2004. С. 132–145.

²¹³ См., напр.: *Яковлев В.П.* Самодержавие и российские университеты. С. 43–47.

²¹⁴ *Толстой И.И.* Дневник. С. 176. Ср.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. I. С. 267.

²¹⁵ [Письмо Московского городского головы кн. В.М. Голицына А.Л. Шанявскому с благодарностью за предложенное пожертвование и сообщением об избрании Городской думой комиссии для рассмотрения условий создания в Москве Народного университета] // «...Начинание на благо и возрождение России» (создание Университета имени А.Л. Шанявского): Сб. документов / Под ред. Н.И. Басовской и А.Д. Степанского. М., 2004. С. 42.

²¹⁶ Из духовного завещания А.Л. Шанявского // Там же. С. 48–49.

Н.М. Перепелкин, С.В. Пучков и И.К. Спизарный)²¹⁷. Как видно из этого списка, в Комиссии доминировали представители либеральной интеллигенции, что наряду с условиями завещания А.Л. Шанявского предопределило характер проекта Положения о Народном университете, утвержденного Московской городской думой и внесенного МНП (после различных поправок и дополнений) в ноябре 1907 г. в Государственную думу. Дебаты в III Государственной думе вокруг этого университета в высшей степени показательны не только для понимания того общественного значения, которое имело понятие «народного университета», но и проявления позиций основных политических сил по вопросу взаимоотношений между государством и высшей школой. Заключение Комиссии Думы по народному образованию (в которой доминировали октябристы) было неблагоприятно для инициаторов нового университета в том смысле, что лишало его права выдачи своим слушателям любых удостоверений и дипломов. Исключая из первоначального проекта этот параграф, комиссия, согласно ее заявлению, руководствовалась «искренним сочувствием к возникновению у нас в России высшего учебного заведения, предлагающего своим слушателям только блага науки и не дающего никаких дипломов или свидетельств, могущих иметь практическую ценность на жизненном рынке. Такое условие вполне совпадает с полной академической свободой в постановке преподавания, в организации ряда курсов или даже факультетов <...> Комиссия опасается, что при сохранении этого параграфа и при известном недостатке у нас высших учебных заведений, наплыв слушателей и их настоячивые желания окажут моральное давление на руководителей нового университета, вынуждая его все более и более приспосабливать преподавание к практическим задачам пути образования, как пути жизненной профессии. Задачи эти, конечно, имеют полное право на существование, но им должны удовлетворять государственные или частные высшие школы с определенными требованиями вступления в них, определенным циклом преподавания и строго определенными условиями для получения дипломов. Этим условиям не может и очевидно не хочет удовлетворять народный университет А.Л. Шанявского. Его цель иная: широко раскрытые двери и источник знания по всем отраслям науки <...> Исключение [параграфа о дипломах] облегчает задачи университета и в том отношении, что вместе с ним выпадают и нелегкие задачи организации экзаменов, контроля практических занятий, проверки личностей, документов и проч. Отношения просты и ясны, а цель одна – культивировать науку

²¹⁷ *Сабашников М.В.* Записки. М., 1995. С. 331 – 332.

и распространять ее блага возможно шире»²¹⁸. Таким образом, в определенной степени думская комиссия оказалась настроена более категорично относительно «прав» автономного университета, чем МНП. Приступив к работе, новый министр, тем не менее, прежний проект отозвал²¹⁹, с тем, чтобы внести его измененном виде в мае того же года²²⁰. Примечательно, что этот проект к идее дипломов не возвращался, а только усиливал в духе новой политики контроль над создаваемым учреждением, что и вызвало критику в Комиссии по народному образованию уже с позиций консервативного либерализма. В докладе Комиссии, в частности, отмечалось, что усиление контроля за университетом (утверждение программ курсов и чтений попечителем, утверждение и министром уставов кафедр и факультетов и пр.) стесняют «академическую свободу» и «не вызываются необходимостью в учреждении, не дающем никаких ученых или профессиональных прав». Соглашаясь с ними только ради учреждения «свободного рассадника науки и знания», комиссия, тем не менее, решительно возражала против предложения МНП о том, чтобы «члены комитета усовершенствования [университета, избираемые Городской думой] подлежали утверждению министра народного просвещения, ибо комитет усовершенствования есть исключительно совещательное собрание, не располагающее ни властью, ни прямым влиянием на ход дел в университете»²²¹. Иными словами, позиция Комиссии заключалась в том, что государство имеет право на контроль за университетом только в том случае, если предоставляет ему определенные социальные преференции.

В результате столкновений позиций МНП и думской Комиссии развернулась одна из первых дискуссий в Думе, связанная с проблематикой высшей школы. Министр А.Н. Шварц исходил из той точки

²¹⁸ Доклад комиссии по народному образованию по внесенному Министерством народного просвещения законопроекту об утверждении положения о Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия первая. 1907-1908. СПб., 1908. Т. I. С. 363-364.

²¹⁹ Заседание 23. 25 января 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 1026-1027.

²²⁰ Заседание 70. 20 мая 1908 г. // Там же. Ч. 3. Стб. 1025.

²²¹ Доклад комиссии по народному образованию по внесенному Министерством народного просвещения законопроекту об утверждении положения о Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского [Проект внесенной Комиссией по народному образованию в Государственную думу 30 мая 1908 г.] // Там же. С. 468-476; Заседание 76. 30 мая 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 1940.

зрения, что «общегосударственные интересы» должны «быть соблюдаемы во всяком новом просветительском учреждении» и решительно отбивался от критических замечаний Комиссии, доказывая необходимость научного контроля над «народными университетами». Министр особо указывал на то, что создаваемое учреждение нуждается в особенной опеке со стороны правительства, поскольку претендует не только на то, чтобы быть «постоянным учреждением для чтения той или другой серии лекций, для популяризации знания, но и учебным заведением для получения высшего научного знания». Как замечал А.Н. Шварц, усиливая контроль за университетом, министерство «вовсе не оценивало деятельности этого народного университета с точки зрения прав и дипломов, которые оно будет выдавать своим слушателям; помимо прав и прежде всяких прав, такое учреждение должно сообщать своим слушателям известные знания, которые должны влиять на умственное и нравственное их развитие». Министр также настаивал на утверждении членов комитета усовершенствования, особо указывая на то, что поскольку он «в значительной степени будет все-таки состоять из иностранцев», «то желательно было бы, чтобы за цензором этих иностранцев министерство могло следить и утверждать их избрание»²²². Иными словами, МНП оставалось на точке зрения обязательного государственного контроля над любыми формами народного образования. В ходе дебатов левые депутаты (беспартийный Т.О. Белоусов, трудовик А.А. Булат) рассматривали университет как альтернативное реакционному государственному высшее образование²²³, октябристы настаивали на отказе от практики утверждения программ, отстаивая принципы «академической свободы» (Н.Е. Капустин²²⁴, В.К. фон-Анреп²²⁵, П.В. Каменский²²⁶), кадеты и прогрессисты (В.А. Маклаков²²⁷, В.С. Соколов²²⁸, П.Н. Милюков²²⁹) предпочитали сосредоточиться на критике бюрократической практики МНП и самого факта его противодействия «обществу» и «воле завещателя». С программной речью от имени правых выступил В.М. Пуришкевич, в которой он дал яркую характеристику «народных университетов»

²²² Шварц А.Н. [Выступление в прениях. Заседание 77. 3 июня 1908 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. Стб. 1961–1965.

²²³ Белоусов Т.О. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1967–1970; Булат А.А. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1970–1975.

²²⁴ Капустин Н.Е. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 2024–2028.

²²⁵ фон-Анреп В.К. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1998–2003.

²²⁶ Каменский П.В. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1975–1977.

²²⁷ Маклаков В.А. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1985–1989.

²²⁸ Соколов В.С. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1977–1985.

²²⁹ Милюков П.Н. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 2004–2010.

как инструмента революции, используемого левыми с 1905 г.: «пока правые спали, пока правые еще не очнулись от того кошмара, от того угара, который происходил в России, левые поняли всю выгодность своего положения, и уже в декабре 1905 г. – 17 октября был манифест, а уже в декабре появляется С.-Петербургское общество народных университетов <...>. пока мы не сознали всей важности момента, левые пустились в народ, стали работать, не покладая рук, собирали средства и создавали то дело, которое уже окрепло, и, если мы правые, будем продолжать спать, если мы не дадим им отпора, то это повлечет катастрофу и разрушит Россию. Да, господа, университет Шанявского, это новый этап революционной пропаганды <...> то дело, которое должно было начаться с молитвы и действительно, если бы оно преследовало идею любви, а не ненависти, было бы высшее для народа благо, что этому делу дан ложный, гибельный, нетерпимый путь <...> если, господа, нас в будущем будут преследовать те же печальные, те же ужасные картины разврата в стенах народного университета, какие мы видим в средней школе, в низшей школе отчасти, и в особенности в русском университете, в высших учебных заведениях, то тогда я скажу – мы не доросли еще до идеи правильного понимания народного университета, ему у нас еще не время... (ИИум)»²³⁰. В.М. Пуришкевича решительно поддерживали его коллеги по фракции Ф.Ф. Тимошкин и Н.Е. Марков-2-й, которые видели в народных университетах опасность для русской государственности²³¹. Разделительная линия в мнениях по поводу министерских предложений и его политики прошла по фракции умеренно-правых: если один из ее представителей А.Н. Ткачев солидаризировался с правыми и Министерством, то другой член этой фракции г-р. В.А. Бобринский сорвал аплодисменты слева, заявив, что именно политика бессмысленная запретительная и цензурная политика правительства довела российские университеты до ужасного состояния²³². Формальным итогом дискуссии было принятие законопроекта в той редакции, в которой он был внесен думской комиссией, несмотря на возражения Министерства (которая и стала законом – 1 июля 1908 г. устав университета был утвержден верховной властью)²³³.

²³⁰ Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 1989–1997.

²³¹ Тимошкин Ф.Ф. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 2010–2013; Марков Н.Е. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 2013–2017, 2032.

²³² Ткачев А.Н. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 2018–2024; Бобринский В.А. [Выступление в прениях] // Там же. Стб. 2030–2031.

²³³ [Принятие внесенного министром народного просвещения законопроекта «об утверждении положения о Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского» (передача в редакционную комиссию). Заседание 77. 3 июня 1908 г.] // Там же. Стб. 1949–2057; [«Об утверждении положения о Московском городском на-

Таким образом, у министерства А.Н. Шварца изначально не сложились отношения с Думой. В июне 1908 г. в лице председателя Комиссии по народному образованию Дума вступилась за вольнослушательниц университетов, которых оттуда решительно изгонял министр²³⁴. Однако линия А.Н. Шварца была твердой: каникулярное время лета 1908 г. МНП использовало для подготовки и начала наступления на автономию российских университетов сразу по нескольким направлениям – кроме запрета приема в университет женщин²³⁵, ограничение численности студентов, принимаемых в университет (в сравнение с установленной профессорскими советами)²³⁶, ограничение прав выпускников университетов²³⁷, ужесточение правил допуска студентов в университет²³⁸, требования безусловного соблюдения процентной нормы для вольнослушателей (не только студентов) иудейского вероисповедания²³⁹, ограничение права руководства университетов на разрешение студенческих собраний и установление прямого контроля Министерства над уставами студенческих организаций²⁴⁰.

Надо отметить, что эти действия возымели быстрый эффект, хотя возможно и не тот, на который рассчитывало МНП – в сентябре-октябре 1908 г. в университетах прошли студенческие волнения. Роль в их возникновении кадетской профессуры вполне иллюстрирует ситуация в столице. Так, Совет Петербургского университета в заседании 3 сентября 1908 г. выступил с резкой критикой министерских решений и заявил, что он «не может нести ответственности за неправиль-

рном университете имени А.Л. Шанявского». Заседание 81. 9 июня 1908 г.] // Там же. Стб. 2426–2434.

²³⁴ Рощи А.Н. Указ. соч. С. 225–226.

²³⁵ Министр – Ректору СПб. университета 16 мая 1908 г. № 12179 [Приложение 6 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. С. 141–144.

²³⁶ Министр народного просвещения — Управляющему Учебным округом. 10 августа 1908 г. № 19254 [Приложение 2 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 137.

²³⁷ Об условиях определения на учительские места лиц, окончивших курс университетов // ЖМНП. 1908. № 9–10. С. 82.

²³⁸ Там же. С. 104–106.

²³⁹ О приеме евреев в высшие учебные заведения // ЖМНП. 1908. № 11–12. С. 26.

²⁴⁰ Попечитель СПб. учебного округа – И. о. ректора СПб. университета 25 июля 1908 г. № 14141 [Приложение 5 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 140–141; Попечитель СПб. учебного округа – И. о. ректора СПб. университета 26 мая 1908 г. № 9698 [Приложение 5 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г.] // Там же. С. 163–164.

ный ход учебной жизни»²⁴¹. Заявление Совета 3 сентября «развязало» руки студенческим лидерам. Советская комиссия (президиум Совета) разрешила проведение студенческих сходок 13 и 15 сентября 1908 г., при этом сходки оказались организованы таким образом, что принципиальное решение об организации забастовки против министерских постановлений принималось 13 сентября, а решение о сроках забастовки 15 сентября. Таким образом, Совет университета, собиравшийся 14 сентября, получил в свое распоряжение текст единодушного протеста студентов против министерских циркуляров, составленного в кадетско-либеральном духе, после чего выступил в роли «примирителя» правительства со студентами, призвав последних забастовку не начинать²⁴². На санкционированной советской Комиссией сходке 15 сентября призыв Совета был «услышан», и забастовку было решено временно отложить. Однако дальнейшее развитие событий Совет выпустил из-под контроля. Радикальные партии активизировали свою пропаганду в пользу немедленной забастовки, что в планы руководства университета никак не входило, и намеченную на 20 сентября очередную студенческую сходку по вопросу о забастовке советская комиссия просто решила запретить. Но к этому моменту студенческая масса находилась уже в таком состоянии, что никакого профессорского разрешения студентам не потребовалось, сходка состоялась вопреки постановлению советской комиссии, и в соответствии с решением этой сходки началась студенческая забастовка. В таких условиях экстренно созданный Совет университета был вынужден приостановить в университете «чтение лекций и все занятия»²⁴³. На решение Совета последовала немедленная (22 сентября) реакция министра А.Н. Шварца, предписывающего университету открыть²⁴⁴, на что Совет, собравшийся 23 сентября, ответил министру, что он «усматривает крайние неудобства» в исполнении этого предписания, и университет не от-

²⁴¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г. // Там же. С. 161.

²⁴² Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 сентября 1908 г. // Там же. С. 167–171; От Совета Императорского С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 27.

²⁴³ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 20 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 173–182; Исп. обязанности ректора – Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 21 сентября 1908 г. №1142 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. ЛЛ. 3–3 об.

²⁴⁴ Министр – Управляющему СПб. учебным округом. 22 сентября 1908 г. № 24474 [Приложение к протоколу заседания Совета Имп. СПб. Университета. 23 сентября 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 205.

крыл²⁴⁵. В результате уже Совет министров 24 сентября 1908 г. возложил ответственность за положение в Петербургском и других университетах империи на «профессоров, которые, хотя убеждали студентов не прекращать занятий, но одновременно тем или другим способом доводили до сведения студентов, что борьбу за автономию они берут на себя, каковое заявление не могло, конечно, не действовать на студентов возбуждающим образом». Совет министров еще раз подтвердил циркуляры МНП и постановил открыть Петербургский университет и другие высшие заведения, а профессорским Советам предписал обеспечить порядок, в случае необходимости обязав их обращаться за помощью к гражданским властям²⁴⁶. Профессорский совет столичного университета, собравшийся на очередное экстренное заседание 25 сентября 1908 г., вынужден был подчиниться правительственному решению, постановив открыть университет 27 сентября, однако при этом отверг идею какого-либо нового «примиряющего» воззвания к студентам²⁴⁷, а уже 2 октября, вновь вынес решение о приостановлении занятий — на этот раз уже вопреки прямому указанию Совета министров²⁴⁸. Противостояние университетской корпорации с правительством вошло, таким образом, в кульминационную стадию. Не случайно 4 октября в правительственном официсе «Россия» появился новый министерский проект университетского устава, сильно ограничивающий автономию высших учебных заведений (в частности, вводивший замещение профессорских кафедр по назначению, а не по выборам)²⁴⁹ — появление этого проекта (хотя прохождение его через Государственную думу было маловероятно) являлось очевидным предостережением кадетской профессуре. 3 октября 1908 г. профессор В.М. Шимкевич как исполняющий обязанности ректора «имел аудиенцию» у П.А. Столыпина, на которой давал председателю правительства объяснения относительно политики Университетского совета.

²⁴⁵ Протокол экстренного заседания Совета СПб университета. 25 сентября 1908 г. // Там же. С. 203; Исп. обязанности ректора — Министру народного просвещения №1151 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. ЛЛ. 44–44 об.; Исп. обязанности ректора — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 23 сентября 1908 г. № 1152 // Там же. ЛЛ. 40–41 об.

²⁴⁶ Правительственный вестник. 1908. 25 сентября.

²⁴⁷ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 206–213.

²⁴⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 октября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 240; Исп. обязанности ректора — Попечителю С.-Петербургского учебного округа. 2 октября 1908 г. № 1193 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 57.

²⁴⁹ Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты. С. 46.

П.А. Столыпин недвусмысленно дал понять, что Совет министров не смирится с закрытием университета и не остановится перед полицейским вмешательством. В то же время премьер намекнул на возможность правительственных уступок в вопросах о студенческих организациях и продолжения образования теми вольнослушательницами, которые уже поступили в университет²⁵⁰. Кажется неслучайным, что в тот же день (3 октября) кадетская часть Коалиционного студенческого комитета, не согласная с продолжением забастовки, вышла из него²⁵¹. Новое обращение к студентам Университетского совета с просьбой о прекращении забастовки 4 октября, аналогичный призыв таких авторитетных лидеров либерального движения, как К.К. Арсеньев и П.Н. Милюков²⁵², обещание частичного удовлетворения требований забастовщиков и одновременно реальная опасность применения силы со стороны властей (по примеру Киевского и Казанского университетов), а также, кроме всего прочего, и элементарное желание продолжить образование изменили соотношение сил в студенческой массе. «Кадетская точка зрения» победила – забастовку было решено прекратить²⁵³, и с 6 октября согласно распоряжению министра народного просвещения²⁵⁴ в университете возобновились занятия²⁵⁵.

Итак, в конце сентября – октябре 1908 г. правительство пошло на некоторые уступки как студенческому движению, так и университетским корпорациям, намекнув на возможность восстановления упраздненного ранее института факультетских старост и разрешив «неправильно допущенным» в университет вольнослушательницам завершить свое обучение²⁵⁶. В то же время события сентября-октября 1908 г. послужили толчком к изданию Сенатского указа министру народного просвещения от 28 ноября 1908 г.²⁵⁷. Согласно этому указу, «Времен-

²⁵⁰ Протокол заседания Совета СПб университета. 4 октября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 245–247.

²⁵¹ Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете // Вестник III У. 1979. № 8. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 32.

²⁵² Там же. С. 32.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Министр народного просвещения – Попечителю С.-Петербургского учебного округа. 5 октября 1908 г. № 25988 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. ЛЛ. 65–65 об.

²⁵⁵ См.: Протокол заседания Совета СПб университета. 20 октября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. С. 251.

²⁵⁶ См.: Правительственный вестник. 1908. 25 сентября; О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения, в качестве посторонних слушательниц, окончания слушания курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях // ЖММП. 1908. № 11–12. С. 42.

²⁵⁷ Указ Сената министру народного просвещения. 28 ноября 1908 г. // Право. 1908. 7 декабря. Стб. 2738–2739.

ные правила» 27 августа 1905 г. не следовало трактовать как ограничение прав и обязанностей министра народного просвещения, определенных университетским уставом 1884 г. Издание такого указа свидетельствовало, что Министерство не собирается останавливаться в своем наступлении на университетскую «автономию». Как отмечали сами кадетские профессора на совещании думской фракции, «расчеты» на забастовку были «колоссальной ошибкой», после нее «положение Шварца можно считать еще более упроченным — следовательно, результат получился обратный»²⁵⁸. В результате очевидной непоследовательности политики кадетов в скором времени в среде студенчества влияние партии «народной свободы» ослабло²⁵⁹, и вновь усилились позиции экстремистских политических организаций, прежде всего большевиков²⁶⁰.

Реакцией Думы на события в высшей школе сентября-октября 1908 г. был, в частности, запрос, связанный с действиями одесского генерал-губернатора, «воспротивившегося четырем профессорам Новороссийского университета исполнять их служебные обязанности», поступивший от имени группы депутатов в октябре 1908 г.²⁶¹ Речь шла о запрете местного генерал-губернатора И.Н. Толмачева профессорам И.М. Занчевскому, Е.В. Васьковскому, В.А. Косинскому и С.М. Ярошенко участвовать в заседаниях Совета университета и читать лекции. Комиссия по запросам (возглавляемая октябристом кн. В.В. Тенишевым) по докладу его коллеги по фракции Н.Е. Пилипенко признала запрет незаконным, после чего он был передан Думой в МВД²⁶². Интересно, что и правые и левые признавали прямую связь запрета с

²⁵⁸ Гредескул Н.А. Доклад [на Совещании конституционно-демократической фракции III Государственной думы с представителями провинциальных групп] // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 2. С. 52.

²⁵⁹ О влиянии кадетов см., напр.: Завадский Н.Г. Революционное студенчество Петербурга в 1907–1914: Проблемы взаимоотношений с политическими партиями России: Автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 1991. С. 10, 13. Ср.: Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982. С. 178–179.

²⁶⁰ См., напр.: Баранова А.Н. Борьба большевиков за демократическое студенчество в период реакции (1907–1910). Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1973. С. 23–24.

²⁶¹ [Заседание 4, 23 октября 1908 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 212.

²⁶² Доклад по заявлению № 33 о запросе министру внутренних дел по поволу незаконных действий Одесского генерал-губернатора, воспротивившегося четырем профессорам Новороссийского университета исполнению их служебных обязанностей // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия третья. СПб., 1910. Т. I. Отд. паг. С. 1–2; [Заседание 22. 25 ноября 1909 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1909. Ч. 1. Стб. 2415; [Заседание 128. 3 июня 1910 г.] // Там же. СПб., 1910. Ч. 4. Стб. 3348–3349.

проходившими в это беспокойное время выборами ректора Новороссийского университета – благодаря действиям И.Н. Толмачева правые профессора получили перевес в Совете университета и избранным оказался представитель «правой партии» «личный друг и домашний врач» губернатора профессор С.В. Левашов. В конце концов, как признался /Думе товарищ министра внутренних дел И.М. Золотарев, распоряжение И.Н. Толмачева было признано незаконным и в МВД, но отменено не было, поскольку власть министра не распространялась на отмену распоряжений, сделанных временным генерал-губернатором, что вызвало бурю эмоций в Думе и принятие большинством формулы, осуждавшей такую позицию правительства²⁶³.

В октябре 1908 г. Комиссия Думы по народному образованию решила упразднить составлявшие ее подкомиссии, поскольку они «замедляли движение законопроектов без пользы для дела». В результате от практики подкомиссий Комиссия перешла к организации совещаний для разработки отдельных законопроектов²⁶⁴. Однако постепенно этот порядок также сменился подготовкой конкретного законопроекта одним докладчиком²⁶⁵. Важной темой думских дискуссий 1908 г. был вопрос о подготовке профессоров. Поводом для начала его обсуждения стал законопроект о кредите «на приготовление профессоров в университетах», внесенный в Думу в сентябре 1908 г.²⁶⁶ Комиссия по народному образованию, рассмотревшая министерский законопроект, констатировала бедственное положение дел в области подготовки представителей высшей школы и, отметив недостаток запрашиваемых сумм, увеличила финансирование в 5 раз (с 20 до 100 тыс. руб.). Кроме того, Комиссия разошлась с представителями Министерства в вопросе о различии в размерах стипендий для разных типов высших учебных заведений и повысила стипендии оставленных при университетах до уровня стипендий, оставляемых при специальных высших учебных заведениях (1200 руб. в России и 2000 руб. за границей). Эти решения были поддержаны Думой в мае 1909 г.²⁶⁷ и

²⁶³ [Заседание 49. 18 января 1912 г.] // Там же. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 585–588; [Заседание 54. 25 января 1912 г.] // Там же. Стб. 982–997.

²⁶⁴ Комиссия по народному образованию // Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия вторая. СПб., 1909. С. 96.

²⁶⁵ Комиссия по народному образованию // Там же. Сессия четвертая. СПб., 1911. С. 121; Комиссия по народному образованию // Там же. Сессия пятая. СПб., 1912. С. 191.

²⁶⁶ Приложение к стенографическому отчету второго заседания [18 октября 1908 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 42.

²⁶⁷ Доклад Комиссии по народному образованию по внесенному министром народного просвещения законопроекту об отпуске из средств государственного казна-

после высочайшего утверждения вступили в силу²⁶⁸. Здесь надо отметить, что основным предметом законодательной деятельности Думы в сфере высшего образования было выделение дополнительных кредитов МНП и другим ведомствам, связанных с работой высших учебных заведений (причем выделяемые кредиты нередко превышали запрошенные суммы)²⁶⁹.

Весной 1910 г. А.Н. Шварцем в Думу было внесено два важных закона, касавшихся высшей школы: во-первых, законопроект, регулирующий деятельность частных учебных заведений, в котором правительство впервые пошло на легализацию самого понятия частное высшее учебное заведение; во-вторых, законопроект об уставе и штатах императорских российских университетов. Оба эти законопроекта ждала непростая судьба. И если закон «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений», все-таки после долгих проволочек вышел 1 июля 1914 г., то новый Университетский устав, который должен был определить основы уклада государственной высшей школы, так и не был принят. В III сессию (12 мая 1910 г.) была образована специальная Комиссия «для рассмотрения законопроекта об уставе и штатах императорских российских университетов» во главе М.Я. Капустиным²⁷⁰. Однако эта Комиссия имела только одно заседание – 18 мая 1910 г., поскольку с началом осенней сессии Министерство поспешило отозвать внесенный законопроект²⁷¹. Причиной отзыва Университетского устава стала, конечно, та нака-

чайства дополнительного кредита в 20000 р. на приготовление профессоров при университетах // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия вторая. СПб., 1909. Т. II. Отд. паг. С. 1–6; [Заседание 109. 8 мая 1908 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. 4. Стб. 916–917; [Заседание 113. 8 мая 1908 г.] // Там же. Стб. 1351; Приложение к стенографическому отчету. [Заседание 113. 8 мая 1908 г.] // Там же. Стб. 1427–1428.

²⁶⁸ Список удостоившихся после 2 июня 1909 г. высочайшего его императорского величества утверждения законопроектов // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 4. Стб. 3477.

²⁶⁹ См., напр.: *Ponn A.H.* Указ. соч. С. 223–225. Ср.: Иванов А.Е. Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей. М., 1983. С. 193–194.

²⁷⁰ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. I. С. 111; Комиссия для рассмотрения законопроекта об уставе и штатах имп. российских университетов // Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1911. С. 40.

²⁷¹ Комиссия для рассмотрения законопроекта об уставе и штатов императорских российских университетов // Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия третья. СПб., 1910. С. 335; Комиссия для рассмотрения законопроекта об уставе и штатов императорских российских университе-

ленная обстановка вокруг «университетского вопроса», которая сложилась в обществе и в Думе в 1910 г.

Еще в конце 1908 г. на совещании в Министерстве ректор столичного университета И.И. Боргман совместно с ректором Московского университета А.А. Мануйловым отвергли проект А.Н. Шварца (как отмечено выше, предусматривающий существенные ограничения «автономии»), видя в нем «попытку отбросить русские университеты назад к тому режиму, полная несостоятельность которого доказана опытом»²⁷². Особо категоричный характер носили решения Совета Московского университета по вопросу устава высших учебных заведений: в заседании 30 января 1910 г. Совет специально обратился к министерскому проекту и принял постановления, в которых подчеркивалась необходимость университетской автономии, министру же, согласно решению Совета, предлагалось предоставить на обсуждение законодательных учреждений кроме своего проекта еще и сводку «заключений» Совета по предмету университетского устава²⁷³. В этой ситуации в преддверии обсуждения нового устава МНИ попыталось оказать давление как на университеты, так и на депутатский корпус.

Так, в декабре 1909 г. МНИ фактически открыто обвинило ректора и проректора столичного университета в неисполнении своих обязанностей. Формальным поводом послужил съезд делегатов-вольнослушателей всех университетов, проходивший, по утверждению Министерства, в октябре в столичном университете – ректор и проректор при этом заявляли, что съезда не было. Другой претензией Министерства был отказ ректора и проректора назвать конкретные фамилии студентов, принимавших участие в революционных сходках (которых, по мнению Министерства, администрация университета не могла не знать). Как заявил вызванному 19 декабря 1909 г. в Министерство И.И. Боргману товарищ министра Г.К. Ульянов, «если ректор не может принять мер для достижения такой осведомленности, ... то может кто-нибудь другой будет в состоянии это выполнять»²⁷⁴. Это замечание дало ректору И.И. Боргману повод для отставки, состоявшейся в январе 1910 г. В этой ситуации Совет университета констатировал, что Министерство стесняет академические и нравственные на-

тов // Там же. Сессия четвертая. СПб., 1911. С. 425; Комиссия для рассмотрения законопроекта об уставе и штатов императорских российских университетов // Там же. Сессия пятая. СПб., 1912. С. 427.

²⁷² Цит. по: Яковлев В.И. Самодержавие и российские университеты. С. 46.

²⁷³ См.: Журналы заседаний Совета Московского императорского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 88. Д. 4. ЛЛ. 1, 2, 6.

²⁷⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 января 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб, 1911. С. 4.

чала университетской жизни и подчеркнул абсолютную невыполнимость требований об «осведомленности» о студенческих делах в его министерском понимании²⁷⁵. Одновременно с ректором в отставку подал и проректор Э.Д. Гримм – однако, когда министр заявил, что невозможно одновременно удовлетворить прошения об увольнении ректора и проректора, последний согласился остаться до избрания нового ректора, предупредив министра, что «никаких изменений» в «свой образ действий он вносить не будет»²⁷⁶. На новых выборах ректора с большим отрывом победил активный деятель кадетской партии Д.Д. Гримм (за его кандидатуру было подано 58 голосов, против 7).²⁷⁷ Столь впечатляющая поддержка Совета, несомненно, способствовала тому, что Министерство утвердило (22 марта) этого явно оппозиционного власти кандидата²⁷⁸.

В канун ожидаемых дискуссий по университетскому вопросу (вероятно, с «подачи» МНП) правые выступили с новыми развернутыми обвинениями в адрес профессорских коллегий. Вот, что, например, в марте 1910 г. заявлял В.М. Пуришкевич: «Профессора стремятся насадить тот строй, которому так сочувствуют левые фракции Государственной думы: сами не отличаясь большим мужеством в этой области, они выступают только в минуты открытой революции; в остальное время они прячутся за спинами тех же студентов, делая их пушечным мясом. Страдают десятки, сотни, тысячи, а инициаторы этого движения, главари его, виновники его находятся в тени и получают жалование, чины, ордена и пребывают на государственной службе, не будучи верными долгу присяги»²⁷⁹. С особенной критикой В.М. Пуришкевич обрушился на Петербургский университет, обвиняя его профессуру в потворстве еврейскому засилью²⁸⁰, воровству общественных денег (с чем он связал волну студенческих самоубийств в конце 1909 – начале 1910 г.)²⁸¹ и даже сексуальным оргиям²⁸², чем вызвал волну возмуще-

²⁷⁵ Там же. С. 11–12.

²⁷⁶ Там же. С. 7.

²⁷⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 1 марта 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. С. 67–68.

²⁷⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 апреля 1910 г. // Там же. С. 74.

²⁷⁹ *Пуришкевич В.М.* [Выступление в прениях, Заседание 61. 3 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 2. Стб. 2887.

²⁸⁰ Там же. Стб. 2895–2897.

²⁸¹ *Пуришкевич В.М.* [Выступление в прениях. Заседание 63. 5 марта 1910 г.] // Там же. Стб. 3039–3040.

²⁸² *Пуришкевич В.М.*: 1) [Выступление в прениях. Заседание 61. 3 марта 1910 г.] // Там же. Стб. 2897; 2) [Выступление в прениях. Заседание 63. 5 марта 1910 г.] // Там же. Стб. 3050.

ния в левой части депутатского спектра²⁸³. Причиной такого положения в университетах один из лидеров думских правых видел в том, что «А.Н.Шварц и его достойные сотрудники <...> ничего не могут сделать в стенах университета, ибо школьная автономия совершенно ограничивает университет китайской стеной от общества»²⁸⁴. В.М. Пуришкевичу вторил его товарищ по фракции правых Г.Г. Замысловский, заявивший, что в Петербурге «студенчество, сидящее, благодаря так называемой прогрессивной профессуре, на казенном иждивении, сидит до поры до времени тихо, смиренно; оно подготавливает революцию и говорит: когда наступит момент для второй революции, вы нам скажите, мы готовы и начнем бунтовать»²⁸⁵. В мае 1910 г. правые выступили с новым обширным запросом в Государственной думе в адрес правительства по поводу положения в высшей школе: профессура обвинялась в попустительстве деятельности незаконных студенческих организаций, распределявших казенные средства, а также революционным сходам²⁸⁶. Однако большинство всячески противодействовало его быстрому обсуждению в Думе²⁸⁷, — Комиссия по запросам закончила его обсуждение только в середине ноября²⁸⁸, а в Думе запрос стал обсуждаться только в феврале 1911 г. — уже в новой ситуации после кризиса января 1911 г., спровоцированного министерством Л.А. Кассо²⁸⁹.

В то же время в ходе этих дебатов большинство в Думе ясно дало понять правительству, что его симпатии на стороне профессуры. Так, в преддверии обсуждения нового Университетского устава председатель думской Комиссии по народному образованию октябрист

²⁸³ См.: Приложение к стенографическому отчету [Заседание 63. 5 марта 1910 г.]. Заявление 22 членов Государственной думы с протестом на действия председательствующего в текущем заседании товарища председателя Государственной думы С.И. Пидловского // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 2. Стб. 3091–3094.

²⁸⁴ Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях. Заседание 63. 5 марта 1910 г.] // Там же. Стб. 3042.

²⁸⁵ Замысловский Г.Г. [Выступление в прениях. Заседание 38. 17 декабря 1910 г.] // Там же. Сессия четвертая. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 3337.

²⁸⁶ См. также: [Заседание 99. 1 мая 1910 г.] Заявление №94 (спешное) о запросе председателю Совета министров по поводу положения дел в высшей школе // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 4. Стб. 417–424.

²⁸⁷ См.: Заседание 99. 1 мая 1910 г.] Заявление №94 (спешное) о запросе председателю Совета министров по поводу положения дел в высшей школе // Там же. Стб. 417–438; Шульгин В.В. [Выступление в прениях. Заседание 17. 10 ноября 1910 г.] // Там же. Сессия четвертая. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 1205–1208;

²⁸⁸ [Заседание 19. 15 ноября 1910 г.] // Там же. Стб. 1310.

²⁸⁹ [Заседание 60. 16 февраля 1911 г.] // Там же. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 2150–2202.

В.К. фон-Анреп заявлял: «Мы твердо стоим на одном: вмешательство Министерства в назначение профессоров, в распределение курсов, во взаимоотношения профессоров и студентов между собою есть посягательство на высшие учебные заведения, которое всегда будет препятствовать развитию науки, развитию порядка в этих учебных заведениях и будет служить всегда источником недоразумений, постоянных столкновений между двумя властями: между властью непосредственно ведущих дело, т.е. коллегией профессоров, и между высшим представителем власти – Министерством, добра от этого мы ждать не можем»²⁹⁰.

После того как одновременно с неудачами МНП в Государственной думе явным провалом закончилась и попытка установления контроля над столичным университетом все более очевидной становилась неэффективность политики А.Н. Шварца в университетском вопросе, что во многом и предопределило его отставку и назначение на должность министра Л.А. Кассо в сентябре 1910 г. Деятельность Л.А. Кассо всегда рисуется в литературе «черными» красками, причем этот историографический дискурс формировался еще с дореволюционных времен²⁹¹. Между тем начал свою деятельность новый министр с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах законопроекта нового Университетского устава²⁹². В этой связи следует учитывать, что началом «новой бури» можно считать отнюдь не действия Министерства, а сходы студенчества по случаю смерти известного кадетского деятеля, профессора С.А. Муромцева, происшедшие в октябре 1910 г.²⁹³. После похорон С.А. Муромцева вскоре появился повод для новых сходов и траурных демонстраций – 7 ноября 1910 г. – кончина графа Л.Н. Толстого. Эти демонстрации быстро приняли характер масштабных антиправительственных манифестаций, к которым профессорская корпорация оказалась совершенно не готова. Эта неготовность выразилась в смешанной реакции на деятельность демонстрантов со стороны руководства кадетов²⁹⁴. На совещании думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными

²⁹⁰ фон-Анреп В.К. [Выступление в прениях. Заседание 61. 3 марта 1910 г.] // Там же. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 2. Стб. 2908.

²⁹¹ См.: Кризис высшей школы; *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911; Кожевников Г. Проклятый вопрос (к современному положению университета). М., 1911 и др.

²⁹² Ропп А.Н. Указ. соч. С. 200.

²⁹³ См.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 15.

²⁹⁴ См.: Протоколы совещания думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии 8–9 мая 1911 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 304–307.

членами партии, проходившем в Петербурге 8–9 мая 1911 г., И.Н. Миллюков, отвечая «петербургским студентам» и объясняя «неясности» в позиции ЦК относительно студенческих демонстраций, проходивших в 1910/1911 учебном году, заявил, что им надо действовать самостоятельно и, «раз им приходится существовать... в условиях неконституционных, пусть каждый их них несет ответственность на себе»²⁹⁵. Иными словами, руководство кадетской партии давало понять студенческим организациям, что оно предоставляет им свободу действий, за которые нести ответственности не хочет.

Одной из таких акций была перестрелка в стенах Новороссийского университета, произошедшая в декабре 1910 г. между полицией и революционно настроенными студентами, в результате которой были раненые с обеих сторон. Характерна реакция «думцев» на произошедшее: левые депутаты (кадеты А.И. Никольский, М.С. Аджемов, Л.Н. Нисселович, социал-демократ И.П. Покровский) обвиняли в случившемся полицию, градоначальника, черносотенные организации и связанных с ними академистов, правые (националист В.В. Шульгин, правые Г.Г. Замысловский и В.М. Пуришкевич) корень зла видели в студенческом революционном движении, за которыми стояли социалисты-революционеры, социал-демократы и кадеты и которому способствовала «прогрессивная профессура»²⁹⁶. Октябристы (Л.Г. Люц) заняли «промежуточную» позицию, резко дистанцировавшись от революционного студенчества, они обвинили полицию и власти во лжи и в том, что именно они спровоцировали погром²⁹⁷. Эта позиция и нашла отражение в тексте запроса, принятом Государственной думой в январе 1912 г.²⁹⁸

Ответом Л.А. Кассо (и стоявшего за многими его действиями П.А. Столыпина²⁹⁹) на антиправительственные акции в высшей школе стала подготовка ряда репрессивных документов правительства и министерства, изданных в конце 1910 – начале 1911 г.³⁰⁰. Смысл их заклю-

²⁹⁵ Там же. С. 308–309.

²⁹⁶ [Заседание 38. 17 декабря 1910 г.] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 3293–3249; [Заседание 4. 19 октября 1911 г.] // Там же. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 322–342; [Заседание 8. 26 октября 1911 г.] // Там же. Стб. 664–674.

²⁹⁷ [Заседание 4. 19 октября 1911 г.] // Там же. Стб. 316–322.

²⁹⁸ [Заседание 44. 11 января 1912 г.] // Там же. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 199–200.

²⁹⁹ О воздействии П.А. Столыпина на политику Л.А. Кассо см., напр.: Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. С. 15–16.

³⁰⁰ Распоряжение Совета министров о временном запрещении собраний в стенах высших учебных заведений // Правительственный вестник. 1910. 10 декабря; О надзоре за учащимися высших учебных заведений // ЖМНП. 1911. № 3–4. С. 38–40; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших

чался прежде всего в возложении на руководство университетов и профессорские коллегии «всей тяжести ответственности» (согласно постановлению Совета министров от 11 января 1911 г.)³⁰¹ за возможные беспорядки в высшей школе и в запрете всех студенческих собраний (исключая собрания научного и учебного характера) в высшей школе. Как и следовало ожидать, меры, предпринятые Л.А. Кассо, крайне негативно были оценены преподавательским сообществом. Например, реагируя на правительственные циркуляры, ректор столичного университета Д.Д. Grimm в своем заявлении, сделанном в заседании Университетского совета 17 января 1911 г., подчеркнул, что «нормальный ход учебной жизни не может быть построен на полицейских мерах», что требовать принятия их от Университетского совета нельзя, что сами эти меры свидетельствуют о недоверии к Совету и его органам. Своим постановлением Профессорский совет единогласно выразил полную солидарность с заявлением ректора и просил его довести это заявление как мнение всего Совета до сведения министра Л.А. - Кассо³⁰². Вдохновленный этими профессорскими заявлениями 23 января 1911 г. Петербургский городской студенческий коалиционный комитет принял решение о забастовке под вполне либеральными лозунгами: «Долой политический произвол! Требуем неприкосновенности личности, свободы слова, союзов, собраний!... Требуем автономии высшей школы!»³⁰³.

Поскольку, по мнению Министерства, профессорские советы со своей задачей поддержания порядка не справились (и, более того, как видно на примере Петербургского университета, отказались брать ее выполнение на себя), а незаконные сходки в высших учебных заведениях продолжались, на территорию университетов были введены полицейские силы (без согласования с университетскими администра-

учебных заведений // Там же. С. 41-43; О максимальном сроке пребывания студентов Императорских университетов на факультетах // Там же. С. 43-44; Об установлении действительного контроля за посещением лекций // Там же. № 5-6. Правительственные распоряжения. С. 41; [О сроках пребывания в университете] // Там же. С. 55; Об условиях допущения евреев к экзаменам в качестве экстернов // Там же. С. 55-56; [О свидетельствах о благонадежности] // Там же. С. 56-57; Об урегулировании порядка прохождения университетского курса // Там же. С. 57-58 и др.

³⁰¹ О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний. С. 43.

³⁰² Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб. 1913. С. 15-17.

³⁰³ Цит. по: *Круглова З.С.* Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. XXXV. С. 35.

пиями) и произведены массовые аресты студентов, принявших участие в забастовках³⁰⁴. Эти репрессии провоцировали новые протесты и демонстрации, которые, в свою очередь, порождали новые репрессии. Как известно, в Московском университете возмущение профессоров этим положением переросло в масштабный конфликт с Министерством, в ходе которого ушли в отставку или были уволены порядка 130 сотрудников университета, в том числе около 30 профессоров и около 80 приват-доцентов³⁰⁵. В определенной степени такая резкая реакция московской профессорской корпорации была вынужденной – многие ее представители входили в руководство кадетской партии и не могли в сложившихся условиях оставаться на своих должностях, не дискредитируя партию³⁰⁶. В этом смысле столичной профессуре было проще занять более взвешенную позицию – вместо прямого разрыва с правительством Профессорский совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную тактику – пассивное сопротивление давлению Министерства. Накануне неизбежного ввода в университет полиции советская Комиссия сперва попыталась закрыть университет³⁰⁷, причем, согласно протоколу Совета, составленному не без скрытого злорадства, министр «узнал о закрытии университета из газет» и «недовольным тоном заявил ректору, что он не ожидал подобной меры, ... и что он пришлет предложение об открытии университета»³⁰⁸. Тем не менее в итоге Профессорский совет получил передышку на три дня, в ходе которой смог заранее сформулировать свою позицию – ее смысл заключался в том, что «придется переломить себя и сделать попытку читать лекции, несмотря на присутствие в университете полиции», одновременно «стремясь по долгу совести смягчать меры» правительства, с которыми университет не согласен³⁰⁹. Одновременно Профессорский совет решил продолжить переговоры как на министерском

³⁰⁴ См.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты. С. 47–48.

³⁰⁵ См.: Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. С. 17–18; Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. С. 116.

³⁰⁶ Ср.: Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 160–163.

³⁰⁷ См.: Ректор - Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 27 января 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 22.

³⁰⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. С. 39–40. См.: Попечитель – Ректору С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. ЛЛ. 23–23 об.

³⁰⁹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. С. 42; Постановление Совета Императорского С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 74.

уровне, так и на уровне Совета министров³¹⁰ и принял обращение к студентам прекратить забастовку во имя «вечных и непреложных интересов науки», предупредив учащихся, что в противном случае «неотразимым станет вмешательство посторонней для университета власти, на действия которой Совет никакого влияния оказать не может»³¹¹. На частных совещаниях профессоров (так называемой «левой» группы либеральной профессуры, доминировавшей в Университетском совете) рассматривался вопрос о необходимости выступления в связи с отставкой администрации Московского университета, однако, узнав, что отставка не только принята, но «отставленные» отстранены также и от должности профессоров, левая группа решила воздержаться от выражения официального протеста³¹². В конце концов тактика профессоров, посылавших в Министерство одну «депутацию» за другой с протестом против присутствия в университете полиции, начала приносить плоды – Л.А. Кассо согласился удалить полицию «из главного коридора, с тем, чтобы ей были предоставлены некоторые помещения в главном здании университета»³¹³, что и было сделано 3 февраля после согласования этого решения с министерством внутренних дел³¹⁴. Делегаты Профессорского совета непрерывно «внушали» правительственным чиновникам, что прекратить забастовку может только сам Совет. 4 февраля Д.Д. Гримм в качестве члена Государственного совета имел частную беседу с председателем правительства П.А. Столыпиным, в которой настаивал, чтобы полиция без соглашения с ним не вводилась в университетский коридор³¹⁵. Хотя премьер и не дал определенного ответа, в дальнейшем это правило неукоснительно соблюдалось. Таким образом, создалась ситуация, когда полицейские силы и профессора действительно в полном смысле слова сотрудничали, хотя и поневоле³¹⁶ – в условиях полицейских репрессий кадеты провели среди студентов решение о ликвидации забастовки³¹⁷. В ре-

³¹⁰ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. С. 44.

³¹¹ Там же. С. 43.

³¹² Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 152.

³¹³ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. С. 65.

³¹⁴ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 7 февраля 1911 г. // Там же. С. 70.

³¹⁵ Там же. С. 75.

³¹⁶ Там же; Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. С. 67.

³¹⁷ Савельева В.Г., Яковлев В.И. Студенческая забастовка 1911 г. С. 18.

зультате студенческие обструкции пошли на убыль³¹⁸, параллельно уменьшалось и количество полицейских в университете³¹⁹, при этом ректор многократно возбуждал вопрос о выводе полиции из университета, добившись своего к началу мая³²⁰.

В разгар противостояния с либеральной профессурой в январе - феврале 1911 г. Л.А. Кассо сделал еще один внешне сильный ход: он неожиданно отказался от самой идеи введения нового устава, заявив, что устава 1884 г., дополненного указом 27 августа, вполне достаточно для нужд высшей школы. В беседе с корреспондентом «Нового времени» Л.А. Кассо подчеркнул, что действующий устав «имеет много хороших сторон», и отметил, что считает «ненормальным и недопустимым, чтобы каждые 20 лет вводился новый устав»³²¹.

Реакция основных политических сил в Государственной думе на события января-февраля 1911 г. и демарш министра была предсказуема. Если П.Н. Милюков выступал с патетическими заявлениями, из которых было понятно, что пропагандируемая кадетами реформа высшей школы может быть осуществлена только с изменением государственного строя («Свободный университет может быть только в свободной стране!»)³²², то борющиеся с кадетами за влияние на профессию октябристы активно пропагандировали идею о том, что «высшие учебные заведения не должны быть ни местом, ни орудием политической борьбы, а призваны служить исключительно делу духовного развития и высшего научного образования молодежи»³²³, одновременно отстаивая при этом идею о неприкосновенности университетской автономии и осуждая политику Л.А. Кассо³²⁴. Предложенная Л.А. Кассо «взамен нового устава» мера оздоровления университетов в виде подготовки профессуры за границей вызвала неприятие большинства фракций. Бюджетная комиссия Думы выступила с заключением, что «предложенный ведомством способ подготовки профессоров посред-

³¹⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. С. 82 - 85.

³¹⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 марта 1911 г. // Там же. С. 87.

³²⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. // Там же. С. 104-105.

³²¹ Цит. по: Воробьева Ю.С. Указ. соч. С. 36.

³²² См.: Там же. С. 40-41.

³²³ Декларация ЦК от 11 февраля 1911 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК, 1905-1915: в 2-х т. М., 2000. Т. 1. С. 318.

³²⁴ См.: Воробьева Ю.С. Указ. соч. С. 37-38.

ством устройства заграничных семинариев является непригодным для русской науки и заслуживающим осуждения»³²⁵.

Что касается собственно положения в университетах, то, как показано в литературе, политика Л.А. Кассо, привела к резкому росту студенческого движения и его новой радикализации³²⁶, к активизации в его среде политического экстремизма, в том числе деятельности большевиков³²⁷. В этих условиях меняется и политика профессорских коллегий, и тактика основных политических сил в Государственной думе. Не дождавшись проекта нового устава, основные политические силы в Думе приступили к новой более инициативной тактике, выдвигая собственные законопроекты переустройства высшей школы³²⁸. В наступление перешла и профессорская коллегия Петербургского университета, после «разгрома» Московского университета окончательно ставшая центром «университетской фронды». Так, в мае 1912 Совет столичного университета начал судебный процесс против действий министра (чуть ли не первый случай в российской истории, когда подведомственное учреждение угрожало в судебном порядке оспаривать решение главы ведомства)³²⁹.

* * *

Таким образом, сформировавшись в ходе революции 1905–07 гг. система отношений между властью и профессорскими коллегиями предопределила те трудности, с которыми сталкивались любые попытки решить «университетский вопрос»: противоречия между юридической и фактической автономией университетов, между автономией желаемой и данной профессорским коллегиям, вызывали постоянное напряжение в высшей школе. Ответом на попытки МНП ограничить

³²⁵ Цит. по: *Рооп А.Н.* Указ. соч. С. 205.

³²⁶ *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Л., 1984. С. 13; Ср.: *Завадский Н.Г.* Указ. соч. С. 6.

³²⁷ См., напр.: *Рогозин И.И.* Работа Петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910 – февраль 1917 г.) Автореф. дисс. ... к. ист. н. Л., 1973. С. 11–14; *Олесич Н.Я.* Указ. соч. С. 189–202.

³²⁸ *Воробьева Ю.С.* Указ. соч. С. 37–44.

³²⁹ См.: [Приложение 2 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 12 марта 1912 г.] В Юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1914 С. 59–72; Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 марта 1912 г. // Там же. С. 48; [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 21 мая 1912 г.] Представление ректора Императорского С.-Петербургского университета в Первый Департамент Правительствующего Сената [21 мая 1912 г.] // Там же. С. 89–103.

полномочия и роль Университетских советов была бескомпромиссная борьба ведущих профессорских коллегий за автономию, в качестве одного из инструментов которой использовалось студенческое движение (можно предположить, что в этой «борьбе» органично сочетались политическая, культурная и корпоративная мотивация). В свою очередь, ответом на борьбу профессоров стали репрессии эпохи Л.А. Кассо и отказ правительства от самой идеи нового университетского устава. Материалы думских дискуссий показывают столкновение консервативного («правые» и МНП) и радикально-либерального дискурсов (социал-демократы, кадеты) в университетском вопросе, что отражает основные установки общественного сознания начала XX вв. Согласно консервативной позиции любые социальные институты (в том числе образовательные и научные) должны выступать как проводники государственной политики, согласно радикально-либеральной точке зрения любые общественные институты, связанные с народным просвещением, были обязаны способствовать целям «освободительного движения».

Вероятным выходом из сложившейся ситуации должен был стать новый Университетский устав, одобренный Государственной думой, отражавшей мнение доминирующих в III Думе центристских сил (и, прежде всего, октябристов) и представляющих третью позицию «консервативного либерализма». Действительно, этот дискурс, отстаивающий принципы «академической свободы» и увязывающий государственный контроль над учебными заведениями с государственным заказом и финансированием, теоретически мог бы стать основой для компромисса, но необходимой поддержки в этот период в правительственных и общественных кругах так и не получил. По существу III Дума так и «не дала» шанса выполнить роль посредника между властью и высшей школой. Причина такой ситуации носит двоякий характер: с одной стороны, идеологический барьер, лишавший стороны возможности прийти к консенсусу в законодательной сфере, очевидно, проходил между октябристами и МНП (в результате «университетский вопрос» стал одним из постоянных «раздражителей» в отношениях между правительством и Думой). С другой стороны, октябристы, не имея в профессорских коллегиях такого представительства как кадеты, не могли соответственно влиять на политику университетов. Впрочем жесткое столкновение Министерства и профессорских корпораций, приведшее в 1911 г. к затяжному конфликту власти и высшей школы, показало тупиковый характер подобных «бескомпромиссных» политических стратегий и объективно подталкивало противоборствующие стороны к компромиссу, к которому они подошли через несколько лет – в эпоху министерства П.Н. Игнатьева и Прогрессивного блока.

Государственная дума и Министерство императорского двора

С принятием в 1906 г. новой редакции Основных законов Российской империи в стране утвердился государственный строй, получивший в историографии наименование думской монархии. Одной из его отличительных черт стало право Государственной думы на ежегодное утверждение бюджетов — как государственного, так и отдельных министерств. Тем не менее в Империи было одно ведомство, расходы на содержание которого не подлежали утверждению Думы — Министерство императорского двора и уделов (МИДв). Оно было учреждено 22 августа 1826 г. именным высочайшим указом императора Николая I и объединило все существовавшие к тому времени части дворцового управления: придворные конторы и дворцовые правления, Кабинет его императорского величества и Департамент уделов. С самого начала новое министерство заняло совершенно особое положение в ряду прочих высших ведомств Империи, а министр двора — в общем порядке государственного управления: «Министр Императорского Двора имеет состоять под собственным ведением Государя Императора; следственно, во всех своих деяниях отчет даст токмо Его Императорскому Величеству, равно и все повеления получает от Его Величества, а другое никакое Правительство никакого отчета по делам, вверяемым его распоряжению, требовать и предписаний по оному чинить права не имеет»³³⁰.

Таким образом, МИДв не зависело от Правительствующего Сената — верховного учреждения, которому подчинялись в порядке суда, управления и исполнения все прочие учреждения Российской империи³³¹. В то время как все ведомства получали от Сената указы и были обязаны отчитываться перед ним представлениями, рапортами и доношениями³³², МИДв получало только копии с определений Сената, передаваемые министру двора обер-прокурором Сената лично³³³. Никакие жалобы на действия и распоряжения министра двора не могли быть обжалованы обычным путем, через Сенат, и подавались на высочайшее имя. Аналогичным образом был устроен и финансовый контроль за деятельностью МИДв. Все входящие в его состав учреждения не подлежали ревизии Государственного контроля. За законностью и правильностью операций по приходу, расходу и хранению финансо-

³³⁰ ПСЗ II. Отд. I. Т. I. № 541. П. 2.

³³¹ Учр. Прав. Сената. Изд. 1857, 1886, 1892 гг. Т. I. Ч. II. Ст. 1.

³³² Там же. Ст. 194.

³³³ Там же. Ст. 193.

вых средств следило особое учреждение в составе самого министерства – Контроль МИДв³³⁴. Что касается бюджета МИДв, то (согласно Правилам о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, утвержденным Александром II 22 мая 1862 г.³³⁵) он утверждался лично императором – по всеподданейшему докладу министра двора. Данное положение сохранялось без изменений до начала XX в.

8 марта 1906 г., в преддверии открытия I Думы, император Николай II утвердил новые Правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, пункт 4 которых гласил: «Кредиты на расходы Министерства Императорского Двора, вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнований Высочайше утвержденной, 29 декабря 1905 г. (27167) Росписи, обсуждению не подлежат»³³⁶. Таким образом, утвердился компромисс: неконтролируемый, как и прежде, ежегодный бюджет МИДв теперь был строго ограничен суммой его бюджета на 1906 г.³³⁷ При этом все дополнительные средства на возникающие ведомственные нужды должны были утверждаться Думой. Справедливо полагая, что на проведение через Думу новых ассигнований на какие бы то ни было нужды своего министерства рассчитывать не приходится, министр двора В.Б. Фредерикс должен был изыскивать средства на его дальнейшее развитие исключительно во внутренних резервах.

Следует отметить, что Фредерикс, по всей вероятности, предполагал такое развитие событий, и заранее позаботился о создании таких резервов. Фиксированный бюджет Министерства двора наложил огромный отпечаток на всю его дальнейшую деятельность, однако практически не отразился на положении его сотрудников, поскольку, «стремясь обеспечить служащих, барон Фредерикс в момент фиксации бюджета Министерства уже довел оплату их труда до такого максимума, который мог бы удовлетворить каждого из них»³³⁸. Дело в том, что после высочайшего утверждения штата 1902 г. средние оклады содержания в МИДв стали одними из самых больших среди центральных ведомств Империи³³⁹. По состоянию на 1904 г. выше оклады

³³⁴ Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894) / Сост. А. Н. Коковихин. СПб., 1901. С. 13 – 14.

³³⁵ ПСЗ II. Т. 37. № 38309.

³³⁶ ПСЗ III. Т. 26. № 27505. (Собр. узак. 1906 г. Ст. 335).

³³⁷ ПСЗ III. Т. 25. № 27167.

³³⁸ РГИА. Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора). Оп. 43. Д. 67. Л. 360.

³³⁹ РГИА. Ф. 468 (Кабинета его императорского величества). Оп. 43. Д. 1505. Л. 2.

были только в Главном управлении покладных сборов, входившем в Министерство финансов. Примерно равными были оклады средних и высших классов должностей в Министерстве путей сообщения и Главном управлении торгового мореплавания и торговли. Что же касается окладов младших классов должностей (с 8 по 12), то в МИДв они были в тот период и вовсе наибольшими в Империи. В этой связи возникает вопрос об отношении последнего министра двора к институту Государственной думы. Казалось бы, этот вопрос не существует – учитывая отчужденное положение этого ведомства в рамках государственного устройства, да и ответ большинству исследователей всегда казался очевидным. Однако, если иметь в виду исключительную степень близости личных отношений между В.Б. Фредериксом и Николаем II, этот вопрос приобретает особое значение.

Барон (а с 1913 г. и граф) Владимир Борисович Фредерикс был министром Двора весь период существования дореволюционной Государственной думы. Личность последнего министра Двора обычно не вызывала особого интереса ни у специалистов, ни у любителей отечественной истории: до последнего времени не существовало ни одной научной работы, анализирующей его место в российской истории³⁴⁰. Мнение о «реакционных» взглядах барона и его крайне незначительной роли в политических событиях эпохи стало своего рода «общим местом» в исторической литературе, посвященной последнему царствованию. Это мнение традиционно основывается на невысокой оценке способностей В.Б. Фредерикса, но главное – на непреложном убеждении в его физической, и как следствие – политической недееспособности. Это убеждение, давно ставшее аксиомой, берет свое начало в общем мнении современников. Авторы многочисленных мемуаров и воспоминаний на редкость единодушны в отказе В.Б. Фредериксу в какой-либо значимой роли в событиях того времени. Отношение к последнему министру двора разнится разве что от презрительного до снисходительного – в зависимости от политических убеждений автора.

Свои политические взгляды Фредерикс никогда не высказывал ни публично, ни письменно. Директор одного из департаментов Министерства иностранных дел В.Б. Лопухин, анализируя в своих воспоминаниях политический расклад в правительствах думской монархии,

³⁴⁰ Деятельность В.Б. Фредерикса на посту министра императорского двора рассматривается автором в следующих публикациях: Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти. 1831–1917. СПб., 2007; *Он же*. В.Б. Фредерикс: политический портрет последнего министра двора // Клио. № 4 (43). 2008; *Он же*. Ограниченно незаменимый рыцарь // Родина. 2009. № 1.

отмечал, что все министры (включая, разумеется, и министра двора) «были консерваторами, иначе не были бы призваны к власти»³⁴¹. Однако внутри состава правительств Лопухин выделял две группы: «крайних консерваторов, принципиально не допускавших компромиссов», и «умеренных консерваторов, признававших эволюцию консерватизма в приспособлении к современности»³⁴². Фредерикса он относил ко второй группе, подчеркивая, что министр двора последовательно проводил в своей деятельности принцип невмешательства в любые возникающие в правительстве политические конфликты. Самого барона Лопухин характеризовал следующими словами: «честный, прямой, близкий к царю, но никогда этой близостью не злоупотреблявший, ставший ни во что, непосредственно его не касавшееся, не вмешиваться... При его системе невмешательства [Фредерикс] мог считаться на лучший конец лишь сочувствующим умеренным прогрессивным течениям»³⁴³.

Непредвзятое изучение личных документов позволяет выявить реальную роль В.Б. Фредерикса в принятии ряда важнейших политических решений эпохи и, в частности, его истинное отношение к институту Государственной думы. Хорошо известно участие министра двора уже в самом создании режима думской монархии. В ходе подготовки Манифеста 17 октября 1905 г. В.Б. Фредерикс присутствовал на всех совещаниях, созывавшихся императором в узком составе³⁴⁴, и выступил в качестве посредника между Николаем II и С.Ю. Витте. Затем, на последнем этапе обсуждения, именно министр двора сыграл (наряду с великим князем Николаем Николаевичем) ключевую роль, представив по просьбе императора свое положительное мнение о предстоящей реформе. Лояльное отношение В.Б. Фредерикса к Государственной думе не раз проявлялось и позднее.

Весьма показательный случай приводит в воспоминаниях военный министр А.Ф. Редигер. 4 мая 1906 г. правительство получило информацию об адресе императору, принятом только что I Государственной думой и носившем совершенно неприемлемый для Верховной власти характер. Некоторые министры потребовали сразу же, не дожидаясь официального поступления адреса, обнародовать жесткую ответную декларацию правительства – что привело бы к мгновенному конфликту, требующему автоматического роспуска Думы. Однако боль-

³⁴¹ Лопухин В.Б. Люди и политика (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 122.

³⁴² Там же.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: в 2-х т. СПб., 2003. Т. 2. С. 214–229.

шинство членов правительства (к их числу присоединился и Фредерикс) полагало, что хотя «на совместную работу с нею, да и вообще на работу Думы, едва ли можно было надеяться; но население возлагало на нее такие большие надежды, что немедленный роспуск ее был бы для него большим разочарованием и надобно было попытаться привлечь ее к работе и дать ей самой возможность показать, способна ли она к ней или нет?»³⁴⁵. В итоге было решено дать ответ лишь по получении адреса.

В.И. Гурко отмечает, что когда 8 июля 1906 г. председатель Совета министров И.Л. Горемыкин все же привез к императору подготовленный им проект высочайшего указа о роспуске I Государственной думы, министр двора активно выступил против этой меры. Считая, вероятно, роспуск Думы преждевременным, Фредерикс старался убедить И.Л. Горемыкина, что достаточно высказать Думе порицание от имени государя — и она образумится (Николая II он уже убедил к тому времени). Сознывая всю наивность этого предположения, председатель Совета министров быстро склонил императора на свою сторону. Дума была распущена.

Можно было бы объяснить упомянутые примеры лишь прекраснодушием и политической наивностью министра двора. Однако позднее имели место и другие сюжеты, более однозначно говорящие о позиции Фредерикса в отношении Думы. Так, в воспоминаниях М.В. Родзянко (май 1912 г.) описан следующий пример: «Весной перед окончанием работ Думы, многие члены, как правые, так и октябристы, а главным образом крестьяне всех партий, выражали желание представиться Государю. В этом я видел побуждения самые искренние и благородные, а также и проявление верноподданнейших чувств. Я энергично начал через председателя Совета министров Коковцова хлопотать об этом. Государь отнесся подозрительно к этому заявлению и сперва наотрез отказался принять членов Думы, вероятно, под влиянием Императрицы, которая присутствовала при разговоре с Коковцовым и все время повторяла, что это совершенно лишнее. С другой стороны велись переговоры с бароном Фредериксом... с просьбой о том же. Только после того, как Коковцов и Фредерикс объявили, что они выходят в отставку, если Дума не будет принята, Государь нехотя на это согласился»³⁴⁶. Но наиболее важным для изучаемой темы представляется свидетельство столь информированного источника, как дворцовый комендант В.Н. Восйков. В своих воспоминаниях он отме-

³⁴⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 51.

³⁴⁶ Родзянко М.В. Крушение Империи // Гибель монархии. М., 2000. С. 122.

чает, что именно министр двора был инициатором посещения императором IV Государственной думы 1 января 1916 г., «дабы показать... представителям народа доброжелательное к ним отношение со стороны царя»³⁴⁷. Как известно, этот неожиданный высочайший визит стал тогда громкой сенсацией и достиг поставленной цели, существенно повлияв на политическую ситуацию в стране.

В.Б. Фредерикс являлся видным представителем «ближнего круга» императора Николая II (или «придворной камарильи», как его было принято называть в советское время). Эта группа считалась непримиримым противником Государственной думы, да и вообще всякого социального прогресса, делавшей все, чтобы император упразднил институты Думской монархии и вернулся к традиционному неограниченному самодержавию. Сторонником таких «реакционных» взглядов считался, разумеется, и министр двора. Однако приведенные факты свидетельствуют об обратном.

Конечно, убеждения В.Б. Фредерикса не были «реакционными», т. е. крайне-консервативными. Его вполне можно назвать «дуалистом»³⁴⁸ – представителем правого крыла правительственного либерализма. С.В. Куликов, впервые в новейшей историографии введший этот термин в научный оборот, так определяет его значение: «В отличие от парламентаристов, дуалисты понимали под реформированным “самодержавием” неограниченность императорской власти, но не вообще, а только [выделено у автора – прим. С.Г.] в управлении, признавая тем самым ограничение ее в законодательстве»³⁴⁹. «Дуалисты» отождествляли строй, созданный в 1906 г. с конституционно-дуалистической системой, при которой новые Основные законы четко разделили сферы властей законодательной и исполнительной. Призывая, таким образом, новые законодательные учреждения (Государственную думу и Государственный совет) и отнюдь не стремясь к их ликвидации, «дуалисты», тем не менее, полагали необходимым ограничить их права одной лишь законодательной областью. Император и правительство оставались при этом вне подчинения законодательным учреждениям, и прерогативы «самодержавия» в управлении оставались неизменными. Однако вся система в целом оказывалась подчинена закону.

Таким образом, являясь «дуалистом», или умеренным консерваторм, В.Б. Фредерикс на деле был сторонником, а отнюдь не противником думской монархии. Доказательством этому служит его неизменно

³⁴⁷ Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 174.

³⁴⁸ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань. 2004. С. 16–18.

³⁴⁹ Там же. С. 17–18.

лояльное отношение к такому нетерпимому для крайне правых кругов институту, как Государственная дума. Отметим, что в этом вопросе он был полным единомышленником Николая II, также «дуалиста». По-другому и быть не могло: ближайшим сотрудником императора мог стать только тот, кто, образно говоря, смотрел на мир его глазами. При этом, что особенно важно, в случаях, когда намечался политический кризис и барон считал свое вмешательство необходимым, он использовал все свое немалое моральное влияние, стараясь на неформальном, личном уровне упрочить позицию Николая II, стремящегося сохранить в России новый политический режим.

А.В. КОСТЫЛЕВ

Выборы в III Государственную думу в Санкт-Петербурге

Думские избирательные кампании представляют собой важную и неотъемлемую составляющую российского парламентаризма начала XX века. Это была та часть парламентской практики, которая напрямую связывала депутатский корпус с общественным мнением, обеспечивала представительскую функцию Думы. Наиболее оживленно, партийно акцентировано, с использованием огромных агитационных ресурсов проходили выборы в наиболее крупных городах, прежде всего в столицах – Санкт-Петербурге и Москве. В ряду других избирательных кампаний значительный интерес вызывают выборы в III Государственную думу в Петербурге, состоявшиеся в условиях действия нового третьеиюньского избирательного законодательства и отличавшиеся рядом характерных особенностей. Согласно закону 3 июня 1907 г., в крупнейших городах Российской империи, в том числе и столицах, впервые в отечественной парламентской практике вводился прямой порядок голосования. Избиратели выбирали не выборщиков, как ранее, а непосредственно депутатов Думы. Главной целью столыпинского избирательного акта являлось получение любой ценой твердого проправительственного большинства в Думе, вытеснение на обочину думской деятельности кадетов и почти полная ликвидация левых фракций. Это достигалось не только коренным перераспределением мест в губернских избирательных собраниях в пользу землевладельцев, но и искусственным разделением городских выборщиков на два разряда по имущественному признаку с избранием в равной доле депутатов (в городах с отдельным представительством) и выборщиков (во всех остальных) отдельно друг от друга. Причем требования к цензу избира-

телей первого разряда в столицах были значительно выше, чем в других городах. В первом избирательном съезде в столицах участвовали: владельцы недвижимости, оцененной для взимания городского сбора в сумму не менее 3 тыс. рублей (в остальных городах – 1500); владельцы торговых предприятий, требующих выборки промыслового свидетельства только первого разряда (в остальных первых двух); владельцы промышленных предприятий со свидетельством первых трех разрядов и пароходоладельцы, чей налог составлял от 500 и более рублей (в других городах – соответственно, первых пяти разрядов и 50 руб. налога)³⁵⁰. Фактически это относилось к первой городской курии только домовладельцев, крупных и средних оптовых купцов и торговцев, владельцев заводов, фабрик, крупных ремесленных мастерских. Даже многие министры, не говоря уже об академической интеллигенции, голосовали только по второй курии. Равное долевое избрание городских депутатов от двух разрядов применительно к выборам в III Думу в Петербурге привело к следующему отнюдь не арифметическому равенству – $3813 = 83225$, где первая цифра – число избирателей первого разряда, а вторая – второго. Введение этого дополнения в законодательство распространяло на города то неравенство российского избирательного права, которое предусматривалось приложенным к думскому избирательному закону расписанием числа губернских выборщиков от различных курий. Разумеется, политически подразумевалось, что представители городских верхов изберут в Думу в подавляющем большинстве октябристов. Поэтому даже сами противники кадетов в шутку называли новый избирательный закон «кадетяпским» (это помимо ставшего широко известным определения «бесстыжий»). Другим последствием избирательной контрреформы стало еще большее уменьшение количества избирателей, затронувшее, главным образом, именно крупнейшие города. На протяжении всех думских избирательных кампаний в Петербурге количество избирателей последовательно снижалось (146 тыс. на выборах в I Думу; 119 тыс. – во II-ю; 83,5 тыс. – в III-ю; 71,5 тыс. – IV-ю), при этом наибольший спад связан с выборами, проходившими по новому законодательству. Это достигалось введением нескольких дополнений, прежде всего ст. 12 закона 3 июня, запрестившей участие в выборах сразу по нескольким куриям одновременно и особенно ст. 61, лишившей рабочих права голоса по городской курии, даже если они обладали соответствующим цензом. Согласно ей, рабочие могли голосовать только в рамках своей особой курии. То же самое делала ст. 62 с крестьянами³⁵¹. Формально

³⁵⁰ ИСЗ III. 1907. СПб., 1910. Т. XXVII. № 29242. С. 326.

³⁵¹ Там же. С. 328.

эти требования соответствовали требованию равенства избирательного права («один человек — один голос»), но в российских условиях того времени они парадоксально еще более усиливали неравенство голосов общественных верхов и низов, ведь возможность двойного голосования хоть как-то, хотя бы немного повышала удельный вес крестьянских и рабочих голосов. В целом третьеиюньский акт означал значительное отступление от относительно демократических норм закона 11 декабря 1905 г. и приближение к основам еще булыгинского избирательного законодательства.

Общие неблагоприятные условия избирательной кампании для оппозиции выражались в отсутствии официальной легализации даже у кадетов, не говоря о социалистических партиях. Это значительно сужало возможности их агитационной деятельности: они не могли распространять воззвания и брошюры от имени партии, организовывать партийные предвыборные собрания с облегченной процедурой разрешения, элементарно рекламировать свои избирательные списки под своим настоящим именем. Последнее, впрочем, практически не имело никакого значения: когда «Речь» публиковала кадетский список под грифом «Наши кандидаты», всем сколько-нибудь политически сведущим было ясно, о чем идет речь, тем более что возглавляли список П.Н. Милюков и Ф.И. Родичев.

Следует отметить, что избирательная кампания в III Думу в Петербурге была самой краткосрочной: со времени, когда был назначен день выборов, до первого тура голосования, 17 октября 1907 г., прошло всего 12 дней. Впрочем, первые предвыборные собрания стали созываться еще ранее, с конца сентября. В этой связи служащие канцелярии городской управы, которые были ответственны за изготовление специальных именных объявлений каждому избирателю, трудились за их подписанием даже по ночам, ведь предстояло направить персональные приглашения более 80 тыс. избирателей буквально в пятидневный срок. Именные объявления удостоверяли наличие у владельца избирательных прав. Кроме них в комплект входили конверт с незаполненным бланком бюллетеня, а также специальным отрывным талоном на случай повторного голосования (еще одним нововведением было требование для избрания депутата абсолютного большинства голосов, в то время, как для выборов выборщиков хватало и относительного). Бюллетени избиратель мог заполнить сам, но мог получить и печатный от представителей той или иной партии. Очевидно, столь сжатые сроки подготовки выборов отразились на степени их подготовленности. Из более чем 80-ти тысяч именных конвертов в управу вернулось 14,8 тысяч за нерозыском адресатов, из них 2215 оказались внесенными в списки по ошибке (умерли, лишились или не имели из-

бирательных прав)³⁵². Однако это не лишало права голоса всех неотыскавшихся, ведь именные объявления и конверты можно было получить самому по предъявлении удостоверения личности в управе или даже на избирательном участке в день голосования. Подобной возможностью вскоре воспользовались более трех тысяч избирателей.

Наряду с официальной подготовкой выборов проходила неофициальная, по линии участвующих в них партий и организаций. Наибольшую активность в этом проявили, как и прежде, кадеты. Еще в конце сентября 1907 г. начались заседания районных комитетов, которые организовывали обходы партийных избирателей, предварительное анкетирование всех пользующихся правом голоса. Они же собирали деньги для найма помещений для собраний и иных предвыборных целей. Приблизительный подсчет показывал, что в среднем по каждому избирательному участку требовалось минимально от 2500 до 3000 рублей, что было в несколько раз меньше расходов на выборы в I и II Думы, ведшихся на «широкую ногу». Значительный вклад в дело предвыборной агитации внесла студенческая фракция партии народной свободы, рекрутирующая кадры для районных агитационных бюро³⁵³. Куда более скромным было участие в предвыборной агитации октябристов, которые ограничились поквартирным обходом и анкетированием немногочисленных избирателей только 1-й курии³⁵⁴. Из национальных избирательных организаций наибольшим образом проявил себя беспартийный еврейский избирательный комитет, устраивавший многочисленные собрания среди избирателей-соплеменников и призывавший их к стопроцентной явке на избирательные участки. Хотя на этот раз не было вынесено никакого официального решения о поддержке кадетов, огромное большинство еврейской диаспоры без сомнения проголосовало именно за них.

Значительное участие в предвыборной агитации играла пресса, формируя общественное мнение, публикуя как концептуальные статьи общеполитического содержания, так и непосредственно агитационные материалы, например, списки и биографии кандидатов. Общий климат предвыборной кампании формировали такие влиятельные и многотиражные органы, как «Речь», «Новое время», «Русские ведомости». Среди левых и социалистов был очень популярен «Товарищ». Очень обсуждаемыми и резонансными были редакторские публикации П.Н. Милюкова, которые сформулировали новое отношение кадетов к левым («у нас есть враги слова»); выступление А. Стаховича с

³⁵² Речь. 1907. 17 октября.

³⁵³ Там же. 2, 3 октября.

³⁵⁴ Новое время. 1907. 25 сентября.

призывом к избирательным соглашениям между кадетами и октябристами; статья Г.В. Плеханова в «Товарище» «Неосновательные опасения», где основоположник русского марксизма критиковал радикализм большевиков и резко негативное отношение социал-демократии к либеральной буржуазии. Где-то за обочиной всех полемик и общественного интереса пробавлялось одиозное «Русское знамя», из номера в номер отрицавшее очевидное и под рубрикой «Затвердите русские люди», публиковавшее аншлаг о том, что в России по-прежнему неограниченная самодержавная монархия, а Дума законосовещательный орган. Рядом с этим объявлением на передовице соседствовал материал «Труды партии народной свободы», где перечислялись жертвы революционного террора, а нередко и прямой уголовщины. Как всегда почти все антикадетские материалы носили самый разнузданный антисемитский характер: антиреклама кадетского списка, где на этот раз не было ни одного еврейского или польского имени, сопровождалась анонсом «Берегитесь шабесгоев!»³⁵⁵. Скандальные выпады органа СРН в адрес правительства Столыпина, обличавшие его мнимый «либерализм», стоили А.И. Дубровину в ходе избирательной кампании 1000 рублей штрафа.

Печатная агитация на выборах в III Думу уже не была столь активной, как на выборах в I Думу. Это было связано не только с официальным запретом на распространение агитационных материалов незарегистрированных партий, но и с определенной пресыщенностью избирателей различными ранее изданными воззваниями. Кроме того, при прямых выборах на первую роль выходила популяризация личности кандидатов, а знакомство с ними при ограниченном количестве избирателей могло лучше состояться в рамках предвыборных собраний. Именно кандидаты в депутаты, а не штатные ораторы были главными фигурами на них.

Кадеты выдвинули в своем списке по второму разряду избирателей бессменного лидера партии П.Н. Милюкова, патриарха земского конституционализма Ф.И. Родичева, а также мало тогда известного широкой публике А.М. Коллюбакина. По второму разряду их представляли сочувствующие партии ветеран российского либерализма М.М. Стасюлевич (редактор-издатель «Вестника Европы»), отставной генерал-майор Д.И. Суботич и А.А. Ушаков. Октябристы по первому разряду представляли городского самоуправления и крупного бизнеса С.П. Беляева, В.К. фон Апреа, Г.Г. Лерхе, а по второму – партийных функционеров и активистов Ю.Н. Милютина, С.Д. Грибоедова и Н.Н. Перцова. Помимо них в избирательной кампании участвовали

³⁵⁵ Русское знамя. 1907. 10 октября.

левые, на этот раз двумя списками – народнического блока (трудовики и народные социалисты) и социал-демократов. Традиционными аутсайдерами всех петербургских выборов являлись монархисты, на этот раз выступившие единым списком «Союза русского народа» и «Русского собрания». В числе кандидатов от последних стоит отметить академика А.И. Соболевского и одного из организаторов «Русского окраинного общества», будущего националиста П.А. Кулаковского. Характерной особенностью третьей избирательной кампании было хождение многочисленных смешанных (кадетско-народническо-социал-демократических; общесоциалистических и других) и внепартийных списков. Один из них включал имя бывшего депутата II Государственной думы от Петербурга отца Григория Петрова, который на этот раз не попал в кадетский бюллетень и выступил самостоятельно как независимый, или, говоря тогдашним языком, «дикий» кандидат. Существовали и «контрафактные» кадетские списки, не одобренные партийным плебисцитом. Почти все они включали имя П.Б. Струве.

Партийные кандидаты, как правило, помимо законодательного утверждения, должны были пройти внутрипартийный отбор. У кадетов он носил самый широкий демократический характер. Со времен выборов в I Думу само выдвижение в кандидаты в депутаты от партии народной свободы определялось внутрипартийным референдумом, результаты которого публиковались в печати и имели решающее значение для окончательного утверждения избирательного списка. На референдуме перед выборами в III Думу в Петербурге наибольшее количество однопартийцев собрали (по убывающей) П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, Н.Н. Кутлер, И.В. Гессен, А.М. Колюбакин и П.Б. Струве. Ввиду отказа Кутлера и Гессена место в списке кандидатов занял Колюбакин, обошедший куда более известного, но, ввиду своей особой политической позиции, не всеми в партии поддержанного Струве. В связи с этим многие высказывали опасения о провале третьего кадетского кандидата на общих выборах. Результаты голосования не подтвердили мнения скептиков. Хотя Колюбакин и собрал значительно меньше всех голосов из партийного списка, но намного (чуть менее, чем в 2 раза) опередил лучшего октябриста.

Определенной интригой кампании было допущение или недопущение к выборам П.Н. Милюкова, который, учитывая прошлый опыт «разъяснений», добивался утверждения избирателем сразу по двум цензам – промысловому свидетельству и квартиронанимательскому. Второй и на этот раз был опротестован губернской избирательной комиссией по совершенно надуманному предлогу – ко времени составления избирательных списков не прошел год со времени реального заселения его в квартиру, хотя он снял ее официально еще ранее года

назад. Все оправдания лидера кадетов о том, что он и не мог заселиться ранее, так как в квартире шел ремонт, не помогли. Хотя градоначальник хотел оспорить и промысловое свидетельство Милюкова, он все-таки был признан избирателем, хотя было очевидно, что этот ценз был «деланным», т.е. специально созданным (в нем редактор «Речи» фигурировал как заведующий складом издательства «Общественная польза», т.е. по сути высокооплачиваемый приказчик). Очевидно, допущение Милюкова было связано с определенными негласными указаниями правительственных кругов, которые предпочли видеть лидера кадетов в качестве официального, а не закулисного руководителя партийной фракции в Думе. Во всяком случае такую, вполне правдоподобную версию выдвигает сам Милюков в воспоминаниях. «Не только не делалось на этот раз препятствий моему выбору, но, по слухам, до меня дошедшим, Крыжановский (официально курировавший выборы в министерстве внутренних дел — А.К.) решил, что лучше иметь меня внутри Думы, нежели вне ее (то есть в качестве тайного инспиратора, каким меня считали раньше)»³⁵⁶, — читаем в главе, посвященной III Государственной думе.

Среди наиболее часто поднимаемых на предвыборных собраниях вопросов были критика нового избирательного закона и отношения правительства к Думе в целом, опыт деятельности различных фракций в Думах прошлых созывов, программа их работы в будущем, национальный вопрос вообще и положение евреев в частности (на собраниях, устраиваемых еврейским избирательным комитетом). Для каждого из ораторов-кандидатов была характерна своя манера изложения, особенные ораторские приемы, средства воздействия на слушателей. Среди «златоустов», говоривших по «наитию» выделялись Ф.И. Родичев и о. Григорий Петров. Если первый «подкупал слушателей не только ярким блеском словесного мастерства, но и своей необычайной искренностью», то второй запоминался использованием простых и понятных для всех ярких образов (библейских и народных). Чего, например, стоит сравнение Манифеста 17 октября с днем венчания жениха — русского народа и невесты — свободы. «Прошло два года, а жених с невестой на разных берегах реки гуляют», — говорил священник на одном из собраний 7 октября 1907 г.³⁵⁷ Милюков «брал» основательностью и логичностью выводов, стремлением с помощью наглядных фактов доказать свою точку зрения. «Это были речи опытного лектора, привыкшего обучать студентов», — вспоминала современ-

³⁵⁶ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 11.

³⁵⁷ Речь. 1907. 8 октября.

менница³⁵⁸. Бессменный кандидат социал-демократов опытный адвокат Н.Д. Соколов, как и многие другие левые, «бил на чувства», пытался закрепить за социалистами образ «пострадавших борцов за правое дело». Впрочем, речи последнего нередко бывали чрезвычайно догматичны. Не вполне корректные и недопустимые приемы агитации использовал кандидат от народных социалистов А.С. Зарудный, нередко переходивший на «личности» и особенно невзлюбивший по-чему-то Ф.И. Родичева. Это однажды едва не закончилось скандалом.

В этом списке, как видим, нет имен октябристов, не говоря о правых, которые вообще никогда открытых собраний не устраивали. Октябристы на этот раз решили поступить так же, формально ссылаясь на недавно принятые изменения в программе, а, скорее всего, разочаровавшись в успехе. Даже внепартийному журналисту А.А. Пиленко, в прошлые избирательные кампании примыкавшему к октябристам, который теперь с места пытался критиковать их «слева», попросту не дали слов.

В эти условиях заочная полемика кадетов и октябристов велась исключительно в прессе, а на первое место вышло очное противостояние с социалистами. Аргументы кадетов в этом споре практически всегда казались публике гораздо более весомыми, и нередко слишком несдержанная критика кадетов левыми вызывала негодующую реакцию публики. Это было и понятно, потому что почти всегда именно социалисты приходили на собрания избирателей, устраиваемые кадетскими активистами, а не наоборот. Сами левые пытались организовать несколько собраний, но они успеха не имели и собирали порядка 100, максимум 200 человек, в то время как «кадетские», особенно накануне дня голосования, насчитывали до 500 и даже более избирателей. Среди самых распространенных аргументов социалистов была критика кадетов за нерешительность тактики, а также за то, что они «ходят по передним» (намек на закулисные переговоры о «министерстве доверия» и принятие в партию некоторых бывших сановников, вроде Н. Кутлера), за невыполнение предвыборных обещаний. Слабым местом самих социалистов было многократно вскрываемое кадетами противоречие между несовершенством Думы как парламентского учреждения (по мнению левых) и их желанием идти туда для пропаганды «внепарламентской работы». Милоков неоднократно задавал риторический вопрос о том, как может слабая Дума усилить социалистов и заключал: «Чем послать в Думу влиятелей на законодательную деятельность, лучше послать истинных законодателей»³⁵⁹.

³⁵⁸ Тьджова-Вильямс А.В. На путях к свободе. London, 1990. С. 252.

³⁵⁹ Речь. 1907. 16 октября.

Любая критика правительства, а тем более упоминание (даже без расшифровки) о внепарламентской деятельности социал-демократов, неизменно приводили к предупреждению пристава, а после трех предупреждений – к закрытию собрания. Поэтому нередко приходилось говорить эзоповым языком. Так, когда Родичев на собрании 14 октября в зале Купеческого общества «заговорился» и получил предупреждение после фразы: «Основы права поколеблены, и наша задача сохранить его остатки от властной крамолы», то продолжить ему пришлось следующим прозрачным намеком: «Но Плевна будет взята, и Осман-паша сдастся»³⁶⁰. Иногда и это не помогало. Наиболее строго полиция следила за собраниями социал-демократов, и стало уже традицией закрывать их даже тогда, когда не было никакого формального повода к закрытию. В ходе третьих выборов подобные инциденты случались неоднократно. Так, на собрании 13 октября в доме Нобеля полицейский пристав приостановил собрание сразу после того, как на трибуну поднялся первый номер списка эсдеков Н.Д. Соколов. Выяснилось, что по распоряжению градоначальника приставам была дана инструкция обращать особое внимание именно на его выступления. Соколов резонно заметил, что в распоряжении не говорилось о недопущении выступать. Только после звонка по телефону градоначальнику собрание смогло продолжить свою работу. Однако длилась она недолго. Пристав трижды останавливал речь оратора, причем без всякой разумной причины и после третьего предупреждения все-таки закрыл собрание³⁶¹. Очевидно, пристав не обладал должным уровнем образования и знаний, но в то же время не был обделен служебным рвением и из боязни не выполнить указание градоначальника предпочел перестраховаться. Разумеется, за это ему не грозило никакое взыскание, а вот в обратном случае без него он бы не обошелся.

Вообще, власти на выборах во II и особенно в III Думу делали все, чтобы ограничить агитационный порыв партий: запреты на печатную агитацию незарегистрированных организаций, полное воспреещение любой избирательной деятельности в день выборов, постоянные предупреждения в адрес редакторов газет, приостановка их выхода. Применительно к собраниям эта тенденция выразилась помимо введения фактической цензуры речей в строгом входном контроле. В помещения допускались только избиратели и только по проверке документов, причем этот контроль осуществлялся двумя, а иногда тремя барьерами: при входе в помещение, непосредственно в зале, при записи на выступлениях. Разумеется, в новых условиях было полностью покон-

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Товарищ. 1907. 14 октября.

чено с той атмосферой митинга, которая царила на перводумских выборах. Стало невозможным присутствие на собраниях клаци, которую нередко прежде вели за собой левые ораторы. Сами собрания стали гораздо более камерными, а речи – академичными, несущими большую смысловую нагрузку и рассчитанными на подготовленного избирателя.

День голосования в первом туре, совпавший с двухлетней годовщиной Манифеста 17 октября, прошел достаточно буднично, без какой-либо агитации, которая законом 3 июня в это время была запрещена. В этом смысле выборы в III Думу резко контрастировали с первыми выборами, когда места перед участками собирали настоящие импровизированные митинги, а агенты партий раздавали бюллетени даже на лестницах, ведущих к помещениям для голосования. Единственными, кому полиция кое-где не мешала агитировать теперь, были агитаторы со значками «Союза русского народа», но и они отводили избирателей в сторону, быстро снабжая их своими бюллетенями. На многих участках виднелись крупные объявления, указывавшие на полное запрещение агитации в день голосования.

Явка на выборы в целом была сопоставима с предыдущими и следующей кампаниями и составляла 59,3 % по первому разряду и 53,9% по второму (в сравнении – около 55 % на выборах в I Думу и по разрядам в IV – 59 и 47,9 % соответственно). Наибольший наплыв избирателей наблюдался в обеденный перерыв и после окончания рабочего дня во всех торговых и государственных учреждениях – с 17 до 19 часов. По сравнению с первыми выборами почти не было очередей у ящиков и избирательных помещений.

Как всегда не обошлось без избирательных курьезов. Большая их часть была связана с попытками голосования по поручению: несовершеннолетние хотели проголосовать за родителей, приказчики за хозяев, жены за мужей. Особое внимание прессы было привлечено к появлению на избирательных участках высших сановников и лидеров партий. Член Государственного совета Н.С. Таганцев едва не аннулировал свой голос, пытаясь бросить бюллетень в урну без конверта. Один из простонародных избирателей долго пытался проголосовать не на своем участке, аргументируя свое право следующим пониманием прямого голосования: «Пришел, потому что ближе, выборы ведь все равно прямые»³⁶². Среди бюллетеней тут и там попадались порченные, с различными надписями, в которых высказывались те или иные просьбы, пожелания. Так, один из самобытных поэтов успел написать

³⁶² Речь. 1907. 19 октября.

на бланке для голосования целое стихотворение под названием «Мой совет», где всячески обыгрывалась судьба предыдущих Дум и думцев:

Если хочешь жить свободным
Гражданином на Руси,
Представителем народным
Себя выбрать не проси.

И когда бока не мяты
У тебя и цел твой нос –
Не ходи ты в депутаты
Предоставь собратьям пост.

Если скоро и без шума
Ты в тюрьму не хочешь сесть,
В Государственную думу
Вновь не вздумай ты пролезть³⁶³.

Результаты выборов не были неожиданны и, в общем-то, предсказывались самими их участниками. По первой курии с небольшим перевесом победили октябристы. Однако в первом туре прошел в Думу только известный предприниматель и деятель городского самоуправления, в будущем один из создателей и лидеров Торгово-промышленной группы Государственной думы и Государственного совета С.И. Беляев, собравший 1204 из 2262 бюллетеней (53,2%). При этом два других октябристских кандидата В.К. фон Анреп и Г.Г. Лерхе никакого отставили, а последний пропустил вперед и весь кадетский список – 745 голосов против 810 у А.А. Ушакова. Столь высокие результаты у воротилы бизнеса Беляева объясняются тем, что он баллотировался сразу по двум спискам – Союза 17 октября и объединенному списку так называемой партии центра городской думы и банковских деятелей («кредитки»). Последнее избирательное объединение стало на выборах третьим, обогнав список правых, в котором значился такой небезызвестный деятель, как А.А. Бобринский. Монархисты получили от 186 до 175 голосов (лишь 7,9 % в совокупности). Предстояла перебаллотировка 2 членов Думы.

Схожая ситуация наблюдалась и на выборах по второму разряду. Здесь безусловным победителем уже в первом туре был Миллюков, чье имя значилось не только в кадетском, но и во многих смешанных и беспартийных списках. Собрав 51,2 % голосов (22714 из 44333), он впервые в своей карьере стал депутатом Думы. Всего 2,7 % + 1 бюллетень не хватило для избрания Родичеву. Довольно много проиграл им

³⁶³ Там же.

А.М. Коллюбакин — только 38,8%. Средний результат кадетов был примерно таким же, как и на выборах выборщиков во II Думу — соответственно 45,7 и 45 % голосов. Октябристы собрали в среднем 19,6 %, заметно уступив своему же результату на прошлых выборах — 25,2 %. Список СРН и Русского собрания неожиданно занял третье место, получив в среднем 9,6 % голосов. Социал-демократы и народнический блок оказались последними — 9,5 и 9,3 % бюллетеней. Следует, правда отметить, что первые номера народников и эсдеков — профессор-технолог Л.И. Лутугин и адвокат Н.Д. Соколов на 1500 — 1000 голосов опередили всех правых кандидатов, в то время как другие, менее известные их кандидаты остались аутсайдерами. Последний факт указывает на довольно высокое количество смешанных бюллетеней, составленных из первых номеров всех оппозиционных партий. Наконец неожиданно высоким оказался личный рейтинг священника Г. Петрова, который даже лишившись кадетской поддержки, собрал почти 6 тыс. голосов (5941 или 13,8%). Он пришелся в пору той части избирателей, которая устала от партийных споров и выбирала в Думу, ориентируясь на личные качества кандидатов. А таких оказалось на выборах в III Думу в Петербурге больше, чем когда-либо. На всех прошлых и последующих выборах ни один «дикий» кандидат не получал более 500 голосов.

Второй тур выборов не был пустой формальностью, особенно если учесть предварительные результаты по первой курии, где победа октябристов ставилась под сомнение результатом Г.Г. Лерхе. Впрочем, те, кто поддержал на выборах список городского самоуправления, отдали свои голоса октябристам, которые со второго раза прошли-таки в Думу. С еще более заметным перевесом над октябристами (почти трехкратным) по второму разряду победили кадеты. Родичев и Коллюбакин собрали 59,9 и 56,8 % бюллетеней соответственно. Характерно, что явка во втором туре практически, как и в наше время, заметно упала и составляла только 40,9 %³⁶⁴.

Выборы в III Думу получили неожиданное продолжение в 1909 г., после того как А.М. Коллюбакин был лишен депутатской неприкосновенности и привлечен к уголовной ответственности за резкое выступление на одном из митингов в Саратове еще в августе 1906 г. Несмотря на то, что дело было шито белыми нитками, он был приговорен к 6 месяцам тюрьмы и лишился звания депутата. В результате первых и последних дополнительных выборов в Петербурге в Государственную думу третьего созыва избрали кадета Н.Н. Кутлера, бывшего депутата II Думы от столицы.

³⁶⁴ Здесь и ранее подсчитано автором по материалам: Речь. 1907. 19, 26 октября.

В целом третьедумская избирательная кампания в северной столице лишний раз продемонстрировала устойчивость пристрастий городского избирателя. Несмотря на неблагоприятные условия проведения выборов для оппозиции, изменившийся в сторону реакции общий политический климат в стране, петербуржцы остались верны ведущей либеральной оппозиционной партии – кадетам. Их победа стала возможна не только благодаря грамотно организованной и проведенной агитационной работе, но и несомненному созвучию программных установок левых либералов настроениям средних городских слоев, составлявшим основную массу избирателей.

В.Н. ГИНЕВ

**Проблема контроля за деятельностью
проектируемой всесословной волости в правительстве
и Государственных думах третьего и четвертого созывов
(1907–1916 гг.)³⁶⁵**

После отмены крепостного права для организации жизнедеятельности бывших крепостных крестьян была учреждена, по аналогии с государственными крестьянами, сословная крестьянская волость с элементами самоуправления: волостным сходом, волостным старшиной, волостной управой. Крестьянская волость объединяла несколько сельских обществ (деревень) примерно с тремя тысячами человеческих душ обоего пола. Она входила в состав уездов – низших административно-территориальных единиц в дореволюционной России. Кроме крестьянских сословных волостей в составе уезда находились помещичьи имения, фабричные поселки, монастырские, казенные и удельные земли с соответствующим населением порядка нескольких десятков тысяч человек.

Внутри уезда крестьянская волость зачастую не имела сплошной территории: крестьянские наделы чересполосно перемежались с помещичьими владениями и землями других категорий. Владельцы некрестьянских земель, равно как и собственники промышленных заведений, расположенных на территории уезда, не облагались никакими сборами на местные пужды. Все расходы на содержание в исправности общих дорог, мостов, на пожарную безопасность, на помощь поли-

³⁶⁵ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 09-01-00026а.

ции в охране порядка и на прочие общие нужды несла одна крестьянская сословная волость.

За выполнением возложенных на крестьян обязанностей и за их самоуправлением требовалось, с точки зрения властей, иметь постоянный контроль. До 1874 г. этот контроль был поручен мировым посредникам, подбиравшимся губернатором из дворян и утверждавшихся Сенатом. С июня 1874 г. по июль 1889 г. функции контроля исполняли уездные по крестьянским делам присутствия, а с июля 1889 г. контроль за крестьянской волостью был передан так называемым земским начальникам, назначавшимся министром внутренних дел по представлению губернатора главным образом из местных дворян.

Земским начальникам была дана обширная судебная и административная власть над волостным крестьянским самоуправлением, ставшим с течением времени простым исполнителем поручений местных чиновников. Сама же фигура земского начальника, зачастую творившего в своем участке административный произвол, в глазах либеральной общественности приобрела черты одиозности.

Либеральная часть земцев полагала при этом, что в помощь уездному земству надо создать более мелкую земскую единицу и для этого вместо сословной крестьянской волости учредить всесословную земскую со сплошной территорией, в которой жители всех сословий, владеющие в пределах новой волости каким-либо недвижимым имуществом, будут обязаны вносить свой вклад в общие земские волостные расходы.

Примерно с 80-х гг. XIX века и в правительственных кругах стало вызывать понимание того, что для большей эффективности местного управления следует разделить уезд на более мелкие административно-хозяйственные части. По существу, речь шла тоже о всесословной волости со сплошной территорией, с выборным (по имущественным куриям) управлением и с раскладкой волостных расходов на всех имеющих на территории волости недвижимое имущество в зависимости от его оценки. Какие функции будут превалировать в деятельности избранного волостного правления – административно-управленческие или земско-хозяйственные – стало во время обсуждения правительственного законопроекта о волостном управлении в III Государственной думе предметом острой дискуссии³⁶⁶.

Когда с 1907 г. вопрос о создании всесословной волости, до того обсуждавшийся лишь в печати и в различных негласных правитель-

³⁶⁶ См.: Гинев В.Н. Волость: административная или земская единица? // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. СПб, 2008. С. 90–104.

ственных комиссиях, приобрел форму законопроектов (правительственных и думских), вновь стала актуальной проблема организации контроля (или по тогдашней терминологии – надзора) за деятельностью теперь уже всесословной самоуправляющейся волости.

Законом о земских учреждениях, принятом в 1890 г., за земствами, в отличие от Положения 1864 г., устанавливался надзор не только за законностью их постановлений, но и за «целесообразностью» их хозяйственной деятельности, что ставило земства в полную зависимость от местной и центральной администрации. Против надзора за целесообразностью с самого его введения протестовали либеральные земцы и либеральная печать. Но только под влиянием революционных событий 1905–1907 гг. российская власть, начав медленно эволюционировать к конституционной монархии, проявила признаки готовности отступить от прямого жесткого контроля за хозяйственной деятельностью земств.

Это отразилось, в частности, на правительственном проекте образования всесословной волости, внесенном 20 февраля 1907 г. во II Государственную думу. Представляя законопроект Думе 6 марта 1907 г., П.А. Столыпин заявил, что цель Государя и, соответственно, правительства – превратить «отечество наше <...> в государство правовое». Премьер обещал разграничить сферы деятельности органов самоуправления и местной администрации и при этом сказал, что в правительственном проекте надзорные права администрации по отношению к органам самоуправления «закключаются в надзоре за законностью их действий»³⁶⁷, что могло пониматься как устранение надзора за целесообразностью.

В объяснительной записке к законопроекту, подписанной Столыпиным, говорилось: «Решительно отказываясь от попечительного вторжения в область крестьянских нужд и интересов и стремясь к установлению необходимого контроля за соблюдением законности в деятельности земельных, поселковых и волостных учреждений, настоящие проекты имеют главной целью придать упомянутым соединениям характер действительно, а не на бумаге, самоуправляющихся союзов». Выступая в III Думе, кадет А.И. Шингарев скептически прокомментировал этот тезис правительственной объяснительной записки к втородумским законопроектам: «Немножко, гг., было странно читать в правительственном законопроекте: «решительный отказ от попечительного вторжения» в область самоуправления и крестьянской жизни. Немножко было необычно видеть, что они хотят создать самоуправле-

³⁶⁷ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб, 1907. Стб. 111–112.

ние не на бумаге, а в действительности, но, тем не менее, такие слова в объяснительной записке имелись»³⁶⁸.

Вторая Дума до своего роспуска не успела рассмотреть столыпинский законопроект, и он перешел в третью Думу. Под воздействием критики со стороны правой части земцев-помещиков и съездов «объединенного дворянства» Столыпин был вынужден отозвать в январе 1908 г. правительственный проект из Думы и передать его на доработку в Совет по делам местного хозяйства при Министерстве внутренних дел. Ст. 47 поступившего в Совет законопроекта гласила: «Общий надзор за законностью действий всего волостного управления принадлежит правительственному участковому комиссару». Он мог отменять незаконные постановления и распоряжения органов волостного самоуправления «как в порядке надзора, так и по жалобам»³⁶⁹.

В вышедшем из Совета по делам местного хозяйства варианте законопроекта о волостном управлении подчеркивалась приоритетность административных и полицейских обязанностей волостного самоуправления перед земско-хозяйственными функциями. В нем еще четче определялась роль чиновничьего административного контроля за соблюдением выборным волостным самоуправлением законности: «Все учреждения и должностные лица волости в отношении законности их действий подлежат надзору и ревизии участкового комиссара». «Приговоры волостных собраний <...> обращаются к исполнению по истечении двух недель со дня их составления, если в течение этого срока не будут приостановлены распоряжением участкового комиссара». «Участковый комиссар, в случае усмотренного им нарушения закона со стороны волостных собраний, либо неисполнения возложенных законом или законным распоряжением власти на них обязанностей, имеет право, приостановив приведение приговора (т.е. постановления волостного собрания. — *В.Г.*) в исполнение <...> войти с представлением в уездный совет об отмене незаконного приговора или об обязании указанных учреждений совершить подлежащие распоряжения»³⁷⁰.

В доработанном виде правительственный законопроект в декабре 1908 г. вновь вернулся в III Государственную думу.

Комиссия по местному самоуправлению, образованная III Государственной думой для рассмотрения правительственного законопроекта о волостной реформе, выработала свой вариант законопроекта, в

³⁶⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 1975.

³⁶⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 34. Л. 252.

³⁷⁰ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 86. ЛЛ. 94, 94 об. (Статьи 71, 73, 75).

ряде пунктов существенно отличный от правительственного. 8 апреля 1910 г. думская Комиссия по местному самоуправлению заслушала доклад образованной ею Подкомиссии о волостном управлении об итогах рассмотрения в Подкомиссии основных положений комиссионного и правительственного вариантов законопроекта в их сопоставлении. Касательно административного надзора за деятельностью волостного самоуправления думская Комиссия согласилась с тем, что он «должен быть активным и строгим», но следить только «за законностью действий и отнюдь не касаться надзора за целесообразностью»³⁷¹.

Один из авторов доклада думской Подкомиссии октябрист Ю.Н. Глебов подтвердил свою позицию по вопросу об административном надзоре при обсуждении законопроекта в общем собрании Государственной думы весной 1911 г.: «Правительственная власть должна будет следить за тем, чтобы будущая волость выполняла свои обязанности так, как это предписано законом, и, разумеется, правительственная власть с точки зрения надзора за законностью действий, должна иметь весьма широкие полномочия».

Однако большинство думской Комиссии, как выяснилось во время обсуждения правительственного законопроекта, не захотело отдать контроль за законностью деятельности волостного самоуправления в руки только одних чиновников.

С одной стороны, Ю.Н. Глебов заявил, что у думской Комиссии «нет мысли оградить будущую реформированную волость от влияния правительственной власти. Мы исходим из того, что такое влияние естественно и, сплошь и рядом, благотворно». Но далее следовало продолжение: по его мнению, этому влиянию необходимо все же поставить «известные ограждающие положения», для того чтобы «оградить местное самоуправление от произвола местной администрации»³⁷².

Таким ограждением, по предложению думской Комиссии, должно было стать включение в состав надзорного органа представителей земства. Этим создавался не чисто административный надзорный орган, а смешанный – административно-земский, с добавлением нескольких лиц из судебного ведомства. И с этим думское большинство согласилось. В законопроекте «О волостном земском управлении», принятом общим собранием Государственной думы в мае 1911 г., надзорный орган назывался Особым присутствием уездного съезда. Председателем его должен был стать уездный предводитель дворянства, а членами – «председатель уездной земской управы, заступающий место пред-

³⁷¹ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3509. Л. 181 об.

³⁷² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 1961.

седателя в случае его отсутствия, два члена уездного земского собрания, избираемые сим собранием на трехлетний срок, уездный член окружного суда, товарищ прокурора окружного суда, податной инспектор и земский начальник того участка, коего касается обсуждаемый вопрос»³⁷³.

Все постановления волостного земского собрания могли исполняться только после их обязательной проверки лицом, назначенным Особым присутствием уездного съезда, на предмет соответствия законам. В случае усмотрения несоответствия указанное лицо приостанавливало исполнение постановления волостного земского собрания и передавало дело в Особое присутствие уездного съезда. Его решения могли быть обжалованы в Губернское судебное-административное присутствие -- органа, подобно Особому присутствию уездного съезда, смешанного административно-земско-судебного состава. Последней кассационной инстанцией являлся Сенат³⁷⁴.

Как известно, «Положение о волостном земском управлении», принятое III Государственной думой, в соответствии с законом поступило в Государственный совет, вызвало там длительную жесткую дискуссию и, в конце концов, в мае 1914 г. было отклонено. Отвергнутый Государственным советом третьедумский законопроект новая, IV Государственная дума по инициативе «Прогрессивного блока» в августе 1915 г. вновь приняла к обсуждению. Вначале поступивший в IV Думу текст законопроекта дословно повторял третьедумский вариант, но затем, в мае-июне 1916 г., думская Комиссия по местному самоуправлению его существенно переработала.

В частности, в том, что касалось состава органа надзора за законностью постановлений волостного самоуправления, октябристско-кадетское большинство Комиссии пошло дальше своих коллег из III Думы в стремлении добиться в надзорном органе преобладающего влияния выборного элемента над чиновничьим. Проект, подготовленный Комиссией, предусматривал вместо Особого присутствия уездного съезда образование Уездного судебно-административного присутствия. Ст. 149 определяла его состав. В него должны были входить: «В качестве председателя – председатель мирового съезда, или лицо, заменяющее его по закону <...> в качестве членов: председатель уездной земской управы, член уездной земской управы по выбору последней, мировой судья того участка, коего касается обсуждаемый вопрос, и непременный член присутствия, избираемый уездным земским собранием на три года из числа лиц, удовлетворяющих требованиям

³⁷³ Там же. Ч. 3. Стб. 4643 (Ст. 156).

³⁷⁴ Там же. Стб. 4644 – 4647.

статей 19–22 Учреждения Судебных Установлений <...> Сверх того по делам о взимании сборов участвует местный податной инспектор»³⁷⁵.

Таким образом, вместо уездного предводителя дворянства должность председателя надзорного органа отдавалась председателю уездного съезда мировых судей. Хотя фигура председателя не была выборной – на эту должность назначались царским указом по представлению министра юстиции, все же это был член коллегии недавно (с 1912 г.) восстановленного мирового суда, судьи которого выбирались уездными земскими собраниями. Остальные члены проектировавшегося думской Комиссией Судебно-административного присутствия являлись выборными лицами – из судейского сообщества и земства. Очищение органа, призванного осуществлять контроль за волостным самоуправлением, от чиновничьего элемента проводилось октябристско-кадетским большинством IV Думы вполне осознанно и целенаправленно. Октябрист В.И. Степниковский убеждал членов IV Государственной думы в том, что отдать надзор за волостью лицам, назначенным правительством, «значило бы поставить новое волостное земское управление в то положение, в каком находится волость в настоящее время. При таком надзоре реформа в сущности свелась бы к нулю»³⁷⁶. Кадет П.П. Гронский с той же думской трибуны с удовлетворением констатировал: «Весь состав органов надзора устроен таким образом, что это орган выборный, главным образом со стороны земства, и что председателем его является председатель съезда мировых судей. Таким образом, представитель административной власти, той активной власти, которая на местах призвана наблюдать за широкими слоями населения, устранен из органов надзора за деятельностью волостного самоуправления»³⁷⁷.

Наибольшее неприятие значительной части Комиссии IV Думы вызвала возможность сохранения в составе надзорного органа земского начальника. Для кадетов он еще со времени III Думы был, безусловно, неприемлем. Представители правых фракций тогда же, на-

³⁷⁵ Сравнительное изложение проекта Положения о волостном земском управлении и Правил о приведении в действие означенного Положения в редакции, установленной Комиссией по местному самоуправлению (имеется ввиду Комиссия IV Думы – В.Г.), и в редакции, одобренной Государственною думою III-го созыва (Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Вып. V. С. 87).

³⁷⁶ Доклад по законодательному предположению 86 членов Государственной думы о волостном земском управлении // Там же. С. 6.

³⁷⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 865.

против, считали участие земского начальника в надзоре за новой волостью необходимым, они протестовали против разрушения существующего «административного строя деревни»³⁷⁸. Октябристы склонны были искать компромиссного решения, утверждая, что «никакой решающей роли земский начальник <...> не имеет»³⁷⁹.

Поиски этого компромисса оставили следы в вариантах текста «Положения о волостном земском управлении». «В редакции, выработанной Президиумом подкомиссии на основании состоявшихся постановлений Подкомиссии», датируемой, предположительно, не ранее февраля 1910 г., в ст. 154 раздела «О надзоре и обжаловании» прямо указывается, что «земскому начальнику предоставляется производить ревизию волостных земских управ и всех подведомственных волостному земству учреждений и служащих лиц»³⁸⁰. Земский начальник с надзорными функциями присутствовал еще в ряде статей названного раздела «Положения». Комиссия III Думы согласилась с тем, что «ближайшим органом» надзора за волостным самоуправлением «является земский начальник»³⁸¹. Однако в окончательном принятом III Думой тексте законопроекта в ст. 164 (соответствующей ст. 154) земский начальник был замещен неопределенными «особыми лицами», которые к тому же должны были назначаться не администрацией, а Особым присутствием уездного съезда – специальным учрежденным III Думой надзорным органом, о чем говорилось выше: «Особое присутствие уездного съезда назначает ежегодно из своего состава особых лиц для производства ревизий волостных земских управ и всех подведомственных волостному земству учреждений и служащих лиц»³⁸².

«Особым лицом», назначенным для производства ревизии, мог быть тот же земский начальник, но прямое упоминание о нем в тексте «Положения» осталось только в ст. 158, определявшей состав Особого присутствия уездного съезда (см. выше) и ст. 97, которая предоставляла земскому начальнику право утверждать назначенных председателем волостной земской управы из местных жителей «волостных сотских» – помощников полиции. Но и такое урезанное оставление фигуры земского начальника в тексте Положения о волостном земском управлении кадет Шингарев считал «огромной ошибкой»³⁸³.

³⁷⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 1352.

³⁷⁹ Там же. Ч. 2. Стб. 1967.

³⁸⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3512. Л. 117 об.

³⁸¹ Там же. Д. 3509. Л. 181 об.

³⁸² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 4645.

³⁸³ Там же. Ч. 2. Стб. 1985.

Как уже упоминалось выше, следующая, IV Государственная дума в области реформирования органов надзора пошла дальше своей предшественницы. В доработанном Комиссией IV Думы третьедумском законопроекте о волостном земском управлении земский начальник стараниями кадетов и, очевидно, поддержавших их на этот раз октябристов, несмотря на сопротивление думских правых, был совершенно удален из нового надзорного органа – Судебно-административного присутствия. Выступая 8 декабря 1916 г. в общем собрании IV Государственной думы, член фракции кадетов П.П. Гронский с удовлетворением констатировал: «После довольно упорной и долгой борьбы в составе комиссии местного самоуправления <...> нам удалось, наконец, выкинуть эту фигуру земского начальника, о которой так много говорилось и в Третьей Государственной думе, фигуру, которая должна была входить в состав органов надзора за деятельностью волостного самоуправления»; «земские начальники вытравлены начисто из органов надзора за деятельностью крестьянского самоуправления»³⁸⁴. Земский начальник как функционирующее должностное лицо сохранился только в прилагавшихся «Правилах о приведении в действие Положения о волостном земском управлении», повторявших «Правила» третьедумского законопроекта, и в которых ему была отведена вспомогательная роль подготовителя материалов, необходимых для реализации волостной реформы.

Такое умаление роли земского начальника никак не устраивало правительство. В докладной записке земского отдела МВД в Совет министров от 3 декабря 1916 г. говорилось, что правительство «не может не считаться с существующими учреждениями – земскими начальниками, возлагая на них в строго определенных законом рамках и исключительно в области надзора за законностью некоторых обязанности, без которых не может быть уверенности в том, что введенные волостным земским учреждениям дела управления протекали бы в должном порядке»³⁸⁵.

На учреждение в 1889 г. должности земских начальников правительство подвигло, по мнению МВД, «полное расстройство волостного управления» в предшествующий период. Утверждалось, что так произойдет и теперь, если Дума устранил земских начальников, и потому «нежелательно оставление без жизненного надзора общественных учреждений в крестьянской среде», поскольку «и в ближайшем будущем по преобразовании волости она сохранит, в большинстве слу-

³⁸⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 864–865.

³⁸⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 51. Д. 148. Л. 54.

чаев, свою прежнюю бытовую окраску». Именно поэтому «Министерство не может отказаться от близкого к населению участкового надзора», хотя вполне сознает «его современные недостатки, вызванные полным несоответствием идейного содержания и материального положения института земских начальников в корне изменившимся условиям жизни». Какие недостатки имелись ввиду, не указывалось. Намереваясь при этом во что бы то ни стало сохранить даже при признаваемых недостатках участие земских начальников в надзоре за проектируемой самоуправляющейся волостью, правительство в общей форме обещало приступить к реформированию этого института в неопределенном будущем³⁸⁶.

Стараясь как можно больше избавить будущее волостное самоуправление от административной опеки и даже надзора, думские центристы в то же время не намеревались предоставить волостной земской единице полную самостоятельность. Так, докладывая Государственной думе об итогах работы над законопроектом, октябрист Ю.Н. Глебов сказав, что «для хозяйственных функций» реформированной волости «можно дать простор», тут же добавил: «Волостное земство по отношению к уездному создается в помощь ему, а не в противовес» и «в иных случаях необходимо известное руководство уездным земством волостного земства, эта точка зрения также проводится в ряде статей нашей комиссии»³⁸⁷.

Но «простор» в хозяйственной деятельности волостного земства был невозможен без соответствующего финансирования. И именно в сфере финансов более всего проявилось «руководство» уездного земства, а в нем дворянский элемент гарантированно преобладал над крестьянским (такой гарантии в волостном земстве не было).

Еще на стадии обсуждения проекта волостной реформы в третьей думской Комиссии по местному самоуправлению в феврале 1909 г. дебатировался вопрос об источниках финансирования хозяйственных функций волости. Основным источником было определено дополнительное обложение в фиксированном проценте того же недвижимого имущества, которое уже облагалось уездным или губернским земским сбором. Подразумевалось, что определять величину полагающегося для волости процента будут уездные земские органы – тем самым контролировался объем средств, предназначавшихся для волостных хозяйственных и прочих нужд.

Кроме фиксированного процентного финансирования было признано необходимым, что волости «должно быть предоставлено право

³⁸⁶ Там же. ЛЛ. 54, 54 об.

³⁸⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 1962.

изыскания новых объектов обложения, законом предусмотренных»³⁸⁸. Право оценивать найденную волостным земством дополнительную недвижимость в пределах своей волости для взимания с нее земского волостного сбора отдавалось опять-таки преимущественно дворянскому уездному земству. Такое право оценки, от которой напрямую зависела величина волостного сбора с недвижимости, было закреплено за уездным земством в тексте «Положения о волостном земском управлении», принятым III Государственной думой (ст. 123): «Недвижимые имущества, не привлеченные уездным земством к обложению, могут быть привлечены к волостному земскому обложению, причем в сих случаях оценка означенных имуществ <...> производилась уездною земскою управою и утверждается уездным земским собранием»³⁸⁹.

«Проекты смет и раскладок», одобренные волостным земским собранием, должны были передаваться в Особое присутствие уездного съезда, которое рассматривало волостные расходы «с точки зрения соответствия их требованиям закона» (ст.ст. 144, 145). Однако этим финансовый надзор со стороны вышестоящих земских органов не ограничивался. Если с законностью было все в порядке, то волостной бюджет передавался на рассмотрение уездного земского собрания, и оно решало, насколько волостное обложение было обременительно для налогоплательщиков. В случае признания обложения «для плательщиков непосильным» уездное земское собрание «оставляет сметы и раскладки без утверждения и возвращает таковые волостному земскому собранию с указанием той суммы, которой не должна превышать данная смета» (ст. 146)³⁹⁰.

Указанное налоговое ограничение подавалось как забота о всем населении волости, но делалось это прежде всего «в виду ограждения состоятельного меньшинства от злоупотреблений со стороны большинства, которому может быть выгодно повышать обложение, чтобы за счет крупных плательщиков производить затраты»³⁹¹.

Цитата взята из доклада правительственной Комиссии по волостному управлению (весна 1908 г.), но стремление к ограждению интересов крупных собственников было присуще и большинству в Государственной думе, только оно предпочитало доверить защиту «состоятельного меньшинства» уездному земству, а не чиновникам.

Представители правых фракций в думской комиссии во время обсуждения законопроекта о реформе волости выражали озабочен-

³⁸⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 34. ЛЛ. 14–16.

³⁸⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 4636–4637.

³⁹⁰ Там же. Стб. 4641.

³⁹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 34. Л. 256.

ность: не приведет ли распределение волостных «раскладок» «к чрезмерному обложению некоторых видов имущества»³⁹². Октябрист Ю.Н. Глебов успокоил коллег, сказав о недопущении «бесконтрольной оценки имущества и выбора объектов обложения»³⁹³.

Таким образом, взгляды правительства и думского большинства о необходимости финансового контроля в отношении волостного земства в принципе совпадали. Разногласия заключались в том, кому достанется большая часть контрольных функций — местной правительственной администрации или либеральным земцам.

Товарищ министра внутренних дел А.Н. Лыкошин, участвуя в обсуждении законопроекта о волостной реформе в III Государственной думе, проникательно разобрался в подоплеке дискуссии по поводу контроля за волостными финансами. «Принимая меры к освобождению будущей волости от административной опеки, проект думской Комиссии в отношении уездного земского собрания держится как раз обратного направления, и его волость, в конце концов, попадает под полную безотчетную опеку уездного земского собрания. Чтобы это не показалось опять-таки голословным, приведу только один пример: самая важная часть всякой самоуправляющейся единицы — это, конечно, самообложение; и вот мы видим, что по проекту думской Комиссии сметы волости могут быть уездным земским собранием сокращаемы и изменяемы совершенно дискреционно, безапелляционно. Но спрашивается: при таких условиях не утрачивается ли будущее волостью самое значение ее — единицы самоуправляющейся и самооблагающейся?»³⁹⁴.

Обидевшись за оттесняемую от контроля за волостью администрацию и неожиданно заявив себя, вероятно, в пылу полемики, сторонником действительно самоуправляющегося волостного земства, Лыкошин был прав в одном: в думском варианте законопроекта контроль над волостным бюджетом переставал быть только контролем за законностью его наполнения и исполнения, он становился надзором за целесообразностью ведения волостного хозяйства. Протестуя против надзора за целесообразностью деятельности существующих уездных и губернских земств со стороны правительственной администрации, вышестоящие земцы намеревались установить такой надзор за мелкой земской единицей.

³⁹² Особое мнение членов комиссии по местному самоуправлению к законопроекту о волостном управлении // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1910. С. 72.

³⁹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3509. Л. 14.

³⁹⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 1392–1393.

Демарш товарища министра внутренних дел не имел положительных для правительства последствий. Как уже указывалось выше, III Государственная дума приняла «Положение о волостном земском управлении» в своей редакции.

Комиссия IV Думы оставила финансовый раздел «Положения» в том виде, в каком его приняла III Дума, но с одной важной коррекцией: был изменен состав надзорного органа, долженствующего осуществлять контроль над волостным земством: из него убрали чиновников, в том числе и земского начальника. Убрали даже губернатора. По «Положению», принятому III Думой, губернатор утверждал займы волостного земства, если они превышали годовую смету (ст. 160). В тексте «Положения», представленного Комиссией IV Думе, все займы утверждались только уездным земским собранием (ст. 155)³⁹⁵.

* * *

В течение десяти лет, до Февральской революции 1917 года, длилось противостояние между высшей государственной администрацией и думскими земцами при разработке законопроекта о волостной земской единице. В частности, шел спор по вопросу о том, кому будет принадлежать решающее влияние в надзоре за низшей ступенью местного самоуправления: администрации или выборным земским и судебным органам. Кто настоял бы на своем — правительство или Дума, осталось неизвестным, поскольку процесс их противостояния был прерван февральскими событиями 1917 года.

Проблема контроля за деятельностью современных органов местного самоуправления значима и в сегодняшней России. Как и в начале XX века актуален вопрос: со стороны какого органа и в чем именно в правовом государстве правомерен контроль над выборным местным самоуправлением? Материал данной статьи показывает, что думское большинство в III и IV Государственных думах пыталось бороться против административного контроля, однако хотело вести контроль уездного самоуправления над нижестоящим волостным. Но ратовали ли октябристы и кадеты только за развитие в России гражданского общества, как декларировали, или преследовали свои сословные интересы? По-видимому, присутствовало и то, и другое.

³⁹⁵ Там же. Стб. 4644; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Вып. V. С. 32–33.

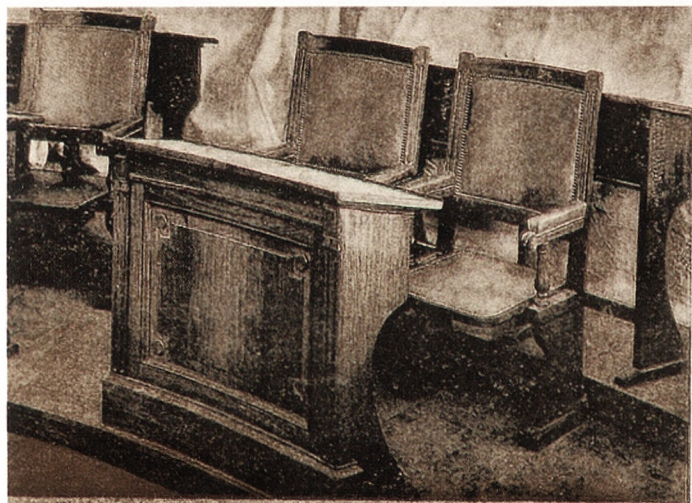
Таврический дворец

16 декабря 2008
Всероссийская научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы истории парламентаризма в России»

Государственная Дума

Госуд. Дума. Кресла и пюпитръ передъ ними въ залѣ собранія.

Купольный зал

Екатерининский зал

Думский зал

Зал засідань Совета МПА СНГ

Городовое положение для городов Царства Польского
и Государственная дума

В 1910 г. в Государственную думу был внесен законопроект «О преобразовании управления в городах Царства Польского». Цель реформы состояла в передаче управления городским хозяйством от административных структур в руки выборных общественных органов. Вопрос о введении общественного управления в городах Царства Польского поднимался властью еще в 80–90-х гг. XIX в. после проведения городских реформ на территории Российской империи. Однако реальные шаги по подготовке реформы были предприняты только в начале XX в. Обострение общественно-политической обстановки в стране, рост национального самосознания польского народа заставили правительство вслед за решением проблем городского самоуправления в России взяться за преобразование управления в городах Царства Польского. Подготовка проекта реформы, начатая в 1905 г., была завершена к осени 1909 г. В октябре Министерство внутренних дел представило проект на рассмотрение Совета по делам местного хозяйства. 15 октября на заседании Совета выступил премьер-министр П.А. Столыпин. Он сформулировал основные задачи и принципы, которыми руководствовалось Министерство внутренних дел при разработке реформы. Ставилась задача «предоставить польским городам полный объем прав, которыми обладают города русские», но при этом имелось в виду «установить сразу окончательный способ самоуправления, не подлежащий уже дальнейшей эволюции в зависимости от предстоящих изменений Городового положения в коренной России»³⁹⁶. Столыпин отметил, что «вводя самоуправление в городах с преобладанием польской культуры», Министерство при корректировке Городового положения 1892 г. ограничились задачей «обеспечить политические права государства, обезопасить новые учреждения от стремления в сторону автономии», а также «наделить русских горожан, вне зависимости от воли большинства, правом участия в городском самоуправлении». В отличие от Западного края, сказал Столыпин, в городах губерний Царства Польского «мы ожидали увидеть самоуправление польское, подчиненное лишь русской государственной идее». Ука-

³⁹⁶ При воспроизведении речи П.А. Столыпина в кн. «П.А. Столыпин. Переписка» (М., 2004. С. 637) в подчеркнутой части фразы допущена ошибка, меняющая смысл: вместо «не подлежащий» — «подлежащий». См.: РГИА. Ф. 1288. Оп. 1. 1909. Д. 21. Л. 3; см. также: Известия по делам земского и городского хозяйства. 1909. № 11. С. 33.

занными задачами, подчеркнул Столыпин, определялись «частности» законопроекта. Чтобы обеспечить участие в городском управлении русских обывателей, «пришлось привлечь квартиронанимателей», так как немногие русские в том крае обладали недвижимым имуществом. С той же целью потребовалось разделение избирателей на курии. «Если к этому не прибегнуть, то русские горожане будут совершенно устранины от участия в городском управлении, а евреи, составляющие большинство населения городов, получат в городском управлении преобладание». Особое значение премьер-министр придавал изменениям в системе надзора. Была упразднена мелочная опека над органами самоуправления и параллельно с этим администрация наделена рядом дополнительных мер надзора, включая право заменять «по особым соображениям государственного порядка» на срок до трех лет общественные самоуправления непосредственным правительственным управлением. Еще одной особенностью законопроекта признавалась обязательность государственного языка для делопроизводства и сношения при допущении наряду с русским и польского языка во внутреннем домашнем делопроизводстве.

Завершая свое выступление, Столыпин выразил надежду, что «применение будущего закона на месте послужит доказательством честного стремления польского населения воспользоваться благами самоуправления..., но без задней мысли обратить самоуправление в орудие политической борьбы или в средство для достижения политической автономии»³⁹⁷.

Остановимся на наиболее существенных особенностях правительственного проекта. Важные изменения были внесены в избирательную систему. Право участия в выборах получили все лица мужского пола, владеющие недвижимой собственностью, с которой поступал налог в городскую казну, а также снимающие квартиры определенной стоимости, установленной для взимания государственного квартирного налога: в городах с населением более 700 тыс. жителей – 360 руб., с населением более 150 тыс. жителей – более 180 руб., с населением более 50 тыс. жителей – свыше 140 руб., ... с населением менее 10 тыс. жителей – не ниже 60 руб. Предусматривалась куримальная система выборов. Она должна была гарантировать попадание в думы представителей от крайне немногочисленного русского населения, а также ограничить в составе гласных лиц еврейского населения, процент которых в польских городах был очень значительным (до 50 %, а

³⁹⁷ РГИА. Ф. 1288. Оп. 1. 1909. Д. 21. ЛЛ. 3 – 5; Известия по делам земского и городского хозяйства. 1909. № 11. С. 33 – 35.

в некоторых городах даже до 80 %). Избиратели делились на три курии (разряда); 1-я – русская курия; 2-я – еврейская, 3-я – для поляков и всех остальных. Для евреев была установлена ограничительная норма представительства; в городах, где проживало более 50 % евреев, от 2-й курии могла избираться 1/5 часть гласных, в городах, где они составляли менее 50 % жителей – не более 1/10 части. Каждая курия имела право избирать только из избирателей своего разряда. Определение, кто именно мог быть признан лицом русского происхождения, предоставлялось варшавскому генерал-губернатору.

Первая курия была наделена привилегией: если в ней насчитывалось хотя бы 5 избирателей, они могли избрать одного гласного. Ограничения прав еврейского населения касались не только их представительства в городской думе. Евреи не могли быть избираемы в президенты города, вице-президенты, бургомистры и их помощники. Число членов городской управы из евреев не должно превышать одной трети их числа (ст. 109).

Важные изменения вносились в систему надзора за деятельностью общественного управления. Огромное значение имело освобождение органов самоуправления от контроля за правильностью (целесообразностью) их постановлений. Но в то же время вводились новые нормы надзора, которые могли применяться при определенных обстоятельствах: право осуществлять непосредственные исполнительные распоряжения за счет города, право роспуска думы до истечения срока ее полномочий (ст. 171–176), право замены общественного управления правительственным на срок до трех лет (ст. 177–180). Вносились изменения в устройство органов общественного управления, в частности, учреждалась выборная должность особого председателя городской думы. Важно упомянуть об образовании должности исполнительного агента, наделенного некоторыми полицейскими функциями (ст. 97–98). В статье 8 были обозначены правила употребления польского языка:

1. Все сношения городского общественного управления с правительственными учреждениями и лицами должны происходить на русском языке.

2. Во внутреннем делопроизводстве городского управления (изложение протоколов, журналов заседаний и других документов) допускается употребление наряду с русским и польского языка с тем, чтобы перевод на польский язык излагался параллельно с русским языком.

3. Сношения городского управления с другими органами общественного управления в губерниях Царства Польского и частными лицами допускаются на польском языке.

4. Словесные объяснения в городской думе и управе представляются по желанию говорящего на русском или на польском языке³⁹⁸.

Обсуждение законопроекта в Совете по делам местного хозяйства проходило с 16 по 28 октября³⁹⁹. Принципиальные положения проекта были поддержаны Советом и большинство статей принято в редакции правительственного законопроекта или с незначительными изменениями. Назовем некоторые из более существенных поправок, внесенных Советом по делам местного хозяйства. Ряд изменений был внесен в раздел о выборах:

1. Статью 23 «Никто не может иметь на выборах более одного голоса» предлагалось заменить статьей, дающей возможность располагать двумя голосами: одним по личному праву, другим по доверенности.

2. Предлагалось предоставить избирательное право лицам женского пола, владеющим недвижимостью.

3. Было внесено уточнение в статью о куриях: предлагалось относиться к евреям всех лиц, рожденных в иудействе.

4. Еще более ограничивались права еврейского населения. По законопроекту евреи в составе управы не могли превышать 1/3 части ее членов. По предложению Совета количество евреев в составе управы должно соответствовать проценту евреев в составе гласных. Кроме того, евреи не могли быть городскими секретарями и секретарями управы.

5. Наконец, было намечено еще большее сужение границ употребления польского языка.

В мае 1910 г. законопроект «О преобразовании управления в городах губерний Царства Польского» был внесен Министерством внутренних дел в III Государственную думу. В ноябре 1911 г. после предварительного изучения законопроекта Комиссией по городским делам Государственная дума приступила к его рассмотрению. Докладчиком от Комиссии выступал П.В. Синадинов (группа независимых националистов). В докладе⁴⁰⁰ констатировалось, что представленный проект базируется на действующем в Российской империи Городовом положении 1892 г., однако к настоящему времени оно настолько устарело, что его механическое перенесение на польские города было бы «шагом совершенно ложным, неразумным и не основанным на потребностях жизни». Докладчик отметил, что законопроект существенно от-

³⁹⁸ Проект Городового положения для городов губерний Царства Польского // Известия по делам земского и городского хозяйства. 1909. № 11. С. 1–34.

³⁹⁹ Известия по делам земского и городского хозяйства. 1909. № 11. С. 35–43.

⁴⁰⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб, 1911. Ч. 1. Стб. 2429–2444.

личается от Городового положения 1892 г. Оно значительно расширяет и пополняет права общественного управления буквально во всех сферах его деятельности. Мы можем только пожелать, чтобы нас скорее наделили такими правами, которые предполагают дать городам Царства Польского. В Городовом положении для польских городов докладчик видел «прототип» будущей общероссийской городской реформы. Законопроект, заявил он, открывает «новую эру в жизни и развитии городов». К наиболее значимым достоинствам проекта Комиссия отнесла широкое избирательное право -- предоставление права участвовать в выборах всем лицам, владеющим хоть какой-нибудь собственностью, а также снимающим квартиры. (Было отмечено, что право участия в выборах по квартирному цензу действовало только в Петербурге). Комиссия поддержала включение квартиронанимателей в состав избирателей -- это автоматически обеспечивает избирательные права русской части населения -- и в свою очередь внесла предложение о некотором понижении квартирного ценза: в Варшаве с 360 до 270 руб., в Лодзи -- со 180 до 150 руб. и т.д.

Кроме того, Комиссия высказалась за наделение активным избирательным правом женщин, владеющих недвижимостью. В результате, резюмировал докладчик, «вводится почти всеобщее голосование». В докладе не ставилась под сомнение целесообразность введения куральной системы выборов: в противном случае православная часть населения вряд ли смогла бы попасть в городские думы. Не ставились под сомнение и намеченные законопроектом нормы, ограничивающие представительство евреев в органах самоуправления. Докладчик отметил, что и при установленных ограничениях евреи окажутся в выигрыше: по Городовому положению 1892 г. они вовсе лишены права участвовать в выборах в городские думы. «Выделение евреев в отдельную курию -- гигантский шаг вперед для разрешения еврейского вопроса вообще», -- записано в докладе. Комиссия не согласилась только с требованием о зачислении крещеных евреев в еврейскую, а не в русскую курию.

Существенным нововведением, «имеющим колоссальное значение для Царства Польского», подчеркивалось в докладе, является постановка вопроса об употреблении польского языка. Докладчик отметил, что законопроектом впервые предоставлена возможность и право публичных выступлений на польском языке в общественных собраниях, хотя и с параллельным переводом на русский язык. У Комиссии не было возражений против того, чтобы вся переписка новых общественных органов с правительственными и местными учреждениями осуществлялась на русском языке. Но требование вести на русском языке все внутреннее делопроизводство Комиссия находила не

соответствующим «стремлению правительства “установить в крае польское самоуправление”, поскольку польскому языку в нем уделено слишком мало места». Комиссия полагала, что русский язык должен быть обязательным при оформлении документов, необходимых для осуществления правительственного контроля за деятельностью общественного управления, в прочих документах может использоваться польский язык. К последним были отнесены такие малозначащие бумаги как распоряжения управы по мелким хозяйственным вопросам и им подобные. Комиссия также посчитала нужным предоставить думам право печатать на польском языке те объявления и извещения, для которых польский язык не требуется по закону. Эти две весьма незначительные поправки вызвали категорические возражения как со стороны представителя ведомства Министерства внутренних дел, так и части членов Государственной думы.

Разъясняя отношение Комиссии к постановке в проекте вопроса о надзоре, докладчик отметил, что Комиссия приветствует отказ правительства от контроля за «целесообразностью» думских постановлений, а правила о надзоре находит «правильными, целесообразными и необходимыми»⁴⁰¹. Что касается новых надзорных функций -- права досрочного роспуска дум, если «они окажутся не на высоте своего призвания», и права отменять Городовое положение в Царстве Польском в течение двух лет «в случае, если там будут происходить какие-нибудь волнения внутреннего порядка или же будет война», то эти исключительные меры были встречены ею «с пониманием». Последнее «весьма существенное» право она признала «необходимым, так как Царство Польское -- окраина, которая до сих пор не имела своего самоуправления». Правда, Комиссия выразила «надежду, что эта мера будет применяться только тогда, когда будет для нее существовать действительная потребность»⁴⁰².

Начавшееся обсуждение показало, что думские фракции были далеко не единодушны в оценке проекта. Октябристов проект вполне устраивал. Выступивший от лица фракции Э.П. Беннигсен отметил огромное значение проекта для Привислинского края и дал высокую оценку самому проекту: в нем «учтены все указания на несовершенство общего Городового положения, которые делались как со стороны науки, так и городских общественных управлений». Устранено большинство недостатков Городового положения 1892 г., и с этой точки

⁴⁰¹ Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910-1911. СПб., 1911. С. 325.

⁴⁰² Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 2444.

зрения проект желателен. Излагая отношение фракции к «нововведениям проекта», Беннигсен заявил о безусловной поддержке куримальной системы, удачно решавшей задачу защиты интересов русского меньшинства и одновременно задачу ограничения участия еврейского населения в делах местного самоуправления. По поводу другого «нововведения» – избирательных прав еврейского населения – Беннигсен заявил, что фракция, учитывая высокий процент евреев в польских городах, «соглашается» на предоставление им права участия в выборах, но не может согласиться с наделением их равными правами с другими национальностями⁴⁰³.

О поддержке законопроекта поспешила заявить русская национальная фракция. С.Н. Алексеев приветствовал проект «с принципиальной точки зрения», поскольку существующий порядок ведения дел магистратами не удовлетворяет никого на месте и не обеспечивает «в полной мере государственных интересов». Но фракция оставляла за собой право возразить «постатейно против некоторых положений проекта, в частности, уступок польскому языку»⁴⁰⁴. Другой представитель фракции В.К. Тычинин находил, что законопроект следует «приветствовать», поскольку городское самоуправление, вводимое по этому законопроекту, «в большей и лучшей степени обеспечивает интересы всего населения края, не только большинства польского, но даже и меньшинства русского населения». В законопроекте он усматривал прецедент, благоприятный для русского населения Западного края, перспективу замены действующего там Городового положения 1892 г., не обеспечивающего интересы русского населения⁴⁰⁵.

Отношение к законопроекту прогрессивной фракции было весьма сдержанным. Фракция находила проект «приемлемым», но при его определенной корректировке (выступление А.М. Масленникова, А.Л. Уварова). Масленников позитивно оценивал те положения проекта, в которых получили осуществление пожелания городских дум и общест-венности (рассмотрение избирательного права, упразднение контр-ола за целесообразностью, разделение обязанностей председателя в думе и управе и др.). Вместе с тем он отметил, что вводятся такие меры, которые фактически парализуют положительные начала законопроекта. Фракция категорически отвергала систему национальных курий, ограничивающих права еврейского населения и создающих привилегированное положение для русского меньшинства, находила неприемлемыми новые меры надзора (право роспуска дум и отмены

⁴⁰³ Там же. Стб. 2445–2447.

⁴⁰⁴ Там же. Стб. 2510–2511.

⁴⁰⁵ Там же. Стб. 2507–2509.

общественного управления). Указывая на то, что такие меры сведут к нулю самостоятельность городского самоуправления, Масленников вместе с тем выражал опасение, что «эти статьи, попавшие в Городовое положение Царства Польского как бы в силу чрезвычайных, очень важных условий, затем уже просто по инерции войдут в Городовое положение для центральной России». Прогрессисты рассчитывали, что отрицательные стороны проекта могут быть сняты принятием ряда поправок. Предлагалось куримальную систему выборов заменить выборами на пропорциональной основе, предоставить право участия в выборах не только женщинам-собственницам, но и снимающим квартиры, изъять статьи об исключительных мерах надзора⁴⁰⁶.

Фракция народной свободы (Н.Н. Щепкин) в целом разделяла оценку проекта прогрессистами. Наибольшие дефекты проекта кадеты видели в куримальной системе выборов, в постановке вопроса о польском языке и мерах надзора. Выступая за всеобщее избирательное право, фракция вместе с тем была готова поддерживать предложение прогрессистов о пропорциональных выборах, избирательных правах женщин. Она выступала за справедливое представительство евреев в органах самоуправления⁴⁰⁷. Трудовики (А.А. Булат) позиционировали себя как сторонников всеобщего избирательного права, но также соглашались поддержать предложение прогрессистов о пропорциональной системе выборов. Трудовики были не согласны с устранением польского языка из внутреннего делопроизводства органов самоуправления и с введением новых форм надзора⁴⁰⁸.

Позицию польского коло озвучил В.Ф. Грабский. Выработанный Министерством внутренних дел проект, заявил он, «не может отвечать всем нашим нуждам и понятиям о наших правах»: ничтожная постановка прав польского языка, значительная зависимость самоуправления от администрации и, наконец, право полного роспуска самоуправления. Вместе с тем, заявил он, мы не можем не принять во внимание, что и в России города не наделены всей полнотой прав, хотя там отсутствует бич в виде временного роспуска самоуправления, но все же законопроект вводит существенные улучшения по сравнению с общероссийским Городовым положением и с тем, что имеют польские города в настоящее время. По этим соображениям фракция будет поддерживать законопроект в редакции Комиссии по городским делам⁴⁰⁹. Другой представитель этой фракции В.Ф. Яронский, отвечая на обви-

⁴⁰⁶ Там же. Стб. 2451–2459.

⁴⁰⁷ Там же. Стб. 2459–2471.

⁴⁰⁸ Там же. Стб. 2471.

⁴⁰⁹ Там же. Стб. 2448–2451.

нения польского коло в поддержке куриальной системы, заявил: «... правительство при теперешнем своем направлении не откажется от привилегирования русских и ограничения евреев, поэтому всякие попытки изменить в этом отношении законопроект могут весьма ослабить и без того не весьма прочные виды на его осуществление. Этого одного соображения было бы достаточно для объяснения нашего голосования против поправок в этом пункте». Сам Яронский находил ограничение прав евреев вполне оправданным. Хотя они и составляют большинство во многих городах, но мы «не можем не считать этих городов польскими». Поэтому в отношении статей, касающихся евреев, мы выскажемся за редакцию Комиссии⁴¹⁰.

Правый депутат В.Г. Черкасов обрушился с критикой на представителей оппозиционных фракций, неудовлетворенных проектом. «Дайте нам все или не давайте ничего. Но сразу переходить ко “все” является немыслимым и негосударственным, не следует ли остановиться на том, что делает известный шаг вперед». Протестуют против нового права правительства распускать думы. Говорилось даже: «опасайтесь, да не послужит ли это прецедентом для ... коренной России». Но в коренной России, заверял Черкасов, самоуправление «существует достаточно давно и взаимоотношения между правительством и представителями городских самоуправлений проложили себе определенное русло и текут по нему; никаких новых особых прав правительству как будто бы вовсе и не требуется...». Выступают в защиту прав евреев. «Мы, — заявил Черкасов, — совершенно определенно и категорически высказываемся, что относимся к еврейству совершенно отрицательно, ... мы не можем пойти навстречу пожеланиям еврейского населения о расширении его прав, рассматривая это как зло...». Что касается возможности расширения прав самих поляков, то их пределы, напомнил Черкасов, были четко обозначены в выступлении П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства: «...это есть *taхітум* тех прав, которые когда бы то ни было мы имеем в виду предоставить полякам, дальше ни шага, это последний предел, который мы указываем правам поляков в деле местного самоуправления»⁴¹¹.

При постратейном обсуждении проекта прения развернулись в основном вокруг статей, касавшихся наиболее спорных вопросов: об избирательном праве, употреблении польского языка, организации надзора. При переходе к статьям о выборной системе (ст. 19–22) с «разъяснениями» выступил помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Анциферов. Он остановился на

⁴¹⁰ Там же. Стб. 2499.

⁴¹¹ Там же. Стб. 2486–2492.

двух вопросах, по которым Комиссия разошлась с правительственным проектом: вопросе о размере квартирного ценза и о предоставлении избирательного права женщинам-собственницам. Представитель ведомства выразил несогласие с решением Комиссии о понижении квартирного ценза. Анциферов доказывал, что это приведет к существенному увеличению численности данной категории избирателей за счет малообразованной части населения. Он категорически возражал также против предоставления избирательного права женщинам, аргументируя тем, что этот вопрос еще не получил разрешения в пределах Российской империи⁴¹².

В ходе обсуждения данных статей были внесены следующие поправки:

1. О предоставлении избирательного права женщинам-квартиро-наимательницам (прогрессисты).
2. О предоставлении женщинам активного и пассивного избирательного права (прогрессисты, кадеты).
3. О предоставлении избирательного права всем совершеннолетним лицам обоего пола, проживающим в данном городе не менее одного года (трудовики).
4. О распространении избирательного права на всех лиц, достигших 25-летнего возраста (кадеты).

5. Представитель правых (И.В. Березовский) внес следующую поправку к ст. 22: «...евреи видють до пересмотра особых о них законоположений допускаются к участию в городском общественном управлении городов Привислинского края на основаниях, установленных Городовым положением 1892 г.», иначе говоря, предлагалось лишить евреев права участия в выборах. При голосовании все названные поправки были отклонены. Но Дума не приняла во внимание и рекомендации представителя Министерства внутренних дел об отказе от понижения квартирного ценза и отстранения женщин, владеющих собственностью, от участия в выборах. Что касается пассивного избирательного права женщин, то была подтверждена формулировка Комиссии: «Лица женского пола не могут быть избираемы ни в гласные, ни в какие либо должности по городскому общественному управлению»⁴¹³.

В разделе о выборах центральное место отводилось куриальной системе. В прениях по статье 28, устанавливающей деление избирателей на национальные курии, приняли участие главным образом представители фракций, выступавших против куриальных выборов. О неприятии куриальной системы заявили прогрессисты (А.М. Масленников: введение куриальной системы извращает идею самоуправления),

⁴¹² Там же. Стб. 2802–2805.

⁴¹³ Там же. Стб. 2800–2812.

кадеты (И.В. Лучицкий: разделяй и властвуй – вот политическая составляющая куриальной системы), трудовики (А.А. Булат: деление на национальные курии сеет только национальную рознь). Об отрицательном отношении к куриальной системе заявили и социал-демократы. Все эти фракции выразили готовность проголосовать за поправку прогрессистов о выборах на пропорциональной основе. Позицию правительства в вопросе о куриях безоговорочно поддерживали октябристы, националисты, правые. На их стороне оказалось и польское коло. Их поддержка куриальной системы вызвала гневные нападки со стороны представителей левых фракций.

К статье 28 кроме поправки прогрессистов о пропорциональных выборах был внесен еще ряд поправок.

Своих коллег по октябристской фракции не поддержал О.Ф. Бенек. Он «бичевал» систему национальных курий, которые приведут в думы людей, проникнутых духом нетерпимости. Такие курии будут способствовать не сближению национальностей, а их взаимному отчуждению. Куриям на национальной основе он противопоставил курии «на началах, пропорциональных интересам налогоплательщиков». В качестве образца Бенек предложил разрядную систему, принятую в Городовом положении 1870 г. Поправка к статье 28 поступила и от представителя правых Ф.Ф. Тимошкина. Он считал, что система трех курий недостаточно защищает интересы русского населения, и вместо трех предложил образовать две курии: из русских и всех остальных. Кроме того, он предложил восстановить примечание, исключенное Комиссией из правительственного проекта: лиц, рожденных в иудействе, считать евреями.

Прения по вопросу о куриях продолжились при рассмотрении ст. 43, принятой Комиссией: она допускала избрание гласных не только из данного, но и из других разрядов. По правительственному проекту (ст. 42) гласные могли избираться только «из своей среды». С.Н. Алексеев (русская национальная фракция) потребовал восстановить ст. 42 в редакции правительственного проекта. Он доказывал, что статья, принятая Комиссией, «в корне разрушает куриальную систему по национальностям, введенную в данный законопроект не столько в видах чисто хозяйственных интересов, сколько в целях государственных». Принцип же национальных курий имеет смысл и значение «только в чистом виде»⁴¹⁴. На исключении ст. 43 настаивал управляющий отделом Городского хозяйства А.А. Евтифеев. «Разделение на курии, – заявил он, – вызывается соображениями государственного порядка, а не местными хозяйственными делами и потому предоставление избира-

⁴¹⁴ Там же. Стб. 3183–3186.

телям права на ослабление куриального начала представлялось бы, по мнению ведомства, невозможным»⁴¹⁵. В пользу принятия ст. 43 выступил депутат А.Ф. Бабянский (фракция народной свободы). Принцип, который поддерживает депутат Алексеев, сказал он, это – «принцип национализма, принцип взаимной нетерпимости». Установленные для евреев нормы представительства искусственны. Надо дать возможность самому населению вносить в них коррективы. Статья 43 явится той форточкой, которая позволит ослабить политическую сторону этого законопроекта, поможет выдвинуть на хозяйственную работу лучших людей независимо от национальной принадлежности. Так как против статьи высказались еврейские депутаты, опасавшиеся, что ее принятие сократит количество гласных-евреев, избранных от еврейской курии, Бабянский внес предложение дополнить статью разъяснением: лица, избранные от какого-либо разряда (курии) входят в число гласных того же разряда⁴¹⁶. В поддержку ст. 43 выступил Н.Н. Щепкин. Принятие статьи, считал он, позволит расширить круг специалистов, которые могут быть привлечены к управлению городским хозяйством независимо от политических убеждений и национальности.

О категорическом несогласии с решением Комиссии заявил Синадино. «Если статья будет принята так, как это рекомендует Комиссия, то этим самым вы разрушите тот основной принцип закона, который красной нитью проходит от первой до последней главы этого законопроекта»⁴¹⁷. Представитель правых Ф.Ф. Тимошкин считал, что в случае принятия статьи весь законопроект в целом следует отклонить⁴¹⁸. При голосовании поправка Бабянского была отклонена, ст. 42 принята в редакции правительственного проекта.

Весьма неприятным для чиновников Министерства внутренних дел стал отказ депутатов выступить солидарно с Комиссией по вопросу о замене общественного управления правительственным (ст. 188 и последующие). Поправка об исключении этой статьи была внесена кадемами, трудовиками и октябристами. Взявший слово пачальник Главного управления по делам местного хозяйства С.Н. Гербель попросил отвергнуть поправку. Он доказывал, что «главное отличие» законопроекта от действующего Городового положения 1892 г. заключается в предоставлении городам значительно большей самостоятельности. Поэтому правительственную власть необходимо облечь такими правами, которые «давали бы ей возможность в исключительных случаях

⁴¹⁵ Там же. Стб. 3186.

⁴¹⁶ Там же. Стб. 3180–3190.

⁴¹⁷ Там же. Стб. 3202.

⁴¹⁸ Там же. Стб. 3192.

принять меры для восстановления нарушенного порядка в городе для направления деятельности в соответствии с интересами государства». В самых исключительных случаях (война, народные бедствия и т.п.) обстоятельства могут «вынудить» правительство «взять в свои руки все городское управление». Отказаться от этой меры правительство не может. «Я должен предупредить, – заявил Гербель, – что в случае принятия этой поправки становится совершенно неизвестным, возможно ли будет провести этот проект (через Государственный совет – В.Н.)»⁴¹⁹. В поддержку начальника Главного управления по делам местного хозяйства выступил Синадино: «Гг. члены Государственной думы, которые желают, чтобы этот закон увидел свет, должны голосовать за эти статьи. Они необходимы ввиду того, что самоуправление в Царстве Польском вводится впервые, это есть первый опыт доверия к этой окраине... Необходимо, чтобы государственная власть имела реальную силу в этой окраине»⁴²⁰.

При баллотировке ст. 188 была отклонена большинством – 120 голосов против 65.

После третьего чтения законопроект в его основных статьях не претерпел изменения. Поправки, внесенные в ст. 22 о всеобщем избирательном праве (фракция народной свободы) и предоставлении избирательного права женщинам (прогрессивная фракция), были отклонены. Также не получила одобрения поправка Министерства внутренних дел о повышении квартирного ценза. Были отклонены поправки депутата Тимошкина, касающиеся куриальной системы; 1-я – о введении 2-х курий. 2-я – о фиксации количества гласных: 35% русские, 15% евреи, 50% поляки. Не увенчалась успехом попытка представителя министерства отстоять исключенную при втором чтении проекта ст. 188 о замене общественного управления правительственным. Соответствующая поправка была внесена Алексеевым и поддержана Синадиным. Однако подавляющее большинство проголосовало за исключение ст. 188 и с ней связанных. При баллотировке законопроекта в целом он был одобрен большинством голосов⁴²¹ и в марте 1912 г. передан на рассмотрение Государственного совета.

Поступивший в Государственный совет законопроект в марте 1912 г. был передан на рассмотрение Особой комиссии. На обсуждение общего собрания Государственного совета вопрос о преобразовании управления в городах губерний Царства Польского был поставлен 4 декабря 1912 г.

⁴¹⁹ Там же. Стб. 3243–3244.

⁴²⁰ Там же. Стб. 3246–3247.

⁴²¹ Там же. Ч. II. Стб. 1677–1722.

Однако докладчик Особой комиссии С.Н. Гербель, указав на поступление многочисленных замечаний и поправок к проекту, внес предложение о повторной передаче проекта в Комиссию⁴²². Основная претензия к проекту заключалась в отступлении от прежней законодательной практики, когда к окраинным территориям империи применялось Городовое положение 1892 г., для польских же городов было разработано совершенно новое Городовое положение, к тому же «улучшенное» по сравнению с Положением 1892 г. Министерство внутренних дел «вздумало», заявил на заседании 4 декабря один из членов Комиссии Н.А. Зиновьев, создать новое положение, которое наделяет население Царства Польского такими правами, которых не имеют жители империи. С этим нельзя согласиться⁴²³. Против возвращения законопроекта в Комиссию выступил другой член Комиссии И.Я. Шебеко. Возражая Зиновьеву, Шебеко отметил, что председатель Совета министров П.А. Столыпин как раз и имел в виду создать более усовершенствованный тип Городового положения, чтобы «далее практические указания опыта в губерниях Царства Польского использовать для постепенного применения новых начал и в городах внутренних губерний»⁴²⁴.

Большинство членов Государственного совета поддержало предложение о повторной передаче законопроекта в Комиссию. В ходе второго этапа ее работы (декабрь 1912 – март 1913 г.) проект Государственной думы подвергся кардинальной переработке. Комиссия дала отрицательную оценку «попыткам» Министерства внутренних дел допустить в законопроекте отступления от Городового положения 1892 г., не вызываемые местными условиями. «Некоторые из намеченных Министерством внутренних дел и одобренных Государственной думой отступлений, – говорилось в докладе⁴²⁵ Комиссии, – затрагивают наиболее существенные стороны городской жизни, преследуя, например, расширение прав населения по городскому самоуправлению». Такие отступления «служили бы предreshением вопроса о применении в будущем... намечаемых постановлений на всем пространстве империи». Вместе с тем подчеркивалось, что издание особого Горо-

⁴²² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия VIII. С116., 1913. Стб. 149–152.

⁴²³ Там же. Стб. 152–154.

⁴²⁴ Там же. Стб. 154–158.

⁴²⁵ Доклад Особой комиссии Государственного совета см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913. Материалы согласительных комиссий Государственного совета по возвращенным в Государственную думу для нового рассмотрения законопроектов [V] О преобразовании управления городов в губерниях Царства Польского. Сплошная пагинация отсутствует. Доклад Особой комиссии. С. 2–41. Далее: Материалы согласительных комиссий.

дового положения для городов Привислинских губерний «не отвечало бы общим государственным задачам в деле объединения окраин с внутренними губерниями». По этим основаниям Комиссия «всцело отвергла мысль» об издании для польских городов особого положения.

В докладе были изложены соображения по трем главным направлениям законопроекта:

I. Об условиях участия населения в городских выборах. Комиссия отклонила следующие положения, содержащиеся в думском проекте: отказ от имущественного ценза, допущение к выборам священнослужителей и право непосредственного участия в выборах лиц женского пола. Комиссия признала целесообразным предоставление избирательного права квартиронанимателям, но считала нужным проявить в этом вопросе «большую осмотрительность». Установленный Государственной думой ценз она находила слишком низким. Минимальный размер ценза предлагалось повысить: для Варшавы с 270 руб. до 540 руб., для Лодзи, Люблина, Сосновиц, Ченстохова с 150 руб. до 240, ... небольших городов – с 60 руб. до 96 руб. Положения думского проекта о куриальной системе, об установлении нормы, ограничивающей представительство в городских думах от еврейской курии и пр., не вызвали возражения Комиссии.

II. О польском языке. Большинство членов Комиссии поддержало установленное Думой требование (в правительственном проекте оно отсутствовало) о том, что заседания в городской думе и управе председатель ведет на русском языке. Комиссия согласилась с возможностью использования местного языка в прениях. Требование о применении русского языка в сношениях городских дум с правительственными учреждениями и должностными лицами Комиссия считала нужным распространить также и на сношения с общественными учреждениями империи (ст. 28, п. а).

III. О правительственном надзоре. Этот раздел думского проекта претерпел радикальную правку. Комиссия высказалась за предоставление власти права контроля не только за законностью постановлений городских общественных управлений, но и за их правильностью (целесообразностью). В качестве аргумента указывалось на необходимость точного соблюдения норм Городового положения 1892 г. Хотя в то же время отсутствие в Городовом положении 1892 г. статьи о праве администрации прибегать к «непосредственным исполнительным мерам за счет города» не помешало Комиссии включить в проект такую статью. Спор на заседании Комиссии вызвал вопрос о праве администрации на роспуск городских дум до окончания срока полномочий. Меньшинство членов Комиссии находило данную норму «излишней и даже вредной». Большинство придерживалось иного мнения. При раз-

ноплеменном составе населения, – записано в докладе Комиссии, – «необходимо предвидеть возможность образования в среде городских гласных большинства, настроенного настолько непримиримо в племенном отношении, что попытка к прекращению полномочий состава гласных посредством обсуждаемой меры (ропуска думы – *В.Н.*) окажется неизбежной». При этом Комиссия высказалась за возможность роспуска думы распоряжением лишь министра внутренних дел, а не через Совет министров и с санкции императора. Кроме того, срок для производства новых выборов был увеличен с 2-х до 6 месяцев (ст. 38–43). По поводу другой «исключительной» меры, отклоненной Государственной думой – замены общественного управления правительственным, Комиссия тоже не смогла прийти к единогласному решению. Однако по большинству голосов статьи о замене общественного управления правительственным (ст. 186–192) были включены в законопроект (ст. 44 – 48). Отметим еще некоторые предложения Комиссии, не совпадающие с правительственным и думским проектом: 1. Согласно ее предложению, евреи вообще не могли входить в состав управы и не допускались к заведованию какими-либо отраслями хозяйства. 2. Не все, а только два города (Варшава, Лодзь) могли иметь особых председателей городской думы. 3. Определение варшавского генерал-губернатора о признании (непризнании) лицом русского происхождения считалось окончательным и обжалованию не подлежало.

3 апреля 1913 г. переработанный Особой комиссией проект Городового положения был вновь поставлен на обсуждение Государственного совета. Докладчик комиссии Н.А. Зиновьев приветствовал начин министерства П.А. Столыпина, внесшего законопроект об установлении в городах Царства Польского общественного управления на выборахных началах. Вместе с тем он отметил, что Министерство внутренних дел задалось целью «улучшить» Городовое положение 1892 г., которое действительно «несколько устарело». Но, по мнению Комиссии, потребность в пересмотре общего Городового положения не может служить основанием для создания в городах Царства Польского особого, усовершенствованного Городового положения. Исправление его недостатков возможно только при общем пересмотре Городового положения. Поэтому свою задачу Комиссия ограничила приспособлением к польским городам Городового положения 1892 г. и внесением в него лишь тех изменений, которые «вызываются местными условиями». Однако, по мнению докладчика, Комиссия, наряду с необходимыми поправками, в ряде случаев допустила неоправданные отступления от Городового положения 1892 г. Зиновьев высказался против включения в законопроект статей о надзении администрации правом прибегать к исключительным мерам надзора (досрочному роспуску

городских дум и замене общественного управления правительственным). Присутствие таких мер в проекте Министерства внутренних дел он находил оправданным, поскольку органам городского самоуправления была предоставлена «широкая самостоятельность» – упразднялся контроль за целесообразностью их действий. В связи с восстановлением такого контроля надобность в исключительных мерах надзора отпала⁴²⁶. Вслед за докладчиком слово взял представитель Министерства внутренних дел П.Н. Анциферов. Он отметил несовпадение взглядов на реформу Министерства внутренних дел и Комиссии Государственного совета. В то же время как Министерство «делало усиленную попытку» начертать особый закон для городов губерний Царства Польского, Комиссия предполагает распространить на эту местность действующее Городовое положение. (Попутно было сказано, что министерский проект реформы ни в коем случае не предрешал судьбы будущей общероссийской реформы. Имелось в виду начертать только местный закон).

Симптоматично, что Анциферов не стал отстаивать позицию Министерства внутренних дел. По спорным вопросам, сказал он, едва ли возможно прийти к соглашению, между тем предложения Комиссии дают основания «поставить на реальный путь вопрос о реформе городского управления». При таких условиях он находил «более предпочтительным» отказаться от тех «новшеств», которые наметило министерство. «По этим соображениям Министерство внутренних дел всецело присоединяется к проекту Особой комиссии и против той постановки, которую Комиссия предлагает, возражений не имеет». Анциферов считал необходимым дополнительно разъяснить позицию Министерства в вопросе о надзоре. Он выразил готовность поддерживать восстановление контроля за целесообразностью, если Государственный совет примет такое решение. Но ценой этой уступки, заявил он, не должна быть нарушена система надзора, намеченная в проекте Министерства внутренних дел, а именно: предоставление власти возможности прекращать полномочия городских дум, а в некоторых случаях «по соображениям особой политической важности», заменять на время общественное управление правительственным. «Эта часть законопроекта, – подчеркнул он, – представляется для Министерства внутренних дел особенно важной»⁴²⁷.

При обсуждении проекта в Государственном совете четко обозначились два крыла: те, кто в целом поддерживал думско-министерский

⁴²⁶ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия VIII. СПб., 1913. Стб. 1373–1380.

⁴²⁷ Там же. Стб. 1380–1384.

проект и выступал с критикой проекта Комиссии, и те, для кого было абсолютно неприемлемым какое бы то ни было отступление от Городового положения 1892 г. В числе первых назовем Д.И. Багалея (кадет). «В качестве практического деятеля [Харьковский городской голова – В. Н.], – сказал он, – я особенно ценю многие из тех улучшений, которые были внесены в министерский проект по сравнению с Городовым положением 1892 г.». Он приветствовал расширение круга избирателей, ограничение административного надзора рамками законности, разделение должностей председателя думы и городского головы. У него вызвали «сомнения» куриальная система, ограничение прав евреев и др. По мнению Багалея, Комиссия во многих отношениях ухудшила проект, в частности, отстранив от участия в выборах мелких собственников⁴²⁸.

В.П. Энгельгардт (прогрессист) оценивал проект Комиссии отрицательно. Все отступления от думского проекта, считал он, проведены в худшую сторону. Изменения проекта – свидетельство дальнейшего развития тенденции недоверия к местным силам. Польские города получают лишь подобие самоуправления⁴²⁹.

Что касается представителей правого крыла, то проект Комиссии их вполне устраивал, за исключением «уступки» полякам в отношении языка.

А.С. Стишинский настаивал на полном изгнании польского языка из органов городского самоуправления. В вопросе о языке, доказывал он, никакого компромисса быть не может, поскольку речь идет о «сохранении начал российской государственности». Отрицая возможность использования польского языка в прениях, Стишинский мотивировал это тем, что органы самоуправления (земские, городские) являются учреждениями государственными, а в государственных учреждениях никакой язык кроме русского звучать не может. Вместе с тем он предупреждал, что «уступка местным домогательствам на одной окраине, являясь первым шагом на пути сокращения области применения государственного языка в городских выборных учреждениях, не может не отразиться на дальнейшем законодательстве в этой области»⁴³⁰. Позицию Стишинского полностью разделял В.И. Гурко. «Без нарушения начал русской государственности, – заявил он, – мы не можем вводить в русских государственных учреждениях иного языка, кроме языка русского». Другое решение дела нарушило бы ту связь, которая необходима между всеми частями империи. «Наш принцип –

⁴²⁸ Там же. Стб. 1413–1423.

⁴²⁹ Там же. Стб. 1423–1428.

⁴³⁰ Там же. Стб. 1396.

единственным языком в России является язык русский и, следовательно, на нем должны происходить суждения во всех государственных учреждениях». Большинство Комиссии отступило от этого принципа, признав равноправность с государственным языком местного. Завершая выступление, он высказал «удивление», что подобное правило было введено в проект Министерства внутренних дел, и далее не без сарказма заявил, что «желание разрушить империю, приписываемое полякам, надлежало бы приписать министру внутренних дел»⁴³¹.

При пострейном обсуждении законопроекта прения возникли главным образом по статьям, касавшимся трех вопросов: избирательного закона, употребления польского языка и надзора. При рассмотрении ст. 10 (о составе избирателей) был поднят вопрос об исключении квартиронанимателей из числа избирателей. Лидер правых П.Н. Дурново охарактеризовал предложенную систему выборов как «наиболее либеральную из всех прочих. И раз она пройдет в Царстве Польском... мы получим то же либеральное благодеяние и для всей России, т.к., очевидно, нельзя будет отказать Москве, Киеву, Саратову и прочим городам в том, чем пользуются польские города». «Нельзя, — заявил он, — в Царстве Польском проводить опыты для всей России». (Очередной раз наблюдаем боязнь перенесения либеральных начинаний на русскую почву). Он утверждал, что люди свободных профессий приведут к разорению городское хозяйство и выступал против наделения квартиронанимателей избирательным правом⁴³². Отстаивая решение Комиссии, докладчик Н.А. Зиновьев подчеркнул, что привлечением квартиронанимателей имелось в виду не «улучшение» городского положения — от этого Государственный совет отказался, — а лишь обеспечение русскому населению возможности участвовать в городских выборах. Вместе с тем он признал целесообразным уменьшить контингент избирателей-квартиронанимателей (они не должны своей численностью подавлять избирателей — собственников недвижимости) и с этой целью внес предложение о повышении квартирного ценза: в Варшаве — от 720 руб., Лодзи, Люблине, Сосновицах — от 360 руб. ... в прочих — от 160 руб.⁴³³

При рассмотрении статей, регламентирующих куриальную систему, А.А. Нарышкин выступил против наделения евреев правом участия в выборах. Они могут быть допущены к участию в общественном управлении только по назначению администрации. На этом основании предлагалось упразднить еврейскую курию, образовать две ку-

⁴³¹ Там же. Стб. 1406–1414.

⁴³² Там же. Стб. 1448–1449.

⁴³³ Там же. Стб. 1445–1446.

рии: одну для русских, другую для всех остальных, кроме евреев. При голосовании поправка Нарышкина была отклонена. Также была отклонена и поправка (Энгельгардта) об упразднении нормы, ограничивающей представительство евреев в общественном управлении⁴³⁴.

Прения развернулись при обсуждении ст. 28 о польском языке. Сохранение Комиссией возможности употреблять польский язык в устных выступлениях на заседаниях городских дум вызвало крайнее возмущение правой части Государственного совета. А.С. Стишинский потребовал исключить полностью польский язык из органов общественного управления. «В России в установлениях государственных, а также приравненных к ним земских и городских учреждениях не может звучать иной язык, кроме языка государственного, русского языка». Им была внесена в статью соответствующая поправка⁴³⁵. Стишинского поддержали представители правых А.А. Бобринский, В.И. Гурко. «Русский язык не должен сдавать своих позиций», – заявил Гурко. «Предоставление населению Царства Польского права широкого участия в городском общественном управлении и имея одновременно в виду даровать ему земское управление, вспоминая еще недавнее прошлое, – сказал он, – является с нашей стороны огромной смелостью». Но «нельзя допускать мероприятий, которые наносят ущерб общероссийскому государственному началу»⁴³⁶. С критикой позиции правых выступил ряд членов Государственного совета. С.К. Годлевский (польское коло) напомнил о заявлении председателя Совета министров П.А. Столыпина при открытии заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства в октябре 1909 г.: «Если в Западном крае Министерство стремилось создать земство по окраске русское, то в губерниях Царства Польского мы ожидаем увидеть самоуправление польское, подчиненное русской государственной идее». Навязывание русского языка для объяснений поляков друг с другом, сказал Годлевский, не может быть понято иначе как стремление к обрусению края.⁴³⁷ «Ни для общерусского государственного начала, ни для величия русского народа, ни для величия Российской империи, – сказал И.А. Шебеко, – никакой опасности не представляет тот факт, что в 10 губерниях Царства Польского будут устно объясняться по делам городского хозяйства на своем родном языке». Это не государственная мера, а «булавочный укол» по национальному самолюбию⁴³⁸. Некоторые члены Государственного совета попытались перевести национально-пат-

⁴³⁴ Там же. Стб. 1405.

⁴³⁵ Там же. Стб. 1465–1471.

⁴³⁶ Там же. Стб. 1482.

⁴³⁷ Там же. Стб. 1475.

⁴³⁸ Там же. Стб. 1482–1484.

риотический пафос в чисто деловую плоскость, указывая, что требование излагать мысли на неродном языке может создать практические трудности при решении хозяйственных вопросов.

Тем не менее за исключение польского языка из употребления в заседаниях городских дум проголосовало 74 человека (против 53).

Напряженно происходило обсуждение статей о применении особых исключительных мер надзора. Возникли прения по поводу статьи 38 о досрочном роспуске думы. Докладчик Комиссии Зиновьев, мнение которого не совпадало с решением большинства членов Комиссии, внес предложение об исключении данной статьи из законопроекта. При этом он обратил внимание на то, что эта статья, упраздненная первым составом Комиссии, при втором рассмотрении была возвращена в наиболее неприемлемом варианте: для роспуска думы достаточно распоряжения только министра внутренних дел, а срок проведения новых выборов увеличивается с двух до шести месяцев⁴³⁹. Представитель Министерства внутренних дел Анциферов постарался направить прения в другое русло. Он заявил, что обсуждаемой части проекта Министерство придает «большое значение». В своем проекте министерство отказалось от мелочного контроля за деятельностью городских дум и построило надзор на совершенно иных основаниях. Предложенная система мер для российского законодательства является «новшеством», но оно оправдывается «особенностями края». Вместе с тем Анциферов заметил, что целесообразность включения в проект такой меры как досрочный роспуск городской думы подтверждает и практика деятельности органов общественного управления во внутренних губерниях России. После 1906 г. правительство было вынуждено трижды прибегнуть к роспуску дум до истечения выборного срока, причем в одном случае — по политическим причинам (Одесская дума). «Городская жизнь в последнее время, — сказал он, — претерпевает сильные изменения, политика всюду внедряется в городское управление и производит свое вредное действие!» При этом Анциферов сослался на Московскую думу, где из-за сопротивления двух группировок оказалось невозможным прийти к соглашению по кандидатуре городского головы. «При наличии подобных обстоятельств, — отметил он, — вряд ли можно сомневаться в важности такой нормы надзора: действующие ныне правила дают губернатору возможность останавливать лишь отдельные постановления городских дум, законопроект же делает попытку парализовать вредную деятельность управления в целом, если бы она обнаружилась»⁴⁴⁰.

⁴³⁹ Там же. Стб. 1493–1498.

⁴⁴⁰ Там же. Стб. 1498–1502.

Выступление представителя Министерства внутренних дел было воспринято как заявление о том, что правительство имеет намерение распространить новые формы надзора не только на Царство Польское, но впоследствии и на всю Россию. Зиновьев приветствовал отказ в будущем от контроля за целесообразностью в российских городах, но возражал против введения взамен этой меры другой, еще более стеснительной для городских самоуправлений. К тому же он полагал, что роспуск думы не даст ожидаемого результата. «Вы думаете, что ежели вы распустите ныне Московскую думу, — сказал он, — то через 6 месяцев вы получите думу иную. Я думаю, что вы получите думу новую, пожалуй, еще более определенной окраски, еще менее соответствующую тем видам, которые желательно провести Министерству внутренних дел». Зиновьев внес поправку об исключении ст. 38. В случае же принятия статьи он считал, что «эта мера как мера исключительная должна действовать только на короткий срок и исходить в порядке верховного управления, а не по распоряжению министра внутренних дел»⁴⁴¹. В том же ключе выступил Д.И. Багалея, полагавший также, что роспуск думы не только не уменьшит «политический элемент», на который указывал представитель министерства, а, наоборот, приведет к его усилению⁴⁴².

Вторично взяв слово, Анциферов прежде всего поспешил опровергнуть мнение о намерении Министерства внутренних дел применить Городовое положение для городов Царства Польского к российским городам. «Эта мысль, — сказал он, — принадлежит некоторым членам Государственной думы и совершенно произвольно была высказана в Комиссии, где первоначально происходило обсуждение проекта». Министерство внутренних дел никогда не предполагало создавать по образцу городов Царства Польского общее Городовое положение для городов империи. Настаивая на принятии этой нормы, представитель ведомства сослался с доводами в пользу сокращения срока проведения новых выборов с шести до двух месяцев и о возможности роспуска Думы лишь с санкции верховной власти⁴⁴³. При голосовании за сохранение данной статьи высказалось большинство 54 — за, 50 — против.

При обсуждении доклада Особой комиссии Государственный совет одобрил мнение Комиссии о концепции реформы (не особое Городовое положение, а применение к городам Царства Польского Городового положения 1892 г.). В выработанный Комиссией проект Городового положения были внесены следующие изменения:

⁴⁴¹ Там же. Стб. 1502–1503.

⁴⁴² Там же. Стб. 1508.

⁴⁴³ Там же. Стб. 1504–1505.

1. Ст. 10. Был существенно повышен квартирный ценз: для Варшавы — 720 руб. вместо 540, Лодзи, Люблина, Сосновиц 360 руб. вместо 240 руб., ... для незначительных городов 168 руб. вместо 96 руб.

2. Ст. 28, п. 4. Было исключено допущенное Комиссией право употреблять польский язык в словесных высказываниях в думских заседаниях.

3. Была исключена ст. 40 о замене общественного управления правительственным сроком до 3 лет⁴⁴⁴.

К рассмотрению законопроекта, поступившего из Государственного совета, IV Государственная дума приступила в июне 1913 г. Докладчик Комиссии по городским делам гр. Э.П. Беннигсен дал высокую оценку проекту, подготовленному Министерством внутренних дел: в нем воплощены многие из тех пожеланий, «которые составляют давнишнюю мечту городов империи». Третья Государственная дума, сказал он, по некоторым направлениям пошла даже дальше, чем правительство. Государственный совет подверг думский проект коренной переделке, исходя из «целесообразности» распространения на окраины законов, действующих в империи «ввиду того, что окраины таким образом спаиваются и сближаются с основным ядром государства». Комиссия выразила сомнение в правильности этого постулата: «введение несовершенных законов на окраинах, — говорилось в ее докладе, — едва ли послужит дальнейшему сближению окраин с центром». (Мнение Комиссии более четко и определенно сформулировано в думском «Обзоре деятельности Комиссий и отделов»). Комиссия по городским делам «не нашла возможным согласиться с основной точкой зрения Государственного совета о невозможности издания для городов Привислинского края Особого Городового положения... Комиссия находила, что Городовое положение 1892 г. страдает такими существенными, общепризнанными недостатками, что распространять столь завсего несовершенный закон на целый край, и притом край обширный и культурный, не имеется достаточных оснований»⁴⁴⁵. Однако «детально обсудив этот вопрос», Комиссия пришла к заключению о «целесообразности тем не менее присоединиться к предположению Государственного совета в этом отношении». Комиссия не признала также «желательными» и те изменения, которые Государственный совет внес в законопроект, но высказала опасение, что защита положений правительства и Думы может привести к полному крушению законопроекта и на долгие годы отсрочит введение в городах Царства

⁴⁴⁴ Там же. Стб. 1445 — 1550.

⁴⁴⁵ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия первая. СПб., 1913. С. 419—420.

Польского местного самоуправления. По этим, «чисто утилитарным соображениям», как сказано в докладе, Комиссия «признала возможным» представить на рассмотрение Думы проект Городового положения в том виде, в каком он был выработан государственным советом.

Докладчик выделил три наиболее серьезные изменения, внесенные в думский проект: 1. Отвергнуто право участия в выборах домовладельцев с «ничтожным цензом» и существенно повышен ценз для квартиронанимателей (для Варшавы – с 270 до 720 руб. и в других городах примерно вдвое по сравнению с тем, что намечала Дума). Комиссия предложила в этом вопросе занять компромиссную позицию: согласиться на введение имущественного ценза и допустить некоторое повышение квартирного ценза (для Варшавы вместо 270 руб. – 540 руб. и т.д.). Комиссия также признала возможным отказаться от предоставления избирательных прав женщинам – владелицам недвижимых имуществ. 2. Наиболее существенные отступления, по мнению Комиссии, были допущены в отношении польского языка: он был полностью исключен из делопроизводства общественного управления и из употребления в прениях. В этом вопросе Комиссия не сочла возможным пойти на какие-либо уступки. 3. По вопросу о надзоре Комиссия высказалась за сохранение тех предложений, которые отстаивала III Дума, т. е. отказ от контроля за целесообразностью постановлений. Были названы и некоторые другие более второстепенные вопросы, по которым Комиссия разошлась с Государственным советом⁴⁴⁶.

Представителями левых фракций доклад Комиссии был встречен в штыки. Взявший слово А.М. Масленников (прогрессист) заявил, что его фракция будет голосовать против законопроекта. Данный законопроект, сказал он, не отвечает не только интересам польского населения, но и интересам русской государственности. Он не сомневался в том, что провал польской городской реформы неизбежно отразится на судьбе общероссийской реформы. «Мы думали, раз для Царства Польского дается законопроект, который несравненно лучше Городового положения 1892 г., то, следовательно, нас только дни, может быть, месяцы отделяют от того, когда, наконец, русская городская жизнь получит обновление... В настоящее время, когда похоронили законопроект, то мы вправе сказать, что похоронили не Городовое положение Царства Польского, а похоронили реформу Городового положения для городов России»⁴⁴⁷. С осуждением соглашательской позиции Комиссии по городским делам выступил депутат от Ковенской губер-

⁴⁴⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб, 1913. Ч. III. Стб. 959–967.

⁴⁴⁷ Там же. Стб. 983.

нии Н.М. Фридман (кадет). Тот проект, который обсуждался в III Думе, говорил он, представляет шаг вперед по сравнению с действующим Городовым положением. Из Государственного совета он вернулся в ухудшенном виде, а Государственная дума спешит навстречу Государственному совету. Мы видим сужение избирательного права, повышение ценза, усиление административного надзора, сохранение позорных ограничений в отношении еврейского населения. Мы будем голосовать против такого проекта⁴⁴⁸. Представитель той же фракции Н.Н. Щепкин напомнил, что обсуждение Городового положения для городов Царства Польского в III Государственной думе шло скачками, перемежалось с рассмотрением вопроса об отделении Холмщины. Царство Польское в лице его «коло» «мазали по губам», обещая Городовое положение за отделение Холмщины. Но вместо полноценного Городового положения Государственный совет предлагает полякам искаженное Положение 1892 г., которое громадным большинством думцев было признано «совершенно непригодным» для управления местным хозяйством. Критически оценивая доклад Комиссии, Щепкин заявил: «Вы поставите раз навсегда Городскую думу четвертого созыва в положение совещания, имеющего лишь совещательный голос при Государственном совете... Вас послали сюда, чтобы законодательствовать, а не лакействовать»⁴⁴⁹. За непарламентские выражения Щепкин был исключен от участия в 5 заседаниях. Об отрицательном отношении к проекту заявили трудовики (А.Ф. Керенский), социал-демократы (Е.О. Ягелло). Критика проекта со стороны польского коло была обращена в основном против поправок, касающихся польского языка. И.В. Свежинский считал, что все изменения, внесенные в проект Государственным советом, имеют «второстепенное» значение по сравнению с поправкой, запрещающей использование польского языка в прениях. «Ввиду неотложности реформы, ввиду полного расстройств городского хозяйства..., — сказал он, — мы вынуждены принять даже такую реформу, которая нас не удовлетворяет, но не могли бы принять такой, которая оскорбляет наше национальное достоинство». «Самоуправление городов без права объяснения на польском языке неприемлемо»⁴⁵⁰. (Высказывание Свежинского о «второстепенном значении» прочих, кроме касающихся польского языка, поправок вызвало резкую отповедь со стороны левых фракций). В поддержку законопроекта выступили только националисты⁴⁵¹.

⁴⁴⁸ Там же. Стб. 978–982.

⁴⁴⁹ Там же. Стб. 974–978.

⁴⁵⁰ Там же. Стб. 970–973.

⁴⁵¹ Там же. Стб. 990–991.

Подводя итог дискуссии, докладчик Комиссии по городским делам Беннингсен заявил, что не видит ничего «страшного» в том, что предлагает Государственный совет: осталось более широкое избирательное право, сужено право административного надзора. Кроме того, внесенные в Городовое положение 1892 г. изменения «до известной степени ограничивают [его] дурные стороны». В то время как положение 1892 г. отстраняет евреев от выборов, проект допускает их участие в выборах, хотя и ограниченное. Упреки в адрес Комиссии он находил несправедливыми: по целому ряду важных законодательных норм Комиссия осталась на позиции III Думы.

За переход к постатейному обсуждению законопроекта высказалось 189 человек против — 56⁴⁵². При постатейном рассмотрении проекта большинство статей было принято без прений и поправок⁴⁵³. Прения развернулись лишь по ряду наиболее острых вопросов. Особенно напряженно проходило обсуждение статей, определяющих избирательный строй городского общественного управления (ст. 10–18)⁴⁵⁴. Представители от оппозиции подвергли резкой критике отход от избирательных норм, заявленных в правительственном и думском проектах. Были приведены данные, показывающие многократное сокращение корпуса избирателей в результате введения имущественного и повышения квартирного ценза. От фракции прогрессистов поступила поправка о снижении квартирного ценза и предоставлении избирательного права женщинам, как владеющим недвижимостью, так и занимающим квартиры. Кадеты внесли следующую поправку: «Правом участия в выборах пользуются лица, без различия пола, вероисповедания, национальности, достигшие 21 года, состоящие в российском подданстве, проживающие в городе не менее 6 месяцев или не проживающие в городе, но владеющие в нем имуществом и уплачивающие в год выборов какой-либо налог». Обе фракции выступили с резким осуждением куриальной системы. Обращалось внимание на то, что в проекте она предложена в особенно неприемлемой форме: беззастенчивое ущемление прав еврейского населения и привилегии для русских. В ходе дискуссии звучали гневные обвинения в адрес польского кола, которое поддерживает неравноправное положение еврейской нации, «обеими руками держится за курии». Фракция прогрессистов

⁴⁵² Там же. Стб. 987–989.

⁴⁵³ Следует иметь в виду, что законопроект, поступивший из Государственного совета, имел совершенно иную нумерацию, чем проект, находившийся на рассмотрении III Думы.

⁴⁵⁴ Здесь и далее нумерация проекта статей после переделки Государственным советом.

внесла поправку об отказе от куриальной и замене ее пропорциональной системой выборов. Предлагалось также исключить ст. 11 проекта о запрете евреям занимать любые должности по общественному управлению. При голосовании все поправки были отклонены. Статьи 10 – 18 приняты в редакции Государственного совета с учетом предложений Комиссии.

Попытки отстоять более демократический принцип формирования общественного управления, заявил Ф.И. Родичев (кадет), вряд ли могли быть успешны. Судьба законопроекта очевидно предрешена октябристским большинством Думы⁴⁵⁵.

Как уже говорилось, Комиссия по городским делам не согласилась с восстановлением контроля администрации за целесообразностью действий органов общественного управления. Ею была добавлена новая ст. 40, в соответствии с которой за губернатором оставалось право протеста только по постановлениям, принятым с нарушением законности. По поводу ст. 40, исключающей право контроля администрации за правильностью (целесообразностью) постановлений городских дум, слово взял представитель ведомства А.А. Евтифеев. Он доказывал, что Городовое положение 1892 г. должно быть перенесено на Городовое положение Царства Польского в «чистом виде» с теми лишь поправками, которые вызываются местными условиями⁴⁵⁶. В этом вопросе докладчик Комиссии Беннингсен решил проявить твердость. Он заявил, что вопрос о пределах власти администрации по надзору является «коренным» и надеется, что депутаты проявят в этом вопросе единодушие. При баллотировке предложение представителя ведомства было отклонено⁴⁵⁷.

Перед завершающим голосованием (3-е обсуждение) от фракции прогрессистов выступил Б.Н. Зузин. При рассмотрении законопроекта, сказал он, между законодательными палатами возникло коренное разногласие по основному вопросу о том, что мы намерены дать городам губерний Царства Польского – Городовое положение, действующее у нас с 1892 г. лишь с незначительными изменениями, как хотел Государственный совет, или совершенно особое Положение, не имеющее органической связи со старым, отжившим свой век законом, с тем, чтобы «новый закон при проведении его в жизнь в городах Царства Польского мог служить законной задачей к скорейшему слому нашего устарелого закона 1892 г.». Городская дума и Государственный совет придерживались разных взглядов. Но Государственная дума

⁴⁵⁵ Там же. Стб. 1290.

⁴⁵⁶ Там же. Стб. 2102–2103.

⁴⁵⁷ Там же. Стб. 2103.

не может отстаивать своего мнения и «тем самым поступает своим авторитетом, подрывая значение и смысл народного представительства». Под аплодисменты он заявил, что будет голосовать с теми, кто выскажется за отклонение законопроекта⁴⁵⁸. Такое же заявление сделал и представитель фракции народной свободы Щепкин⁴⁵⁹. При баллотировке законопроект был принят 145 голосами (против 45).

Для урегулирования разногласий между Государственной думой и Государственным советом была образована Особая согласительная комиссия (по 7 человек от Думы и от Государственного совета). Результаты работы Комиссии были доложены Думе 27 марта 1914 г. (докладчик Беннигсен). Согласованию подлежали три наиболее существенных пункта расхождений. По первому пункту о цензе для квартирантателей соглашение было достигнуто: по цензу в Варшаве, Лодзи, Люблине, Сосновицах... и в некоторых наиболее значительных городах было принято предложение Думы, что касается ценза в небольших городах, то члены Комиссии от Думы согласились повысить его с 96 руб. до 120 руб. По второму пункту о языке члены согласительной Комиссии к единому мнению так и не пришли. За допущение прений на польском языке в заседаниях городской думы проголосовало 7 членов Комиссии от Думы, против – 7 членов от Государственного совета. Не было достигнуто единомыслия по вопросу о надзоре. За предложение Государственного совета о сохранении контроля за целесообразностью постановлений городских дум высказалось 10 членов Комиссии, против – 2 члена от Государственной думы. Двос членов от Думы «присоединились» к мнению большинства «лишь в тех целях, чтобы дать возможность настоящему законопроекту увидеть жизнь»⁴⁶⁰.

Обсуждение доклада Беннигсена ограничилось несколькими выступлениями от польского коло (И.В. Свежинский), фракции националистов (С.Н. Алексеев) и правых (Г.Г. Замысловский). Свежинский: о «По пункту о контроле за целесообразностью постановлений мы вынуждены согласиться с мнением Государственного совета, чтобы не препятствовать прохождению законопроекта. Но отдавая себе отчет в том, насколько необходима реформа, мы, тем не менее, считаем пункт о языке в редакции Государственного совета «неприемлемым»»⁴⁶¹. Алексеев: «Во все времена, во всех государствах единственно объединяющим фактором, ... цементом, спаивающим государство, является государственный язык». Национальная фракция стояла и стоит на этой

⁴⁵⁸ Там же. Стб. 2104.

⁴⁵⁹ Там же. Стб. 2105.

⁴⁶⁰ Там же. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 298–299.

⁴⁶¹ Там же. Стб. 299–300.

точке зрения как в III, так и в IV Думах⁴⁶². Замысловский: «Согласиться на польский язык в городском самоуправлении Привислинеского края мы не можем. Ту часть проекта, которая касается польского языка, вся правая половина Думы признает неприемлемой»⁴⁶³. Представители левой части Думы в обсуждении не участвовали. На голосование были поставлены два вопроса, по которым в Комиссии не было достигнуто соглашения. По первому пункту о языке за допущение прений в заседаниях Думы на польском языке проголосовали: за – 173 депутата, против – 30, воздержались – 34. По второму пункту, за восстановление права контроля за целесообразностью постановлений, проголосовали: за – 149 депутатов, против – 59, воздержались – 40.

Результаты голосования по проекту в целом следующие: за принятие проекта проголосовал 151 депутат, против – 84, воздержались – 24 человека. Голосование было поименным, что позволяет выяснить позицию фракций⁴⁶⁴.

Проголосовали:

Депутаты	за	против	воздержались
Октябристы	73	—	1
Центристы	11	3	1
Правые	3	37	1
Националисты	11	22	9
Кадеты	22	1	7
Прогрессисты	22	—	1
Коло	9	—	—
Трудовики	—	6	1
Социал-демократы	—	12	—
Беспартийные	—	1	1
Не выяснено	—	2	2
	151	84	24

Отказ Государственной думы принять все требования Государственного совета фактически означал провал законопроекта. Между тем внешнеполитическая ситуация выдвинула польский вопрос в ка-

⁴⁶² Там же. Стб. 300–302.

⁴⁶³ Там же. Стб. 302–305.

⁴⁶⁴ Там же. Стб. 339–340.

честве одного из важнейших вопросов международной политики. Складывавшаяся вокруг Польши ситуация требовала от царского правительства незамедлительных действий для решения проблем, связанных с польским вопросом. В числе последних важное значение имело и обещанное полякам преобразование городского управления. Определенные шаги в этом направлении были предприняты в начале лета 1914 г. В рескрипте на имя председателя Совета министров И.Л. Горемыкина (5 июня 1914 г.) Николай II поручил ему вторично внести в Государственную думу проект Городового положения в Царстве Польском⁴⁶⁵. Начавшаяся мировая война загормозила быстрое продвижение этого вопроса. В феврале 1915 г. Министерство внутренних дел представило в Совет министров проект постановления «О распространении действия Городового положения 11 июня 1892 г. на города губерний Царства Польского». Законопроект из-за перерыва в заседаниях Государственной думы предполагалось провести по ст. 87 Основных государственных законов. 17 марта 1915 г. Положение о Городовом положении в Царстве Польском было утверждено царем⁴⁶⁶. Утвержденное Положение воспроизводило проект, принятый в 1913 г. Государственным советом, со следующими поправками: 1. Был уменьшен квартирный ценз в соответствии с решением согласительной комиссии. 2. Внесены некоторые изменения в статью об употреблении польского языка в ходе прений – вопрос, по которому не было достигнуто соглашения между Государственной думой и Государственным советом. Действия Варшавской городской думы должны были открыться 1 января 1916 г.⁴⁶⁷. Военные действия на территории Польши сделали эти планы нереальными.

Л.А. БУЛГАКОВА

Государственная дума и «великий закон» 25 июня 1912 года

Закон 25 июня 1912 г. о призрании нижних воинских чинов и их семейств называли великим, мудрым, справедливым, благодетельным, а думский законопроект даже признавали «единственным важным за-

⁴⁶⁵ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 396.

⁴⁶⁶ Там же. С. 397–398.

⁴⁶⁷ Высочайше утвержденное положение Совета министров о распространении действия Городового положения 11 июня 1892 г. на города и губернии Царства Польского // СЗ. 1915. 22 марта. № 91. Ст. 762.

конопроектом, возникшим по инициативе Думы»⁴⁶⁸. Суть закона заключалась в том, что были увеличены нормы пенсионного обеспечения утратившим трудоспособность в результате прохождения службы нижним воинским чинам, а также вдовам и круглым сиротам солдат, упрощен порядок получения пенсий и установлен единый источник пенсионного обеспечения – средства Государственного казначейства.

Не менее важно было то, что право на призрение получили семейства нижних чинов, призванных при мобилизации из запаса и ополчения, задержанных на действительной службе после окончания ее обязательного срока и поступивших добровольцами. Право на призрение означало право на получение казенного продовольственного пособия (пайка) деньгами из расчета на каждого «призреваемого» не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла⁴⁶⁹. Законом устанавливался двоякий подход к «призреваемым»: безусловное призрение (независимо от нуждаемости) для жен и детей и условное – для родителей и других ближайших родственников, состоявших на иждивении мобилизованных на военную службу.

Законопроект о призрении нижних воинских чинов и их семейств предусматривал выдачу пайков только нуждающимся. Однако при его обсуждении в III Государственной думе 32 депутата-крестьянина предложили распространить призрение на все семьи, независимо от их нуждаемости, мотивируя это затруднительностью отделения нуждающихся от не нуждающихся и неудовлетворительностью практического решения этого вопроса во время русско-японской войны. Поправке не придали большого значения. Обсуждение законопроекта происходило в порядке думской законодательной «вермишели» и длилось недолго. Внимание Думы было поглощено борьбой с Государственным советом по вопросу о пенсионном обеспечении нижних чинов и их семейств.

Первоначально по законопроекту между Думой и Государственным советом намечился целый ряд разногласий, но в результате рассмотрения в согласительной комиссии остался нерешенным только один вопрос. По редакции Думы предполагалось распространить новый закон на всех нижних чинов и их семейства, которые пострадали до его издания. Государственный совет высказался против этого под тем предлогом, что закон обратной силы не имеет.

Заключительное заседание Государственной думы, на котором рассматривался законопроект о призрении нижних воинских чинов и их семейств, состоялось 9 июня 1912 г. Заседание вел товарищ председа-

⁴⁶⁸ Дашкевич Л. К организации деревни // Русская мысль. 1915. № 10. С. 80 (пар. 2).

⁴⁶⁹ ПСЗ III. Т. XXXII. Отд. I. № 37507.

теля Думы князь В.М. Волконский. С докладом от согласительной комиссии выступил видный октябрист, в недавнем прошлом – председатель Думы А.И. Гучков. От лица пяти членов Государственной думы, входивших в состав этой комиссии, он предложил пойти на компромисс и распространить закон на всех нижних чинов, пострадавших с начала русско-японской войны и во время персидской экспедиции⁴⁷⁰.

В прениях по законопроекту кроме дворянина-землевладельца, кадета А.Ф. Бабянского (Пермская губ.) выступили крестьяне: трудовик А.Е. Кропотов (Вятская губ.), члены фракции умеренно-правых М.С. Андрейчук (Волынская губ.) и Д.П. Гулькин (Бессарабская губ.), представитель русского населения Закавказья, примкнувший к фракции правых, Ф.Ф. Тимошкин. Этот законопроект особенно волновал крестьян, потому что рядовой состав русской армии в массе был крестьянским.

В своем выступлении А.Е. Кропотов обрушился с резкой критикой на Государственный совет и согласительную комиссию. Вполне резонно он заметил, что при только что состоявшемся обсуждении в Думе законопроекта о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства (т.е. офицерам) и их семьям никто не возражал против распространения этого закона на офицеров, прослуживших десять лет⁴⁷¹. «Те, которые имеют имущество, которые получают хорошее жалование, для тех закон может иметь обратную силу, но на тех, которые отдали все: жизнь и имущество в пользу государства, на тех калек, которые ездят на колясках, на них нельзя распространять закона, чтобы они получали в данное время пенсию и грошовое пособие», возмущался Кропотов. Заявив, что у нас закон не только имеет обратную силу, но сплошь и рядом допускаются от него отступления, он упомянул о думцах из числа земских начальников, профессоров, советников губернских присутствий, непременных членов, не выслуживших пенсию, но получавших ее по назначению: «Эти господа имеют имущество, получают думское жалование и получают до срока пенсию, вот тут можно, а те гроши тому народу, взятые именно с этого же народа, их нельзя, по мнению Государственного совета, давать»⁴⁷².

Кропотов считал, что члены Думы в согласительной комиссии должны были отстаивать думский законопроект и ни на йоту не отсту-

⁴⁷⁰ В декабре 1911 г. при участии русских и английских войск была подавлена революция в Персии (Иране), начавшаяся еще в конце 1905 г.

⁴⁷¹ Закон о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям был утвержден за два дня до принятия «великого закона», 23 июня 1912 г. (ПСЗ III. Т. XXXII. Отд. I. № 37442).

⁴⁷² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. 4. Стб. 4219.

пать от него. Законопроект был выработан Думой именно для того, чтобы пострадавшие в русско-японскую войну нижние чины получали пенсию. Поскольку пенсия будет выплачиваться им не за прежние годы, а со времени введения закона в действие, утверждение об обратной силе закона «есть только обморочивание населения и неправда», с которой нужно бороться. Если Государственный совет провалит закон, «пусть народ знает, что он нужен, когда война, а когда война кончилась, с него только знают брать подати и налоги, а потом заставляют его именем Христовым куски собирать, и косвенные налоги тех же несчастных солдат вы заставляете платить на величие государства». Уступки Государственному совету Кропоттов расценивал как издевательство над народом⁴⁷³.

Взявший слово М.С. Андрейчук был настроен не столь категорично. Согласившись с критикой Государственного совета А.Е. Кропотковым, он поддержал предложение, высказанное А.И. Гучковым. Закон нужен не для будущих героев, «а для тех калек, которые теперь ползают по улицам и ярмаркам и подставляют руку». Несколько раз Андрейчуку приходилось бывать в Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя, где он заставлял искалеченных участников русско-японской войны. «Они чего добивались? Какой-нибудь милости, поддержки. Им говорят: а почему вы там-то не были? Им отвечают: были. – А почему не подали прошения? Да уже три года подали. – Так почему же тогда? Наконец, до злости доходит: дайте нам Государя увидеть, мы Ему пожалуемся. Но где же, до Государя не пустят. Вот этот самый народ, без ног и без рук, страдает и добивается, приехав за несколько тысяч верст, получить тут какую-нибудь милость, а вы лишаете этих самых героев какого-нибудь вспомоществования», – заключил свой бесхитростный рассказ украинский крестьянин. Его мнение о Государственном совете разделяли многие из сидящих в зале: «Государственный совет – нам ведомо уже достаточно – за бедный народ не стоит. Если дело касается до их братьев, до них самих, до их сыновей, то они принимают закон, но если касается бедного народа, они отрицаются, и постоянно законопроект идет насмарку»⁴⁷⁴.

Предложение думских членов согласительной комиссии поддержал и А.Ф. Бабянский, утверждавший, что без распространения закона на пострадавших в русско-японскую войну «закон будет иметь чисто теоретическое значение». «Наконец, наша обязанность – загладить то преступление, которое называется японской войной, и единственный способ это сделать – это дать всем жертвам, всем пострадавшим

⁴⁷³ Там же. Стб. 4220.

⁴⁷⁴ Там же. Стб. 4221.

в эту войну возможность прожить спокойно и иметь обеспеченную старость. Это обязанность Государственной думы, от которой она отступить не может и не должна», — с пафосом завершил свое выступление Бабянский⁴⁷⁵.

К нему присоединился Ф.Ф. Тимошкин, который, осудив действия Государственного совета и призвав «брать то, что в настоящее время возможно», особенно ратовал за обеспечение семейств участников последних персидских походов и изувеченных мучеников-солдат: «Там многим языки поотрезали, уши пообрезали, глаза выкололи, жгли на кострах»⁴⁷⁶. Предложение Тимошкина обеспечить тех, кто пострадал во время этих походов, вызвало рукоплескания справа. Возможно, тишину слева и в центре следует истолковать как скрытое неодобрение «империалистической политики» России, которая наряду с Англией вмешивалась в персидские дела и активно участвовала в «борьбе с анархией», т.е. в подавлении революции в Персии. Во всяком случае, жалкая участь израненных в боях русских солдат вызвала всеобщее сочувствие. Однако потери, понесенные русскими войсками в Персии, были совершенно несопоставимы с потерями в войне с Японией. Кроме того, начало русско-японской войны хронологически предшествовало началу революции в Персии и активизации там русского военного присутствия. Таким образом, в упоминании в законе «персидских походов» или «персидской экспедиции» не было необходимости.

Выступивший вслед за Ф.Ф. Тимошкиным Д.П. Гулькин рассказывал о печальной судьбе отставного солдата Спиридона Марьяничина, получившего огнестрельную и штыковую раны 12 января 1905 г. в боях под Сандепу⁴⁷⁷, отца троих детей, живущего Христовым именем и не имеющего ни кола, ни двора. Как и другие думские ораторы, Гулькин во всем винил Государственный совет, который не давал денег на народное образование и сэкономил на обеспечении пострадавших на войне солдат, но отпустил, например, 12000 руб. «народных денег» на погребение барона Нольде⁴⁷⁸. «Какого же нам геройства в будущем от нижних чинов ждать, кто же пойдет на войну, и не будут ли сдаваться,

⁴⁷⁵ Там же. Стб. 4222.

⁴⁷⁶ Там же. Стб. 4222–4223.

⁴⁷⁷ Во время русско-японской войны в сражении при селении Сандепу на юго-западе от Мукдена 12 – 15 января 1905 г. численно превосходящие русские войска (285 тыс. человек) под командованием генерала А.Н. Куропаткина потерпели поражение, потеряв убитыми и ранеными 12 тыс. человек, тогда как японские войска (200 тыс. человек) под командованием маршала И. Оямы потеряли около 9 тыс. человек.

⁴⁷⁸ Имелись в виду пышные похороны умершего в 1909 г. статс-секретаря, члена Государственного совета и управляющего делами Совета министров барона Э.Ю. Нольде.

как в Манчжурии, с оружием в руках?» – вопрошал Гулякин, призвав собравшихся «голосовать за предложение согласительной комиссии»⁴⁷⁹.

На этом гremium закончились, и слово вновь было предоставлено А.И. Гучкову, который подчеркнул, что закон, инициированный Государственной думой, «явится, действительно, громадным и серьезным улучшением в деле обеспечения нижних чинов, пострадавших на войне и во время службы, а также их семей» и желательно, «чтобы ныне же были применены благодеяния этого закона к тем массам лиц, которые пострадали особенно в русско-японскую войну. В самом деле, именно по отношению к этой категории лиц существует у нас чувство какого-то неуслезленного долга, какой-то общей нашей национальной вины, и в отношении к ним наш шаг будет актом справедливым и актом мудрым. Могло бы быть одно возражение против этой меры. Это те крупные расходы, которыми она будет сопровождаться. Но мы недавно еще слышали от авторитетного руководителя финансового ведомства (В.Н. Ксеновцова – Л.Б.), что наше финансовое положение совершенно исключительно блестяще, что о каких-либо сомнениях в том, по силам ли нам такие небольшие расходы в несколько миллионов, вопроса быть не может. Следовательно, с этой стороны мы можем быть совершенно спокойны». К тому же, как опрометчиво заметил Гучков, «войны бывае т, слава Богу, редко». Он предостерег против нагромождения поправок, что сделало бы дальнейшую судьбу законопроекта рискованной. Отрешения этого вопроса зависело положение большой и почтенной группы заслуженных людей и их семей. Вопрос был слишком серьезен, чтобы использовать его для агитации»⁴⁸⁰. На этот раз оратору рукоплескали в центре и на отдельных скамьях справа и слева.

Итак, все выступавшие единодушно осудили позицию Государственного совета и все, за исключением одного депутата, поддержали предложение думских членов согласительной комиссии. Высказанные в Думе аргументы в пользу такого решения вопроса можно свести к следующему. Во-первых, нижние чины будут получать пенсию не за прошлые годы, а с того времени, когда закон войдет в действие. Во-вторых, при обсуждении законопроекта о пенсиях и одновременных пособиях офицерам и их семьям возражений по поводу «обратной силы закона» не возникало, и тем самым был создан прецедент для решения аналогичного вопроса о рядовом составе. В-третьих, закон предназначался, прежде всего, для тех, кто уже пострадал на войне и остро нуждался в средствах к существованию.

⁴⁷⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. 4. Стб. 4223–4224.

⁴⁸⁰ Там же. Стб. 4224–4225.

В результате голосования Думой было принято решение о распространении действия закона на всех нижних воинских чинов, пострадавших с начала русско-японской войны, и их семейства. Это было последнее заседание III Государственной думы, затем последовало оглашение высочайшего указа о перерыве в работе Думы до указа о назначении выборов в Государственную думу и времени ее созыва в новом составе. Прогремело несмолкаемое «ура!», раздались бурные и продолжительные рукоплескания. В Екатерининском зале Таврического дворца было отслужено благодарственное молебствие. На этом III Государственная дума прекратила свое существование.

В соответствии с законом о признании нижних воинских чинов и их семейств, 25 июня 1912 г. утвержденным Николаем II, устанавливалось пять разрядов пенсий в зависимости от степени утраты трудоспособности. По 1 разряду полагалось 216 руб. в год (при полной утрате трудоспособности, соединенной с необходимостью в постоянном постороннем уходе), а по 5 разряду – 30 руб. (при слабом понижении работоспособности). Что касается пенсий вдовам и круглым сиротам нижних воинских чинов, то максимальная пенсия 84 руб. устанавливалась вдовам «нижних воинских чинов высших званий» (унтер-офицеров и прослуживших не менее 5 лет на сверхсрочной службе), а минимальная – 48 руб. Пенсия круглым сиротам до 17 лет составляла: одному – половину оклада матери (от 24 до 42 руб. в год), двум – $\frac{3}{4}$, трем и более – в размере полного оклада⁴⁸¹. Можно представить, каково было положение изувеченных на войне солдат, их вдов и сирот прежде, если этот закон воспринимался как благодеяние и громадное улучшение.

При обсуждении законопроекта думали о настоящем, а не о будущем, и по вопросу о пайках семьям призванных по мобилизации никаких серьезных возражений практически не возникало. Никто не предполагал, какими непомерными расходами для государства обернется новый закон. Признанием законом 25 июня 1912 г. обязанностей государства перед защитниками Отечества и их семьями расценивалось в общественных кругах как признак правового прогресса. Кто мог тогда предвидеть, что этим законом была заложена мина замедленного действия, разорвавшаяся в 1917 году?

Когда началась Первая мировая война, пришло время применить «великий закон» к семьям мобилизованных на военную службу солдат. Созванная на один день в связи с началом войны IV Государственная дума продемонстрировала на своем экстренном заседании 26 июля патристическое воодушевление и единодушие, какого еще не видели сте-

⁴⁸¹ ПСЗ III. Т. XXXII. Отд. I. № 37507.

ны Таврического дворца. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко в своей речи, ежеминутно прерываемой бурными рукоплесканиями и возгласами «браво» и «ура», заявил: «Мы, остающиеся дома, приемлем долг работать, не покладая рук, в деле обеспечения оставшихся без своих кормильцев семей и пусть там, в армии нашей, знают, что не на словах только, но и на деле мы не допустим их до острой нужды». По предложению октябриста С.И. Шидловского (Воронежская губ.) была принята следующая формула перехода к очередным делам: «Государственная дума выражает пожелание, чтобы в дополнение к предусмотренным законом 25 июня 1912 г. мерам были привлечены к призрению семей воинов земские и городские учреждения и общественные силы, в тесном единении с административными органами»⁴⁸².

Наладить призрение миллионов солдатских семей на огромных пространствах Империи оказалось сложным делом. Надо было провести их обследование, составить списки «призываемых», оформить раздаточные ведомости и т.д. Сил местной администрации, самоуправления и их добровольных помощников не хватало, что неизбежно приводило к упущениям и задержкам пайковых выплат.

Все же в результате действий государства и общественности солдатские семьи оказались в лучшем положении, чем многие их соотечественники, терпящие нужду и лишения. Многие солдатские семьи «стали получать несравненно больше, чем зарабатывали призванные на военную службу их кормильцы, стали жить так, как никогда не жили раньше»⁴⁸³. У крестьянок обнаружилась тяга к мотовству и шегольству, они стали обзаводиться зонтиками, калошами, одеколоном и другими «предметами роскоши». Метаморфозы, произошедшие в жизни солдаток, вызывали всеобщее изумление. Как сказал депутат IV Государственной думы П.В. Новицкий (Херсонская губ.), проявляя понимание и воздерживаясь от упреков в расточительности, «нельзя простому человеку, имеющему много денег на руках, уберечься от соблазнов, когда, может быть, он всю жизнь мечтал об этой паре калош»⁴⁸⁴.

На самом деле ежемесячный паек в несколько рублей или даже в несколько десятков рублей на семью был всего лишь своего рода гарантированным государством прожиточным минимумом, но для бедноты паек был большим подспорьем. В первые же месяцы войны печатать не без удивления отмечала повышение покупательной способно-

⁴⁸² Историческая сессия законодательных палат // Речь. 1914. 27 июля.

⁴⁸³ Ануфриев К.И. Ближайшие задачи государства в области призрения в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 6–7. С. 389.

⁴⁸⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. 1. Стб. 1593.

сти населения, его возросший, «как по мановению волшебного жезла», достаток и появившиеся «признаки явного благополучия», что объяснялось «освобождением от дани кабаку» (введением «сухого закона») и пайковыми выдачами женам, детям и родителям солдат.

Общие поступления вкладов в сберегательные кассы за 1914 г. увеличились по сравнению с предыдущим годом в 6,5 раз – с 13 до 84 млн руб. Прилив вкладов в декабре 1914 г. в 41 раз превысил их поступление за декабрь 1913 г., а за первую неделю 1915 г. вклады увеличились по сравнению с тем же временем 1914 г. в 51 раз. Эти цифры заместитель председателя Петроградской городской думы, ученый и публицист В.Д. Кузьмин-Караваев назвал «фесерическими», а поступившие сбережения – «народными», так как «капиталисты денег в сберегательные кассы не помещают»⁴⁸⁵.

На фоне беспросветной нужды массы населения, не имевшего никаких прав на призрение, неразборчивое попечение о солдатских семьях казалось вопиющей несправедливостью. Первый порыв воодушевления и готовность прийти на помощь семьям, оставшимся без ушедших на войну кормильцев, сменились глухим недовольством и раздражением по отношению к тем, кто «незаслуженно» пользовался своим правом на пайки. Хотя их право на государственное обеспечение не оспаривалось, в либеральной печати раздавались голоса о создании «какого-то привилегированного класса пансионеров общественного призрения», привыкающих жить на чужой счет⁴⁸⁶. В стране, где нищенство было повседневным и повсеместным явлением, право на обязательное призрение, пусть даже в таком куцем и урезанном виде, воспринималось как привилегия.

Расходы на пайки возрастали с увеличением численности армии и ростом цен на продовольствие – прежде всего на муку и крупу, входившие в состав пайка. В марте общая сумма расходов на пайки с начала войны достигла 1 миллиарда 35 млн руб. Столь значительные затраты не останавливали Государственную думу, выступившую с инициативой расширения круга лиц, получавших паек, за счет свойственников 1-й и 2-й степени (отчима, мачехи, пасынков, падчериц, тещи, снохи, сводных братьев и сестер солдата), боковых родственников 3-й степени (дяди, тети, племянников и племянниц), а также не усыновленных приемных детей, внебрачных жен и детей нижних чинов, если они содержались трудом призванных на военную службу.

⁴⁸⁵ Кузьмин-Караваев В.Д. Фесерические цифры // Биржевые ведомости. 1915. 10 января.

⁴⁸⁶ Ануфриев К.И. Ближайшие задачи государства в области призрения в связи с войной. С. 390.

Решение Думы было принято на основании законодательного предположения 34 депутатов, рассмотренного в думской комиссии по военным и морским делам под председательством А.И. Шингарева, и обосновывалось патриархальным характером больших крестьянских семей, лишившихся кормильцев во время войны. Учитывая благожелательное отношение попечительств к солдатским семьям и небрежные интересами казны, чуть ли не вся солдатская родня могла бы оказаться на казенном содержании.

На заседании Думы 15 февраля 1916 г. высказывались предложения о распространении права на паек на все семьи солдат. Особенно остро стоял вопрос о признании гражданских жен и «без вины виноватых» внебрачных детей солдат. В Петрограде, например, гражданские семьи составляли десятую часть солдатских семейств. Многие из таких семей практически ничем не отличались от тех, чьи браки были освящены церковью, — долгие годы невенчаные супруги жили вместе, вели общее хозяйство, растили детей. В дни призыва окружные суды, в которых можно было узаконить или усыновить детей, были перегружены работой, но не успевали рассмотреть все дела в краткий срок, отведенный призывникам для явки в армию.

Вопрос о помощи внебрачным семьям солдат еще осенью 1914 г. обсуждался в правительстве и возглавлявшемся императрицей Александрой Федоровной Верховном совете по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В результате было решено, «что издание закона, в силу которого внебрачные семьи получали бы от казны пособия на одинаковых основаниях с семьями законными, не способствовало бы упрочению устоев законной семьи и, несомненно, умаляло бы значение святости брачного союза в народном сознании»⁴⁸⁷.

Кроме того, было сочтено невозможным в отсутствие нижнего чина установить факт внебрачных семейных отношений на основании одностороннего заявления матери внебрачных детей. Вместе с тем, как подчеркнул выступивший на заседании Думы товарищ министра финансов В.В. Кузьминский, было признано, «что внебрачным детям помощь может и должна оказываться в благотворительном порядке из сумм Верховного совета»⁴⁸⁸. Помимо этого на пособия внебрачным солдатским детям выделялись средства из местного бюджета и пожертвований.

⁴⁸⁷ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. № 3. С. 18.

⁴⁸⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. 1. Стб. 1616–1617.

Важным препятствием для расширения круга получателей пайка являлись требующиеся для этого расходы. В своем выступлении в Думе товарищ министра внутренних дел Н.В. Плеве сказал: «Устанавливать теперь новое расширение категорий лиц, пользующихся поддержкой правительства, значило бы предрешить новые огромные расходы, причем эти расходы совершенно не поддаются учету; следует думать, однако, что это будет не десятки, а сотни дополнительных миллионов. Поэтому Министерство внутренних дел полагает, что было бы правильное пока этот вопрос в настоящем законопроекте не затрагивать, а подвергнуть его сначала детальному обсуждению, подсчитав во что обойдется эта мера казне»⁴⁸⁹. Таким образом, Плеве, как и Кузьминский, стремился убедить думцев отказаться от расширения круга «призреваемых», предлагая сначала подсчитать расходы, которые, по его же словам, «совершенно не поддаются учету».

Депутаты Государственной думы настаивали на том, чтобы все солдатские дети, «независимо от способа их происхождения», и все члены семейств солдат, находившиеся на их иждивении, получали пособие от казны. Большинство членов Думы работали в общественных организациях, ведавших на местах дело призрения, и не понаслышке были знакомы с положением солдатских семей. Для депутатов вопрос был ясен: необходимо спешно исправить недостатки действующего законодательства. По всем трем мотивам отказа, высказанным представителями правительства, – моральному, бытовому и финансовому, думские ораторы выдвинули свои возражения.

По мнению депутатов, с точки зрения морали рассматривавшийся законопроект не подрывал святости брачных устоев, так как являлся необходимой и временной мерой, как временна и война. Поздно воспитывать, надо помогать всем солдатским семьям, – считали думцы. – Теперь не время чрезмерно проводить различие между брачными и внебрачными детьми, отцы которых одинаково сражаются на фронте. Душевное состояние и боевой дух защитников Отечества напрямую зависят от того, как живет их семья в тылу. Нечего опасаться вредного влияния будущего закона на нравственность, «ибо того, что уже свершилось, не переделаешь»⁴⁹⁰. Эти мысли звучали в разных выступлениях.

Что касается сомнений в практическом применении закона и установлении бесспорности прав внебрачных детей в административном порядке по одному только заявлению матери, то они не представлялись депутатам неразрешимыми. Соответствующие справки можно

⁴⁸⁹ Там же. Стб. 1614.

⁴⁹⁰ Там же. Стб. 1623 и др.

было без особого труда навести в войсковых частях, на что потребовалось бы две-три, максимум пять-шесть недель. В Думу уже поступали многочисленные письма с фронта, в которых солдаты подтверждали свое отцовство и просили выдать пайки их внебрачным и приемным детям. Не беда, если найдется 1-2 % женщин, которые скажут неправду. Не надо этого бояться, а идти навстречу жизни, которая властно требует поддержки обездоленным детям, — так рассуждали депутаты.

Некоторые расхождения среди членов Государственной думы возникли в оценках существующей ситуации с организацией благотворительной помощи не вошедшим в закон членам солдатских семей. Были высказаны три разных точки зрения. По заверению представителя немногочисленной группы независимых А.П. Мельгунова (Киевская губ.), в силу неясности и неполноты закона целая категория членов семейств призванных на войну осталась без пособия и обречена на полную нужду. В противовес утверждению В.В. Кузьминского он заявил: «Указание представителя правительства на то, что Верховный совет принимает меры к обеспечению этой категории лиц, не точно. Я совершенно определенно, на основании фактов, вам говорю, что лица эти были брошены в большинстве мест на произвол судьбы, и вы отлично понимаете, что такое положение безусловно отразилось тяжелым образом как на настроении масс в тылу, так и на настроении наших бойцов на фронте»⁴⁹¹.

Из «пропущенных в законе категории лиц» первоочередное внимание по мере возможности уделялось детям. Член фракции правых П.В. Новицкий (Херсонская губ.) признал, что Верховный совет помогает внебрачным и неусыновленным детям солдат «широкой рукой»⁴⁹². Центрист П.В. Синадино (Бессарабская губ.) отозвался о помощи внебрачным солдатским детям следующим образом: «Я довольно близко стоял к этому делу, как во время японской войны, так и в начале этой войны, и могу засвидетельствовать перед Государственной думой, что большинство или поголовно все эти дети сегодня содержатся за счет благотворительных местных сумм»⁴⁹³.

Расхождения в оценках этих весьма компетентных в деле помощи солдатским семьям депутатов были вызваны неравномерностью развития благотворительности в разных местностях, которая во многом зависела от притока пожертвований, активности общественности, состояния местного бюджета, а также от концентрации нуждающихся. Как бы то ни было, все выступившие в Думе депутаты сходились на

⁴⁹¹ Там же. Стб. 1618–1619.

⁴⁹² Там же. Стб. 1620.

⁴⁹³ Там же. Стб. 1621.

том, что в законодательстве, как и в организации помощи солдатским семьям, существуют большие пробелы, и эта помощь должна предоставляться не на зыбких благотворительных пачалах, а за государствен- ный счет.

Один за другим депутаты выражали свое удивление и недоволь- ство позицией правительства, которое действовало под лозунгом «все для войны» и в то же время препятствовало проведению в жизнь зако- нодательного предложения, соответствовавшего этому лозунгу. Как сказал П.В. Синадино, «если мы на внебрачных детей израсходуем два или три миллиона, от этого Россия не погибнет, но, во всяком случае, водворится спокойствие и именно спокойствие у тех людей, которые жертвуют своим наибольшим состоянием, – своею жизнью»⁴⁹⁴.

Ораторы призывали не считаться с новыми расходами на помощь солдатским семьям, ибо эти меры необходимы. По мнению П.В. Но- вицкого, которое разделяли другие депутаты, в деле помощи внебрач- ным солдатским семьям «никакие денежные расходы не могут слу- жить препятствием»⁴⁹⁵. С особенной настойчивостью проводилась мысль о помощи внебрачным детям из государственных средств. Член группы независимых, представитель казачьего населения Терской об- ласти М.А. Караулов прямо заявил, что спорить тут не из-за чего, по- тому что средства эти – «не средства правительства, а средства самого народа, и они находятся только в ведении правительства, в его заведы- вании»⁴⁹⁶.

Не обошлось и без традиционных упреков в адрес министерств. А.П. Мельгунов отметил, что представители министерств ссылаются на финансовые затруднения, но оклады семьям призванных в армию служащих этих ведомств сохраняются, а жалованье воинским чинам полиции недавно было увеличено на 50%. На это у правительства день- ги находятся. Надо проявить заботу о той части населения, которая имеет заступников только в лице депутатов Думы. «Это наша прямая, святая обязанность», – сказал Мельгунов⁴⁹⁷.

Подводя итоги обсуждения, докладчик комиссии по военным и морским делам, член Русской национальной фракции князь К.М. Ша- ховской (Пермская губ.) признал, что государственный бюджет отяго- щен военными расходами, но «в такой громадной сумме, которая тра- тится на нужды войны, эти несчастные суммы будут мелкими кроха- ми. А если бы это были и крупные крохи, – можно ли перед этим нам

⁴⁹⁴ Там же. Стб. 1622 и др.

⁴⁹⁵ Там же. Стб. 1621.

⁴⁹⁶ Там же. Стб. 1618.

⁴⁹⁷ Там же. Стб. 1619.

останавливаться? Я бы сказал – нельзя. Но, соглашаясь с мнением ведомства, что экономия необходима, я полагаю, что Государственная дума в рассмотрении иных законопроектов, иных правил и иных расходов по войне найдет место, где можно будет сэкономить не эти крохи»⁴⁹⁸. В сравнении с общей суммой военных расходов, которая составляла приблизительно 30 млн руб. в день, расходы на призрение новых категорий членов солдатских семей казались депутатам «мелкими крохами». Радетели о благе солдатских семей не предвидели, в какие суммы вскоре превратятся эти «крохи».

Несомненно, солдатские семьи нуждались в поддержке. С точки зрения социальной справедливости депутаты были правы. Однако никакими пайками, пособиями и привилегиями предотвратить расслоение населения и дальнейшее обнищание народа в условиях продолжавшейся мировой войны было нельзя. Война обострила социальные противоречия до предела и стала катализатором революции. На пайках благосостояние народа не построишь, и возможности казны были не безграничны. По-видимому, ответ на этот вопрос надо было искать в другой плоскости. По крайней мере, путем беспрерывного расширения категорий «призываемых» и увеличения размера пайка проблему было не решить. Это был путь в никуда, что со всей очевидностью обнаружилось в 1917 году.

Обсуждая законопроекты по вопросам призрения семей нижних воинских чинов, депутаты Думы не упускали случая вновь и вновь поднять вопрос о создании мелкой земской единицы в виде волостного земства, а также о введении земских учреждений в неземской России. Так, на заседании 15 февраля 1916 г. один из лидеров кадетской партии А.И. Шингарев утверждал: «Без волостного земства, без мелкой земской единицы никакими попечительствами правильно поставить дело призрения и помощи семьям нижних чинов нельзя. Это есть вопиющая государственная нужда, которая должна быть обслужена организацией мелкой волости, земства мелкого, которое близко к населению, тогда все заботы будут планомерны и будет уничтожен тот ненормальный порядок, когда заваленный административными делами писарь, ведущий сотню дел, не может справиться с этим делом»⁴⁹⁹.

По предложению трудовика А.И. Русанова (Приморская обл.) Думой была принята формула перехода к очередным делам, в которой говорилось о «недостаточности организации в постановке раздачи пайковых денег семьям запасных и ратников в местностях, где нет земских учреждений, следствием чего является хроническая задержка

⁴⁹⁸ Там же. Стб. 1623–1624.

⁴⁹⁹ Там же. Стб. 1601.

выдачи пайков целыми месяцами», и выражено пожелание, чтобы Министерством внутренних дел «были приняты все меры к урегулированию раздачи пайков в местностях, где нет земских учреждений»⁵⁰⁰.

Так называемые формулы перехода Думы к очередным делам обычно облекались в смягченную, дипломатичную форму «пожеланий». В своем выступлении Русанов выразился гораздо жестче. Обращая внимание думцев на неудовлетворительную постановку дела с пайками в местностях, где не было земства, в особенности в Сибири и Приамурье, он заявил: «Я пришел к заключению, что там постановка раздачи чрезвычайно плоха, и без особых экстренных мер со стороны Министерства внутренних дел вряд ли это дело будет урегулировано в достаточной степени»⁵⁰¹.

Представитель неземской Архангельской губернии, кадет П.А. Леванов также выражал обеспокоенность тем, как «чиновники по крестьянским делам» вершат дела, отказывая в пособии солдатским сиротам-малолеткам, вынужденным просить милостыню⁵⁰². Поскольку ожидать от МВД каких-либо чудодейственных «экстренных мер» по наведению порядка в раздаче пайков не приходилось, критические выступления думцев воспринимались как дополнительный аргумент в пользу повсеместного введения земских учреждений в Империи.

Дума полагала, что наилучшим образом дело призрения солдатских семейств может осуществляться силами местного самоуправления с широким привлечением общественности, но в виду ограниченных возможностей местного бюджета стремилась переложить новые расходы на казну. Эта тенденция проявилась в другой формуле перехода к очередным делам, принятой по предложению члена фракции земцев-октябристов М.И. Арефьева (Таврическая губ.). В ней Дума выразила пожелание, чтобы все канцелярские, разъездные и прочие побочные расходы по призрению семейств призванных были возмещены земским, городским, гминным и станичным учреждениям из средств государственного казначейства⁵⁰³. Таковая мера была вполне оправданной и не особенно разорительной для казны по сравнению с расходом на предложенные Думой новые категории «призреваемых».

Резкое увеличение расходов на пайки не смущало Думу. Проявляя великодушие, депутаты не заботились о том, из каких средств будет оплачиваться их щедрость. Вероятно, казна представлялась им неиссякаемым источником для благодеяний. В следующем году от этой иллюзии не осталось и следа. В вопросах помощи солдатским семьям

⁵⁰⁰ Там же. Стб. 1628.

⁵⁰¹ Там же. Стб. 1597.

⁵⁰² Там же. Стб. 1596.

⁵⁰³ Там же. Стб. 1629.

депутаты исходили из самых лучших побуждений и проявляли редкостное единодушие. Выступления ораторов сопровождались возгласами одобрения и рукоплесканиями справа, слева, в центре.

От современных «пиарщиков», популистов и политтехнологов всех мастей депутатов *той* Думы отличала искренность. Их неискушенность, наивность и недальновидность становятся вполне понятными, если вспомнить, в каких условиях пробивались ростки российской демократии. Они мнили себя заступниками народа и нередко таковыми являлись. Если не мы, то кто же вступится за солдат и их семьи, — эта мысль сквозила в речах думских ораторов, и вряд ли следует рассматривать их заступничество как простую демагогическую уловку, нехитрый прием в обострившейся политической борьбе. Порой сбивчиво и косноязычно, порой цветисто и велеречиво они отстаивали в Думе интересы «народа» и видели «врага» в правительстве и Государственном совете, препятствовавших осуществлению их прекраснодушных замыслов. Именно в адрес правительства и Госсовета направлялись стрелы ораторов, когда речь заходила об усилении помощи солдатским семьям.

Между тем выступившие в Думе представители правительства, так же, как и депутаты, считали своей святой обязанностью помощь семьям воинов и не только на словах признавали необходимость беспрецедентных в истории России мер социальной защиты этих семей. Однако по долгу службы они проявляли вполне понятную осмотрительность и защищали казенный интерес. От безоговорочного принятия думских инициатив их удерживала здравая мысль о том, во что эти инициативы обойдутся государству. Избегая категоричных выражений, они указывали на альтернативные источники пособий и уклончиво отвечали: сначала надо обсудить, прояснить, подсчитать...

Как и следовало ожидать, инициатива Думы о расширении круга лиц, имеющих право на получение пайка, не нашла поддержки в Государственном совете. Закон 3 июля 1916 г. об изменении и дополнении постановлений о призрении нижних чинов и их семейств внес лишь некоторые поправки и уточнения в действующее законодательство⁵⁰⁴. Свойственники, «боковые родственники» и внебрачные семьи солдат по-прежнему время от времени получали лишь благотворительную помощь. Тем не менее вопрос об их праве на паек не был окончательно снят с повестки дня.

В 1917 г., когда в результате Февральской революции многие члены Думы оказались у руля государственного управления, у них появилась возможность претворить в жизнь все те реформы, которых они

⁵⁰⁴ СУ. 1916. 16 июля. № 194. Ст. 1644.

годами безуспешно добивались от царского правительства. Однако теперь они могли убедиться, что одного желания для этого мало. С вершины власти перспективы преобразований выглядели иначе, чем у ее подножия.

Тем временем от пожеланий и просьб «массы» перешли к требованиям и угрозам. В связи с растущей дороговизной в первую очередь выдвигалось требование незамедлительного увеличения размера пайка. Местные военные и гражданские власти, сообщая об этих требованиях, со своей стороны признавали их справедливыми. Сомнений ни у кого не возникало — положение многих солдатских семей действительно было отчаянным.

Грозным предостережением Временному правительству стало состоявшееся в воскресенье 9 апреля 1917 г. грандиозное шествие солдат к Таврическому дворцу. В образцовом порядке под звуки оркестра более ста тысяч солдаток со знаменами и транспарантами прошли по улицам Петрограда, требуя увеличения пайка, демократической республики, созыва Учредительного собрания, земли и воли, равноправия женщин.

Значительную часть солдаток в Петрограде составляли приезжие: по данным на 1916 г. таковых было свыше 11%⁵⁰⁵. В столицу их привлекали более высокие размеры пайка и хорошо налаженная благотворительная помощь, но еще важнее была возможность найти здесь заработок. Молодые солдатки без особого труда устраивались на фабрики и заводы, в торгово-промышленные заведения и мастерские или поступали в услужение, оставляя детей в деревнях. Находили работу и родители солдат. Те из них, кому было отказано в пайке на родине, приезжали в надежде исхлопотать его в столице. Наплыв и скопление солдаток в Петрограде прежде также создавали серьезные проблемы для городских властей и приводили к конфликтным ситуациям⁵⁰⁶, но теперь впервые солдатки продемонстрировали свою силу, сплоченность и включились в политическую борьбу.

Обстановка накалялась, тревожные сообщения поступали с разных концов страны, задержки с выплатой пайков приводили к волнениям⁵⁰⁷. Особенно опасным было недовольство армии. Одна за дру-

⁵⁰⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 350. Л. 58.

⁵⁰⁶ См. об этом: Булгакова Л.А. Законодательный тупик как следствие конфликта публичных и частных интересов (Замысел разгрузки Петрограда от приезжих солдатских семей в 1916 году) // Публичное, корпоративное, личное право: Проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности. СПб., 2005. Ч. II. С. 289 — 294.

⁵⁰⁷ См.: Булгакова Л.А. Положение солдатских семей в 1917 году (По материалам правительственной корреспонденции) // Новейшая история Отечества XX–XXI века. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 70–88.

гой фронтовые организации выражали озабоченность критическим материальным положением солдатских семейств и требовали от Временного правительства срочно принять меры к его улучшению. Например, полковой комитет 470-го пехотного Данковского полка не ограничился просьбой об увеличении пайка солдаткам и в своем обращении к Временному правительству 4 июня предложил «конфисковать во всех монастырях наличные капиталы, а равно и все драгоценности и золото, заменив драгоценную утварь обыкновенной, и обратить все это на нужды народа и армии»⁵⁰⁸.

Под напором требований «снизу» Временное правительство пошло на некоторые уступки. 22 июня 1917 г. было принято постановление о распространении правил о призрении семейств солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер призванных солдат, а также на их приемных детей⁵⁰⁹. Регулярно увеличивались размеры пайковых выплат, но еще быстрее дорожали продукты и обесценивались рубль. Резкое повышение цен и падение покупательной способности рубля приводили к предъявлению новых требований к властям. Росли цены, росли и аппетиты «призреваемых». Звучали требования увеличить, так сказать, «ассортимент» пайкового довольствия, ввести в него мясо, сливочное масло, яйца, картофель, овощи, чай, сахар, детям выдавать молоко и т.д.

Самоуправление превращалось в самоуправство, которое сводилось к предъявлению новых невыполнимых требований к правительству и разбойничьим инициативам типа: «отобрать и поделить». Чаше стали выдвигаться требования прекращения войны. Так, например, 14 августа на митинге солдаток Матвеевской волости Кашинского уезда Тверской губернии было принято постановление об увеличении пайков до 15 руб., чтобы «сравнять» их с пайками, выдававшимися в Петрограде, где размер пайков, которые исчислялись строго по стоимости входивших в них продуктов, был выше из-за дороговизны столичной жизни. Временному правительству и Петроградскому Совету солдатских и рабочих депутатов разгневанные солдатки направили своего рода ультиматум, в котором пригрозили: «В будущее время, если пособие будет прислано по-старому или будет сообщение, что пособие и наше постановление останутся без удовлетворения, будем требовать и просить мужей “долой войну”»⁵¹⁰.

Расходы на пайки солдатским семьям составляли основную часть расходов Министерства внутренних дел и вообще гражданских ве-

⁵⁰⁸ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 592. Л. 66.

⁵⁰⁹ СУ. 1917. 4 августа. № 182. Ст. 1019.

⁵¹⁰ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 592. ЛЛ. 69–71.

домств. В начале войны в среднем паек составлял 2–3 руб. в месяц, а в 1917 г. – 10–15 руб. Если в феврале 1916 г., когда Дума пыталась провести законодательное предположение о расширении категорий «призреваемых», насчитывалось около 20 млн получателей пайка, то в сентябре 1917 г. их число превысило 37 млн человек, расход на выплату пайков достиг 323 млн руб. в месяц и продолжал стремительно расти. За всю войну на них уже было истрачено 3 млрд 265 млн руб. По подсчетам, произведенным в Управлении по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел в сентябре 1917 г., на продолжение выплаты пайков необходимы были средства, превышавшие 430 млн руб. в месяц, т.е. свыше 5 млрд руб. в год⁵¹¹.

Экономическая разруха и банкротство власти делали судорожные попытки министров, чиновников, разного рода делегатов и депутатов согласовать в преддверии надвигающейся национальной катастрофы требования социальной справедливости с финансовыми возможностями государства совершенно бессмысленными. Великий закон создал великие проблемы.

Советская власть подошла к вопросу обеспечения солдатских семейств наипростейшим образом. Совет народных комиссаров 18 ноября 1917 г. предложил решать вопрос о пайках «революционным путем, конфискуя средства у богачей». В обращении, подписанном председателем СНК В.И. Лениным, говорилось: «Вполне сочувствуя такому решению, Совет народных комиссаров еще раз напоминает, что только революционная самостоятельность и революционный лозин местных Советов в борьбе против злоупотреблений и корысти буржуазии способны решить наболевший вопрос»⁵¹². В условиях всеобщего хаоса, крушения государственности и распада благотворительных организаций солдатские семьи могли рассчитывать только на себя.

⁵¹¹ Там же. Д. 529. ЛЛ. 10–20. Подробнее см.: Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001. С. 429–493.

⁵¹² СУ. 1917. 8 декабря. № 3. Ст. 39.

**Визит Николая II в Государственную думу и общественное
мнение (февраль 1916 года)**

9 февраля 1916 года Николай II сделал запись в своем дневнике: «Оригинальный и удачный день!»⁵¹³.

В этот день император посетил Государственную думу. Царь явился в Таврический дворец в сопровождении великого князя Михаила Александровича и министра императорского двора графа В.Б. Фредерикса. Это было первое и единственное посещение Думы царем.

В Таврическом дворце присутствовали оповещенные заранее представители союзных держав, члены Государственного совета, сенаторы. Места для публики на хорах были переполнены: «весь Петроград» ожидал необычайного политического спектакля.

Император под несмолкаемые крики «ура» прошел в Екатерининский зал и приложился к кресту. Началось молебствие по случаю взятия русскими войсками Эрзерума, которое состоялось в Николаевском зале. К церковному хору, певшему «Спаси, Господи, люди Твоя», присоединились голоса депутатов, пела даже публика на хорах. Во время провозглашения «Вечной памяти всем на поле брани живот свой положившим» царь встал на колени, за ним опустилась вся Дума.

Затем император переговорил с присутствующими послами, а после этого обратился с речью к депутатам. Выступление Николая II также было встречено криками «ура».

После этого император прошел в зал заседаний, что вызвало новую волну восторженных возгласов. Царь интересовался организацией работы Думы, расписался в «золотой книге». Поговорив с чинами канцелярии, Николай II покинул Думу и отправился в Государственный совет. Публика, толпившаяся перед Таврическим дворцом, провожала его криками «ура». Великий князь Михаил Александрович оставался в Думе до конца заседаний⁵¹⁴.

Момент для посещения Думы царем был выбран неслучайно. Различные политические силы были заинтересованы в такой акции именно в это время.

Новый председатель Совета министров Б.В. Штюрмер, не пользовавшийся особой популярностью в обществе, полагал, что визит царя будет способствовать улучшению его отношений с Думой. Царь, оче-

⁵¹³ Дневники императора Николая II / Ред. К.Ф. Шацлло. М., 1991. С. 572.

⁵¹⁴ Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 155–157.

видно, также предполагал поддержать главу правительства, который должен был выступить перед Думой с декларацией.

С другой стороны, председатель Государственной думы М.В. Родзянко был обеспокоен слухами о роспуске Думы. В своих воспоминаниях он утверждал, что именно он, используя Штюрмера и давнего доверенного корреспондента царя А.А. Клопова, написавшего 1 февраля письмо Николаю II, побудил царя посетить Таврический дворец⁵¹⁵. Визит императора на время предотвратил распространение этих слухов, а политические ставки председателя Думы повысились.

Наконец, у самого Николая II были и другие причины для посещения Таврического дворца. Победа, одержанная войсками Кавказского фронта, вновь привлекла внимание общества ко все еще популярной фигуре кавказского наместника, бывшего верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, а торжественный молебен в Государственной думе по случаю падения Эрзерума этому бы способствовал. Вряд ли это соответствовало намерениям царя, который и ранее был обеспокоен популярностью великого князя, которого летом-осенью 1915 года именовали даже «Николаем III» (об этом стало известно императрице)⁵¹⁶. Визит же царя в Думу стал своего рода сенсацией, он представлял на какое-то время главный информационный повод, затмивший все другие вести, включая и занятие Эрзерума.

Все ведущие иллюстрированные издания поместили фотографические снимки из Думы, сделанные известным фотографом К.К. Буллой, рисунки своих художников⁵¹⁷.

Нередко при этом приводили слова председателя Государственной думы М.В. Родзянко, сказанные им при открытии заседания: «Великое историческое событие совершилось сегодня здесь. ... Непосредственное единение Царя с Его народом отныне закреплено еще могучее и сильнее». Родзянко распорядился золотыми буквами вырезать краткую речь императора на мраморной доске, которую он предполагал повесить в Екатерининском зале. Однако из Министерства двора прислали «речь», совершенно непохожую на слова, действитель-

⁵¹⁵ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 155. Письмо Клопова опубликовано Б.М. Витенбергом: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 280–282.

⁵¹⁶ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra (April 1914 – March 1917) / Ed. by Joseph T. Fuhrmann. Westport (Conn.); London, 1999. P. 239.

⁵¹⁷ Летопись войны 1914–15 гг. № 79. 20 февраля 1916 г. С. 1257; Огонек. 1916. № 8. 21 февраля 1916; Нива. 1916. № 9. 27 февраля. С. 153; Солнце России. 1916. № 314. (8). Февраль. С. 8; Искры. 1916. № 8. 21 февраля. С. 57.

но сказанные царем в Думе, и Родзянко отменил свое первоначальное распоряжение⁵¹⁸.

Правда, не вся страна с одобрением отнеслась к посещению царем Таврического дворца. В правых и аристократических кругах раздавались слова осуждения. Из Петрограда профессор А.И. Соболевский, человек консервативных взглядов, писал профессору Ю.А. Кулаковскому: «Появление ГОСУДАРЯ в Гос[ударственной] думе и Гос[ударственном] Совете здесь никто не одобряет, и я не понимаю, зачем было Его туда тащить, когда отношения Штюрмера к Думе не могут быть нежными, и обратно». А. Верженский сообщал графу С.Д. Шереметеву: «События 9 февраля произвели на меня тяжелое впечатление. Совершилось страстное желание Мусина-Пушкина, высказанное в прошлом году в июне. – ГОСУДАРЬ лично поехал в Таврическую говорильню приветствовать «достойнейших», доверием «народа» облеченных и в результате – декларация блока со всеми требованиями, заявленными еще в августе: политической амнистии, равноправия жидов и министерства из большинства в говорильне (по-моему, лучший перевод слова парламент на русский язык). ГОСУДАРЬ приехал нарочно, всего на один день, для придания особого значения возобновлению сессии и для умиротворения строптивых леваков – что несколько похоже на Каноссу...»⁵¹⁹.

А. Лазаренко писал: «Я давно не был в таком подавленном состоянии, как во время трехдневного сидения в Думе. Исключительная, крайняя нервность ГОСУДАРЯ, неудовлетворенность Его речью даже националистов, позорный провал правительства, полное уныние, крайний пессимизм депутатов как в речах, так и в разговорах, и гнусные слухи, слухи без конца придавили мою душевную бодрость. Правительства у нас снова и все еще нет, так как разногласия большие, чем раньше, да и не министры решают государственные дела. Ведь посещение Думы было полностью неожиданностью для Совета Министров и его главы. Оно было решено под влиянием военных кругов, все более переходящих на сторону общественности. Но это влияние, к сожалению, пока не превалирующее. «Старец», хотя и избитый, в силе»⁵²⁰.

Однако распространены были и настроения другого рода.

Удовлетворенными считали себя представители Прогрессивного блока. Член Государственной думы октябрист М.Г. Аристархов писал: «Приезд Государя очень и очень оживил Думу. Блок был несказанно

⁵¹⁸ Садыков В. Последний председатель Государственной Думы // Родзянко М.В. Указ. соч. С. 17.

⁵¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. ЛЛ. 401, 435.

⁵²⁰ Там же. Л. 464.

рад и чувствовал себя удовлетворенным. Не радовались и стояли по-нурыми только правые, да левые. Одним ведь совсем не нужно Думы, а другим дай Учредительное собрание. Мы же, конституционалисты, весьма довольны реальным объединением царя с народом». Те же мысли звучали и в другом письме Аристархова: «Прогрессивный блок тверд и непоколебим. Посещение государя сковало его еще плотнее. Ожидаются большие перемены в министерских сферах. Государь влюбился в Государственную Думу и высказывает большое доверие Родзянко. Правые и левые были поражены присутствием государя: одним ведь совсем не пужна Государственная Дума, а другим, конечно, нужно учредительное собрание»⁵²¹.

Некий офицер писал из действующей армии: «На меня, а также на всех в армии произвело громадное впечатление посещение Государственной Думы ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ. И как кстати при-шлаась к открытию Думы Эрзерумская победа»⁵²².

Правда, посещение царем Думы привело и к появлению новых слухов, не вполне благоприятных для императора. Член Государственной думы кадет А.А. Эрн писал: «Сплетен ходит тут немало. Рассказывают, что ГОСУДАРЬ уговаривал В[еликого] К[нязя] Михаила Александровича не оставаться в Думе на первом заседании, потому что может выслушать очень много неприятных вещей. Оказалось, однако, что после заседания Михаил Александрович заявил ЦАРЮ, что ничего подобного не произошло, что Государственная Дума в ее целом оказалась себя патриотичной, “а вот Твой Штюрмер, так никуда не годится”»⁵²³. Как видим, в этом слухе великий князь Михаил Александрович предстает как положительная фигура, противопоставляемая своему брату.

В целом, однако, посещение Думы было весьма удачным пропагандистским ходом. Косвенным свидетельством удачности этой политической акции служит то обстоятельство, что сразу несколько людей приписывали себе инициативу ее проведения. Выше отмечалось, что говорили о давлении, оказанном на царя «военными кругами». Родзянко утверждал, что замысел принадлежал ему, он же использовал Штюрмера и Клопова, убедивших императора. В то же время Я.В. Глинка, возглавлявший один из отделов канцелярии Государственной думы, утверждал, что эта идея первоначально возникла у них с Клоповым, а затем они ознакомили с ней Родзянко⁵²⁴.

⁵²¹ Там же. Д. 1053. ЛЛ. 523, 587.

⁵²² Там же. Д. 1052. Л. 407.

⁵²³ Там же. Л. 447.

⁵²⁴ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 155; Глинка Я.В. Указ. соч. С. 145.

Говорили также, что совет посетить Думу дал императору Распутин. Впрочем, общественное мнение судило порой иначе. Княгиня Палей в беседе с французским послом утверждала, что «божий человек» очень недоволен этим шагом и предрекает всякие беды⁵²⁵.

Возрос и интерес некоторых великих князей к Думе. Некий представитель дворянской организации сообщал в письме: «Вчера был у великой княгини Виктории Федоровны. Она и Кирилл Владимирович держали меня очень долго. ... Затем К[ирилл] В[ладимирович] очень подробно расспрашивал о том впечатлении, которое произвело на Государственную Думу посещение ее государем и вообще о всех делах Государственной Думы. Он – ярый сторонник Государственной Думы и говорит, что это первая Дума, которая уже в действительности помогает правительству»⁵²⁶.

Показательно также, что после посещения императором Думы некоторые иллюстрированные журналы сразу же стали гораздо больше внимания уделять и его посещениям фронта. Например, журнал «Искры» в декабре 1915 г. не опубликовал ни одного снимка императора, в январе – 1, а в феврале – два, кроме того два снимка изображали землянку и наблюдательный пункт на позициях, посещенных царем (об этом свидетельствовали специальные памятные знаки, установленные солдатами). «Огонек», не публиковавший фотографий царя ни в декабре, ни в январе, в феврале напечатал пять снимков. Даже бульварный «Синий журнал» опубликовал в феврале снимок Николая II.

Правда, политический эффект, вызванный посещением Думы императором, не был долговечным. Это объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, как видим, разные люди по-разному интерпретировали значение визита в Таврический дворец, и, соответственно, ждали от императора совершенно различных дальнейших политических действий. Некоторые члены Думы в этой ситуации даже предполагали, что Родзянко будет поручено формирование правительства⁵²⁷. Возможно, что и сам председатель Думы, убеждавший царя во время его визита в Таврический дворец «даровать ответственное министерство», также ожидал важных перемен. Ожидания их были обмануты. Если всрить жандармскому отчету, то разочарованы, хотя и по другим причинам, были крестьяне Киевского уезда: «Милостивое прибытие Государя Императора при открытии Думы всех обрадовало и все были уверсны, что такое милостивое отношение ГОСУДАРЯ заставит всех заняться делом, дабы победить врага, спасти нашу Ро-

⁵²⁵ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 458.

⁵²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1053. Л. 533.

⁵²⁷ Там же. Л. 527.

дину и водворить в ней порядок. Надежды не оправдались, так как снова много и зло говорили и сводили старые счеты с Правительством. ...»⁵²⁸. Во-вторых, появились новые информационные поводы, заставлявшие забыть то посещение, или иначе его интерпретировать. Так, вскоре «весь Петроград» заговорил о новых скандалах, связанных с именем Распутина.

В целом, однако, посещение Думы было хорошо просчитанным политическим ходом. Император имел все основания назвать этот день «удачным».

М.М. САФОНОВ

Государственная дума и Акт отречения Николая II от престола

Воскресным вечером 26 февраля 1917 г. Николай II как обычно играл в домино⁵²⁹. В Могилеве, в Ставке верховного главнокомандования, постоянными партнерами по любимой игре были адмирал К.Д. Ниллов, командир конвоя его величества А.Н. Граббе и дежурный флигель-адъютант А.А. Мордвинов. У подъезда губернаторского дома, который был превращен в царский «дворец», в дубленых полупгубках стояли часовые батальона георгиевских кавалеров. В садике дежурила дворцовая полиция. На крыше дома генерал-квартирмейстера стояли пулеметы в чехлах. Это на случай налета немецких аэропланов. Пулеметы охранялись часовыми в папах.

Забывая «козла» в привычной компании «своих», Николай чувствовал себя еще в полной безопасности. Едва ли в тот вечер он мог предположить, что его династии, правившей Россией 304 года, оставалось быть на престоле всего пять дней, а он сам через трое суток станет «козлом отпущения» за всех Романовых и к его пышному титулу императора всероссийского прибавится беспощадное прилагательное «бывший»... А новорожденная газета «Известия» назовет его «Николаем Последним»⁵³⁰.

⁵²⁸ ЦДЦАУК. Ф. 274. Оп. 4. Д. 548. Л. 85 об.

⁵²⁹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. (Далее: Отречение). С. 33.

⁵³⁰ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

В 14 часов 47 минут 2 марта 1917 года от перрона Варшавского вокзала отправился экстренный поезд на Псков. К паровозу был прицеплен всего один вагон-салон, в котором ехали два пассажира – А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Гучков, бывший председатель III Государственной думы был известен как личный враг Николая II и царской семьи. Депутат IV Думы Шульгин слыл ярлым монархистом.

Карл Маркс, автор многих известных метафор и афоризмов, называл революции «локомотивами истории». Экстренный поезд с одним вагоном на двоих – яркого монархиста и личного врага монарха – можно ли было придумать лучший символ головокружительных перемен, происходивших в России в конце февраля – начале марта 1917 года? Гучков и Шульгин ехали на встречу с царем.

В Пскове в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. в промежуток времени между 23 ч. 32 м. и 0 ч. 28 м.⁵³¹ Николай II подписал карандашом напечатанный на пишущей машинке следующий текст:

«Ставка

Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедаем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призыва-

⁵³¹ Красный архив. (Далее: КА). 1927. № 3. С. 15.

ем всех верных сынов Отчества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай

Псков.

2-го марта 15 час. мин. 1917 г.

Министр Императорского Двора

Генерал-Адъютант граф Фредерикс»⁵³²

В час ночи 3 марта начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов, передавая эту телеграмму по телеграфу, назвал ее «Актом отречения от престола»⁵³³. Это самое раннее упоминание о данном документе как об Акте отречения Николая II.

Однако можно ли назвать эту бумагу Актом отречения?

О чем документ? Николай II как верховный главнокомандующий сообщает начальнику штаба верховного главнокомандования генералу М.В. Алексееву о том, что во имя победы «признал за благо» отречься от престола и передать его брату, который должен присягнуть, что будет управлять страной согласно конституции, выработанной представителями народа в законодательных учреждениях. Другими словами – царь сообщает, что он не только отрекается от престола, но за своего преемника и от самодержавия!

Нетрудно заметить, что нигде человек, от имени которого написан этот документ, не назван ни самодержцем, ни императором. Это просто некто «Николай», не назван по имени и фамилии Алексеев. Получается, некто Николай сообщает о своем решении безымянному начальнику штаба. С этой точки зрения письмо Ваньки Жукова «на деревню дедушке, Константинову Макарычу» более конкретно, чем этот так называемый «Акт».

Обычно юридический акт начинается с упоминания лица, от имени которого он составляется: «Я, имярек». Затем следует указание на должность или статус этого человека: «Такой-то и такой-то». Для императорских манифестов была выработана устойчивая формула. Она воспроизводилась типографским способом на печатных бланках Министерства императорского двора: «Божьей Милостью мы, Николай

⁵³² Фотокопия этого документа воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы». (М., 1990).

⁵³³ КА. 1927. № 3. С. 16.

Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр. пр. пр.». Затем, как правило, помещалась фраза, указывающая, кому адресован манифест: «Объявляем всем нашим верным подданным». После текста манифеста обязательно следовала заключительная формула: «Дан», то есть указывалось место, где был подписан манифест, например: «в Пскове», затем представлялась дата: «в третий день марта лета от Рождества Христова одна тысяча девятьсот семнадцатое, царствования же Нашего двадцать третьего». Завершала манифест подпись самодержца. Час и минута подписи никогда не обозначались. Кроме того, существовала строго установленная процедура оформления манифестов. Несмотря на то, что в конце XIX века в России появились пишущие машинки и их стали употреблять для составления проектов документов (кроме того, для этого использовались литографические станки)⁵³⁴, текст манифеста, на котором ставилась императорская подпись, обязательно переписывался от руки. Только в таком виде манифест получал юридическую силу. В канцелярии Министерства императорского двора служили специальные переписчики, которые обладали особо красивым почерком. Он назывался «рондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «рондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: рескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помазок и подчисток не допускалось⁵³⁵.

Немаловажно отметить, что важнейший для государственной жизни России начала XX века документ – Манифест 17 октября 1905 г., которым Николай торжественно объявил о том, что введет конституцию, – оформлен именно таким образом⁵³⁶. На печатном бланке Министерства императорского двора, воспроизводящим типографским способом титул императора, почерком «рондо» написан текст манифеста, в заключение манифеста – подпись Николая II. Хотя, проекты манифеста печатались на пишущей машинке⁵³⁷, а окончательный вариант был воспроизведен на литографическом станке⁵³⁸, силу закона получил лишь текст, тщательно переписанный рондистами⁵³⁹.

⁵³⁴ Островский А.В., Сафонов М.М. 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции. (Из записок А.А. Будебрга) // Английская набережная, 4: Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. СПб., 1997. С. 403.

⁵³⁵ Мосолов А.А. При дворе императора. Рига, б/д. С. 139.

⁵³⁶ Островский А.В., Сафонов М.М. Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. XII. С. 168–188.

⁵³⁷ РГБИА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 2–11; КА. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 92–94.

⁵³⁸ КА. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 96.

⁵³⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 888. ЛЛ. 1–2; Правительственный вестник. 1905. 18 октября.

Оставляя в стороне вопрос о юридической состоятельности так называемого Акта отречения Николая II, нетрудно прийти к заключению, что рассматриваемый документ – это «филькина грамота». Прежде чем пускаться в споры о том, соответствовал ли Акт отречения Николая II основным законам Российской империи, поставим вопрос: «А был ли мальчик?» Ответим: Акта отречения как такового не существует. Есть лишь текст, которому придан вид телеграммы начальнику штаба, и в этом телеграфном сообщении главнокомандующий извещает подчиненного о своем решении. Акт отречения и телеграмма об отречении далеко не одно и то же!⁵⁴⁰

Почему же манифесту об отречении придана форма телеграммы?

Дело в том, что составителю этого документа было очень важно показать, что решение о передаче престола в обход Основных законов Михаилу принято самим Николаем добровольно. Не только без всякого давления со стороны Гучкова и Шульгина, но и без какого-либо их участия, потому что царь подписал отречение за семь часов до их прибытия в Псков⁵⁴¹. Точная временная привязка была необходима составителю и по другой причине. 2 марта около 15 часов в Екатерининском зале Таврического дворца было провозглашено создание первого общественного кабинета, который намеревался сохранить монархию с передачей престола Алексею⁵⁴². Это намерение, оглашенное П.В. Милюковым, встретило бурю негодования со стороны республикански настроенных рабочих и солдат⁵⁴³. Поэтому его пришлось пересмотреть⁵⁴⁴. Составителю Акта отречения было важно показать, что добровольное решение Николая передать не Алексею, а Михаилу никак не было связано с реакцией на речь Милюкова, ведь «Акт отречения» был подписан в Пскове в то самое время, когда Милюков произносил свою речь в Таврическом дворце в Петербурге. Для того, чтобы это выглядело достоверно, требовалось, чтобы в документе было обозначено время подписания документа. Поскольку же в манифестах время суток никогда не обозначалось, манифесту придали вид телеграммы с обозначением часа и минуты, когда она была отправлена. Но сделали это крайне неудачно.

⁵⁴⁰ Сафонов М.М. Отречение... Которого не было? // Смена. 1997. 14 марта.

⁵⁴¹ Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (дополнительная). Д. 25. Л. 9 об.; Куликов С.В. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиамента» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 173.

⁵⁴² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 464.

⁵⁴³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

⁵⁴⁴ См. подробно: Сафонов М.М. Ложь и правда от отречения Николая II // Между двух революций. 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 245.

2 марта Николай записал в дневнике: «Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого»⁵⁴⁵.

Если бы не было этой записи, можно было бы усомниться, подписывал ли царь какой-либо манифест. Но из записи явствует неопределенно, что в результате переговоров Николай передал манифест, «подписанный и переделанный». В 0.28 3 марта генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта В.Г. Болдырев передал по телеграфу генерал-квартирмейстеру Ставки А.С. Лукомскому: «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который по подписании государем будет вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена»⁵⁴⁶. Итак, был «подписанный и переделанный манифест» и его дубликат.

В 1 час ночи Николай отправился из Пскова в Ставку, Гучков и Шульгин уехали из Пскова в Петроград в 3 часа ночи. Не ранее 3.19, а, скорее всего, позже, из Ставки стали передавать текст манифеста главнокомандующим фронтов, который потом появился в газетах⁵⁴⁷. Что же делали делегаты с половины первого до трех? В Чрезвычайной следственной комиссии Гучков утверждал, что уехал, как только получил манифест.

В 1975 г., за год до своей смерти, девяностосемилетний Шульгин убеждал писателя М.К. Касвинова, автора книги «Двадцать три ступени вниз», что Николай подписал текст манифеста, привезенный Гучковым и Шульгиным из Петрограда⁵⁴⁸. На самом деле, Николай подписал манифест, основной текст которого прислали из Могилева, где находилась Ставка⁵⁴⁹. Текст манифеста был выработан директором дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили вместе с генералом Лукомским и отредактирован начальником штаба главноверха М.В. Алексеевым⁵⁵⁰. Этот текст был прислан из Ставки в половине девятого вечера и находился в руках главнокомандующего Северного фронта генерала Н.В. Рузского⁵⁵¹. Именно этот текст и был положен в основу того проекта, который потом передали в Ставку, а затем главнокомандующим и в печать.

В проекте, присланном из Могилева, говорилось: «В соответствии с установленным Основными законами порядком мы передаем насле-

⁵⁴⁵ Отречение. С. 34.

⁵⁴⁶ КА. 1927. С. 15.

⁵⁴⁷ Там же. С. 17–18.

⁵⁴⁸ Касвинов М.К. Двадцать три ступеньки вниз., 1984. С. 273.

⁵⁴⁹ КА. 1927. № 3. С. 7; Отречение. С. 223.

⁵⁵⁰ Swokowski W. The authorship of the abdication document of Nicholas II // The Russian Review. 1971. № 30. P. 227–286.

⁵⁵¹ КА. 1927. № 3. С. 7.

дие наше дорогому сыну нашему... Алексею Николаевичу и благославляем его вступление на престол Государства Российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут им установлены»⁵⁵².

В окончательном тексте, привезенным Гучковым и Шульгиным из Искова, этот пассаж был заменен такими словами: «Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»⁵⁵³.

Как видим, из первоначального проекта удалили, прежде всего, упоминание о соответствии с Основными законами. Интересно, что полковник А.А. Мордвинов вспоминал, что начальника военно-походной канцелярии К.А. Нарышкина посылали в соседний вагон справиться с Основными законами⁵⁵⁴. Удаление из текста ссылки на Основные законы говорит о многом: составитель прекрасно осознавал, что его формула этим законам противоречит. Престол передавался не Алексею, а Михаилу, что вопиющим образом противоречило порядку престолонаследия.

В текст манифеста была введена еще одна существенная поправка: новый монарх должен был принести ненарушимую присягу на верность конституции, которая будет выработана.

Сегодня известны два экземпляра текста манифеста с подписью Николая. Один из них дошел до нас в рукописи. Он хранится в личном фонде Николая в Государственном архиве Российской Федерации⁵⁵⁵. Другой дошел до нас в фотокопии. Она воспроизведена в сборнике документов «Отречение Николая II»⁵⁵⁶. Местонахождение подлинни-

⁵⁵² Там же.

⁵⁵³ Отречение. С. 223.

⁵⁵⁴ Там же. С. 111–119.

⁵⁵⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 5. Фотокопия этого документа воспроизведен в книге: *Ненароков А.И.* 1917: Краткая история, документы, фотографии. М., 1980. С. 53.

⁵⁵⁶ Фотокопия этого экземпляра воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы».

ка этого фотографического экземпляра неизвестно. Оба экземпляра напечатаны на пишущей машинке на листе большого формата. На обоих экземплярах в левом углу помещено слово «Ставка». Затем посредине текста вместо заглавия написано: «Начальнику штаба». После текста манифеста в нижнем левом углу на машинке напечатано: «г. Псков Марта час мин 1917 г.». В правом нижнем углу экземпляра, известного в фотокопии, находится карандашная подпись Николая. В нижнем углу под обозначением даты имеется скрепа чернилами: «Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс».

Оба экземпляра отличаются тем, что на одном, подписанном Николаем карандашом, вписано время: «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». На другом же, подписанном Николаем чернилами, время обозначено иначе: «2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.» Никаких других карандашных пометок царя на этих экземплярах нет.

Скажем сразу, что оба экземпляра «Акта» производят довольно странное впечатление⁵⁵⁷. Возникает даже подозрение, не сфабрикованы ли они?

В Чрезвычайной следственной комиссии Гучкова спросили, чем можно объяснить, что отречение было обращено к начальнику штаба? Гучков ответил: «Нет, акт отречения был безымянным. Но когда этот акт был зашифрован, предполагалось послать его по следующим адресам: по адресу председателя Государственной думы Родзянко и затем главнокомандующих фронтами для обнародования в войсках». Следователь уточнил: «Так что вы получили его на руки без обращения?» Гучков подтвердил: «Без обращения»⁵⁵⁸.

Вопрос следователя был вполне закономерен. Манифест не может быть без обращения к тем, кому адресован. Примечательно, что когда дело дошло до публикации в армиях фронта акта отречения Николая, генерал Ю.П. Данилов, который в 4-м часу ночи 3 марта передавал текст в Могилев, обратился в Ставку с просьбой телеграфировать в Псков текст акта об отречении «целиком, не исключая заголовка». Из Ставки ответили: акт представляет собой «текст манифеста об отречении от престола, который был получен по телеграфу от вас. Нужно ли повторять? Изменений там нет»⁵⁵⁹.

Данилов недоумевал, нужен заголовок и какой? Ему никак не верилось, что переданный им текст – это и есть акт об отречении. Именно в таком же положении оказались редакции некоторых газет. Так, например, «Утро России», распространявшее официальную версию

⁵⁵⁷ Обо экземплярах вместе воспроизведены в книге «Между двух революций». С. 260, 263.

⁵⁵⁸ Падение царского режима. М., Л., 1926. Т. VI. С. 219.

⁵⁵⁹ КА. 1927. № 3. С. 46.

Гучкова и Шульгина, опубликовало текст телеграммы Николая об отречении с шапкой, необходимой для любого манифеста: «Божьей милостью, мы, Николай Второй...», потому что могло показаться невероятным, что манифест не имел титула. Необходимо было убедить читателя в том, что Николай подписал Акт отречения, а не какую-то «филькину грамоту». Но для этого пришлось опубликовать сфабрикованный текст, которого царь никогда не подписывал⁵⁶⁰.

Ответ Гучкова следователю Чрезвычайной следственной комиссии крайне важен. Если акт был безымянным (что, кстати сказать, само по себе уже нонсенс), то дубликат (или дубликаты) были бы тоже безымянными. Если же дубликаты снимались после того, как «акт был зашифрован», то в дубликатах был бы шифр, а не расшифровка. Можно, конечно, допустить, что Гучков неудачно выразился. Он имел в виду, что безымянному тексту, подписанному Николаем, придали вид телеграммы, подготовленной для передачи по телеграфу, а затем, до того как ее зашифровали, сняли с получившегося текста копию, присенненную потом на подпись царю.

Все равно концы не сходятся с концами. Какой же дубликат, если текст копии и оригинала не совпадают? Сам факт существования двух экземпляров «Акта» с различным обозначением времени подписания дезавуирует подлинность каждого в отдельности. Нельзя не отметить, что форма телеграммы «Акта отречения» придава довольно неудачно. Гучков утверждал на следствии, что предполагалось послать акт по адресу председателя Государственной думы Родзянко⁵⁶¹, а между тем телеграмма адресована вовсе не председателю. Она оформлена как предназначавшаяся Алексеєву.

Между тем Николай II по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанных им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексеєву, в которых царь объявлял им о своей готовности отречься. Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом - куда она отправляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: «Председателю Гос. Думы. Птрр », то есть «Петроград»⁵⁶². Соответственно телеграмма Алексеєву выглядела так: «Наштаверх. Ставка». «Наштаверх» — это означало «начальнику штаба верховного главнокомандующего». На документе же мы читаем: «Ставка. Начальнику штаба». Очевидно, эти слова были написаны человеком либо недостаточно компетентным, ибо просто «начальнику штаба» написать было невозможно, так как такой долж-

⁵⁶⁰ Утро России. 1917. 4 марта.

⁵⁶¹ Падение царского режима. Т. VI. С. 269.

⁵⁶² Факсимиле этой телеграммы воспроизведено в книге: Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. М., 1927. С. 159.

ности не существовало, либо составитель акта намеренно использовал формы, которые могли бы быть опровергнуты как недостоверные.

Дата телеграммы проставлена совершенно безграмотно. Действительно, телеграммы, которые отсылал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «Псков. Число, месяц. Час. Минута». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Например, «1244 Б»⁵⁶³. Затем следовала подпись. Нетрудно заметить, что на «Акте отречения» нет номера телеграммы, который обязательно должен был бы здесь находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «2-го Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.».

Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры года должны были следовать после написания дня месяца, например, «2 марта 1917 г.», а отнюдь не после указания точного времени. На «Акте отречения» мы как раз видим несколько необычное сочетание: «... 15 час. 5 мин. 1917 г.». Пожалуй, самое интересное состоит в том, что именно с датой была связана какая-то переделка текста.

24 октября 1929 года «Акт отречения» (какой именно из экземпляров, не знаем) хранился в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук. В это время здесь работала правительственная комиссия, которая начала раскручивать «академическое дело». Одно из обвинений сотрудников библиотеки заключалось в том, что они тайно хранили акт отречения Николая. Сотрудники библиотеки пробовали отрицать уникальность этого документа, ссылаясь на то, что он существовал в нескольких экземплярах. Но следователи, стремившиеся, во что бы то ни стало «утопить» академиков, настаивали на уникальности хранившегося в библиотеки экземпляра. Эту уникальность они видели в том, что документ имел подчистку. Чекист Я.С. Аграпов прямо заявил: «Дата на документе Николая II подчистка»⁵⁶⁴.

Итак, подчистки были сделаны в том месте, где находилась дата. Слово «Псков» напечатано на другой машинке, с более мелким шрифтом, чем основной текст документа. Как уже отмечалось, никакие подчистки в рукописи манифеста, который должен был обрести законную силу, не допускались.

Как же объяснить отмеченные выше несуразности? Были ли они случайными или намеренными? И Шульгин и Гучков по возвращении из Пскова подробнейшим образом описали, как Николай отрекался. Правда, «Акта отречения» никто так и не увидел. Всю последующую

⁵⁶³ КА. 1927. № 3. С. 16.

⁵⁶⁴ Исторический архив. 1993. № 1. С. 82–102.

жизнь они отстаивали свою версию произошедшего в Пскове. Сегодня ни одна книга о Николае II не обходится без сочного описания Шульгина о том, как отрекался царь. Каждый юбилей Февральской революции версия Шульгина – Гучкова озвучивается едва ли не всеми СМИ. А между тем, то, что так охотно и подробно описывали Шульгин и Гучков, являлось тщательно продуманной ложью. Согласно официальной версии Шульгина – Гучкова, изложенной в газетном интервью и получившей широкую огласку благодаря ее немедленной публикации, дело обстояло так.

Когда посланцы прибыли в Псков, они были сразу же проведены в вагон-салон царя. Гучков произнес длинную речь, закончив тем, что единственным выходом из создавшегося положения было бы отречение Николая от престола в пользу малолетнего Алексея с назначением регентом вел. кн. Михаила. Затем царь спокойно сообщил, что он уже принял решение. До 3 ч. дня он был готов отречься в пользу сына, но затем понял, что расстаться со своим сыном не способен, и решил отречься в пользу брата. Предложение застало делегатов врасплох. Гучков и Шульгин приняли близко к сердцу чувства отца, и поэтому не захотели оказывать давление на родителя. Кроме того, Шульгин сказал, что необходимо, чтобы монарх присягнул на верность конституции. Однако регент не может этого сделать за малолетнего царя. При вступлении на престол Михаила это неудобство устраняется. «Таким образом, – констатировал Шульгин, – мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича».

Николай вышел из вагона, а затем вернулся с актом отречения. Прочитав текст, Шульгин предложил пассаж о заповеди брату править страной в единении с представителями народа в законодательных учреждениях, вставив фразу: «принеся в том всенародную присягу». Николай это сделал, заменил слово « всенародную» на «ненарушимую». Акт был написан на двух или трех листочках небольшого формата с помощью пишущей машинки. На главном листе стояло слева слово «Ставка», а справа – «Начальнику штаба». Подпись была сделана карандашом. С Рузским было условлено, что в виду «бурных обстоятельств Петрограда» будет два экземпляра акта, подписанных собственноручно. Первый экземпляр на листочках маленького формата остался у Рузского. Второй экземпляр на листе большого формата, также написанный на пишущей машинке, подписанный Николаем карандашом и скрепленный пером Фредериксом, депутаты взяли с собой, оставив расписку в получении. По приезде этот экземпляр передали в надежные руки, потому что он подвергался «опасности»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁵ Отречение. С. 169–172.

Итак, формула, передающая престол Михаилу, была изобретена самим Николаем еще до приезда депутатов и содержалась в тексте, который им передал царь. Они лишь предложили внести в нее незначительную поправку: Михаил должен был принести присягу на верность конституции. Николай сделал это дополнение собственноручно. Все «особенности» оформления документа («Ставка. Начальнику штаба») уже содержались в тексте, который Николай принес с собой.

Та же версия с обильными лирическими отступлениями была потом опубликована Шульгиным в 1925 г. в воспоминаниях под названием «Дни». Здесь еще упоминается, как уже отрекшийся царь поставил кн. Г.Е. Львова во главе правительства⁵⁶⁶.

Ту же версию изложил и Гучков в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С Шульгиным он расходился только в незначительных деталях⁵⁶⁷. Наконец, в подтверждение версии Шульгина–Гучкова был сфабрикован документ, который обычно принято называть «Протоколом отречения Николая II». На самом деле это — апокриф. Он излагает «в лицах» версию Шульгина–Гучкова в варианте Гучкова⁵⁶⁸. Так называемый «протокол» отличается от показаний Гучкова в Чрезвычайной следственной комиссии тем, что здесь более пространно изложена речь Гучкова. Недостоверной следует признать и запись в камер-фурьерском журнале, излагающем ту же версию⁵⁶⁹.

Между тем существуют подлинные документы, возникшие в то время, когда фабриковался «Акт отречения», которые дают возможность опровергнуть все то, что Гучков и Шульгин потом рассказывали об отречении Николая. Это — телеграммы, отправленные из Пскова в первые часы 3 марта. Они-то и дают возможность отбросить позднейшие свидетельства Гучкова и Шульгина как недостоверные.

Когда Гучков и Шульгин вышли из вагона-салона, начальник штаба северного фронта Ю.Н. Данилов в 1.00 3 марта послал официальную телеграмму начальнику штаба верховного главнокомандования М.В. Алексею: «Его величеством подписаны указы Правительствующему сенату о бытии председателем Совета министров князю Г.Е. Львову и верховным главнокомандующим... великому князю Николаю Николаевичу. Государь император изволил *затем* (курсив мой —

⁵⁶⁶ Там же. С. 186

⁵⁶⁷ Там же. С. 190–192.

⁵⁶⁸ Сторожев В.Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия (Академический центр Наркомпроса РСФСР). М., 1922. Сб. 1. С. 138.

⁵⁶⁹ Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. Л. 9 об.; Куликов С.В. Февральская «революция сверху», или фиаско «генералов для пронунасиаментов». С. 175–176.

М.С.) подписать акт отречения от престола... Манифест и указы передаются дополнительно»⁵⁷⁰.

Кроме того, выйдя из вагона царя, Гучков и Шульгин послали телеграмму в Петроград начальнику Главного штаба генералу Аверьянову, в которой говорилось о том, что поручение образовать новое правительство дается Львову, верховным главнокомандующим назначается Николай Николаевич. «Манифест *последует* (курсив мой – М.С.) немедленно»⁵⁷¹.

Из телеграмм явствует: вначале Николай подписал указ о назначении Львова председателем Совета министров и только потом манифест об отречении. Это и понятно. Иначе быть не могло. Царская санкция на легитимную передачу власти первому общественному кабинету от еще не отрекшегося, а, следовательно, правоспособного монарха была главной целью поездки Гучкова и Шульгина в Псков. То есть царь должен был законно передать власть Временному правительству, а потом перестать быть царем, то есть отречься. Соответственно указ о назначении Львова председателем Совета министров был помечен 14 ч., а «Акт отречения» 15 ч. Не случайно газета «Известия» в передовице сообщила сначала о назначении Львова, а только потом об отречении Николая⁵⁷². Первое обязательно должно было предшествовать второму.

Шульгин же и Гучков утверждали обратное. Очевидно, диалог между Николаем и депутатами ни в коем случае не мог быть таким, каким они его выстроили постфактум. Следовательно, все, что рассказали Шульгин и Гучков об обстоятельствах отречения Николая II, не заслуживает никакого доверия и должно быть отброшено как недостоверное. В связи с этим вызывает сомнение и сообщение о существовании черного проекта «Акта отречения», напечатанного на машинке на двух-трех телеграфных листках с карандашной правкой Николая. До сих пор такого экземпляра не обнаружено и сомнительно, что он вообще существовал. А в этом экземпляре, якобы принесенном самим Николаем в вагон, уже содержалась формула о передаче престола Михаилу.

К этому же выводу приводит и телеграмма, которую Шульгин и Гучков отправили в Петроград начальнику Главного штаба в тот момент, когда переговоры с Николаем подошли к концу: «Просим передать председателю Думы Родзянко: “Государь *дал согласие* (курсив мой – М.С) на отречение от престола в пользу вел. кн. Михаила”»⁵⁷³.

⁵⁷⁰ КА. 1927. № 3. С. 16.

⁵⁷¹ Там же. С. 15 – 16.

⁵⁷² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 1917. 4 марта.

⁵⁷³ КА. 1927. № 3. С. 15.

В воспоминаниях и интервью Шульгин и Гучков утверждали, что формулу манифеста «не желая расстаться с любимым сыном... передаем наследие брату» предложил сам Николай⁵⁷⁴. Телеграмма Гучкова и Шульгина не оставляет сомнений: это важнейшее положение «Акта отречения» исходило от посланцев из Петрограда. Николай же лишь с ним согласился. Положение это вопиюще приворочило Основным законом о порядке престолонаследия. Но у Шульгина и Гучкова не было иного выхода. Им было необходимо найти такую юридическую формулу, которая узаконила бы передачу власти в руки Временному правительству. Но при этом необходимо было учитывать, что, с одной стороны, Временный комитет Государственной думы хотел вписать этот «первый общественный кабинет» в рамки конституционной монархии, а с другой – Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов добивался того, чтобы до созыва Учредительного собрания форма будущего государственного правления не предreshалась⁵⁷⁵. Вступление на престол Михаила имело то преимущество перед воцарением Алексея, что Михаил был полномочен дать присягу править в соответствии с теми началами государственного управления, которые будут установлены, малолетний же государь такой присяги дать не мог.

Поэтому стремление Гучкова и Шульгина получить документ об отречении Николая в пользу Михаила любой ценой, пусть даже с вопиющим нарушением порядка престолонаследия вполне объяснимо. Оно диктовалось необходимостью найти компромисс в борьбе Временного комитета с Советом рабочих и солдатских депутатов.

А вот почему Николай дал свое согласие на такое противозаконное предложение? Обычно решение Николая отречься объясняют тем, что он понял, что потерял поддержку армии и «плебисцит» командующих фронтов по вопросу о необходимости отречения, устроенный М.В. Алексеевым, окончательно убедил царя в том, что иного пути у него не осталось. Однако при этом упускается из виду одно важнейшее обстоятельство, которое, по всей видимости, сыграло важнейшую роль и определило тактику царя.

1 марта Николай, прибыв в Исков, записал в дневнике: «Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»⁵⁷⁶. Это ярчайшее свидетельство того, что в момент, когда решалась судьба династии, Николай думал прежде всего о жене, о своей семье, а не о судьбе трона.

⁵⁷⁴ Отречение. С. 170, 182.

⁵⁷⁵ См. подробно: Сафонов М.М. Ложь и правда от отречения Николая II. С. 234–235.

⁵⁷⁶ Отречение. С. 34.

О том, что именно необходимость спасти жизнь жены и детей может стать самым важным аргументом при решении вопроса о власти, прекрасно было известно в Ставке, добывающей отречения царя. Поэтому ему было сообщены ложные сведения.

Около 9 ч. 2 марта генерал А.С. Лукомский передал из Ставки в Псков начальнику штаба северного фронта Ю.В. Данилову, что выбора нет и отречение должно состояться. «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо по полученным известиям дворец в Царском Селе занят войсками. Если царь откажется, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война»⁵⁷⁷. Лукомский отлично знал, какую силу может иметь в глазах Николая этот аргумент о жене и детях-заложниках.

Около 15 ч. главноком Северного фронта Рузский представил Николаю ответы главнокомандующих фронтами на запрос Алексева о необходимости отречения⁵⁷⁸. Вместе с телеграммой Алексева об этом Рузский представил царю и запись утреннего разговора Клембовского с Болдыревым о положении в Царском Селе и переходе конвоя на сторону Думы. Как свидетельствовал Данилов, для государя «это был очень печальный факт»⁵⁷⁹. Видимо, он и предопределил дальнейшую тактику Николая. Царь объявил о своей готовности отречься, тем не менее он вовсе не собирался расставаться с властью, а лишь искал способов сохранить ее и спасти семью.

«Государыня все время находится в истерике. У наследника температура 39 – корь», – с каким-то самодовольным злорадством писали 2 марта новорожденные «Известия Петроградского Совета»⁵⁸⁰. Действительно, у больного ребенка в тот день была высокая температура. Но его мать императрица Александра Федоровна отнюдь не билась в истерике. Она искала пути связаться с мужем. Вначале государыня хотела использовать аэроплан, но погода не позволила, да и в тот момент не оказалось нужных людей под рукой. Тогда Александра написала письмо Николаю и велела казаку зашить его под лампасами. Этот человек должен был пробраться в Псков и увидеться с государем.

«Все отвратительно, – писала Аликс, – и события развиваются с колоссальной быстротой... Ясно, что они хотят не допустить тебя уви-

⁵⁷⁷ КА. 1927. № 2. С. 75.

⁵⁷⁸ Там же. С. 72–73.

⁵⁷⁹ Данилов Ю.В. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 229.

⁵⁸⁰ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

даться со мною, прежде чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный как мышь в западню, что ты можешь сделать?.. Может быть, ты покажешься войскам в других местах и соберешь их вокруг себя? Если они тебя принудят к уступкам, то ни в каком случае ты не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным образом». Александра Федоровна мыслила логично и практически. «Два течения – Дума и революция – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы. Это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает... я не могу ничего советовать, только будь самим собой. Если принудят покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них»⁵⁸¹.

Как видим, Аликс трезво оценивала ситуацию, была хорошо осведомлена и намечала единственный выход из создавшегося положения: подписать все, что заставят, а потом показаться перед войсками. Противоборство Думы и Совета даст шанс вернуть упущенную власть. Юридически все подписанное Николаем не будет иметь силы, потому что он поставил свою подпись не по доброй воле, а по принуждению.

Хотя казак не смог связаться с Николаем и царь не прочитал мыслей своей обожаемой жены, но как писала Аликс в письме, составленном на следующий день: «Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов». Александра Федоровна была абсолютно права. Николай II не только мыслил, но и поступал точно так же.

Он поставил свою подпись под «филькиной грамотой».

Боевой генерал Данилов, назвавший телеграмму «Актом отречения», наверняка не знал всех юридических тонкостей. Что касается Николая II, то вопрос, знал ли он, даже не следует ставить. Но, может быть, у царя не было никакой возможности оформить надлежащим образом акт своего добровольного отречения? Нет ни малейшего сомнения, что такая возможность у самодержца была. Николай подписал телеграмму в своем царском вагоне, стоявшем на перроне города Пскова, где находился штаб Северного фронта. Рядом с царским поездом располагался свитский вагон. Здесь находилась военно-походная канцелярия императора с персоналом во главе с К.А. Нарышкиным. Служащие канцелярии перепечатывали текст телеграммы на пишущей машинке. Министр императорского двора В.Б. Фредерике, командовавший императорской квартирой, через руки которого в течение десятилетий проходили важнейшие документы, скрепил текст телеграммы своей подписью. Николай подписал телеграмму карандашом, который, как известно, стирается. Может быть, у царя не было в тот

⁵⁸¹ Переписка Николая и Александры Романовых. М.:Л., 1927. Т. V. С. 232.

момент пера? Фредерике скрепил карандашную подпись царя под важнейшим документом как раз пером. Так что все, что надо, у них было. Но может быть, не было времени?

Было и время: царю на размышление дали целую ночь со 2 на 3 марта. За это время рондисты успели бы переписать текст телеграммы и оформить его в виде манифеста даже несколько раз. Тогда же с телеграммы была снята копия, которую повезли в Петроград, копия, оформленная таким же образом. Раз время и возможность были, чего же не было у Николая? А не было у него доброй воли и свободы действий. Поэтому он подписал документ, который при изменившихся обстоятельствах легко мог быть оспорен как юридически несостоятельный.

Можно предложить и другое объяснение «странных» этого документа. Возможно, тот документ, который Гучков и Шульгин привезли в Петроград, был изготовлен ими самими. Николай, как явствует из его дневника, передал им подписанный и переделанный текст. Но в таком виде разве мог этот документ обрести законную силу? По существующей процедуре публикации закона манифест должен был быть надлежащим образом оформлен, затем к нему должен приложить печать министр юстиции, после чего документ поступал в Сенат и после опубликования становился законом. Гучков и Шульгин понимали, что «подписанный и переделанный» даже самим царем текст не годится. Тогда они решили изготовить беловой экземпляр сами. В их распоряжении, очевидно, были бланки с подписью Николая и скрепой Фредерикса. Видимо, громоздкая «шапка» манифеста не позволяла разместить весь текст на одном листе. Поэтому ему придали форму телеграммы начальнику штаба. (А может быть, и Николай подсказал им, не без умысла, что текст надо протелеграфировать Алексееву, который давно ждет ответа на свою телеграмму). На бланках, видимо, была написана какая-то дата, но она не устраивала «изготовителей». Поэтому пришлось как-то к ней привязываться, что-то подчищать, что-то впечатывать. Наверно, на двух бланках было ранее проставлено разное время, отчего и пришлось изготовить два экземпляра с различными датами. А потом припечатать к ним обозначение года: «1917», без чего манифест не мог обойтись. Оттого и получилось нелепое и для телеграммы и для манифеста сочетание: «марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Возможно, что сами изготовители поменяли первоначально проставленную дату на другую, которая ввиду изменившихся обстоятельств им более подходила. Все эти махинации могут объяснить, почему вместо самих документов предпочитали оперировать фотографическими копиями: на них не все видно. Во всяком случае, подчисток не увидишь.

Но возникает важнейший вопрос. Если «составители» Акта отречения так свободно манипулировали его формой, не отнеслись ли они с той же свободой к самому тексту, который Николай передал им? Другими словами, не внесли ли Шульгин и Гучков в текст Николая принципиальных изменений? Прежде всего, касающихся порядка наследования престола. Я не исключаю, что в подписанном Николаем тексте манифеста речь шла о передаче престола не Михаилу, а Алексею. Разумеется, сторонников скорейшего крушения монархии, а также тех, кто стремился максимально «конституализировать» страну, такой вариант не устраивал: отобрать фактическую и формальную власть у малолетнего Алексея было значительно труднее, чем у совершеннолетнего и в то же время абсолютно не имеющего прав на престол Михаила. Так что, возможно, именно благодаря гучковско-шульгинской манипуляции с текстом отречения Россия покатилась в революцию столь стремительно и необратимо.

Итак, Николай поставил свою подпись под документом, законность которого могла бы быть без труда оспорена. Но парадокс ситуации заключался в том, что всякая революция строится на отрицании какой-либо законности того режима, который она ниспровергает.

А.М. КУЛЕГИН

Агитационно-пропагандистская деятельность Временного комитета Государственной думы (по материалам коллекции листовок ГМПИР)

После Февральской революции все главные центры новой власти – Временный комитет Государственной думы (ВКГД), Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство, а также основные политические партии развернули активную агитационно-пропагандистскую деятельность, стремясь как можно шире и оперативнее довести до населения свою официальную позицию по самым животрепещущим вопросам. Одним из самых мощных и эффективных средств в этих кампаниях были листовки. Семнадцатый год не случайно называют не только «золотым временем» митингов, его также можно с полным основанием назвать и «золотым временем» листовочной литературы. Рамки данного сообщения не дают возможности останавливаться подробнее на значимости листовок для революционного времени 1917 г., отметим лишь, что события того периода развивались столь стремительно, а общественно-политическая си-

туация оказывалась настолько непредсказуемой, что «большая пресса» зачастую просто не успевала за ними⁵⁸². В таких условиях именно листовки как самый оперативный вид изданий (в большинстве случаев они печатались непосредственно в ходе тех или иных важнейших политических событий или сразу же по их «горячим следам») стали важнейшим средством борьбы различных политических сил за массы. В них в концентрированной и доступной самым широким слоям населения форме излагались главные лозунги и основные программные установки. Ведущие политические партии и организации выпускали свои листовки массовыми тиражами, которые нередко исчислялись сотнями тысяч экземпляров, что значительно превосходило тиражи многих газет⁵⁸³.

Важность изучения листовок как одного из ценнейших источников по истории событий 1917 года применительно к Февральской революции справедливо подчеркивается в программе спецкурса «Революциология: источниковедение Февральской революции», разработанной профессором А.Б. Николаевым⁵⁸⁴.

Важную роль сыграли листовки и непосредственно в событиях Февральской революции, когда они в течение нескольких дней были практически единственным «средством массовой информации», кроме, разумеется, вышедших 27 февраля «Известий Петроградского комитета журналистов», а затем и «Известий Петроградского Совета». Полковник лейб-гвардии Финляндского полка Д.И. Ходнев в мемуарах констатировал: «В течение дня (1 марта – А.К.) Петроград был наводнен тысячами листовок: здесь были различные приказания, приказы, инструкции, оповещения, постановления. Исходили они от Исполнительного Комитета Государственной думы, от Совета рабочих, солдатских... Депутатов, от коменданта восставшего Петроградского гарнизона, от “свободных офицеров и солдат” и т.д. и т.д.»⁵⁸⁵.

ВКГД в марте–июне 1917 г. являлся одним из важнейших центров печатной пропаганды. Для такой деятельности в его распоряжении имелись как значительные финансовые возможности, так и серьезная полиграфическая база. Так, за период до 1 сентября 1917 г. в распоря-

⁵⁸² Подробнее об издании и распространении листовок 1917 г. из коллекции ГМПИР см., например: *Кулегин А.М.* Политические листовки Петрограда в 1917 году // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сб. научн. тр. / Ассоциация музеев России. СПб., 1995. С. 73–79.

⁵⁸³ Самый большой тираж листовки 1917 г., выявленный нами, составляет 855 000 экземпляров. См.: № 6076 // Книжная летопись. 1917. № 27. С. 1.

⁵⁸⁴ *Николаев А.Б.* Революциология: источниковедение Февральской революции (Петроград, 1917). Программа спецкурса // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и методич. тр. СПб., 2006. С. 364–365.

жение ВКГД на нужды пропаганды поступило 5,79 млн рублей, причем большая часть этих средств была выделена уже в марте — свыше 3 млн руб.⁵⁸⁶. В распоряжении «думцев» была, в частности, лучшая в Петрограде типография со штатом 1 000 человек и 30 наборными машинами. Там печатались стенограммы частных заседаний Государственной думы, речи многих депутатов и других правых деятелей, а также увидели свет свыше 300 тысяч экземпляров брошюр. Стоимость всей этой печатной продукции составила свыше 435 тыс. руб. «Политическая стоимость деятельности этого комитета стране обойдется, конечно, во много раз дороже», — констатировал позднее с раздражением известный эсеровский деятель и публицист В.М. Зензинов на страницах газеты «Дело народа»⁵⁸⁷.

По мнению П.Н. Милюкова, в первые революционные месяцы ВКГД и его лидер М.В. Родзянко считали Думу не только продолжающей существовать, «но и стоящей выше правительства, не говоря уже о Совете»⁵⁸⁸. Временный комитет активно издавал различные приказы и воззвания, многие из которых были изданы и в виде листовок. Ряд таких изданий сегодня хранится в фондах Государственного музея политической истории России (ГМПРИ), листовочная коллекция которого является одной из самых больших среди других музейных собраний страны и насчитывает применительно к 1917 г. свыше 1 000 наименований изданий, выпущенных в Петрограде, Москве и других российских регионах. В музейной коллекции сегодня находится около двух десятков листовочных изданий, относящихся к деятельности ВКГД. Они касаются прежде всего актуальных политических проблем: вопросов о власти, взаимоотношений в армии, проблем войны и мира, а также некоторых экономических аспектов жизни страны.

Издательская деятельность ВКГД началась в дни Февральской революции, когда было выпущено не менее 6 воззваний общим тиражом свыше 660 тысяч экземпляров⁵⁸⁹.

Первым номером в этом перечне можно назвать любопытный документ, хранящийся в музейной коллекции. Речь идет о «Списке членов Временного комитета для поддержания порядка»⁵⁹⁰. Таким было

⁵⁸⁵ Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 274.

⁵⁸⁶ Колоницкий Б.И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март-октябрь 1917 года). Дисс. ... к. ист. н. Л., 1987. С. 10.

⁵⁸⁷ Дело народа. 1917. 1 и 2 сентября.

⁵⁸⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 260.

⁵⁸⁹ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 10.

⁵⁹⁰ ГМПРИ. Ф. II — 17958.

одно из первых названий будущего ВКГД. Подобную «неуклюжую формулу» предложил П.Н. Милуков, который вспоминал, что она, «ограничиваясь минимумом... все же создавала орган и не подводила думцев под криминал»⁵⁹¹. На небольшом пожелтевшем листке с помощью множительной техники воспроизведены фамилии двенадцати его членов, кроме Б.А. Энгельгардта, кооптированного в состав ВКГД в ночь на 28 февраля 1917 г.⁵⁹². Появился документ, очевидно, днем или вечером 27 февраля 1917 г.⁵⁹³.

Много шума наделала история с выходом приказа-воззвания ВКГД, изданного 2 марта 1917 г. и посвященного итогам революционных событий⁵⁹⁴. Приказ извещал «граждан взволнованной событиями столицы», что «тяжелое переходное время кончилось. Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг и перед лицом грозящей Родине опасности свергнул старую власть. Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней». Население и войска призывались к спокойствию и возвращению к нормальной жизни. Весьма многозначительно звучала и следующая фраза из текста листовки: «Бдительная охрана ими (войсками - *А.К.*) нового порядка возможна и особенно ценна, когда войска будут готовы по первому зову правительства явиться, куда надобность укажет». Для этого документа характерно полное игнорирование роли в революции Петроградского Совета, о нем даже не упоминается. Зато нашлось достаточно места, чтобы сообщить о назначении новым командующим Петроградским военным округом генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова, «несравненная доблесть и героизм которого на полях сражений известны всей армии и всей России», а также о назначении на 4 марта парада войск, который будет принимать Временное правительство.

Заключительный фрагмент этого приказа ВКГД, начиная со слов «Бывший командир Петроградского гарнизона генерал Хабалов смещен и арестован...», воспроизведен также в хранящемся в музее при-

⁵⁹¹ Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 59.

⁵⁹² Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы // Государственная дума России. Энциклопедия: в 2 т. 1906–2006. М., 2006. Т. 1. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. С. 114.

⁵⁹³ Во всяком случае, 27 февраля 1917 г. в 5 часов 45 мин. вечера эта листовка разбрасывалась с автомобиля на Нижегородской улице (Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 146; См. также: ГМПИР. Ф. II – 17958).

⁵⁹⁴ ГМПИР. Ф. II – 11035.

казе № 1 по запасному батальону л.-гв. Семеновского полка от 3 марта 1917 г. как распоряжение новой власти⁵⁹⁵.

Попытки ВКГД выступить в роли органа власти вызвали отпор в Петроградском Совете. На заседании Исполкома Совета 9 марта его председателю Н.С. Чхеидзе было поручено заявить протест против выпуска Временным комитетом Думы публичных актов. Особое недовольство советских деятелей вызвало вышеназванное воззвание⁵⁹⁶.

Весьма драматично стоял в ходе Февральской революции вопрос об отношениях между офицерами и солдатами. Большая часть офицеров в Петрограде в те дни скрылась из своих частей, не без оснований опасаясь расправы со стороны восставших солдат. Как писал А.И. Деникин, многие из офицеров устремились за поддержкой и помощью в Думу, где искали «разрешения вопросов мятущейся совести» между «верностью присяге и велением целесообразности»⁵⁹⁷. И руководители ВКГД и лидеры Совета понимали, что необходимо принять какие-то безотлагательные меры для налаживания отношений между солдатами и офицерами. Н.Н. Суханов вспоминал, что «было решено немедленно опубликовать воззвание к солдатам с протестом против самосуда, с призывом установить «контакт» между солдатами и офицерами революционной армии, с указанием на «присоединение» офицерской массы к революции...»⁵⁹⁸. Однако написанное Сухановым и Стекловым воззвание Петросовета так и не увидело свет из-за позиции типографских рабочих, отказавшихся печатать эту листовку⁵⁹⁹.

Вечером 28 февраля в виде листовок, а на следующий день в газетах был напечатан приказ Военной комиссии Государственной думы к офицерам, где им предлагалось зарегистрироваться и получить удостоверения «для исполнения поручений комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа». В приказе подчеркивалось, что промедление явки в свои части неизбежно подорвет престиж офицерского звания⁶⁰⁰.

Однако лишь вечером 1 марта удалось собрать в зале Армии и флота (бывшем Офицерском собрании) на углу Литейного пр. и Кирочной

⁵⁹⁵ ГМПР. Ф. II - 20250.

⁵⁹⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. кол.: Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 220, 222.

⁵⁹⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. Крушение власти и армии. С. 44.

⁵⁹⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1-2. С. 140.

⁵⁹⁹ См.: Там же. С. 155.

⁶⁰⁰ ГМПР. Ф. II - 14966.

ул. около 2 000 офицеров на митинг, где была принята резолюция в поддержку совершившегося переворота. Резолюция была немедленно отпечатана двумя различными листовками⁶⁰¹. Оба эти издания имеются в музейной коллекции. В одном из них, озаглавленном «Офицеры с солдатами и народом» и набранном крупным шрифтом (такие односторонние листовки часто назывались в то время плакатами), говорилось: «Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя об руку с народом... единогласно постановили: Признать власть Исполнительного Комитета Государственной думы в управлении государством Российским впредь до созыва Учредительного собрания». В этой листовке, выпущенной 2 марта, резолюция для лучшей убедительности заверена подписями трех авторитетных членов ВКГД — П.Н. Милокова, А.Ф. Керенского и М.А. Караулова⁶⁰².

Интересно, что накануне митинга проект его резолюции представители офицеров принесли «на согласование» члену ВКГД В.В. Шульгину. «Я, — вспоминал Шульгин, — прочел резолюцию. В общем, все было более или менее возможно, принимая во внимание сумасшествие момента. Но были вещи, которые, с моей точки зрения, и сейчас нельзя было провозглашать... Я кратко объяснил, что говорить об Учредительном собрании не нужно, что это еще вовсе не решено... — А мы думали, что это уже кончено... Если нет, тем лучше... Они обещали Учредительное собрание вычеркнуть и провести это в собрании... Но они не смогли... Перепрыгнуло ли настроение, или что-нибудь другое помешало, но когда я прочел эту резолюцию позже в печатном виде, в ней уже стояло требование Учредительного собрания»⁶⁰³.

Данной резолюцией офицерский корпус фактически заявил о своей поддержке ВКГД. Однако, как известно, настроения солдатских масс были совершенно другими. Их выражением стал знаменитый Приказ № 1 Петроградского Совета, который получил широчайшую известность в стране и армии. Он был напечатан огромным тиражом в виде различных листовок. Только в фондах ГМПИР удалось выявить три различных варианта подобных изданий⁶⁰⁴.

Все последующие усилия Временного правительства, ВКГД, а также некоторых лидеров Совета дезавуировать или хотя бы снизить его значение особого успеха не имели, хотя по настойчивому требованию Временного правительства Исполнительный комитет Петроградского

⁶⁰¹ ГМПИР. Ф. II — 10846, 10851.

⁶⁰² ГМПИР. Ф. II — 10846.

⁶⁰³ Шульгин В.В. Дни // Февральская революция. Мемуары. М.: Л., 1925. С. 129—130.

⁶⁰⁴ ГМПИР. Ф. II — 1010, 15964, 19607.

Совета обратился к солдатам со специальным воззванием, которое было опубликовано в виде листовки и направлено для распространения на фронт. В тексте протоколов Исполкома Совета от 7 марта 1917 г. оно получило официальное наименование «Приказ № 3»⁶⁰⁵. В листовочном же варианте такой заголовок отсутствует⁶⁰⁶. В листовке лишь отмечается, что изданные ранее «приказы №№ 1-й и 2-й относятся только к войскам Петроградского округа». «Что же касается армии фронта, — говорится в ней далее, — то Военный Министр обещал незамедлительно выработать в согласии с Исполнительным Комитетом Совета Р. и С. Д. новые правила отношений солдат и командного состава». В воззвании звучит уже знакомый мотив о необходимости «содействовать налаживанию отношений между солдатами и офицерами, признавшими новый строй России». При этом офицерам предписывалось в служебных и неслужебных отношениях уважать «личность солдата-гражданина», а солдатам предлагалось «строго выполнять воинские обязанности». Листовка выпущена за подписями товарища председателя Петроградского Совета М.И. Скобелева, председателя Военной комиссии ВКГД генерал-майора А.С. Потапова «по согласованию» с военным министром А.И. Гучковым⁶⁰⁷. Однако, по утверждению А.И. Деникина, «как приказ № 2, так и это воззвание не получили никакого распространения в войсках и ни в малейшей степени не повлияли на развитие событий, вызванных к жизни приказом № 1»⁶⁰⁸.

Вместе с тем листовки первых дней Февральской революции подтверждают уже отмеченный исследователями факт о некотором «взаимном притяжении» Совета и ВКГД, вызванном требованиями момента»⁶⁰⁹.

Одним из важных вопросов, приобретающих в период Февральской революции существенное политическое значение, являлся продовольственный. Продовольственная комиссия Петросовета оказалась не в состоянии без посторонней помощи решить проблему снабжения продуктами населения столицы. В ее состав были приглашены про-

⁶⁰⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 177. Об обстоятельствах подготовки этого документа подробнее см.: *Старцев В.И.* Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978. С. 66, 71–72.

⁶⁰⁶ ГМПР. Ф. II – 10850. Воззвание издано в виде небольшой односторонней листовки размером 25 на 31 см. 9 марта 1917 г. оно было также опубликовано в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

⁶⁰⁷ См. там же.

⁶⁰⁸ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. С. 67–68.

⁶⁰⁹ *Николаев А.Б., Поливанов О.Л.* К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 133.

фессионалы – депутаты-кадеты С.В. Востротин и А.И. Шингарев как представители ВКГД⁶¹⁰. В фондах ГМП ИР сохранились любопытные листовки: воззвание Продовольственной комиссии Петросовета и Исполнительного комитета Государственной думы «Граждане Петрограда!» об обеспечении города хлебом⁶¹¹ и объявление Петроградского Центрального продовольственного комитета, Исполнительного комитета Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов, совместно установивших таксу на продукты с 4 марта 1917 г.⁶¹².

Слабая эффективность деятельности Военной комиссии Петросовета вынудили его Исполком 28 февраля обратиться к солдатам с призывом подчиняться Военной комиссии при Думском комитете и вместе с тем немедленно избирать своих представителей в Совет рабочих депутатов. Это воззвание было также опубликовано в виде листовки, в которой Совет призвал солдат не противодействовать «прочной организации и подчинению распоряжениям Военной комиссии (ВКГД – А.К.) и назначенных ею начальников и одновременно прилагать все усилия к тому, чтобы «никто не мог предпринимать действий, противоречащих интересам народа»⁶¹³.

В середине марта 1917 г. при ВКГД учреждается фонд «Освобождения России», задачей которого стала организация «проповеди ... борьбы с пораженчеством, борьбы с началами, разлагающими государственность»⁶¹⁴. Начавшее действовать издательство «Освобожденная Россия» стало в марте-июне 1917 г. крупнейшим Петроградским издательством по выпуску листовочной литературы. По сведениям, приводимым в кандидатской диссертации Б.И. Колоницкого, посвященной буржуазным центрам печатной пропаганды в 1917 г., издательство за этот период выпустило 15 наименований листовок общим тиражом свыше 1 млн. 760 тыс. экз.⁶¹⁵. Нам представляется, что количество выпущенных листовок даже превосходило названную цифру. Так, в фондах ГМП ИР нами выявлена листовка «О войне и мире», вышедшая в издательстве «Освобожденная Россия» под номером 16⁶¹⁶. Кстати, такая форма публикации листовок в виде своеобразной серии широко практиковалась данным издательством, а порядковый номер издания указывался в надзаголовке.

⁶¹⁰ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 432.

⁶¹¹ ГМП ИР. Ф. II – 14965.

⁶¹² ГМП ИР. Ф. II – 11954.

⁶¹³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. I. С. 25.

⁶¹⁴ Колоницкий Б.И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март-октябрь 1917 года). Дисс. ... к. ист. н. С. 28, 29; Заславский Д.О., Канторович В.Л. Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. I. С. 98.

⁶¹⁵ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 204.

⁶¹⁶ ГМП ИР. Ф. II – 17548.

Руководители издательства в пропаганде оборонческих идей и политики классового мира на период войны не упускали случая сослаться на авторитетное мнение видных политиков, писателей и публицистов. Например, заведующий Отделом по сношению с войсками и населением (он ведал пропагандой) ВКГД кадет П.В. Герасимов направил телеграмму Г.В. Плеханову, еще находившемуся в эмиграции. В ней он просил «изложить свои взгляды на задачи обороны с целью распространения их среди солдат»⁶¹⁷. Телеграфный ответ Плеханова незамедлительно был отпечатан листовкой. Листовка с текстом статьи Г.В. Плеханова «Задачи русского рабочего класса» дважды вышла в листовочной серии издательства «Освобожденная Россия». Первый раз она бесплатно распространялась на улицах Петрограда накануне возвращения Плеханова из эмиграции 31 марта 1917 г.⁶¹⁸. Второе издание, содержащее агитационный призыв в пользу подписки на «Заем Свободы», вышло тиражом 50 000 экз. в апреле 1917 г.⁶¹⁹. Главный тезис статьи — необходима поддержка Временного правительства со стороны пролетариата перед лицом «германского Ганнибала» и контрреволюционных действий сторонников старого режима. Хотя формально в статье Плеханова отсутствовала критика большевиков, но не составляло особого труда догадаться против какой «полуанархической печати» и «лжениепримируемой агитации агентов-provокаторов» предлагал он бороться. Поэтому не случайно «Правда» отзывалась на выход этой листовки резкой до грубости статьей Л.Н. Сталь «К моменту», в которой говорилось, что своим выступлением Плеханов «дает новый козырь в руки шовинистической шайке, рвущей со всех сторон пролетарскую «Правду»...»⁶²⁰.

Своеобразным оборонческим манифестом прозвучала телеграмма В.Г. Короленко, направленная в адрес ВКГД. 14–15 марта ее содержание было опубликовано в «Русских ведомостях» и других крупных газетах под названием «Родина в опасности»⁶²¹. Обращение писателя было также выпущено отдельной листовкой в издательстве «Освобож-

⁶¹⁷ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 31.

⁶¹⁸ Правда. 1917. 31 марта.

⁶¹⁹ ГМПИР. Ф. II - 17546; № 4286 // Книжная летопись. 1917. № 17. С. 5.

⁶²⁰ Правда. 1917. 31 марта.

⁶²¹ Негретов Л.И. В.Г. Короленко: летопись жизни и творчества. 1917–1922. М., 1990. С. 9–12. Для характеристики взглядов В.Г. Короленко в этот период весьма показательны его «Открытое письмо В.Л. Бурцеву», где он отмечал: «Защиту родины считаю важнейшей из ближайших задач, а настроение, создаваемое так называемым «большевизмом» в стране и на фронте, могу сравнить разве с прививкой горячечной бациллы к ослабленному народному организму». Цит. по: В.Г. Короленко в годы революции и гражданской войны 1919–1921. Биографическая хроника / Сост. П.И. Негретов. Benson. 1985. С. 46–47.

денная Россия» под № 1⁶²². Тираж этой листовки составил 150 тысяч экземпляров⁶²³. Гимназисты, курсистки и другие молодые люди из интеллигентных семей расклеивали ее на стенах домов и заборах, а также раздавали прохожим на улицах Петрограда. «Перед лицом вражеской опасности, – утверждал писатель, – необходимо забыть распри, отложить споры о будущем и «партийное местничество». «Нужно не только пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца. А заслужить можно одним, последним усилием для отражения противника. Работа на фронте и в тылу, на всяком месте, до отражения опасности, до конца великой войны!» – призывал сограждан Короленко.

Видное место в агитационно-пропагандистской деятельности ВКГД занимала поддержка идеи «Займа Свободы». 6 апреля состоялось расширенное заседание Комитета содействия государственным займам, на котором присутствовали министры Временного правительства, представители политических партий, научных обществ и кредитных учреждений. Председательствовал на заседании М.В. Родзянко. В заключительной речи он выразил «глубокую уверенность, что свободный народ даст средства свободно избранному им Временному правительству и этим возвеличит славу нашего Отечества»⁶²⁴. В тот же день появилось обращение, служащее своеобразным продолжением речи своего председателя. Листовка за подписью М.В. Родзянко имеет надзаголовок «От Государственной думы» и целиком посвящена агитации за «Заем Свободы»: «Чем больше Вы дадите ваших сбережений на покрытие «Займа Свободы», тем успешнее Народное Правительство справится с назревшими нуждами. Государственная Дума зовет всех и каждого дать на этот заем, сколько кто может и тем исполнить священный долг перед Родиной»⁶²⁵. Обращение апеллирует прежде всего к «людям капитала и промышленности», призывая их «показать яркий пример служения отчизне» и не жалеть средств: «За вами, за вами починам пойдут все»⁶²⁶.

Нарастание в стране экономического кризиса вызвало к жизни многочисленные агитационно-пропагандистские материалы, призывающие, в частности, крестьян подвозить продукты в города и сдавать их по твердым ценам. В музейной коллекции представлены, например, агитационные почтовые открытки подобного содержания. ВКГД также обратился к крестьянам и землевладельцам с рядом воззваний и

⁶²² ГМПИР. Ф. II – 10108/3.

⁶²³ № 4245 // Книжная летопись. 1917. № 17. С. 3.

⁶²⁴ Речь. 1917. 7 апреля.

⁶²⁵ ГМПИР. Ф. II – 17544. Односторонняя листовка размером 21 x 29,5 см была отпечатана в типографии «Копейка» (Сайкин пер., 9).

⁶²⁶ См.: Там же.

обращений, призывая их расширять площади обрабатываемой земли и везти урожай для нужд городского населения и фронта. В музейной коллекции представлена листовка с обращением председателя ВКГД М.В. Родзянко от 13 марта 1917 г. к «помещикам, землевладельцам, крестьянам, казакам и арендаторам»⁶²⁷. Она призывает их производить максимум зерна для армии, ведущей борьбу с врагом. Ранее, еще 28 февраля ВКГД обращался к железнодорожникам с призывом организовать хорошую работу транспорта «для войны и благоустройства тыла»⁶²⁸.

В музейной коллекции не зафиксировано листовок ВКГД, выпущенных в период политических кризисов. Исключение составляет, пожалуй, лишь одно издание. Как сообщала кадетская «Речь», в период апрельского кризиса в ходе демонстрации сторонников Временного правительства «разбрасывались листки, на которых напечатаны известные телеграммы, передававшие речь Вильгельма к его гвардии перед отправкой ее на русский фронт»⁶²⁹. Очевидно, речь идет о вышедшей в издательстве ВКГД «Освобожденная Россия» листовке под заголовком «Угрозы Вильгельма». В ней со ссылкой на немецкие газеты опубликованы отрывки из речи германского императора, в которой он заявил о необходимости «внести победоносное знамя в столицу России». Листовка обращалась с призывом «отбросить все распри» и споры о целях войны и «объединиться в одну общерусскую силу» для освобождения страны от «злого врага»⁶³⁰. Листовка была издана без указания авторства как персонального, так и какой-либо организации.

Кризис оборончества к середине 1917 г. проявился и в резком сокращении выпуска листовок такого содержания. Из-за финансовых и организационных трудностей летом была практически свернута деятельность издательства «Освобожденная Россия».

Главная причина почти полного прекращения агитационно-пропагандистской деятельности ВКГД коренилась прежде всего в резком падении к этому времени его политического веса и авторитета. Он оказался уже не нужен не только своим политическим противникам, но и недавним сторонникам в рядах Временного правительства и либеральных партий. А на демонстрациях рабочие и солдаты Петрограда все чаще несли большевистские лозунги и среди них: «Долой контрреволюционную Государственную Думу и Государственный Совет».

⁶²⁷ ГМПИР. Ф. II – 10843/1–2.

⁶²⁸ ГМПИР. Ф. II – 10776/1–2.

⁶²⁹ Речь. 1917. 22 апреля.

⁶³⁰ ГМПИР. Ф. II – 17547.

6 октября 1917 г. ВКГД был упразднен Временным правительством в связи с изданием акта о роспуске Государственной думы, а 18 декабря 1917 г. ленинский СНК издал декрет об упразднении канцелярии ВКГД⁶³¹.

В заключение остается отметить, что часть листовок, о которых шла речь в сообщении, в 2007–2009 г. была представлена на выставке ГМПР «Февраль 1917-го. Хроника падения монархии в России». Один из ее разделов рассказывает, в частности, и о деятельности ВКГД.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Отдел сношений с войсками и населением Временного комитета Государственной думы: создание, состав и основные направления деятельности (1917 г.).

Созданный в дни Февральской революции Временный комитет Государственной думы (ВКГД) вскоре оброс различными комиссиями, отделами и комитетами, ряд из которых вплоть до сегодняшнего дня остаются малоисследованными. Среди них – Отдел сношений с воинскими частями и населением. Справедливости ради заметим, что в статье Б.И. Колоницкого весьма подробно рассмотрена деятельность Отдела по организации печатной пропаганды ВКГД⁶³². Некоторые сведения о деятельности Отдела содержатся в специальных работах, посвященных комиссарам ВКГД⁶³³. Упоминание о нем есть в статье Б.М. Витенберга о думском Комитете, в которой приведены сведения о структуре Отдела на 10 мая 1917 г. Витенберг пишет, что «точные даты учреждения и упразднения отдела и его подотделов не установлены»⁶³⁴.

Судя по всему, история Отдела сношений с воинскими частями и населением началась еще в дни Февральской революции. Видимо, 1 марта 1917 г. был создан Отдел поездок депутатов в воинские части при Государственной думе. Во главе Отдела был поставлен депутат

⁶³¹ Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы. С. 115.

⁶³² Колоницкий Б.И. Издательская деятельность Временного комитета Государственной думы в Петрограде (март – октябрь 1917 г.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Сб. научн. тр. Л., 1990. С. 56–67.

⁶³³ См., напр.: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 года: персональный состав // Из глубины времен. 1997. № 8. С. 29–30.

⁶³⁴ Витенберг Б.М. Временный комитет Государственной думы // Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917 гг. СПб., 1998. Т. 1. С. 228.

IV Государственной думы. Однако, кто заведовал Отделом в начале марта 1917 г., точно не установлено. В нашем распоряжении есть два документа, имеющие одного адресата, одинаковую датировку и исходящий номер. Речь идет о документах от 4 марта 1917 г. за № 15/271 за подписью заведующего Отделом, адресованных военному министру. Различие состоит в том, что первый документ – краткая сводка – подписан членом Государственной думы П.В. Герасимовым (кадет)⁶³⁵, а второй – развернутый отчет – С.А. Таскиным (кадет)⁶³⁶.

Отдел собирал информацию о ситуации в воинских частях. Основными информаторами выступали командиры и офицеры. Исходя из полученных сведений, Отдел принимал то или иное решение. В большинстве случаев речь шла о посылке депутатов в те воинские части, где складывались тяжелые отношения между командным и рядовым составами. Члены Думы, побывав в воинских частях, представляли в Отдел сведения о ситуации в них. С 1 по 3 марта включительно по Отделу прошли командировки думцев в Запасные батальоны л.-гв. Измайловского, Московского, Волынского и Литовского полков. Кроме этого, Отдел собрал сведения о положении дел в Запасных батальонах Преображенского и Павловского полков, в Самокатном запасном батальоне, в 6-м запасном саперном батальоне, 171-м пехотном запасном полку, 6-м казачьем полку, в Павловском юнкерском и Николаевском артиллерийском училищах, а также в гарнизоне Царского села⁶³⁷. По итогам командировок Отдел, во-первых, провел некоторые меры самостоятельно и, во-вторых, дал военному министру рекомендации, которые должны были привести к успокоению солдатской массы, наведению в войсках дисциплины.

Говоря о тех шагах, которые Отдел провел без помощи Военного министерства, укажем следующие: 1) после конфликта, который возник между думцами и солдатами-москвичами⁶³⁸, он был вынужден принять меры к тому, чтобы депутаты Думы командировались в Московский полк и другие части, расположенные на Выборгской стороне,

⁶³⁵ ГАРФ. Ф. Р-3348. Оп. 1. Д. 141. Л. 359.

⁶³⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 344–345.

⁶³⁷ Там же; ГАРФ. Ф. Р-3348. Оп. 1. Д. 141. Л. 359. См. также: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 276.

⁶³⁸ Отдел поездок депутатов в воинские части сообщал военному министру: «Московский полк. Настроен очень беспокойно. Депутатов слушали, но потом арестовали и для выяснения личностей привезли в Государственную Думу, не доверяя предъявленным удостоверениям» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 344). Одним из арестованных депутатов был Н.Н. Николаев, а вторым, видимо, И.Н. Маньков. Об аресте думцев см. подробнее: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 277.

«совместно с депутатами, входящими в состав Совета рабочих депутатов»; 2) в виду того, что 6-й казачий полк был наводнен «всякими листками неизвестного происхождения», организована ежедневная доставка в казармы «Известий» Комитета Петроградских журналистов и «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Отдел рекомендовал военному министру: 1) обратить внимание на совершенно недопустимые условия размещения 4-й роты Запасного батальона л.-гв. Павловского полка – «в сырых конюшнях Придворного ведомства, без тюфяков, [на] трех ярусных нарах»; 2) вывести Самокатный батальон из Лесного в другую часть города, так как рабочие массы сильно возбуждены против самокатчиков, «долго державшихся против революционных войск»; 3) вывести 171-й пехотный запасный полк из Семеновских казарм, так как «он оказывает дезорганизующее влияние на семеновцев»; 4) организовать осведомительную деятельность в гарнизоне Царского села, так как «сведения не получаются».

Кроме этого, Отдел обращал внимание военного министра на то, что в воинских частях среди солдат ведется агитационная работа, направленная против Государственной думы и «подстрекающая» солдат против офицеров. Подчеркивалось, что «большую смуту производит приказ № 1, отрицательное отношение к которому со стороны Совета депутатов до сих пор не достаточно рельефно определилось»⁶³⁹.

Видимо, Отдел поездок депутатов продолжил свою работу и после 4 марта 1917 г. Как писали «Биржевые ведомости» 9 марта, в Государственной думе работала «особая часть», куда стекались «ежедневно все донесения депутатов». Как писал А. Гессен, «этой частью ведает» депутат А.С. Таскин⁶⁴⁰. Хотя точного названия ее Гессен в своей статье не указал, но речь, видимо, шла именно об Отделе поездок. Если это так, то 8 марта во главе Отдела поездок стоял Таскин. Заметим, что именно он, а не Герасимов, подписал за председателя ВКГД М.В. Родзянко думское воззвание «Офицерам и командам находящимся в Николаеве судов»⁶⁴¹. Правда, один командированный, получивший удостоверение от 8 марта, позднее адресовал свою телеграмму так: «Отдел поездок депутатов. Депутату Герасимову»⁶⁴². Кто же был заведующим Отделом в это время – Герасимов или Таскин – не установлено.

⁶³⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 344–345.

⁶⁴⁰ Гессен А. Государственное строительство новой России // Биржевые ведомости. 1917. 9 марта (веч. вып.).

⁶⁴¹ Воззвание офицерам и командам[.] находящихся в Николаева судов / Разные известия // Солдатское слово. 1917. 10 марта.

⁶⁴² РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 175.

Отдел занимался сбором сведений о положении в стране. Таскин заявил Гессену: «<...> Я имею сведения, полученные мной с разных концов России, и ничего тревожного сказать вам не могу. В воинских частях настроение прекрасное <...> Сейчас, когда все знают, что взаимоотношения между Г[осударственной] думой и Советом рабочих депутатов наладились и с каждым днем становятся все нормальнее и естественнее – одновременно налаживаются и взаимоотношения в воинских частях. Солдаты <...> прекрасно поняли, что без дисциплины воинская часть не является таковой. И дисциплина <...> постепенно вновь входит в обиход воинских частей <...>»⁶⁴³.

Столь оптимистичное заявление Таскина не вполне соответствовало тому, что происходило в армии и провинции. Не останавливаясь на общей характеристике происходящего в воинских частях и на местах, заметим лишь то, что в Государственную думу приходили телеграммы, в которых содержалась просьба прислать комиссара Государственной думы. Конечно, удовлетворить все просьбы думский Комитет не мог. Именно поэтому возникла мысль использовать для осведомления воинских частей и населения различных местностей России не только членов Государственной думы, но и других лиц. Для проведения этой работы и был создан, скорее всего, 10 марта 1917 г. новый отдел ВКГД. В печатном органе ВКГД указывались цели его деятельности: «распространение идей: а) о необходимости продолжения войны; б) о поддержании воинской дисциплины; в) об установлении правового порядка в государстве, и г) о поддержании Временного правительства»⁶⁴⁴.

Документы, отложившиеся в РГИА, а также материалы периодической печати показывают, что новое подразделение думского Комитета называли по-разному: Отдел для сношений с войсками и населением (14 марта)⁶⁴⁵, Отдел ВКГД по сношению с войсковыми частями и населением (28 марта 1917 г.)⁶⁴⁶, Отдел ВКГД по сношению с войсками и населением⁶⁴⁷ (май – июль⁶⁴⁸, 1 октября⁶⁴⁹), Отдел сношений с воинскими частями и населением⁶⁵⁰. В РГИА выявлены официальные

⁶⁴³ Гессен А. Государственное строительство новой России // Биржевые ведомости. 1917. 9 марта (веч. вып.).

⁶⁴⁴ Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля.

⁶⁴⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 3.

⁶⁴⁶ Там же. Д. 7. Л. 163.

⁶⁴⁷ Там же. Д. 6. Л. 147.

⁶⁴⁸ Там же. Д. 14. ЛЛ. 332, 334 об., 346, 350.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 372.

⁶⁵⁰ Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля.

бланки Отдела, датированные 8, 13, 17, 29 июля и 2 октября 1917 г., на которых указано другое название: «Временный комитет Государственной думы. Отдел сношений с войсками и населением»⁶⁵¹ (далее – ОСВН ВКГД).

Заведующим Отделом сношений с войсками и населением был назначен член IV Государственной думы П.В. Герасимов⁶⁵². На время своего отпуска П.В. Герасимов оставил заместителем члена Государственной думы А.Я. Тимофеева (кадет). Герасимов подал заявление 5 июля, а отпуск ему был оформлен с 8 июля⁶⁵³. 1 августа ВКГД обращался к Тимофееву уже как к заведующему Отделом⁶⁵⁴. Каких-либо сведений о том, что Герасимов после отпуска вернулся к заведованию ОСВН ВКГД, в нашем распоряжении нет. Можно утверждать, что заведующим в июле – начале сентября был Тимофеев⁶⁵⁵. Отдел располагался в комнате № 29-а Таврического дворца⁶⁵⁶.

Заведующий Отделом осуществлял общее руководство его деятельностью, вел переговоры с членами Государственной думы о командировках в воинские части и провинцию в том случае, когда на это имелось соответствующее решение думского Комитета. В частности, 5 апреля 1917 г. управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка, ссылаясь на распоряжение Временного комитета Думы, обратился к члену Государственной думы А.М. Масленникову с просьбой «пожаловать шестого апреля утром [для] переговоров [с] членом Думы Герасимовым»⁶⁵⁷. Руководство Отдела давало директивы, на основе которых действовали уполномоченные ВКГД по Отделу сношений с войсками и населением. В частности, согласно таким директивам, уполномоченный С.К. Телешевский работал с 1 апреля и по 1 августа 1917 г. «в Кисловодске, Пятигорске, Железноводске и в районе Северного Кавказа по распространению литературы, по пропаганде в лазаретах, частях войск, организациях и [среди] населения»⁶⁵⁸.

Отдел включал в себя несколько подразделов (отделов): 1) Общая канцелярия; 2) Сношений с войсками; 3) Сношений с провинцией; 4) Информационный; 5) Автомобильный; 6) Распространения литерату-

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 269, 270, 271, 307, 371.

⁶⁵² Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля.

⁶⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 279; Д. 28. Л. 10.

⁶⁵⁴ Там же. Д. 14. Л. 313.

⁶⁵⁵ Б.И. Колоницкий пишет, что первоначально Отдел возглавлял П.В. Герасимов, затем – А.Я. Тимофеев (Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 57).

⁶⁵⁶ Хроника // День. 1917. 9 июня.

⁶⁵⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 223.

⁶⁵⁸ Там же. Д. 14. Л. 688.

ры; 7) Издательский; 8) Склад литературы; 9) Экспедиция; 10) Брошюровочная; 11) Московский; 12) Одесский⁶⁵⁹. Как пишет Б.И. Колоницкий, «Отдел насчитывал более ста штатных служащих и некоторое число сотрудников-добровольцев»⁶⁶⁰.

Финансирование Отдела проводилось за счет средств, выделенных думским Комитетом. 13 марта ВКГД принял постановление открыть счет на имя Отдела в размере 300 тысяч руб. и «производить выдачи с такового» по распоряжению заведующего Отделом П.В. Герасимова. 14 марта соответствующее распоряжение было отдано М.В. Родзянко казначею Временного комитета Н.М. Панкееву⁶⁶¹. В дальнейшем финансирование деятельности Отдела было увеличено. В апреле 1917 г. Отделу было выделено 316 000 руб.⁶⁶² Согласно «Смете назначений», датированной 24 июня 1917 г., за май-июнь Отделу было разрешено получить из средств ВКГД 1 811 500 руб. (включая 600 000 руб. для выписки на 6 месяцев газеты «Труд и воля»), в июле и августе по 518 250 руб.⁶⁶³. Всего же за март-август, по нашим подсчетам, Отделу было выделено 3 464 000 руб. Средства переводились ВКГД на текущий счет ОСВН в Волжско-Камском коммерческом банке за № 18900⁶⁶⁴.

Когда точно была создана Канцелярия ОСВН, не установлено. П.В. Герасимов 27 марта писал, что она «была организована позже» и «первое время деятельность Отдела протекала, можно сказать, на ходу, без правильного поставленного делопроизводства»⁶⁶⁵. Но во второй половине марта она уже функционировала. Управляющим Канцелярией был А.М. Шафир⁶⁶⁶. Через Канцелярию шла переписка Отдела и его подотделов, кроме редакторской части Издательского и Провинциального отделов⁶⁶⁷. Канцелярия оформляла командировочные удостоверения. 16 мая 1917 г. она получила уполномочие от Управления делами ВКГД ходатайствовать перед Интендантским управлением Петроградского военного округа «о предоставлении всех видов пищевого довольствия для организации питательного пункта для служащих

⁶⁵⁹ См. здесь же: Приложение. Структура, персональный состав и оклады сотрудников Отдела сношений с войсками и населением.

⁶⁶⁰ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 57.

⁶⁶¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 3.

⁶⁶² Там же. Л. 270.

⁶⁶³ Там же. Л. 213.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 269.

⁶⁶⁵ Там же. Д. 7. Л. 149.

⁶⁶⁶ Там же. Оп. 5. Д. 1130. Л. 238, сведения на 15 апреля 1917 г.

⁶⁶⁷ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 334 об.

во Временном комитете и состоящих при нем учреждений (гражданских чинов, офицеров и солдат)»⁶⁶⁸.

К сожалению, сохранились лишь отдельные документы, вышедшие из недр Канцелярии, которые, конечно, не дают возможности составить более или менее полную картину ее деятельности. Неизвестно и то, сколько лиц оформили в ней свои командировки, которые они получили от подотделов Отдела сношений с войсками и населением. Выявлен лишь машинописный бланк удостоверения, текст которого характеризует полномочия лиц, направляемых «Отделом для сношения с войсками и населением» – «для установления связи с местными общественными комитетами, союзами и организациями и осведомления населения <...> с задачами и целями Временного правительства». В удостоверении присутствовала формула о содействии: «Отдел ВКГД предлагает всем общественным установлениям оказывать содействие и помощь». Заметим, что формула о содействии не содержала просьбу к правительственным учреждениям и тем самым дополнительно ограничивала уполномоченного исключительно деятельностью в сфере функционирования общественных сил. Удостоверение должно было идти за подписью заведующего Отделом Временного комитета члена Государственной думы⁶⁶⁹.

Удостоверение с такими полномочиями должны были получать все командированные Отделом. Но в некоторых случаях, видимо, это правило не соблюдалось. В делопроизводстве думского Комитета выявлен отпуск удостоверения на бланке ВКГД на имя священника Н.И. Разумовского. Заметим, что в тексте его указывалось, что Разумовский командирован «Отделом сношений ВКГД в действующую армию для проповедей и бесед с воинскими чинами и населением». В удостоверении присутствовала формула о содействии: «Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать Разумовскому необходимое содействие». Удостоверение подписано председателем ВКГД М.В. Родзянко и помощником управделами ВКГД И. Батовым⁶⁷⁰. Член Государственной думы В.Н. Пепеляев, отправляясь летом 1917 г. в действующую армию, просил, чтобы «удостоверение ему было выдано

⁶⁶⁸ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 156. Ранее этим вопросом занимался Отдел питания Военной комиссии ВКГД. Укажем, что 10 мая 1917 г. комиссия прекратила свое существование, что было оформлено постановлением думского Комитета 13 мая 1917 г.: (Николаев А.Б. Военная комиссия Временного комитета Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008. (Далее: ГД – 2008). С. 95).

⁶⁶⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 147.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 263.

непосредственно от Временного комитета за подписью председателя Государственной думы»⁶⁷¹.

Отдел (подотдел) сношений с войсками уже функционировал 10 марта 1917 г.⁶⁷². Первым заведующим Отделом стал член Государственной думы С.А. Таскин (кадет). Он занимал эту должность вплоть до 16 марта 1917 г., когда был командирован в Забайкальскую область⁶⁷³. Затем заведующим Отделом был назначен член Государственной думы Б.А. Энгельгардт (земец-октябрист)⁶⁷⁴. Изредка представления в адрес ВКГД за Энгельгардта подписывал член Государственной думы В.А. Потоулов (земец-октябрист)⁶⁷⁵.

Отдел сношений с войсками вел переписку через Общую канцелярию на бланках Отдела сношений с войсками и населением. В марте Отдел получил аванс в размере 10 914 руб., на первую декаду апреля – 15 064 руб.⁶⁷⁶.

Как писал 11 марта «Русский инвалид», Отдел ВКГД по сношению с войсками «в настоящее время занят разработкой получаемых непрерывно известий о положении дела в войсковых частях». Отдел ежедневно составлял справку с общим обзором положения дел в войсковых частях, которую отправлял военному министру. Представитель Отдела сообщил корреспонденту «Русского инвалида», что «жизнь в Петроградском гарнизоне вполне налаживается». Отдел занимался командировкой членов Государственной думы в воинские части Петроградского гарнизона, которые по итогам их предоставили «вполне успокоительные сообщения». Отдел получал сведения и непосредственно от солдат и офицеров, прибывающих с фронта. Они рассказывали, что «настроение в войсках превосходное и войска всецело стоят на точке зрения необходимости энергичного ведения войны до ее победоносного завершения»⁶⁷⁷. 13 марта «Биржевые ведомости» писали, что заведующий Отделом сношений с войсками С.А. Таскин «ежедневно получает со всех концов сообщения успокоительного характе-

⁶⁷¹ Там же. Д. 7. Л. 457.

⁶⁷² Хроника // Русский инвалид. 1917. 11 марта.

⁶⁷³ Николаев А.Б. Таскин Сергей Афанасьевич // ИД – 2008. С. 606. Добавим, что в начале мая 1917 г. Таскин находился в Петрограде. 2 мая он вел телеграфные переговоры с комиссарами, членами Особого Закавказского комитета В.А. Харламовым (предс.), М.Ю. Джафаровым и А.И. Чхенкели, о чем на бланке Отдела сношений с войсками и населением сообщил в думский Комитет (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 117–119).

⁶⁷⁴ Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля.

⁶⁷⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 190.

⁶⁷⁶ Там же. Д. 14. ЛЛ. 94–95.

⁶⁷⁷ Хроника // Русский инвалид. 1917. 11 марта.

ра»⁶⁷⁸. Несколько позднее в прессе сообщалось, что Отдел, «ведущий сношениями с военными частями, получает все более и более успокоительные известия»⁶⁷⁹, «успокоительные сообщения получены отовсюду из Финляндии»⁶⁸⁰. В «Биржевых ведомостях» были приведены слова заведующего Отделом Таскина: «<...>из всех частей войск поступают одни и те же донесения: жизнь входит в нормальную колею, взаимоотношения между офицерами и солдатами налажены, в необходимости довести войну до победного конца не сомневаются»⁶⁸¹.

Но уже в конце марта ситуация резко изменилась. В Отдел стала поступать информация, говорящая о том, что период революционной эйфории окончился, а надежды на то, что дисциплина в воинских частях в ближайшее время будет восстановлена, безосновательны. 28 марта 1917 г. Б.А. Энгельгардт на бланке Отдела ВКГД по сношению с войсковыми частями и населением препроводил на усмотрение ВКГД сведения о положении дел в 178 запасном пехотном полку, расквартированном в Старой Руссе. Энгельгардт сообщал, что в Старой Руссе наблюдаются беспорядки, солдаты «вновь арестовывают офицеров», «недовольство временным местным комитетом», «солдаты на улице». Сведения эти, как писал Энгельгардт, получены «от солдат, приехавших к старшему врачу полка, находящемуся в данное время в командировке в городе Петрограде». В этот же день представление Энгельгардта было доложено ВКГД, который направил его копию министру-председателю⁶⁸². 30 марта Отдел обратился в думский Комитет с представлением о командировании депутатов Государственной думы А.А. Назарова в Уральскую казачью дивизию (Западный фронт, Минск) и А.В. Иванова в 12-ю армию (Северный фронт, Рига). В этот же день просьба была ВКГД отклонена⁶⁸³. 31 марта 1917 г. Отдел, сославшись на телеграмму 7-го Уральского полка «о возможности осложнений на почве неосведомленности», просил думский Комитет командировать «одного из членов Думы в Минск для направления в Уральскую казачью дивизию». 1 апреля ВКГД рассмотрел представление Отдела и решил командировать члена Государственной думы А.Г. Лелюхина⁶⁸⁴.

⁶⁷⁸ В отделе военных сношений // Биржевые ведомости. 1917. 13 марта (веч. вып.).

⁶⁷⁹ Вести с фронта / Хроника // Солдатское слово. 1917. 17 марта; Настроение в армии // Последние армейские известия. 1917. 18 марта (Б.м.).

⁶⁸⁰ В отделе военных сношений / Разные известия // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 16 марта.

⁶⁸¹ Гессен А. Народная армия в [Государственной] думе // Биржевые ведомости. 1917. 18 марта (веч. вып.).

⁶⁸² РГИА. Ф.1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 123.

⁶⁸³ Там же. Д. 7. Л. 190.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 368.

В апреле 1917 г. Отдел сношений с войсками продолжил деятельность по командированию в воинские части своих уполномоченных, стремясь использовать и депутатов Государственной думы. Так, 7 апреля на бланке Отдела сношений с войсками и населением поручик Гуковский с пометкой «срочно» обратился с представлением в думский Комитет с предложением командировать депутата Думы в форт «Ино». Гуковский указал причину, которая делает эту командировку необходимой – «усиленная пропаганда на форте большевиков и правых». Представление Отдела было доложено ВКГД 8 апреля, который в этот же день решил командировать в форт «Ино» члена Думы А.З. Танцова⁶⁸⁵. Установлено, что в апреле 1917 г. Отдел командировал большие группы студентов, которые распространяли на фронтах литературу, изданную ВКГД. В частности, такая группа была командирована на Румынский фронт⁶⁸⁶.

Отдел старался донести информацию о своем существовании до всех воинских частей, солдат и офицеров. В апреле 1917 г. Б.А. Энгельгардт разослал телеграмму, в которой предлагалось «оповестить все подведомственные части и гарнизоны» о том, что для непосредственной связи с войсками при Временном комитете Государственной думы действует отдел сношений с войсками». Энгельгардт указал основную задачу Отдела – «помочь каждому солдату и офицеру части и учреждения скорее соорганизоваться и разобраться в вопросах момента путем личных и письменных сношений»⁶⁸⁷.

Рост влияния большевиков среди солдат в апреле 1917 г. и, видимо, события Апрельского политического кризиса заставили Отдел сношений с войсками активизировать свою деятельность. Ценным документом, на основе которого можно составить представление о структуре, персональном составе, задачах и конкретных мероприятиях Отдела сношений с войсками является смета, подписанная Б.А. Энгельгардтом и управляющим Общей канцелярией Шафиром⁶⁸⁸. К сожалению, этот документ не датирован. Но можно предположить, что он был составлен в начале июня и содержит информацию, относящуюся к маю 1917 г.

С 1 мая 1917 г. в Отделе уже функционировало несколько подразделений, во главе которых стояли офицеры. Среди этих подразделе-

⁶⁸⁵ Там же. Л. 237.

⁶⁸⁶ Там же. Д. 4. Л. 291.

⁶⁸⁷ Из ставки / Вечерние известия // Кавказ. 1917. 22 апреля (Тифлис).

⁶⁸⁸ Смета по Отделу сношений с войсками Временного комитета Государственной думы на июнь месяц 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 232 об. – 234 об. Далее характеристика деятельности Отдела сношений с войсками дается по этому документу.

ний следующие: общее руководство пропагандой; сношение с фронтом; посылка делегаций и личные выступления; организация в воинских частях Петроградского гарнизона митингов и лекций; организация на местах, выступления и поездки с группами; связь с иностранцами и др.⁶⁸⁹. Всего в штат Отдела в мае 1917 г. входило 11 человек (10 офицеров и 1 солдат), на содержание которых уходило 3 780 руб. в месяц. Энгельгардт считал необходимым включить в штат «еще трех сотрудников, помощников заведующему сношением с войсками фронта и Петрограда, и заведующему пропагандой в войсках тыла и окрестностей Петрограда, что в предположительном определении составит 1 215 руб. в месяц». Вся же смета по содержанию сотрудников Отдела составила 4 995 руб. в месяц, а если считать и лиц, привлекаемых к работе на временной основе, то – 6 000 руб.

Судя по словам Энгельгардта, к маю 1917 г. были сформулированы задачи деятельности Отдела сношений с войсками: 1) Широкая пропаганда «среди войск фронта и тыла о необходимости доведения войны до конца. 2) Внедрение начал гражданственности и нового государственного порядка. 3) Поддержание дисциплины на новых началах. 4) Подготовка войск к Учредительному собранию. 5) Разъяснение партийных программ и земельного вопроса. 6) Борьба с большевизмом и реакционными течениями».

Б.А. Энгельгардт писал, что «прежде всего Отдел принял все меры к подысканию соответствующих сил в лице лекторов и агитаторов». Выяснилось, что в том же пропагандистском направлении работает ряд общественных организаций, поэтому Отдел вошел в тесный контакт со следующими организациями: 1) группа «Единство»; 2) газета «Воля народа»; 3) Черноморцы⁶⁹⁰; 4) Союз Георгиевских кавалеров; 5) Союз солдат-республиканцев; 6) Союз инвалидов; 7) Союз бежавших из плена; 8) Иностранное бюро пропаганды⁶⁹¹; 9) Лекторские университетских курсы и педагоги средней школы; 10) Пеженцы (137-й пехотный Неженский полк); 11) Делегаты фронта.

⁶⁸⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 232; См. здесь же: Приложения.

⁶⁹⁰ Контакты между Отделом сношений с войсками и черноморцами были достаточно тесными. Во всяком случае, в начале мая 1917 г. военный министр А.Ф. Керенский принял Б.А. Энгельгардта и представителя Черноморской делегации в Военном министерстве / Последние известия // Солдатское слово. 1917. 7 мая). Установлено, что ВКГД финансировал пропагандистскую деятельность оборонческой Черноморской делегации (Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 66).

⁶⁹¹ Б.И. Колоницкий предполагает, что речь идет о Петроградском информационном бюро Х. Уолпола (Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 66. См. также: Алексеева И.В. Посол Великобритании в России Джордж Бьюкенен и Февральская революция 1917 г. // Научная биография – вид исторического исследования. Л., 1985. С. 111).

Все указанные организации «по просьбе Отдела командировали лекторов и агитаторов <...> на митинги и лекции». Всего в мае 1917 г. при участии Отдела и сотрудничавших с ним организаций «прошло до 35 митингов и собраний». Заведующий Отделом предполагал, что в дальнейшем количество митингов и регулярных занятий «при частях войск» увеличится. Поэтому рассчитывал пригласить к сотрудничеству с Отделом «до десяти лекторов, с оплатой лекторского часа до 15 рублей».

Энгельгардт подчеркивал, что «условия текущего момента выдвинули в первую очередь практические задачи борьбы со всеми элементами, дезорганизующими армию тыла и фронта (ленинцы, провокация и шпионаж)». В ответ на вызовы обостряющейся политической борьбы Отдел «в первую очередь занялся организацией в частях Петроградского гарнизона мелких ячеек одинаково мыслящих способных продлить неотступную пропаганду идей порядка, дисциплины и новой государственности». Основными средствами «выполнения этой задачи служили беседы, лекции, митинги и литература». Располагая, по словам Энгельгардта, «довольно значительным кадром агитаторов Отдела и тесной содружественной работой с перечисленными организациями, Отдел неотступно бросал организованные агитаторские группы туда, где выступали вожаки большевизма и дезорганизации». Эта работа, направленная против большевистской агитации, «ушла далеко за пределы Петрограда, и комбинированные группы ораторов посылаются нами, — писал Энгельгардт, — на митинги, происходящие в Царском Селе, Петергофе, Гатчине, Красном Селе и Лесном». Отправка агитационных групп проходила как по инициативе самого Отдела, так и по просьбам местных воинских частей, сообщавших о предстоящих митингах. Кстати, в Царском Селе в роли осведомителя выступал местный Совет рабочих и солдатских депутатов.

В мае 1917 г. Отдел достаточно активно работал с воинскими частями на фронте. Энгельгардт писал, что «в интересах установления непрерывной связи с фронтом, а также авторитета самого Отдела, он выполняет посылки все запросы фронта, дает разъяснения, направляет ходатайства по инстанциям, облегчает работу местных организаций, ставя себе за правило не оставлять ни одного обращения в Отдел без ответа». Отдел столкнулся с многочисленными письменными и телеграфными просьбами «о присылке агитаторов, лекторов и литературы, часто с указанием тех вопросов, разъяснение которых особенно важно на местах». Кроме этого, «ежедневно в Отдел прибывают делегации из Действующей армии с теми же просьбами о лекторах, агитаторах и литературе». Интересно указание Энгельгардта на метод обработки просьб: «Для составления полной картины состоя-

ния этих частей, заявления делегатов фронта заносятся в анкетные листы»⁶⁹².

Установив очередность по степени важности просьб, Отдел сношений с войсками командировал на фронт делегатов, агитаторов и лекторов, используя, в частности, и комбинированные группы. Напомним, что комбинированные группы состояли из посланцев Отдела и всех сотрудничавших с ним организаций. Среди них было Иностранное бюро пропаганды («Бюро пропаганды союзных держав»), которое предоставило «в распоряжение Отдела всю свою специальную литературу и кадры постоянных ораторов». Посылаемые на фронт агитаторы и лекторы обязаны были «представить полный отчет» о своей деятельности, а также «отзывы от комитетов и командного состава». Необходимо указать, что деятельность делегатов, посылаемых Отделом на фронт, не ограничивалась только агитацией в войсках. Они должны были также проводить организационную работу, направленную на создание «местных ячеек фронта для дальнейшей пропаганды идей нового порядка и непрерывной связи с Отделом». В мае 1917 г. Отдел командировал три комбинированные группы агитаторов и до 30 отдельных лиц. Энгельгардт намечал расширить деятельность Отдела на фронте: «иметь там до 40 человек агитаторов, для чего штат агитаторов, курсирующих по фронту, должен быть увеличен до 60 человек». Расходы на пропаганду на фронте и разъезды должны были составить 40 000 руб. в месяц. Общие же расходы по Отделу, включая автомобили и разъезды в Петрограде (7 000 руб.) и непредвиденные расходы (7 000 руб.), должны были составить 65 000 руб. в месяц⁶⁹³. Можно предположить, что эта просьба Энгельгардта была удовлетворена.

Вопрос о расширении деятельности Отдела на фронте имел не только финансовую составляющую. Остро встала проблема с кадрами агитаторов и лекторов. В пользу этого утверждения свидетельствуют материалы периодической печати. Так, 20 июня в прессе сообщалось: «В Отдел сношений с войсками при Временном комитете Государственной думы начинают в большом количестве поступать из горсодов, лежащих близ фронта и др., ходатайства о присылке лекторов в распоряжение различных фронтовых организаций и частей. Количество подобных ходатайств ставит Отдел в затруднительное положение и ему приходится обращаться к обществу с просьбой отзываться на призыв населения к просвещению масс и предложить свои услуги Отделу»⁶⁹⁴.

⁶⁹² К сожалению, ни одного анкетного листа среди документов, отложавшихся в РГИА в фонде 1278, не выявлено.

⁶⁹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 234.

⁶⁹⁴ В Отделе сношений с войсками / Дела военные // Вечернее время. 1917. 20 июня.

Видимо, этот призыв нашел отклик в обществе. Отдел и в июле продолжал направлять на фронт своих делегатов, агитаторов и лекторов. Так, 5 июля, как писал «Вестник Румынского фронта», «приехали к нам делегаты Отдела сношений с войсками при Временном комитете Государственной думы – товарищи-социалисты, солдаты Нагорный и Сикиркин». Сообщалось, что они «выехали на фронт с целью агитации поддержки Временного правительства и наступательных идей во имя борьбы за мир и на основах, провозглашенных Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов»⁶⁹⁵. К сожалению, точных данных о количестве лиц, направленных Отделом летом 1917 г. на фронт в нашем распоряжении нет.

Судя по некоторым материалам, в июле 1917 г. при подготовке посылки своих лекторов на фронт Отдел сношений с войсками столкнулся с весьма серьезным противодействием на местах. «Земля и воля» сообщала, что «в неустанных работах по просвещению армии о спасении ее от социалистической заразы» Отдел разослал в дивизионные комитеты обращение, в котором утверждал, что «кризис армии доказывает необходимость энергичной пропаганды среди войск “начал гражданственности”» и необходимости продолжения войны до победного конца «совместно с союзниками», «поддержание дисциплины на новых началах». «За это дело, – продолжала эсеровская газета, – и берется Отдел сношений с войсками, обещая за одно и подготовить войска к Учр[едительному] собранию, и просветить их на счет земельного вопроса и партийных программ, предлагая одновременно свои услуги и для борьбы с большевиками». По убеждению «Земли и воли», Отдел «берется за все, что необходимо группам контрреволюционной буржуазии, для того, чтобы вырвать армию из рук демократии». «Земля и воля» утверждала, что «несмотря на все соблазны <...> дивизионные комитеты отвечают на заигрывание Гос[ударственной] думы отклонением ее услуг, указывая в своих ответах Врем[енному] комитету, что в политическом воспитании и просвещении армии революционная демократия имеет собственные организации: армейские комитеты и Сов[еты] р[абочих] и с[олдатских] депутатов»⁶⁹⁶. Естественно предположить, что при таком отношении дивизионных комитетов к пропагандистской думской деятельности Отдел должен был сократить или даже прекратить направление своих лекторов в воинские части на фронте.

⁶⁹⁵ Петроградские делегаты / Хроника // Вестник Румынского фронта. 1917. 7 июля (Б.м.).

⁶⁹⁶ «Просветительская деятельность» Госуд[арственной] думы на фронте // Земля и воля. 1917. 21 июля (Петроград).

В планы Б.А. Энгельгардта входила борьба «с дезорганизующими началами в крупных боевых центрах». Именно поэтому Отдел в мае предпринял шаги по учреждению своих баз в Гельсингфорсе и Риге, где «осуществляется идея создания печатного органа для прямой борьбы с газетами типа “Окопная правда” и Гельсингфорская “Волна”». Судя по словам Энгельгардта, в Риге и Гельсингфорсе Отдел уже в мае 1917 г. вел постоянную пропаганду⁶⁹⁷. Но попытка создать печатный орган, в частности, в Гельсингфорсе была предпринята только в июле 1917 г.

В газете «День» 12 июля было опубликовано письмо, в котором сообщалось о том, что «группа лиц, из которых некоторые входят в состав Отдела сношений с войсками при Временном комитете Государственной думы, решила издавать в Гельсингфорсе газету под названием “Общее дело” – орган социалистической мысли». По словам членов редакции этой газеты, она ставила «своей задачей объединение и организацию разрозненных партий под общими лозунгами, провозглашенными Всероссийским Советом и Временным правительством». В начале июля все технические вопросы были решены и первый номер газеты готовился к выходу. Но 6 июля в редакцию, находящуюся в Гельсингфорсе, «явилось трое лиц, предъявивших ордер от Отдела охраны народной свободы⁶⁹⁸», которые произвели обыск, «причем все бумаги <...> тщательно просматривались и пересчитывались». По словам авторов письма, один из участников обыска «спросил, имеет ли редакция разрешения на покупку шрифта и издание газеты[?]». И на ответ, что такого «разрешения по закону не требуется», заявил, что «в Гельсингфорсе без согласия Комитета газета издаваться не будет, так как у них имеются сведения, что она буржуазного направления». После этого обыск был проведен в типографии, а сама она опечатана. 7 июля редактор газеты явился в Исполнительный комитет, где ему было заявлено следующее: «<...> так как обыском установлено, что в издательстве газеты принимают участие лица, причастные к Государственной думе, то выход газеты ни в коем случае не разрешается»⁶⁹⁹. Ни одного номера Гельсингфорской газеты «Общее дело» так и не вышло.

⁶⁹⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 234.

⁶⁹⁸ Речь идет о Секции охраны народной свободы, которая была создана при Совете депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта в начале марта 1917 г. Секция получила право обнаружения и ареста шпионов. Полномочия Секции по проведению контрразведывательной работы распространялись на территории Гельсингфорса, Свеаборгской крепости, Брагестада (Брагештадта), Николайстада (Николайштадта), Бьернеборга, Куопио и т.д. (Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврал-марте 1917 года // Из глубины времен. 2000. № 12. С. 61).

⁶⁹⁹ Письмо в редакцию // День. 1917. 12 июля.

Отдел сношений с провинцией был создан при Временном комитете Государственной думы 10 марта⁷⁰⁰. Иногда его называли Провинциальным отделом⁷⁰¹. Он располагался в комнате № 8 Таврического дворца. Сначала его возглавлял депутат Государственной думы С.А. Таскин. О том, что в первую половину марта он был заведующим, писал в думский Комитет 27 марта 1917 г. П.В. Герасимов. Видимо, Таскин первое время совмещал должности заведующих Отделом сношений с войсками и Отделом сношений с провинцией. Вслед за ним заведующим Отделом сношений с провинцией стал депутат Государственной думы А.Я. Тимофеев (кадет).

Отдел состоял из нескольких подразделений по осведомлению: 1) фронта; 2) столицы; 3) провинции. Во главе каждого из этих подотделов ВКГД назначил депутатов Государственной думы⁷⁰². К сожалению, пока не установлено, кто конкретно из депутатов Государственной думы возглавил эти отделы. Кроме этого, был создан Отчетно-делегатский отдел, заведующим которого был И. Романов⁷⁰³. В том подразделении, которое занималось осведомлением провинции, работали студенты. Они, по словам побывавшего в нем К.А. Акчурина, «записывают, объясняют, выдают и отправляют брошюры»⁷⁰⁴.

В марте Отдел сношений с провинцией получил аванс в размере 3 357 руб. 10 914 руб., на первую декаду апреля – 6 414 руб.⁷⁰⁵. Если сравнить авансы Отдела сношений с провинцией и Отдела сношений с войсками, то можно сделать вывод о том, что, во-первых, думский Комитет считал работу в провинции менее значимой, чем аналогичную деятельность в воинских частях и, во-вторых, начиная с апреля, внимание к положению дел в провинции усилилось.

Отдел сношений с провинцией был создан в ответ на вызовы времени, которые, по словам П.В. Герасимова, состояли в следующем: «1) деревня и глухие городские захолустья (а сплошь и рядом губернские города) восприняли новый строй в условиях полной неосведомленности и неподготовленности; 2) необъятная русская провинция в той же мере лишена активных рабочих интеллигентных сил, как и фронт». Эти условия тогдашней России и сформулировали те задачи,

⁷⁰⁰ Март – май 1917 г. / С предисл. Я.А. Яковлева // Красный архив. 1926. Т.2 (15). С. 33. См. также: РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 241.

⁷⁰¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 128, 334, 334 об.

⁷⁰² Отдел сношений с провинцией // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля.

⁷⁰³ Март – май 1917 г. С. 60. См. также: РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 243.

⁷⁰⁴ Акчурин К.А. В Государственной думе // Симбирянин. 1917. 14 апреля (Симбирск).

⁷⁰⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 94–95.

которые Отдел сношений с провинцией поставил перед собой. Их можно разделить на задачи просветительно-политической пропаганды и организационные. К первым Герасимов отнес следующие: 1) «широкое внепартийное осведомление провинции, в том числе и деревни, о существе и ходе развития событий и новых для провинции вопросов политической злободневности»; 2) подготовка «общественной мысли к восприятию новых начал государственной жизни и к сознательному осуществлению населением политических своих прав». К организационным задачам относились следующие: 1) создание «кадров надежных работников»; 2) «оказание помощи наиболее “беспокойным” губерниям в виде посылки туда для организации и содействия местным общественным силам ближайших сотрудников Отдела»⁷⁰⁶.

В упрощенном виде задачи Отдела изложил его уполномоченный Д.А. Золотарев, находясь в командировке в Ярославле: «1) Бесплатная рассылка населению и войскам тыла газет, брошюр и воззваний. 2) Посылка депутатов Государственной думы и сотрудников Отдела для беседования с войсковыми частями и населением с целью разъяснения вопросов, вызванных переживаемым моментом, для установления связи между Отделом с местными общественными организациями и для оказания посильного содействия местным организациям в их созидательной работе»⁷⁰⁷.

Отдел собирал сведения о положении дел в провинции и в том случае, если возникала потребность в командировании на места членов Государственной думы, делал соответствующее представление в Отдел сношений с войсками и населением. Он, в свою очередь, обращался в думский Комитет и тот после соответствующих мероприятий или командировал члена Государственной думы или отклонял это предложение или принимал к сведению. Так, 20 марта 1917 г. заведующий Отделом сношений с провинцией А.Я. Тимофеев обратился в думский Комитет с сообщением о том, что по полученным сведениям «ряд колонистов Донской области (50 селений) воздерживаются от засева земли из-за опасения, что земля от них будет отобрана». Тимофеев предлагал для успокоения колонистов командировать в этот район члена Государственной думы И.И. Циммера, который уже «изъявил свое согласие поехать». Представление Тимофеева было доложено ВКГД 24 марта 1917 г., который отклонил предложение о командировке Циммера⁷⁰⁸. О командировании сотрудников, не являвшихся членами Думы, Отдел принимал решения самостоятельно.

⁷⁰⁶ Там же. Л. 128.

⁷⁰⁷ Связь с провинцией / Ярославская жизнь // Голос. 1917. 29 апреля (Ярославль).

⁷⁰⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 119.

В начале апреля Отдел сношений с провинцией командировал в Кременчугский уезд Полтавской губ. А.Я. Ефимовича. Как сообщал «Полтавский день», «цель командировки – собеседование с населением и войсками и организация общественных сил». Предполагалось, что Ефимович проведет в Полтавской губернии около месяца. За это время он должен был «совершить ряд поездок по всей Полтавской губ.», во время которых осведомить, главным образом, сельское население о деятельности Временного правительства и задачах настоящего момента. В день своего приезда Ефимович выступил в публичном собрании, устроенном в зале музыкального училища Полтавским комитетом партии кадетов, где сообщил «о предположениях правительства относительно времени, места и организации выборов в Учредительное собрание»⁷⁰⁹. Материалы прессы показывают, что командированные Отделом увеличивали свои полномочия, в частности, за счет расширения района поездок. Видимо, это вызывалось потребностями момента и другими местными условиями.

В отдельных случаях делегаты Отдела де-факто брали на себя полномочия комиссаров⁷¹⁰. Так, во второй половине марта большую активность проявлял в Херсонской губернии нский Алексей Шабалов, называвший себя уполномоченным ВКГД. 23 марта он направил в МВД телеграмму, в которой сообщил, что «в виду обострившегося болезненного состояния губернского комиссара Горича принужден взять на себя заведование губернией впредь до намечания кандидата[,] удовлетворяющего местному широкому общественному мнению». Шабалов писал, что «в губернии все спокойно, дисциплина в войсках полная»⁷¹¹. Иначе говоря, уполномоченный Шабалов устранил губернского комиссара и взял власть в губернии в свои руки. Губернский комиссар Петр Дмитриевич Горич⁷¹² не собирался сдавать без боя свою должность. 24 марта он обратился в МВД с просьбой «сообщить с какими полномочиями и что за личность Шабалов[,] прибывший [в] Херсон с уполномочием Временного комитета Государственной думы». О том, что Шабалов устранил его от власти Горич умалчивал, а свой запрос мотивировал тем, что характер полномочий и личность уполномоченного «очень волнует Городскую думу и Комитет спокойствия

⁷⁰⁹ Приезд в Полтаву уполномоченного Временного правительства // Полтавский день. 1917. 9 апреля.

⁷¹⁰ Заметим, что командированные Отделом сношений с войсками и населением комиссарами не являлись (См. подробн.: *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 года. С. 30).

⁷¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 124.

⁷¹² П.Д. Горич стал губернским комиссаром по должности председателя Херсонской губернской земской управы.

и порядка»⁷¹³. 26 марта 1-е отделение Департамента общих дел МВД обратилось в думский Комитет с просьбой «сообщить[,] когда и с какими полномочиями командирован Временным комитетом в Херсон Шабалов»⁷¹⁴. 27 марта в Петрограде была принята телеграмма в адрес ВКГД за подписью Исполкома Херсонского Совета рабочих депутатов и Комитета студенческих организаций с запросом о Шабалове: «послан ли в Херсон представителем Исполнительного комитета Алексеем Шабалов[,] каковы его полномочия[?]. В телеграмме подчеркивалось, что его действия «дискредитируют правительство»⁷¹⁵. В этот же день П.В. Герасимов направил в думский Комитет справку о командировке А. Шабалова. Он писал, что член Государственной думы от Таврической губернии Н.М. Панкеев обратился в Отдел ВКГД по сношению с войсками и населением «с предложением послать в Херсон и Херсонскую губернию зятя своего г. Шабалова, которого он рекомендовал в качестве человека, могущего внести успокоение и дать соответствующие объяснения о новых условиях государственной жизни в связи с последними событиями». Член Думы С.А. Таскин, возглавлявший тогда, по словам Герасимова, подотдел сношения с населением дал А. Шабалову соответствующее удостоверение, отпуск которого в делах Канцелярии не сохранился⁷¹⁶. 27 марта член ВКГД В.М. Вершинин уведомил министра внутренних дел, что Шабалов был командирован Отделом сношений с воинскими частями и населением в Херсонскую и Таврическую губернии «исключительно для распространения литературы и разъяснения населению о совершившемся государственном перевороте и комиссаром Временного комитета не является»⁷¹⁷.

Судя по некоторым документам, Отдел, командируя в провинцию лиц, не являвшихся членами Государственной думы, не информировал о них думский Комитет, что приводило к недоразумениям. 29 марта в утренних телеграммах ПТА сообщалось, что Государственная дума командировала в Казань депутата Спиридонова «для организации собеседования [с] населением тыла». 31 марта 1917 г. член ВКГД В.М. Вершинин поспешил уведомить Казанского губернского комиссара, что Государственная дума «в Казань своего представителя не командировала и что Спиридонов членом Государственной думы не являет-

713 РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 132.

714 Там же. Л. 144.

715 Там же. Л. 151.

716 Там же. Л. 149.

717 Там же. Л. 150.

ся»⁷¹⁸. В действительности же, В.С. Спиридонов был командирован в Казанскую губ. Отделом сношений с провинцией⁷¹⁹.

Из справки Отдела сношений с провинцией от 5 апреля следует, что он отправил в 37 губерний, 2 области и Финляндию 68 своих сотрудников⁷²⁰ и 7 депутатов IV Государственной думы⁷²¹. В действительности, эти данные не являются полными. Достаточно напомнить о том, что в Херсонскую и Таврическую губернии был командирован уже упоминавшийся А. Шабалов.

В компетенцию Отдела сношений с провинцией иногда вмешивался заведующий Отделом сношений с войсками Б.А. Энгельгардт. Происходило это в тех случаях, когда в его руки попадала информация об ухудшении положении дел на местах. И вместо того, чтобы переслать ее в Отдел сношений с провинцией, Энгельгардт обращался во Временный комитет Думы. Выявлено 2 представления за подписью Б.А. Энгельгардта в думский Комитет о необходимости командирования на места членов Государственной думы. 26 марта он обратился с пометкой «срочно» во Временный комитет, что «необходимо отправить чл[ена] Г[осударственной] думы в г. Орел и г. Петровск Саратовской губ[ернии] [,] где назревают крупные беспорядки». 27 марта представление Энгельгардта было доложено ВКГД, который принял решение «запросить правительство»⁷²². 28 марта Энгельгардт на бланке Отдела сношений с войсками и населением сделал еще одно представление в думский Комитет, в котором говорилось о желательности послать в Орел члена Государственной думы, «как лица наиболее авторитетного, которое могло бы внести некоторое успокоение в общественную жизнь». ВКГД принял его к сведению⁷²³, в тот же день председатель думского Комитета М.В. Родзянко обратился к министру-председателю кн. Г.Е. Львову с просьбой, «уведомить меня, встречается ли надобность в командировании в г. Орел и в г. Петровск Саратовской губернии представителя от Государственной думы для сношения с населением». Родзянко мотивировал свой запрос тем, что до Временного комитета дошли сведения о тревожном настроении в этих городах⁷²⁴.

В апреле–мае 1917 г. Отдел сношений с провинцией занимался организацией командировок на места. К сожалению, никаких сведений о новых командировках за апрель 1917 г. нет. Что касается дея-

⁷¹⁸ Там же. Л. 193.

⁷¹⁹ Там же. Л. 217.

⁷²⁰ Там же. ЛЛ. 215–221.

⁷²¹ Там же. ЛЛ. 216, 217, 219.

⁷²² Там же. Л. 148.

⁷²³ Там же. Л. 163.

⁷²⁴ Там же. Л. 164.

тельности Отдела в мае 1917 г., то выявлено весьма незначительное количество документов, относящихся к этому периоду. В частности, 2 мая 1917 г. заведующий Отделом А.Я. Тимофеев писал в думский Комитет, что предполагается командировать членов Государственной думы Фирсова⁷²⁵ и А.П. Сидорова (независимый) «для осведомления, первого – в уезды Астраханской губернии, а второго в уезды Самарской губернии». Тимофеев просил сообщить, «не встречается ли предположение Отдела каких-либо препятствий со стороны Временного комитета Думы». Предположение Отдела было доложено 2 мая 1917 г.⁷²⁶, а 3 мая Управление делами ВКГД уведомило Отдел сношений с провинцией, что «со стороны Временного комитета не встречается препятствий к командированию члена Государственной думы Фирсова в Астраханскую губернию». Что же касается командировки Сидорова, то, как оказалось, его командировка была уже проведена через думский Комитет⁷²⁷. 10 мая 1917 г. ВКГД разрешил Отделу командировать депутата Государственной думы Е.Г. Колбинцева в Орский и Оренбургский уезды Оренбургской губ.⁷²⁸. 15 мая Отдел обратился в думский Комитет с просьбой сообщить, «не встречается ли каких-либо препятствий со стороны Временного комитета Государственной думы» к поездкам депутатов Государственной думы М.К. Котлярова в Острогожский уезд Воронежской губ.⁷²⁹ и А.С. Юхтанова в Ядринский уезд Казанской губ.⁷³⁰, а 17 мая отправил запрос о возможности командирования Л.М. Позднякова в Новоузенский уезд Самарской губернии⁷³¹. 18 мая ВКГД, рассмотрев эти представления на своем заседании, «не признал нужным командировать» членов Думы Котлярова, Юхтанова и Позднякова⁷³². Т.е., в мае 1917 г. Отдел сношений сумел командировать на места всего лишь двух депутатов Государственной думы. Сведения о командировках сотрудников Отдела за этот же период не выявлены. И все-же Отдел после 5 апреля и в мае организовал новые командировки в те губернии, которые не были охвачены им в предыдущий период (10 марта – 5 апреля 1917 г.). Речь идет о Владимирской, Вятской, Костромской, Нижегородской, Олонецкой, Оренбургской и Черниговской губерниях⁷³³.

⁷²⁵ Скорее всего, речь идет о депутате К.К. Фирсове 2-м, кадете, уроженце Астраханской губ.

⁷²⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 351.

⁷²⁷ Там же. Л. 352.

⁷²⁸ Там же. Л. 376.

⁷²⁹ Там же. Л. 395.

⁷³⁰ Там же. Л. 394.

⁷³¹ Там же. Л. 396.

⁷³² Там же. Л. 393.

⁷³³ Март – май 1917 г. С. 60; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 376.

В мае Отдел сношений с провинцией 1917 г. продолжил деятельность по удовлетворению различных запросов, поступающих с мест. В некоторых случаях он был вынужден отказывать просителям. Так, 11 мая он опубликовал объявление, в котором, сославшись на обремененность «разного рода запросами по поводу земельного вопроса», рекомендовал «волостным комитетам ознакомиться с «Вестником Временного правительства», где можно найти ответы на волнующий крестьян вопрос о земле»⁷³⁴.

Итоги работы Отдела сношений с провинцией за март – май 1917 г. были подведены в «Обзоре положения России за три месяца революции...». В основу обзора были положены сведения по 27 губерниям и области Войска Донского⁷³⁵. Составитель «Обзора» был вынужден признать его «мрачность». Но тут же поспешил объяснить ее специальными задачами делегатов, главной из которых было «указание на то, что требует помощи и действия со стороны власти». Вместе с тем в «Обзоре» содержались и оптимистичные нотки: «Через большие трудности, через неурядицу, темноту и отсутствие культурных сил дело все-таки идет, и организация новой жизни налаживается»⁷³⁶.

Ряд подразделов Отдела сношений с войсками и населением был задействован на проведение печатной пропаганды. Издательский отдел⁷³⁷ возглавил П.В. Герасимов⁷³⁸.

В марте 1917 г. Издательский отдел получил от ВКГД аванс в размере 37 792 руб., а на первую декаду апреля – 43 327 руб.⁷³⁹. Отдел занимался выпуском брошюр и листовок⁷⁴⁰. Информация о них помещалась в газете «Труд и воля»⁷⁴¹.

В прессе сообщалось о создании «Бюро осведомления провинциальной прессы, снабжения ее литературным материалом по наиболее важным вопросам текущей жизни». Предположительно, оно было создано лицами, сотрудничавшими с Издательским отделом. Бюро располагалось в Таврическом дворце⁷⁴². На деятельность Пресс-бюро

⁷³⁴ От Отдела сношений с провинцией // Известия Временного комитета. 1917. 11 мая.

⁷³⁵ Март – май 1917 г.: С. 33–60.

⁷³⁶ Там же. С. 59.

⁷³⁷ Об Издательском отделе см. подробнее: Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 56–67.

⁷³⁸ Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля.

⁷³⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 94–95.

⁷⁴⁰ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 59.

⁷⁴¹ Труд и воля. 1917. 16 и 25 мая, 3, 13, 18 и 21 июня, 5 августа. Кстати, ежедневная газета «Труд и воля» выпускалась издательством ВКГД «Освобожденная Россия» (Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 57–58).

⁷⁴² Петроград 20 марта / В Петрограде // Последние армейские известия. 1917. 22 марта (Б.м.).

было выделено в мае-июне 2 500 руб., а в июле и в августе по 1 250 руб.⁷⁴³

Структурным подразделением ОСВН ВКГД был Отдел (подотдел) распространения литературы, заведующим которого был назначен член Государственной думы В.А. Потулов (земец-октябрист)⁷⁴⁴.

В марте 1917 г. Отдел получил аванс в размере 56 180 руб., и на первую декаду апреля – 63 440 руб.⁷⁴⁵. Отдел распространял печатную продукцию, вышедшую в издательстве ВКГД, а также продукцию других издательств. Литература распространялась в том числе и через представителей воинских частей. Видимо, Отдел не справлялся с наплывом этих посланцев, прибывших в Таврический дворец за брошюрами и газетами. В апреле он обратился с просьбой к воинским частям, «во избежание недоразумений, присылать за газетами, по возможности, одно определенное лицо с личным удостоверением, что он берет на всю часть»⁷⁴⁶. По подсчетам Колоницкого, Отдел распространил не менее 5 млн брошюр и 15 млн газет⁷⁴⁷. В июне 1917 г. Отдел сношений с воинскими частями и населением обратился через прессу с просьбой «жертвовать сочинения классических писателей и критику, так как за последнее время с фронта поступают просьбы о высылке таковых»⁷⁴⁸. Предположительно, литература, пожертвованная для фронта, тоже доставлялась в воинские части Отделом распространения.

Судя по материалам прессы, уже в июне литература, отправляемая на фронт, до солдатских масс не доходила. Н. Орехов сообщал, что видел, как «в одном армейском комитете лежали целые вороха газет и брошюр». Солдат объяснил Орехову: «Да, это не наша литература, это нам прислали, только в части такую рухлядь не отпирaviшь». Из дальнейшего разговора выяснилось, что газеты и брошюры были присланы из Государственной думы⁷⁴⁹. Видимо, в конце июля 1917 г. в ответ на предложение ВКГД прислать «бесплатно кадетские и иные буржуазные газсты в громадном количестве» Комитет одной из Сибирских дивизий ответил отказом, сославшись на то, что каждая часть

⁷⁴³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 213.

⁷⁴⁴ В.А. Потулов возглавлял Отдел распространения литературы, во всяком случае, в марте – апреле 1917 г. (Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 94 – 95).

⁷⁴⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 94 – 95

⁷⁴⁶ Объявление // Солдатское слово. 1917. 7 апреля.

⁷⁴⁷ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 60.

⁷⁴⁸ Хроника // День. 1917. 9 июня.

⁷⁴⁹ Орехов Н. Именем Думы // Революционный народ. 1917. 1 июля.

дивизии имеет для выписки газет «свои суммы». Правда, Комитет готов был принять газеты социалистической направленности⁷⁵⁰. В связи с этим можно утверждать, что основным препятствием для распространения литературы, издаваемой для фронта ВКГД, стали армейские, дивизионные и, не исключено, полковые комитеты.

29 апреля 1917 г. на заседании ВКГД было рассмотрено предложение П.В. Герасимова об открытии Московского отделения Отдела сношений с войсками и провинцией⁷⁵¹. Обосновывая необходимость создания Московского отделения, Герасимов указал следующие причины: 1) «полное несоответствие между размерами потребности, которую надо было обслуживать и техническими и материальными силами, которыми располагал провинциальный отдел»; 2) «затруднительность использования отсюда (из Петрограда – А.Н.) готовых к совместной работе интеллигентных сил Москвы»; 3) «По условиям сообщения и посещаемости лишь незначительная часть губерний и областей (север, северо-запад, восток, верхнее Поволжье и отчасти юго-восток) могли быть включены в сферу влияния работы из Петрограда», остальная же часть страны «тяготеет в этом смысле к Москве». Герасимов согласовал вопрос о создании Московского отделения с депутатом Государственной думы М.М. Новиковым (кадет), который должен был по его мысли возглавить новую структуру ОСВН ВКГД.

П.В. Герасимов указал задачи Московского отделения: 1) распределение литературы, присылаемой из Издательского отдела в Петрограде для провинции и деревни, создав для этого свою экспедицию; 2) приобретение соответствующей литературы на московском книжном рынке; 3) размножение литературного материала, присылаемого из Петрограда, типографскими средствами Москвы; 4) установление связей и деловых отношений с московскими издательствами и организациями; 5) исполнение различных поручений Отдела сношения с войсками и провинцией.

По подсчетам Герасимова, на организацию самого Московского отделения необходимо было выделить единовременно 2 000 руб., а на решение его задач – ежемесячно 4 000 руб. Предполагалось выделить Московскому отделению на приобретение литературы аванс в размере до 10 000 руб. из фонда ОСВН ВКГД⁷⁵². Предложение Герасимова думский Комитет на заседании 29 апреля одобрил и принял решение открыть Московское отделение. Заведующим Московским отделени-

⁷⁵⁰ Комитет ... Сиб[ирской] див[изии] и Государственная дума / Жизнь армии // Рижский фронт. 1917. 2 августа.

⁷⁵¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 332.

⁷⁵² Там же. Д. 14. ЛЛ. 128 – 128 об.

см был назначен М.М. Новиков⁷⁵³. 1 мая он был уведомлен о решении ВКГД об этом назначении⁷⁵⁴. 21 июня ВКГД избрал депутата Государственной думы Н.Н. Львова (октябрист) своим представителем в Московском отделении Отдела сношений с войсками и провинцией⁷⁵⁵. Финансирование деятельности Московского отделения (отдела) было значительно увеличено по сравнению с первоначальным предложением П.В. Герасимова. Так, в мае-июне Московскому отделу было выделено из средств Отдела сношений с войсками и населением 200 000 руб. и по 150 000 руб. в июле и августе⁷⁵⁶.

1 июля в Одессу Отделом сношений с войсками и провинцией был командирован студент К. Птицын в качестве заведующего Одесским отделением Отдела «для обслуживания войск Румынского фронта и его тыла». В связи с июльскими событиями и ростом большевистских настроений в войсках наладить работу Одесского отделения удалось только в конце июля. В частности, тогда Одесское отделение стало «регулярно снабжать» Румынский фронт литературой⁷⁵⁷.

В июле 1917 г. ВКГД принял решение прекратить деятельность Отдела сношений с войсками и провинцией. Заведующий Отделом А.Я. Тимофеев с удивлением узнал, что «по справке во Временном комитете суммы, ассигнованной на август, в Казначействе Временного комитета не имеется». Несомненно, это говорило о том, что Отдел должен был прекратить свое существование к 1 августа. В связи с этим, в письме на имя М.В. Родзянко от 13 июля 1917 г. он указал причины, по которым прекратить деятельность Отдела невозможно к указанной дате: «1) несмотря на то, что издательство Отдела и прекращено с 1-го июля⁷⁵⁸, но[,] тем не менее[,] ранес переданные заказы в настоящее время еще поступают и будут поступать еще[,] по крайней мере[,] в течение месяца, вследствие чего как склад, так и брошюровочная при складе не может (так в тексте — *А.Н.*) быть ликвидированы в ближай-

⁷⁵³ М.М. Новиков в своих воспоминаниях не писал о деятельности в качестве заведующего Московским отделением ОСВН ВКГД (См.: Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952).

⁷⁵⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 332.

⁷⁵⁵ Там же. Д. 28. Л. 104.

⁷⁵⁶ Там же. Д. 14. Л. 213.

⁷⁵⁷ Там же. Д. 4. ЛЛ. 291–292.

⁷⁵⁸ Заметим, что каких-либо документов — приказа, переписки — думского Комитета, касающихся закрытия Издательского отдела, не выявлено. Не исключено, что издательство Отдела было прекращено П.В. Герасимовым, который тем самым принял активное участие в кадетском проекте организации министерского кризиса. Когда же он превратился в политический кризис, то, напомним, Герасимов вообще подал заявление об отпуске и, судя по всему, больше к заведованию ОСВН ВКГД не вернулся.

шее время⁷⁵⁹, 2) в виду изложенного в первом пункте[,] Подотдел распространения литературы также не представляется возможным ликвидировать в указанное время и 3) Подотдел военный, организовавший в гор[одах] близлежащих к фронту отделения[,] в деятельность которых входит не только устная агитация[,] но и распространение ежедневных изданий и брошюр среди передовых частей фронта» тоже «не может в ближайшее время быть расформированным». Исходя из приведенных оснований, Тимофеев просил «изыскать утвержденную Временным комитетом сумму в 518 000 рублей на август месяц». Просьба Тимофеева была доложена Родзянко 27 июля⁷⁶⁰. Но какого-либо решения ВКГД в этот день не принял. Несколько ранее Тимофеев, не дождавшись ассигнования, видимо, поставил в известность заведующих подразделениями Отдела о предстоящей его ликвидации.

В частности, в конце июля 1917 г. резко сократилась (в связи с предстоящей его ликвидацией!) деятельность Отдела сношений с войсками. 25 июля управляющий Канцелярией Отдела сношений с войсками и населением Шафир, сославшись на эти обстоятельства и приказание Энгельгардта, сообщил секретарю председателя Государственной думы В.Н. Садыкову, что прием на службу новых сотрудников прекращен. К письму была приложена перписка о В.А. Егуновой, об устройстве которой на работу в Отдел сношений с войсками просил Садыков⁷⁶¹. Б.А. Энгельгардт в конце июля 1917 г. разочаровался в своей деятельности. Он вспоминал, что пришел тогда к выводу о том, что «наша думская пропаганда безрезультатна <...> делать в Петрограде было печего» и уехал в свое имение в Могилевской губернии⁷⁶².

29 июля Тимофеев обратился к казначею ВКГД Н.М. Панкееву по поводу недополученных Отделом 184 824 руб. 99 коп. по прежним ассигнованиям и 518 000 руб. на август 1917 г. Казначей ВКГД заявил Тимофееву, что «нет средств на уплату указанных сумм». В связи с этим Тимофеев сообщил в думский Комитет, что он «вынужден приступить к окончательной ликвидации Отдела»⁷⁶³. Видимо, в этот же день Тимофеев отдал соответствующее распоряжение, о котором был поставлен в известность, в частности, заведующий Одесским отделом К. Птицын. «В самый разгар работы 2-го августа, – писал Птицын, –

⁷⁵⁹ 15 июля 1917 г. поступил счет за произведенную печатную продукцию Синодальной типографии на 38 000 руб., а 31 июля – Государственной типографии на 109 908 руб. 91 коп. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 372).

⁷⁶⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. ЛЛ. 271–271 об.

⁷⁶¹ Там же. Оп. 5. Д. 1130. Л. 246.

⁷⁶² Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 33. Л. 95.

⁷⁶³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 307.

была получена из Временного комитета телеграмма о ликвидации дел к 1-му августу. Меня немедленно вызвали с фронта и было приступлено к ликвидации»⁷⁶⁴.

1 августа ВКГД сообщил Тимофееву, что на заседании 29 июля, «заслушав Ваш доклад о необходимости, за отсутствием средств, приступить к ликвидации деятельности Отдела сношений с войсками и населением, постановил: 1) признать необходимым продлить деятельность Отдела в течение августа месяца в пределах утвержденной сметы (518 000 р.); 2) недополученные Отделом по прежним ассигнованиям — 184 824 р. 99 к. отпустить по возврате из Военного министерства переведенных Комитетом средств на военные нужды»⁷⁶⁵. Обратим внимание на то, что думский Комитет выставил главным инициатором закрытия Отдела его заведующего, хотя именно ВКГД прекратил ассигнование. Но и Тимофеев не проявил должных настойчивости и терпения, а после возобновления ассигнования не предпринял шагов, направленных на восстановление полноценной деятельности Отдела.

В начале сентября 1917 г. ВКГД приступил к ликвидации дел Отдела сношений с войсками и населением. Именно для этого заведующим Отделом был назначен казначей ВКГД Н.М. Панкеев (кадет)⁷⁶⁶. 3 октября в помощь Панкееву был назначен В.К. Винберг (кадет), получивший должность заместителя заведующего⁷⁶⁷. При ликвидации дел выяснилось, что на 1 октября имелось неоплаченных счетов на 161 768 руб. 91 коп. и требовалось 5 000 руб. на содержание самого ОСВН ВКГД⁷⁶⁸. Правда, Панкеев, представляя 2 октября 1917 г. список неоплаченных счетов Отдела, предупредил ВКГД, что «кроме указанных долгов подлежат выдачи перерасходов сотрудников Отдела, которые не представили до сих пор отчетов об израсходовании выданных им авансов»⁷⁶⁹. Документов Отдела с более поздней датировкой не выявлено.

Почему столь масштабный пропагандистский проект, имевший мощное финансирование и кадры, был прекращен думским Комитетом? Насколько можно судить, и деньги, и кадры оставались в его распоряжении вплоть до конца лета 1917 г. Ведь изыскал же в конце концов ВКГД средства на деятельность Отдела сношений с войсками и населением в августе 1917 г.!

⁷⁶⁴ Там же. Д. 4. Л. 292.

⁷⁶⁵ Там же. Д. 14. Л. 313.

⁷⁶⁶ Там же. Д. 4. Л. 290, сведения на 7 сентября 1917 г.

⁷⁶⁷ Там же. Д. 26. Л. 161.

⁷⁶⁸ Там же. Д. 14. Л. 372.

⁷⁶⁹ Там же. Л. 371.

На наш взгляд, необходимо учитывать следующее. После апрельского политического кризиса думское руководство почувствовало себя обманутым, так как вместо предполагаемого возобновления законодательной деятельности Государственной думы Временное правительство разрешило провести лишь торжественное заседание депутатов Государственной думы всех четырех созывов⁷⁷⁰. Думается, что одним из результатов апрельского политического процесса и стал поворот думского руководства в сторону от Временного правительства, что и выразилось в свертывании деятельности Отдела сношений с войсками и населением. Оно проявилось в первую очередь в резком сокращении командирования депутатов Государственной думы в войска и провинцию. Вместе с тем подчеркнем, что работа с войсками и населением была в мае-июне даже усилена, но уже преимущественно при опоре на лиц, не входящих в думский состав. В июле же Временный комитет принял решение вообще прекратить деятельность Отдела сношений с войсками и провинцией. Гипотетически можно предположить, что одной из причин этого стало установление полновластия Временного правительства, которое окончательно похоронило надежды руководства думского Комитета на возобновление полноценной деятельности Государственной думы, а сама она (Дума) позиционировалась теперь Временным правительством как общественная организация.

Конечно, необходимо согласиться и с тем, что буржуазные политические деятели разочаровались в пропагандистской работе, видя продолжающееся «полевение» страны и армии, понимая, что массы идут не за ними. Осознанию этого, в частности, служили мероприятия войсковых комитетов, которые отказывались принимать в воинских частях лекторов Отдела сношений с войсками и литературу, издаваемую ВКГД для солдат и офицеров действующей армии.

⁷⁷⁰ См. подробнее: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 572.

Приложение

Структура, персональный состав и оклады сотрудников Отдела сношений с войсками и населением⁷⁷¹

РУКОВОДСТВО ОТДЕЛА

1.1. Герасимов Петр Васильевич – депутат III–IV Государственной думы от Костромской губернии, кадет. В дни Февральской революции назначен комиссаром ВГД в Петроградское градоначальство, заведующий (предположительно!) Отделом ВКГД поездок депутатов в воинские части (с 1.3.1917), а затем – ОСВН ВКГД (март-нач. июля)⁷⁷².

2.2. Тимофеев Александр Яковлевич – депутат IV Государственной думы от Тамбовской губернии, кадет. Заместитель П.В. Герасимова по Отделу, после 8 июля и.о. заведующего, а в августе-нач. сентября 1917 г., видимо, заведующий ОСВН ВКГД⁷⁷³.

3.3. Панкеев Николай Матвеевич – депутат III и IV Государственной думы от Таврической губернии, кадет. Казначей ВКГД⁷⁷⁴, заведующий ОСВН ВКГД (с нач. сентября 1917).

4.4. Винберг Владимир Карлович – депутат IV Государственной думы от Таврической губернии, кадет. Заместитель казначея ВКГД⁷⁷⁵ (с апр. 1917), заместитель заведующего ОСВН ВКГД (с 3.10.1917).

I. ОБЩАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

5.1. Шафир Александр Маркович – управляющий, месячный оклад 300 руб.

6.2. Гладков – секретарь, месячный оклад 300 руб.

⁷⁷¹ Приложение составлено преимущественно на основе следующих документов: «Смета по Отделу сношений с войсками Временного комитета Государственной думы на июнь месяц 1917 года» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 232), «Ведомость на получение вознаграждения за июнь месяц 1917 года служащим Отдела Временного комитета Государственной думы по сношению с войсками» (Там же. ЛЛ. 329 – 332); «Список личного состава служащих Отдела Временного комитета Государственной думы по сношению с войсками и населением» (Там же. ЛЛ. 333 – 334 об.). Кроме установленных окладов служащим ОСВН выплачивалось 35 % вознаграждение на дороговизну (Там же. ЛЛ. 232, 334 об.). Фамилии в списке идут под двойной нумерацией. Вместо первого порядкового номера ставится * в том случае, если фамилия уже указывалась ранее.

⁷⁷² Голубева И.В., Николаев А.Б. Герасимов Петр Васильевич // ГД – 2008. С. 126.

⁷⁷³ Канищев В.В., Николаев А.Б., Протасов Л.Г. Тимофеев Александр Яковлевич // Там же. С. 611.

⁷⁷⁴ Николаев А.Б. Панкеев Николай Матвеевич // Там же. С. 439 – 440.

⁷⁷⁵ Николаев А.Б. Винберг Владимир Карлович // Там же. С. 90.

- 7.3. Копасов – кассир, работал бесплатно.
- 8.4. Дьячкин – машинист, месячный оклад 100 руб.
- 9.5. Федоров – машинист, месячный оклад 100 руб. На 8 июня 1917 г. считался не прибывшим к месту службы.
- 10.6. Баскаков – письмоводитель, ведал общей перепиской, месячный оклад 100 руб.
- 11.7. Бернатс – писарь, работал со справками Военного отдела, месячный оклад 100 руб.
- 12.8. Константинов – писарь, работал по счетной части, месячный оклад 100 руб.
- 13.9. Горохов – писарь, находился в распоряжении кассира, месячный оклад 100 руб.
- 14.10. Семичев – журналист регистратуры, месячный оклад 100 руб.
- 15.11. Лебедев – журналист регистратуры, месячный оклад 100 руб.
- 16.12. Самсонов – сотрудник регистратуры, месячный оклад 100 руб.
- 17.13. Свинын – сотрудник регистратуры, месячный оклад 20 руб.
- 18.14. Васев – самокатчик, месячный оклад 30 руб.
- 19.15. Фременко – самокатчик, месячный оклад 30 руб.
- 20.16. Логинов – самокатчик, месячный оклад 30 руб.
- 21.17. Озерета – самокатчик, месячный оклад 30 руб.
- 22.18. Процукевич – самокатчик, месячный оклад 30 руб.
- 23.19. Табуркин – самокатчик, месячный оклад 30 руб.
- 24.20. Беляков – рабочий⁷⁷⁶, месячный оклад 20 руб.
- 25.21. Васильев – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 26.22. Дубовицкий – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 27.23. Кузнецов – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 28.24. Кунаев – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 29.25. Мелешенко – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 30.26. Мухин – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 31.27. Степанов – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 32.28. Торгашев – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 33.29. Шаргов – рабочий, месячный оклад 20 руб.

⁷⁷⁶ В имеющемся в нашем распоряжении списке 10 сотрудников отнесены к группе «Вестовые, рассыльные и рабочие, обслуживающие канцелярию, склад и кладовую» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 333), без указания, кто из них был вестовым, а кто рассыльным или рабочим. Поэтому мы обозначили их здесь, начиная с Белякова, как рабочих.

II. ОТДЕЛ СНОШЕНИЙ С ВОЙСКАМИ

34.1. Таскин Сергей Афанасьевич – депутат II и IV Государственной думы от Забайкальской области, заместитель (предположительно!) заведующего Отделом ВКГД поездок депутатов в воинские части (с 1.3.1917), а затем и возглавил его. Заведующий Отделом сношений с войсками (до 16.3.1917)⁷⁷⁷.

35.2. Энгельгардт Борис Александрович – депутат IV Государственной думы от Могилевской губ., земец-октябрист, полковник. В дни Февральской революции кооптирован в состав ВКГД, председатель Военной комиссии ВКГД (28.2. – 3.3.1917)⁷⁷⁸, заведующий Отделом сношений с войсками (после 16.3.1917).

36.3. Потулов Василий Александрович – депутат III и IV Государственной думы от Орловской губернии, земец-октябрист⁷⁷⁹, привлечен Энгельгардтом к руководящей деятельности.

37.4. Александрович – прапорщик, в распоряжении Отдела сношений с войсками с июня 1917 г., месячный оклад 200 руб.

38.5. Буксгевден – граф, штабс-ротмистр, офицер для поручений, с 1 мая заведовал Гельсингфорской базой Отдела, месячный оклад 300 руб.

39.6. Гендриков – граф, дежурный офицер, месячный оклад 300 руб.

40.7. Гуковский – поручик, член союза «Родина и народная армия»⁷⁸⁰, работал в Отделе в апреле 1917 г.⁷⁸¹.

41.8. Жадвойн – подполковник, с 1 мая выполнял отдельные поручения по организации ячеек, устройству митингов и лекций в Петроградском гарнизоне, месячный оклад 300 руб. В июне в составе Отдела уже не состоял.

42.9. Зиновьев – капитан, дежурный офицер, месячный оклад 300 руб.

43.10. Игнатьев – капитан, офицер для поручений, с 1 мая заведовал сношением с фронтом, посылкой делегаций и личными выступлениями, месячный оклад 300 руб.

44.11. Каминский – капитан, офицер для поручений, с 1 мая заведовал организацией митингов и лекций в Петроградском гарнизоне, месячный оклад 300 руб.

⁷⁷⁷ Николаев А.Б. Таскин Сергей Афанасьевич // ГД – 2008. С. 606.

⁷⁷⁸ Николаев А.Б. Энгельгардт Борис Александрович // Там же. С. 715–716.

⁷⁷⁹ Николаев А.Б. Потулов Василий Александрович // Там же. С. 487–488.

⁷⁸⁰ От гарнизона Василеостровского района / Хроника // Земля и воля. 1917. 7 апреля (Петроград).

⁷⁸¹ РГИА. Ф.1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 237.

45.12. Крыжановский – ротмистр, офицер для поручений, с 1 мая заведовал связью с иностранцами, месячный оклад 300 руб.

46.13. Палибин – поручик, офицер для поручений, с 1 мая заведовал организацией на местах, выступлениями и поездками с группами, месячный оклад 300 руб.

47.14. Тарунин – солдат, член союза «Родина и народная армия»⁷⁸², в распоряжении Отдела, с 1 мая выполнял отдельные поручения по организации ячеек, устройству митингов и лекций в Петроградском гарнизоне, месячный оклад 100 руб.

48.15. Чулицкий – прапорщик, офицер для поручений, с 1 мая выполнял отдельные поручения по организации ячеек, устройству митингов и лекций в Петроградском гарнизоне, месячный оклад 300 руб.

49.16. Шрейдер – поручик, офицер для поручений, с 1 мая 1917 г. осуществлял общее руководство пропагандой, месячный оклад 300 руб.

III. ОТДЕЛ СНОШЕНИЙ С ПРОВИНЦИЕЙ (ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ)

*.1. Таскин С.А. – депутат IV Государственной думы, заведующий Отделом (до 16 марта 1917).

*.2. Тимофеев А.Я. – депутат IV Государственной думы, заведующий Отделом (после 16 марта 1917).

50.3. Романов П. – заведующий Отчетно-делегатским отделом.

IV. АВТОМОБИЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

51.1. Гликин – сфрейтор, заведующий Автомобильным отделом, месячный оклад 200 руб.

52.2. Брахман – помощник заведующего, месячный оклад 100 руб.

53.3. Адвокатов – шофер, месячный оклад 150 руб.

54.4. Веневлев – шофер, месячный оклад 150 руб.

55.5. Галков (Галкин?) – шофер, месячный оклад 150 руб.

56.6. Чижов (Чижов) – шофер, месячный оклад 150 руб. На 8 июня 1917 г. к месту службы не прибыл.

57.7. Швайко – шофер, месячный оклад 150 руб.

58.8. Шевченко – шофер, месячный оклад 150 руб.

V. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ

59.1. Марконович – начальник, работал бесплатно.

60.2. Гликберг – помощник начальника, работал бесплатно.

61.3. Пчелин – секретарь, месячный оклад 100 руб.

⁷⁸² От гарнизона Василеостровского района / Хроника // Земля и воля. 1917. 7 апреля (Петроград).

VI. ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

*.1. Потулов В.А. – депутат III и IV Государственной думы⁷⁸³, заведующий Отделом распространения литературы.

62.2. Прохорова – делопроизводитель, месячный оклад 200 руб.

63.3. Видовская – сотрудница, месячный оклад 100 руб.

64.4. Востомилова – сотрудница, месячный оклад 100 руб.

65.5. Головачева – принимала подписку на газеты, месячный оклад 100 руб.

66.6. Каплан – принимал подписку на газеты, месячный оклад 100 руб.

67.7. Кауфман – продавец брошюр в комнате № 29-а, месячный оклад 100 руб.

68.8. Королев – продавец брошюр в Екатерининском зале, месячный оклад 100 руб.

69.9. Костомилова – сотрудница, работала в Отделе с июня 1917 г. месячный оклад 100 руб.

70.10. Новосетова – принимала подписку на газеты, месячный оклад 100 руб. На 8 июня 1917 г. выбыла из состава Отдела.

71.11. Орелович – делопроизводитель, принимал подписку на газеты, месячный оклад 100 руб.

72.12. Погребная (Погребнова) – сотрудница, месячный оклад 100 руб.

73.13. Преображенская – сотрудница, месячный оклад 100 руб.

74.14. Рачинская – сотрудница, месячный оклад 100 руб.

75.15. Смердин – продавец брошюр в Екатерининском зале, месячный оклад 100 руб.

VII. ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ

*.1. Герасимов П.В. – депутат IV Государственной думы, заведующий Издательским отделом.

76.2. Андрющенко – помощник члена Государственной думы П.В. Герасимова, помощник заведующего Издательского отдела ОСВН ВКГД, месячный оклад 300 руб.

77.3. Португалов Виктор Вениаминович – служил в канцелярии Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов, публицист, сотрудник газеты «Современное слово»⁷⁸⁴. После Февральской революции – редактор Издательского отдела ОСВН ВКГД, месячный оклад 400 руб.

78.4. Лукьянов – помощник редактора, месячный оклад 300 руб.

⁷⁸³ Николаев А.Б. Потулов Василий Александрович // 1'Д – 2008. С. 487-488.

⁷⁸⁴ Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.И. Шашковского. Пг., 1916. С. 553.

79.5. Малых Мария Александровна – издатель революционной литературы, в 1916 г. заведовала фронтовым издательством Комитета союза городов (Псков)⁷⁸⁵. После Февральской революции – заведующая заказами Издательского отдела ОСВН ВКГД, месячный оклад 350 руб.

80.6. Антипова – корректор, месячный оклад 150 руб.

81.7. Парская – делопроизводитель, месячный оклад 150 руб.

82.8. Пахотина – заведующая конторой, месячный оклад 200 руб.

83.9. Чибисова – конторщица, месячный оклад 100 руб.

84.10. Шмелев – в распоряжении редакции, месячный оклад 100 руб.

VIII. СКЛАД ЛИТЕРАТУРЫ

85.1. Черешков – заведующий, месячный оклад 100 руб.

86.2. Козлов А. – счетовод, месячный оклад 100 руб.

87.3. Панков – машинист, месячный оклад 100 руб.

88.4. Бухмастров – кладовщик, месячный оклад 100 руб.

IX. ЭКСПЕДИЦИЯ

89.1. Федоров – заведующий, месячный оклад 200 руб.

90.2. Золотилов – помощник заведующего, месячный оклад 150 руб.

91.3. Каган – писарь, работал в Экспедиции с июня 1917 г., месячный оклад 100 руб.

92.4. Кухтерин – письмоводитель, месячный оклад 100 руб.

93.5. Мурзин – писарь, месячный оклад 100 руб. На 8 июня 1917 г. выбыл из состава Отдела.

94.6. Батраков – рабочий, месячный оклад 20 руб.

95.7. Бурдюков – рабочий, месячный оклад 20 руб.

96.8. Гаврилов – рабочий, месячный оклад 20 руб.

97.9. Гончаров – рабочий, месячный оклад 20 руб.

98.10. Иванов – рабочий, месячный оклад 20 руб.

99.11. Карандашев – рабочий, месячный оклад 20 руб.

100.12. Кириченко – рабочий, месячный оклад 20 руб.

101.13. Коноплянников – рабочий, месячный оклад 20 руб.

102.14. Конышев – рабочий, месячный оклад 20 руб.

103.15. Матвейчиков – рабочий, месячный оклад 20 руб.

104.16. Мацкевич – рабочий, месячный оклад 20 руб.

105.17. Новиков – рабочий, в Отделе с июня 1917 г., месячный оклад 20 руб.

⁷⁸⁵ Подробнее о М. А. Малых см.: Блинов А. С., Пострелова Т. А. Мария Малых. Л., 1976.

- 106.18. Пестковский – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 107.19. Сервилов – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 108.20. Сидоров – рабочий, месячный оклад 20 руб.
- 109.21. Шавров – рабочий, месячный оклад 20 руб.⁷⁸⁶.

Х. БРОШЮРОВОЧНАЯ.

- 110.1. Каплан – заведующий, месячный оклад 200 руб.
- 111.2. Александрова – брошюровщица профессиональная, месячный оклад 180 руб.
- 112.3. Боярский – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 113.4. Дмитриева – брошюровщица, месячный оклад 100 руб.
- 114.5. Коломов – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 115.6. Малых – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 116.7. Маркузе – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 117.8. Мирская – брошюровщица, месячный оклад 100 руб.
- 118.9. Нестерович – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 119.10. Нестерович – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 120.11. Петрова – брошюровщица, месячный оклад 100 руб.
- 121.12. Петрова – брошюровщица, месячный оклад 100 руб.
- 122.13. Петрова – брошюровщица, месячный оклад 100 руб.
- 123.14. Петерсон – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 124.15. Рабан – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.
- 125.16. Рачинский – брошюровщик, месячный оклад 50 руб.
- 126.17. Соловьева – брошюровщица, месячный оклад 100 руб.
- 127.18. Эпштейн – брошюровщик, месячный оклад 100 руб.

XI. МОСКОВСКИЙ ОТДЕЛ

128.1. Новиков Михаил Михайлович – депутат IV Государственной думы от Москвы, кадет. Заведующий Московским отделом ОСВН ВКГД с 29 апреля 1917 г.⁷⁸⁷.

129.2. Львов Николай Николаевич – депутат I, III и IV Государственной думы от Саратовской губернии, октябрист. Член ВКГД с 16 июня 1917 г. Представитель ВКГД в Московском отделе с 21 июня 1917 г.⁷⁸⁸.

ХII. ОДЕССКИЙ ОТДЕЛ

130.1. Птицын К. – студент, заведующий Одесским отделом с июля 1917 г.

⁷⁸⁶ На 8 июня 1917 г. пять рабочих не прибыло (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 334 об.)

⁷⁸⁷ Николаев А.Б. Новиков (Новиков 2-й) Михаил Михайлович // ГД – 2008. С. 417.

⁷⁸⁸ Нарский И.В. Львов Николай Николаевич // Там же. С. 338–339.

МЕЛЬЦИН М.О.

Апостолы «Народной свободы».
Депутаты I и II Государственных дум
князя Петр и Павел Долгоруковы: на пути к Думе

Близнецы князя Петр и Павел Долгоруковы, основатели кадетской партии и деятели I и II Государственных дум, родились 9 мая 1866 года в Царском Селе⁷⁸⁹. Их отец, князь Дмитрий Николаевич, 24 апреля 1905 года поддержал идею создания партии консервативного толка и третьим по счету вступил в только что образованную В.А. Грингмутом Русскую монархическую партию⁷⁹⁰. Конечно, возраст (78 лет) не позволял ему вести активную деятельность на этом поприще, но сам факт такого шага отца двух основателей «Союза Освобождения» примечателен.

Биографии обоих братьев довольно хорошо известны. Тем не менее некоторые биографические детали остались малоизученными. Им и будет посвящен настоящий доклад.

⁷⁸⁹ Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк // Долгоруков Пав. Дм., кн. Великая разлука: Воспоминания основателя партии кадетов. 1916 – 1926. М., 2007. С. 241; Долгоруков Пав. Дм., кн. Долгоруков, князь Павел Дмитриевич: Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. статей. М., 1913. С. 63 (2-я пагинация). Правда, в аттестате кн. Петра Дмитриевича об экзаменах на чин прапорщика и выписке из алфавита полка сказано, что он родился 29 мая 1866 г., но это – явная канцелярская описка (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 27856. ЛЛ. 25, 26). В.В. Шелохаев и Н.И. Канищева называют датой их рождения 1 мая 1866 г., не указывая источника (Шелохаев В.В., Канищева Н.И. Петр Дмитриевич Долгоруков // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 68). В энциклопедических статьях, написанных той же Н.И. Канищевой пятью годами ранее, значится 09.05.1866 (Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия / Рук. проекта – В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 188–190, 190–191). Метрического свидетельства о рождении и крещении пока не обнаружено.

⁷⁹⁰ Русская монархическая партия // Московские ведомости. 1905. 8 октября; Четвертое общее собрание Русской монархической партии // Там же. 1906. 10 мая.

Князь Петр Дмитриевич после окончания историко-филологического факультета Московского университета был призван в армию и 8 декабря 1889 г. зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 1-й эскадрон 44-го Нижегородского драгунского полка. 14 мая 1890 г. произведен в унтер-офицеры, 5 сентября выдержал экзамен на чин прапорщика запаса по армейской кавалерии со средним баллом 11,0 (из 12 возможных) и 9 сентября 1890 г. был уволен в запас армии⁷⁹¹. В январе 1891 г. был произведен в чин прапорщика запаса армейской кавалерии⁷⁹².

Будучи с 1880 года владельцем имения Гуйва-Рождественское Суджанского уезда Курской губернии⁷⁹³, князь более двадцати лет жил в скромном одноэтажном кирпичном доме⁷⁹⁴, занимаясь при этом строительством промышленных, общественных и учебных зданий: корпусов винокуренного и кирпичного заводов, кузницы, паровой пятиэтажной мельницы, церковноприходской школы, одноклассной земской школы, школы грамоты, библиотеки, больницы, детского приюта-яслей, чайной⁷⁹⁵. С самых молодых лет Петр Дмитриевич занимался и земской деятельностью. Еще до призыва в армию князь возглавлял училищную комиссию Курского земства, которая первой устроила общеобразовательные курсы⁷⁹⁶. С 1893 года он – член Суджанского училищного совета⁷⁹⁷ и попечительного совета Суджанской женской прогимназии⁷⁹⁸, а с 1895 года возглавил этот попечительный совет⁷⁹⁹. наконец, стал председателем Суджанской уездной земской управы. Правда, по представлению В.К. Плеве князь 22 октября 1902 г. был

⁷⁹¹ Справка о службе // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 27856. Л. 24; Аттестат об экзаме-
мене // Там же. Л. 25; Выписка из алфавита полка // Там же. ЛЛ. 26–27.

⁷⁹² Представление к производству // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 27856. Л. 24. См.
также: Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу, на 1894 г. Харь-
ков, 1894. С. 533; Дворянский адрес-календарь на 1898 год / Изд. – Шапошников Н.Б.
На 1897 год. СПб., 1896. С. 182; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному
округу. 1898. Харьков. 1898. С. 549.

⁷⁹³ Холодова Е.В. Гуйва-Рождественское // Русские провинциальные усадьбы XVIII
- начала XX века: [Сб. ст.] / Сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001. С. 205.

⁷⁹⁴ Там же. С. 210.

⁷⁹⁵ Там же. С. 208.

⁷⁹⁶ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволю-
ция до начала XX века. М., 1977. С. 147.

⁷⁹⁷ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу, на 1894 г. С. 533;
То же, на 1898 г. С. 549.

⁷⁹⁸ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу, на 1894 г. С. 443;
То же, на 1898 г. С. 462; То же, на 1901 г. Харьков, 1901. С. 50; То же, на 1902 г.
Харьков, 1902. С. 51.

⁷⁹⁹ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу, на 1898 г. С. 462.
То же, на 1901 г. С. 50; То же, на 1902 г. С. 51.

снят с должности с запрещением в течение пяти лет участвовать в выборах в органы местного самоуправления⁸⁰⁰. Последними каплями, переполнившими чашу, стали, во-первых, организация князем торжественной встречи участниками учительских курсов на курском вокзале Льва Толстого, возвращавшегося из Крыма в Ясную Поляну, а во-вторых, участие в Суджанском уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности, развившем не в меру широкую и радикальную деятельность⁸⁰¹. Сразу после снятия князь был избран почетным гражданином г. Суджи⁸⁰². Был членом Союза земцев-конституционалистов и Совета «Союза Освобождения». В сентябре-октябре 1904 г. от «Союза Освобождения» участвовал в парижском съезде оппозиционных и революционных партий⁸⁰³.

В 1906 году – т.е. сорока лет от роду – князь женился на земской учительнице Антонине Михайловне Беспаловой⁸⁰⁴, которой было тогда 23 года⁸⁰⁵. Вскоре после этого имя молодой княгини всплыло в материалах жандармерии. Начальник Курского губернского жандармского управления полковник А.А. Ковалевский писал 18 декабря 1906 г. о том, что крестьяне села Фатесвки Дмитриевского уезда с 1902 г. стремились насильственно завладеть землей графини Соллогуб. С 1905 г. начались поджоги, массовые потравы и порубки леса. В 1906 г. состоялось 14 поджогов, и в июне пришлось вызвать войска (что поджогов, впрочем, не прекратило). Далее полковник Ковалевский пишет:

«Выясняя причины такого поведения крестьянского населения, я убедился, что все это происходит вследствие усиленной агитации со стороны группы местных неблагонамеренных лиц, организованной бывшей учительницей земской школы Ольгой Беспаловой (ныне замужем за князем Петром Дмитриевым Долгоруковым, бывшим членом Государственной думы), которая в течение 7 лет занималась систематически пропагандой на аграрной почве как среди фатеевских,

⁸⁰⁰ Государственная дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. (на обл.: Альбом портретов членов Государственной думы). С. 37; *Шелохаев В.В., Каницева Н.И.* Петр Дмитриевич Долгоруков. С. 69; Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Под общ. ред. И.И. Бухарина, В.В. Куйбышева, М.И. Покровского. М., 1931. Т. 23. Стб. 49.

⁸⁰¹ *Холодова Е.В.* Гуйва-Рождественское. С. 206.

⁸⁰² *Шелохаев В.В., Каницева Н.И.* Петр Дмитриевич Долгоруков. С. 69.

⁸⁰³ Там же. С. 70.

⁸⁰⁴ Власев Г.А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. I. Ч. 3. С. 172; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Ч. II. С. 107.

⁸⁰⁵ В справке Центрального архива ФСБ РФ №10/А-4046 от 09.09.97, подписанной начальником отделения И.Ю. Крючковым, сказано (вероятно, со слов кн. Петра Дмитриевича), что в 1945 г. ей было 62 года (Архив автора).

так и других окрестных крестьян. Успеху пропаганды Беспаловой способствовало также и то обстоятельство, что большинство крестьян с. Фатеевка занимаются отхожим промыслом и, работая в мастерских, на заводах и в шахтах, возвращаются на родину уже ознакомленными с социалистическими идеями»⁸⁰⁶.

Несовпадение имен в постановлении Ковалевского и в генеалогической литературе (а имя Антонина подтвердила и невестка князя Петра княгиня Ирина Петровна) является, по-видимому, результатом ошибки жандармского полковника.

Возможно, именно женитьба и рождение двоих детей (сына Михаила в 1907 г. и дочери Наталии в 1911 г.⁸⁰⁷) побудили князя Петра Дмитриевича, прежде довольствовавшегося весьма скромным жильем, приступить к строительству в Гуйве-Рождественском господского дома, который был построен в неоклассическом стиле как раз к 1917-му году. Теперь он в руинах⁸⁰⁸.

Князь Павел Дмитриевич Долгоруков, после окончания естественного отделения физико-математического факультета Московского университета⁸⁰⁹ служивший коллежским секретарем в Государственной канцелярии⁸¹⁰, был участником борьбы с голодом в Самарской губернии в 1891–1892 гг.⁸¹¹ От воинской повинности он был освобожден по причине слепоты на один глаз (отслоение сетчатки)⁸¹². В январе 1893 г. впервые избран предводителем дворянства Рузского уезда Московской губернии, каковую должность он будет занимать в тече-

⁸⁰⁶ Постановление начальника Курского губернского жандармского управления А.А. Ковалевского об аресте участников крестьянских выступлений в с. Фатеевке Дмитриевского уезда. 18.12.1906 // Революция 1905 – 1907 гг. в России. Документы и материалы / Гл. ред. А.Л. Сидоров. М., 1963. Т. 5. Ч. III. С. 233 – 234. Док. № 150. (Со ссылкой на: ЦГИАМ. Ф. ДП. Делопроизводство 7. 1906 г. Д. 2. Ч. 26. ЛЛ. 199 – 200).

⁸⁰⁷ Письмо вдовы кн. М.П. Долгорукова княгини Ирины Петровны Долгоруковой к П.Х. Гребельскому от 24.01.1995. Л. 1 (Архив автора); Ее же письмо к автору от 25.12.1995. Л. 2 (Архив автора).

⁸⁰⁸ Хлодова Е.В. Гуйва-Рождественское. С. 203–204, 210–211.

⁸⁰⁹ Формулярный список кн. Пав. Дм. Долгорукова 1900 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1216. ЛЛ. 85 об. – 86; Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 247, 252; Долгоруков Пав. Дм., кн. Долгоруков, князь Павел Дмитриевич: Автобиография. С. 63 (2-я пагинация).

⁸¹⁰ Формулярный список кн. Пав. Дм. Долгорукова 1900 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1216. ЛЛ. 85 об. – 86.

⁸¹¹ Формулярный список кн. Пав. Дм. Долгорукова 1900 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1216. ЛЛ. 85 об. – 86; Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 252–253; Долгоруков Пав. Дм., кн. Долгоруков, князь Павел Дмитриевич: Автобиография. С. 63 (2-я пагинация).

⁸¹² Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 252.

ние почти 14 лет, избираясь на нее пять раз. 14 мая 1896 года, вскоре после избрания на второй срок, он был пожалован в камер-юнкеры, а 6 мая 1899 года (после избрания на третий срок) – в камергеры⁸¹³.

При выборах в I Государственную думу в 1906 г. выдвинут Московским городским комитетом к.-д., но снял свою кандидатуру в пользу М.Я. Герценштейна⁸¹⁴. Свою роль могли сыграть и определенные личные обстоятельства. В это же самое время, 16 марта 1906 г., губернское присутствие под председательством и. д. московского губернатора В.Ф. Джунковского рассматривало его неправильные действия: по его инициативе Рузский уездный съезд раздал крестьянам, причем деньгами, а не хлебом, часто помимо земского начальника, 20000 руб. продовольственного капитала без особой их нужды, только по их требованию, сопровождавшемуся угрозами (все внесенные прежде в этот капитал взносы были возвращены обратно); дело было направлено в Сенат по обвинению в превышении власти. Тянулось оно страшно долго, и только 19 декабря 1910 г. князь был признан виновным в превышении власти в бытность Рузским уездным предводителем дворянства и отрешен от должности (которую уже четыре года не занимал) с запрещением занимать в будущем какие-либо выборные должности. Вместе с ним были преданы суду члены Рузского уездного съезда (кого он был председателем) земские начальники К.А. Космовский и А.Ф. Васильев (им в приговоре был объявлен выговор), исправник Л.В. Полонский и бывший податной инспектор Б.Н. Шрамченко (им объявлено замечание)⁸¹⁵.

Петр Дмитриевич пишет про это обвинение: «Привожу в качестве свидетельских показаний письма двух запрошенных мною по этому

⁸¹³ Формулярный список кн. Пав. Дм. Долгорукова 1900 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1216. ЛЛ. 85об. – 88. Интересно, что справка Министерства Императорского двора, датированная декабрем 1906 г., относит вступление в предводительскую должность к 1887 году, когда он еще учился в университете (РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 29. Л. 8).

⁸¹⁴ Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 267, 272. См. также справку Министерства Императорского двора, датированную декабрем 1906 г. (РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 29. ЛЛ. 9 об.).

⁸¹⁵ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / [Предисл. и примеч. И.М. Пушкаревой и З.И. Перегудовой]. М., 1997. Т. I. С. 152, 526–527; Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 281–283; Долгоруков Пав. Дм., кн. Долгоруков, князь Павел Дмитриевич: Автобиография. С. 64 (2-я пагинация; в этом источнике сказано: «Лишен всех избирательных прав, будучи осужден по 341-й ст[атье], в 1910 г. по продовольственному делу 1905 г., как председатель Рузского земского съезда»); Протокол допроса [князя Павла Дмитриевича Долгорукова 02.05.1915] // РГИА. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 4. Л. 60б (в этом источнике сказано: «был под судом по 341 ст[атье] Ул[ожения] и приговорен к отрешению от долж[ности]»).

вопросу лиц уже после смерти брата. Вот что писал мне 21 апреля 1928 года из Сербии покойный М.В. Челноков, бывший московский городской голова: «Против Павла Дмитриевича поход открыл губернатор⁸¹⁶, привлекиши его к ответственности за «превышение власти» по статье, лишаящей права участвовать в выборах. Обвинение было нелепое. В Московской губернии во всех уездах всегда крестьяне засыпали семена, а весной их для посева разбирали без разрешения губернского присутствия, а с согласия уездной земской управы и предводителя. Понятно, Павел Дмитриевич следовал общему порядку и разрешал семена разбирать. В Московской губернии хлебные магазины всегда служили только для хранения семян, а продовольственные запасы хранились в процентных бумагах. Поэтому крестьяне, не трогая продовольственных средств, на семена смотрели как на свою собственность и сдавали их в магазин для удобства – на хранение; даже не допускалась мысль, чтобы возможно было отказать в выдаче. Павел Дмитриевич, получив запрос от губернатора, ответил ему, что разобрать семена он разрешил, как делал всегда и как делается испокон веку во всей губернии. В ответ на это последовало привлечение его к ответственности. Уездная земская управа, которая должна была бы разделить ответственность с Павлом Дмитриевичем, была оставлена в покое, так же как двенадцать остальных предводителей и уездных земских управ, поступавших совершенно так же, как Павел Дмитриевич. В этой постыдной истории интересно отношение князя Павла Дмитриевича к своим коллегам по Дворянскому собранию. Князь остался совершенно спокоен, сохранил лично хорошие отношения с предводителями и только иногда над ними иронически подшучивал».

В конце 1940 года я запросил проживающего в Париже нашего знакомого москвича В.Ф. Малинина, не помнит ли он что-нибудь об этом деле. Вот что он мне написал: «По вопросу о вашем брате князе Павле Дмитриевиче могу Вам сообщить, что, будучи членом Московской городской управы от 1907 до 1917 года, я отлично помню свое участие в составе особого присутствия Московской судебной палаты с сословными представителями при разборе дела о Павле Дмитриевиче вместе с несколькими другими лицами по обвинению в сообщничестве по подстрекательству крестьян Рузского уезда к неисполнению ими каких-то обязанностей, каких – точно не помню. Отлично помню, как Павел Дмитриевич отказался от защитника и защищался сам. Князь был признан виновным, наказание же состояло в отчислении от должности предводителя по суду, что по закону лишало Павла Дмитриевича

⁸¹⁶ Имеется в виду и.д. московского губернатора флигель-адъютант полковник В.Ф. Джунковский.

возможности занимать вообще выборные должности. Этого, конечно, и добивались не столько дворяне, сколько правительство. Я, как Вы знаете, будучи не левым, чувствовал искусственность процесса, как способа изъятия Павла Дм[итриевича] из общественной деятельности, и поэтому остался при особом мнении»⁸¹⁷.

16 октября 1906 г. он, согласно прошению, был уволен от службы⁸¹⁸. Это увольнение дало возможность применить к нему новые санкции.

29 ноября 1906 года министр Императорского двора барон В.Б. Фредерикс писал председателю Совета министров и министру внутренних дел П.А. Столыпину:

«Совершенно конфиденциально

Милостивый г[осударь] Петр Аркадьевич,

Бывш[ий] Рузский уездн[ый] предводит[ель] дворянства в зв[ании] камергера Выс[очайшего] двора ст[атский] сов[етник] князь П.Д. Долгоруков, состоящий поч[етным] миров[ым] судьей по Рузскому уезду, ведет, как мне известно, политическую деятельность, совершенно несовместимую с придв[орным] званием.

До настоящего времени я не находил возможным возбуждать вопрос по сему поводу, т.к. князь Долгоруков состоял уездн[ым] предводителем дворянства и лишение его придв[орного] звания было бы весьма тяжело для дворян, избравших его своим предводителем.

Ныне, ввиду сообщения московского губернатора об оставлении князем П.Д. Долгоруковым должности Рузского уездн[ого] предводителя дворянства, я предполагал бы повергнуть на Высоч[айшее] воззрение вопрос об исключении князя П.Д. Долгорукова из придв[орных] списков»⁸¹⁹.

11 декабря 1906 года П.А. Столыпин направил бар. В.Б. Фредериксу следующую справку:

«Справка

Начиная с 1887 г., по вступлении князя Павла Дмитриевича Долгорукова на должность Рузского Московской губернии уездного пред-

⁸¹⁷ Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 281 – 282.

⁸¹⁸ Телеграмма предводителя дворянства Московской губернии кн. П.Н. Трубецкого начальнику Канцелярии Министерства Императорского двора А.А. Мосолову // РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 29. Л. 2; Письмо московского губернатора в Канцелярию МИДв // Там же. Л. 5. Однако фактически он оставил эту должность еще раньше. В.Ф. Джунковский, в начале августа 1906 г. посетивший Рузский уезд, написал: «Должность предводителя дворянства исполнял за уходом князя П.Д. Долгорукова профессор Н.Ю. Зограф» (Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. I. С. 178.

⁸¹⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 29. Лл. 6 – 6об.

водителя дворянства состав и направление Рузского уездного земства стали заметно изменяться, постепенно уклоняясь в сторону «народничества». Подобное явление происходило благодаря влиянию князя Долгорукова, пользовавшегося своим служебным положением для распространения в населении идеи народного представительства. В конце 1902 и начале 1903 г., когда в г. Москве происходил съезд представителей от обществ вспомоществования лицам учительского звания, князь Долгоруков в качестве председателя собрания призывал учителей объединиться в союз и, критикуя действия правительства в деле народного образования, объяснял, что только земство и городское самоуправление пойдут навстречу их нуждам. 11 января 1904 года князь Павел Долгоруков на происходившем в г. Москве в квартире его отца собрании выделялся как наиболее энергичный сторонник организации «союза объединенной интеллигенции во имя освобождения», поставивший себе задачей связать в одно целое оппозиционные элементы всех крупных культурных центров Империи для совместной борьбы с самодержавием. Тогда же установлены были связи с политически неблагонадежными лицами. В феврале и марте 1905 года по инициативе князя Долгорукова в доме дяди его графа Орлова-Давыдова собирались лица различных слоев общества и на собраниях этих читались профессорами лекции на тему «О конституции», а также обсуждались способы введения в Империи конституционного образа правления, каковые собрания содействовали образованию так называемого «Союза освобождения». В июле месяце того же года князь Долгоруков участвовал в собрании земского организационного бюро, закрытого полицией. В том же месяце в квартире самого князя Долгорукова происходило совещание общеземского съезда, постановившего резолюцию добиваться всеми способами до неповиновения властям включительно, изменения существующего государственного строя [...]. В феврале 1906 года князь Долгоруков выступал в качестве распорядителя на состоявшемся в г. Рязани с разрешения губернатора публичном собрании конституционно-демократической партии, где профессор Кизеветтер прочел лекцию на тему о программе названной партии. В апреле месяце Долгоруков участвовал в Москве в аграрной комиссии партии конституционалистов-демократов, постановившей резолюцию о необходимости увеличения площади землепользования крестьян путем принудительного отчуждения за счет государства частновладельческих и других земель. Весною 1906 года князь Долгоруков совместно с графом Нессельроде и присяжным поверенным Макаковым ездил в Париж с целью агитации против заключения Россией заграничного займа и вошел в состав делегации, посетившей в

этих видах президента Французской республики Фальера, а также министра внутренних дел Клемансо и министра финансов.

При выборах в члены Государственной думы по г. Москве князь Долгоруков являлся одним из наиболее сильных кандидатов конституционно-демократической партии, но, руководствуясь требованиями партийной тактики, отказался от избрания в члены Думы в пользу профессора Герценштейна, как известного финансиста. Сам же продолжал оставаться во главе находящегося в Москве Центрального Комитета партии и принимать деятельное участие в ее делах. 24 сентября 1906 года князь Павел Долгоруков председательствовал на нелегальном съезде партии Народной свободы в Гельсингфорсе, на котором в резкой форме порицались мероприятия правительства, а также было одобрено известное Выборгское воззвание и решено пропагандировать в населении как это воззвание, так и рекомендованную на съезде идею пассивного сопротивления»⁸²⁰.

В результате 17 декабря 1906 года князь Павел Дмитриевич был исключен из придворных списков⁸²¹.

Между тем одно из главных обвинений – в агитации во Франции против кредита – опровергается братом князя Павла Дмитриевича Петром. Вот что он пишет в своих мемуарах: «Сейчас же после выборной кампании в I-ю Государственную думу, задержавшей его ежегодную весеннюю поездку за границу, брат на этот раз поехал лишь на две недели и, как обычно, в Италию и затем через Ривьеру в Париж, где пробыл всего четыре дня. Здесь он встретился с В.А. Маклаковым, прямо приехавшим в Париж тоже после московских выборов. Тут они сделались жертвой неправильных слухов, будто они оба, и даже от лица Конституционно-демократической партии, противодействовали заключаемому в Париже русскому правительственному займу накануне созыва Государственной думы. [...] В.А. Маклаков рассказывает, [...] как раз в тот день, когда было назначено посещение Пуанкаре, к нему неожиданно входит только что приехавший в Париж Павел Дмитриевич, раньше знавший Пуанкаре по пацифистским конгрессам, который даже посетил брата в свою бытность в Москве. Брат согласился на просьбу Маклакова поехать к Пуанкаре. Визит их был короток, и Пуанкаре удивил их неожиданным для них сообщением, что Совет министров решил поставить условием, чтобы получаемые по займу деньги могли расходоваться лишь с разрешения Государственной думы. Это, собственно, было понятно само собой, так как воспользоваться займом до созыва Государственной думы нельзя было

⁸²⁰ Там же. ЛЛ. 8 – 9об.

⁸²¹ Высочайший приказ по Министерству Императорского двора // Там же. Л.10.

успеть. [...] У президента же Фальера брат совсем не был и свидания с ним не добивался»⁸²².

На заседании 29 марта 1906 года, проходившем именно под председательством князя Павла Дмитриевича Долгорукова, ЦК кадетской партии, «относясь вполне отрицательно к означенному займу и находя его крайне вредным для интересов страны, признал, однако, единогласно невозможным делать какие-либо шаги от имени партии для того, чтобы воспрепятствовать займу»⁸²³. Тем не менее слух об агитации кадетских представителей, и в частности князя Павла Дмитриевича Долгорукова, в агитации против займа, был очень распространен и повторен многими уважаемыми людьми.

При том, что братья были близки политически, они почти не имели совместных зон приложения сил. Исключением стал кружок «Беседа». В его создании и деятельности оба брата принимали активнейшее участие. Но этому кружку посвящена только что вышедшая книга⁸²⁴, поэтому здесь мы не будем о нем распространяться. Отмечу лишь, что именно в рамках кружка «Беседа» осуществлялась издательская деятельность, в которой особенно активен был князь Петр. За пять лет он издал четыре сборника статей крупнейших российских ученых по разным актуальным вопросам⁸²⁵, причем два сборника были двухтомными и два — переиздавались. Издательская активность князя Павла приходится на более поздние времена в связи с организованным им «Обществом мира».

Период до 1906 года — лишь начало политической деятельности наших героев. Впереди председательство на тринадцати думских заседаниях I Думы (у кн. Петра) и руководство кадетской фракцией во II Думе (у кн. Павла), подписание Выборгского воззвания (у кн. Петра) и многолетнее нахождение на должности председателя ЦК партии кадетов (у кн. Павла). И наконец, впереди у обоих — эмиграция и при

⁸²² Долгоруков Петр Дм., кн. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: Биографический очерк. С. 272 — 278.

⁸²³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 33в. ЛЛ. 18 — 19. Цит. по: История СССР с древнейших времен до наших дней. В двенадцати томах. М., 1968. Т. VI. С. 214.

⁸²⁴ Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899 — 1905 / [Отв. ред. В.В. Шелохаев]. М., 2009. 287 с.

⁸²⁵ Мелкая земская единица: Сб. статей / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и кн. Д.И. Шаховского при участии ред. газ. «Право». СПб., [1902]. Вып. I; То же. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб., [1903]; СПб., 1903. Вып. II; Крестьянский строй: [Сб. статей] / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и гр. С.Л. Толстого при участии ред. газ. «Право». СПб., 1905. Т. I; Аграрный вопрос: Сб. статей. / Издание кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрунkevича. М., 1905. Т. I; То же. Изд. 2-е. 1906. Т. I; 1907. Т. II; Политический строй современных государств: Сб. статей / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрунkevича при участии ред. газ. «Право». [М.], 1905—1906. Т. I и II.

этом смерть в Советском Союзе. Правда, кн. Павел был расстрелян, а кн. Петр умер своей смертью в тюремной больнице. В этом их судьбы не вполне совпали. Как и в том, что кн. Павел остался холостяком, а кн. Петр был женат и имел детей.

В.В. ВЕДЕРНИКОВ

Почему Герценштейн? (К истокам Териокской трагедии)

Летом 1906 г., после того, как правительство приняло решение о роспуске Государственной думы, острый политический кризис, охвативший Российскую империю, вступил в решающую фазу. Вооруженные восстания вспыхнули в Выборге, Свеаборге и на крейсере «Память Азова». Революционные партии выступили с призывом к всеобщей забастовке⁸²⁶, которая должна была перерасти во всеобщее вооруженное восстание. На этом фоне убийство 18 июля 1906 г. в Териоках депутата только что распущенной Государственной думы кадета М.Я. Герценштейна, казалось бы, должно было восприниматься современниками как рядовое событие, тем более что с начала XX века политический террор становится в России «бытовым явлением». В мае 1906 г. эсеры совершили покушение на командира севастопольской крепости В.С. Неплюева. В ходе покушения были убиты и ранены более 40 человек, в июне в Петергофе был убит генерал С.В. Козлов, которого террорист по ошибке принял за дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, вскоре после убийства Герценштейна на платформе Петергофского вокзала был застрелен командир Семеновского полка Г.А. Мин, затем последовал взрыв дачи Столыпина на Антекарском острове, повлекший многочисленные человеческие жертвы, ежедневно совершались покушения и убийства городских, чиновников, экспроприации государственного имущества, известия о которых в лучшем случае печатались в отделах газетной хроники. И, тем не менее, отзвуки териокской трагедии будоражили русское общество вплоть до конца 1909 года. Объяснение этому, как кажется, заключалось в том, что жертвой убийц стал не агент власти, а оппозиционный общественный деятель.

Подозрения в организации убийства сразу же пали на крайне правые круги. Они были подкреплены еще и тем фактом, что сообщение

⁸²⁶ Подробнее см.: Тютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991.

об убийстве депутата было опубликовано на страницах черносотенной московской газеты «Маяк» днем 18 июля, когда Герценштейн был еще жив. Эти подозрения переросли в уверенность, когда после самостоятельно проведенного расследования кадеты добились ареста и предания суду ряда организаторов и исполнителей. В их числе оказался ряд членов боевой дружины, подчинявшейся непосредственно Главному совету Союза русского народа. В эту группу входили: десятники Путиловского завода А.В. Половнев и И.Я. Рудзик, охранники при Главном совете СРН Е.С. Ларичкин и С. Александров, а также трактирщик Л.А. Тополев. Руководил ими командир боевой дружины, кандидат в члены Главного совета СРН Н.М. Юскевич-Красовский. Удалось выявить и заказчика убийства, которым был председатель СРН А.И. Дубровин⁸²⁷. Убийству Герценштейна заказчик придавал первостепенное значение. По показаниям бывшего секретаря Дубровина А.И. Пруссакова, Юскевич-Красовский получил 4 тыс. рублей единовременно за голову депутата, а позже Дубровин готов был уплатить не менее 15 тыс. тому, кто взял бы на себя вину за убийство, дабы отвести подозрения от черносотенцев.

И все же мотивы, которыми руководствовался заказчик преступления, на первый взгляд выглядят абсолютно иррационально. Вполне естественно, что первоначально, когда детали убийства еще не были установлены, правая пресса выдвигала самые фантастические мнения о мотивах убийства. Утверждалось, например, что Герценштейн был убит революционерами, опасавшимися, что он может выдать их революционные тайны, не менее абсурдной была и версия, согласно которой депутата убили его соплеменники за переход в православие⁸²⁸. Правительственный официоз газета «Россия» не исключала и акта индивидуальной расправы со стороны «разоренного или «иллюминированного» агрария», взволнованного кадетской программой принудительного отчуждения земли⁸²⁹. По убийцы Герценштейна принадле-

⁸²⁷ О судебных процессах, связанных с убийством Герценштейна см.: Витухновская М.А. Черная сотня под финским судом // Нева. 2006. № 10. С. 279–284.

⁸²⁸ Эти версии правой печати были изложены в выступлении В.А. Маклакова на заседании III Государственной думы, рассматривавшей вопрос о противозаконной деятельности СРН. Нам не удалось найти подобных отзывов в «Московских ведомостях», «Новом времени» и «Русском знамени» за июль-август 1906 г. Но если учесть многочисленность правых изданий и то, что дело Герценштейна волновало общественное русское общество на протяжении трех лет, то наличие таких отзывов более чем вероятно. Трудно допустить, чтобы Маклаков, выступавший в собрании, где были представлены единомышленники «союзников», допустил бы искажение фактов (См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 2220–2221).

⁸²⁹ Убийство М.Я. Герценштейна // Россия. 1906. 20 июля.

жали к «низам общества» (Ларичкин – рабочий), непосредственный организатор убийства Дубровин был мелкопоместным дворянином⁸³⁰.

Первоначально «Русское знамя» осудило убийство депутата Думы, но позже, когда подозрения СРН в организации убийства стали перерастать в уверенность, газета, не признавая прямо ответственности за этот акт насилия, стала оправдывать методы террора как эффективный способ борьбы с революцией. Газета писала: «Что такое убийство Герценштейна? Для жидовской революции это был удар обуха по голове»⁸³¹. Эта аргументация была использована в думском выступлении В.В. Шульгина. Он считал, что убийства Герценштейна и Иолоса были необходимы для того, чтобы остановить революцию⁸³².

Черносотенцы действительно ставили своей целью активную борьбу с революцией. Взаимной ненавистью отвечали им и революционеры, убивая рядовых членов СРН. Так, в январе 1906 г. отряд большевиков в Петербурге взорвал чайную СРН⁸³³. Казалось бы, именно деятели революционного подполья должны были в первую очередь опасаться мести со стороны черносотенцев. Но, насколько мне известно, ни на В.И. Ульянова, ни на Ю.О. Мартова, ни на В.М. Чернова черносотенцы покушений не готовили. По каким же обстоятельствам крайние правые причислили Герценштейна не просто к революционерам, но к активным деятелям и руководителям революции?

Выходец из зажиточной еврейской семьи (отец Герценштейна владел домом в Одессе и, по сведениям газеты «Одесские новости», «принимал близкое участие в делах местного отделения Государственного банка»)⁸³⁴, Герценштейн после окончания Второй Одесской гимназии с золотой медалью поступил в Новороссийский университет, который он окончил со званием кандидата юридических наук. В 1884 году он вступил в брак с дочерью священника и перешел в православие. После защиты диссертации Герценштейн, мечтая об академической карьере, переехал в Москву, где, после того, как он сдал магистерский экзамен, приобрел в 1884 г. право на преподавание. Однако он так и не был допущен к академической кафедре как «лицо еврейской национальности». По воспоминаниям М.М. Ковалевского, особое противодействие вступлению Герценштейна в академическое сословие ока-

⁸³⁰ Точнее, его жена владела небольшим имением площадью в 50 дес. в Орловской губернии. См.: Следственное дело доктора Дубровина / Вступит. статья и примеч. В.Г. Макарова // Архив еврейской истории. М., 2004. Т. 1. С. 278.

⁸³¹ См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Стенографические отчеты. Ч. IV. Стб. 2246 – 2247

⁸³² Там же. Стб. 2235.

⁸³³ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894 – 1917. М., 1997. С. 133.

⁸³⁴ М.Я. Герценштейн (некролог) // Одесские новости. 1906. 20 июля.

зал ректор Московского университета и будущий министр народного просвещения Н.П. Боголепов⁸³⁵.

Вынужденный искать нового поприща, Герценштейн поступил на службу сначала в Московско-Рязанский торговый банк, а затем в Московский земельный банк Л.С. Полякова, где за короткое время прошел путь от секретаря до члена правления, добившись материальной независимости. Он смог приобрести имение в Егорьевском уезде Рязанской губернии размером в 645 дес., уплатив за него (вместе с расходами по оформлению сделки) около 10 тыс. рублей⁸³⁶. Лишенный университетской кафедры, он получил известность как публицист, выступая на страницах «Юридического вестника», «Русской мысли» и ведущей либеральной газеты «Русские ведомости». Темой его публикаций была по преимуществу финансовая политика правительства, аграрный вопрос, деятельность органов земского и городского самоуправления. Во многом банковская служба для Герценштейна носила вынужденный характер, к тому же финансовое положение «империи» Л.С. Полякова в начале XX века пошатнулось⁸³⁷, и около 1901 г. Герценштейн оставил службу, которая, по-видимому, никогда не приносила ему удовлетворения. Примерно в это же время открылись возможности для возобновления академической карьеры. Министр народного просвещения Н.П. Боголепов, смертельно раненый террористом, был замещен П.С. Ванновским, а затем Г.Э. Зенгером. Последний утвердил Герценштейна в должности приват-доцента Московского университета, а в 1904 г. Герценштейн стал профессором Московского сельскохозяйственного института. Академическая кабинетная работа как нельзя лучше соответствовала намерениям Герценштейна. Близко знавший его Д.С. Шор вспоминал: «От природы и по свойствам своего характера он [Герценштейн – В.В.] был – что называется – кабинетный ученый, что и являлось его заветным стремлением. Но действительность упорно мешала ему, направляла его на деятельность, чуждую его характеру и стремлениям»⁸³⁸. Действительно, бурные события начала века захватили кабинетного ученого. Участие в общественной жизни он считал своим долгом, не исполнить которого он не имеет права.

⁸³⁵ Ковалевский М.М. Член Государственной думы М.Я. Герценштейн // Страна. 1906. № 65. См. также: Герценштейн М.Я. Письмо редактору // Русские ведомости. 1906. 2 июля.

⁸³⁶ Герценштейн М.Я. Письмо к редактору.

⁸³⁷ Подробнее см.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.

⁸³⁸ Шор Д.С. Воспоминания. М.: Иерусалим, 2001. С. 209.

С началом общественного оживления он включается в публичную общественную деятельность. В 1904 г. Герценштейн был избран гласным городской думы, представлял город в Московском губернском земском собрании, его кандидатура даже выдвигалась на пост городского головы. С образованием кадетской партии он стал ее деятельным членом, разрабатывая принципы аграрной программы либералов. В ходе думской избирательной кампании он был выдвинут сначала в выборщики, а затем, после сокрушительной победы кадетского списка в Москве и в депутаты Государственной думы. Человек, скорее, академического склада, он не стремился к лаврам депутата, но партии нужен был в Думе опытный финансист, способный полемизировать с графом С.Ю. Витте (предстоящую отставку премьера в начале апреля 1906 г. еще никто и не предполагал), и специалист в области аграрного вопроса, который Герценштейн знал не только как практик, но и как экономист-теоретик. Позднее, вспоминая ход избирательной кампании в Первую Думу, П.Н. Милюков справедливо утверждал: «Более всего приспособленный к тихой и кабинетной работе, он был обстоятельствами жизни выдвинут в первые ряды борцов. Глубокий и вдумчивый, строго аналитический ум, он принужден был тратить подвижность своей мысли на формулы случайных политических компромиссов. Зная только теоретически остроту современных социальных конфликтов, он сделался активным знаменосцем самого острого из них»⁸³⁹. В Думе он был избран в Аграрную, Бюджетную и Финансовую комиссии. Выступая сравнительно нечасто, в истории Первой Думы он остался прежде всего как оратор по аграрному вопросу, который отстаивал основные положения кадетского проекта. Разумеется, Герценштейн вовсе не был крайним радикалом. Это понимали и правительственные круги. Надеясь найти выход из кризиса, дворцовый комендант Д.Ф. Трепов предложил царю составить кадетское министерство, в котором Герценштейну предназначалась должность министра финансов⁸⁴⁰. Не считал Герценштейна революционером и оппонент Трепова П.А. Столыпин, сделавший все для того, чтобы идея коалиционного кабинета провалилась. Во всяком случае, правительственный официоз газета «Россия», комментируя убийство Герценштейна, писала: «Так не борются не только с революционными идеями, но и с революционными деятелями. А Герценштейн к тому же вовсе не был революционным деятелем»⁸⁴¹.

Итак, Герценштейн сам был земельным собственником, и пострадал бы, осуществись кадетская аграрная реформа; будучи либералом,

⁸³⁹ Милюков П.Н. Первая жертва // Последние новости. 1924. 31 июля.

⁸⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С. 175.

⁸⁴¹ Убийство Герценштейна // Россия. 1906. 20 июля.

он не принимал участия в нелегальных конспирациях и, по-видимому, не участвовал в Союзе Освобождения. После роспуска Думы на совещаниях в Выборге выступал против призыва к пассивному сопротивлению. Правда, подпись свою под Выборгским воззванием он поставил, но сделал это, повинаясь чувству внутреннего долга и партийной солидарности, когда под угрозой введения в Выборге военного положения депутаты прекратили прения и решили подписать документ без дальнейших обсуждений⁸⁴². Таким образом, убитый депутат был крайне далек от радикализма и принадлежал, скорее, к правому крылу кадетской партии. И, тем не менее, именно его имя, а не имя лидера трудовиков А.Ф. Аладьина или социал-демократа Н.Н. Жордания чаще всего мелькало на страницах правой прессы.

Чтобы понять особенность этой непримиримой вражды правых к своему либеральному оппоненту, следует учесть одну существенную деталь: в начале века отрицательное отношение к евреям со стороны правых кругов приобретает черты не столько религиозной, сколько этнической вражды, превращаясь в классический антисемитизм. Поэтому православие Герценштейна несколько не мешало правой прессе изображать московского депутата «иудеем», «жидом», который лелеет коварные антигосударственные замыслы. Так, делая упор, прежде всего, на этнической принадлежности Герценштейна, «Московские ведомости» предполагали, что в Думе «еврей Герценштейн будет требовать, например, чтобы, по примеру Франции, из школ выброшены были святые иконы»⁸⁴³.

Крайним правым нельзя отказать в глубоком ощущении ритма истории. В отличие от либералов, они, без сомнения, ощущали то глубокое тектоническое движение, которое грозило вырваться наружу и покончить с привычным и таким, казалось, устойчивым миропорядком. Но, предвидя возможность крушения привычного и устойчивого мира, причину грядущей катастрофы правые усматривали не в реалиях тогдашней российской действительности, а в подпольной работе враждебных православию и самодержавию сил. Тема царства Антихриста, блестяще развитая В.С. Соловьевым в «Трех разговорах», нашла свое продолжение в теме мирового иудейско-масонского заговора, следствием которого и была, по мнению крайних правых, русская революция. Это мироощущение получило свое рельефное воплощение в «Протоколах сионских мудрецов». Этот документ впервые был опубликован П.А. Крушеваном в газете «Знамя» в 1903 г. с предисло-

⁸⁴² Винавер М.М. История Выборгского воззвания. Пг., б.г. С. 49–51; Первая Дума в Выборге // Красный архив. 1933. Т. 2. С. 89–95.

⁸⁴³ Что говорят «кадеты»? // Московские ведомости. 1906. 29 марта.

нием предположительно С.А. Нилуса, а затем неоднократно переиздавался в годы революции. Правый публицист, непримиримый противник С.Ю. Витте Г.В. Бутми выпустил их в 1905 г. в виде брошюры «Корень наших бед», а позже переиздал под новым заголовком «Враги рода человеческого». Тексты протоколов почти одновременно были воспроизведены и в составе публицистической работы того же Нилуса «Близ есть при дверех»⁸⁴⁴. Анонимные масонско-иудейские мудрецы, от имени которых ведется повествование, разрабатывая планы мирового господства, ставили своей ближайшей задачей разложение европейской христианской цивилизации, мира «гоев». При этом орудием всемирного масонского заговора является, как ни странно, не радикальная идеология, а либерализм. «Политическая свобода есть идея, а не факт. Эту идею надо уметь применять, когда является нужным идейной приманкой привлечь народные силы к своей партии, если таковая задумала сменить другую, у власти находящуюся. Задача эта облегчается, если противник сам заразится идеей свободы, так называемым либерализмом, и ради идеи поступится своей мощью. Тут-то и проявится торжество нашей теории: распущенные бразды правления тотчас же по закону бытия подхватываются и поддираются новой рукой, потому что слепая сила народа дня не может быть без руководителя, и новая власть лишь заступает место старой, ослабшей от либерализма», — утверждалось «мудрецами»⁸⁴⁵. Орудием разложения христианской цивилизации является также «свободная» пресса, подпитываемая деньгами еврейских мудрецов, наука и школа. Политическая экономия — вовсе не научная дисциплина, а идеология, ставящая своей целью оправдание власти денег. «Все колеса государственных механизмов ходят под воздействием двигателя, находящегося в наших руках, а двигатель этот — золото. Измышленная нашими мудрецами наука политической экономии давно указывает царский престиж за капиталом», — раскрывали подоплеку своих действий «мудрецы»⁸⁴⁶. При этом для того, чтобы первоначально привлечь на свою сторону массы, мнимые «истины» политэкономической теории будут использоваться для пропаганды идеи социального равенства. «Чтобы истинная подкладка вещей не стала заметна гоим раньше времени, мы ее прикроем якобы стремлением послужить рабочим классам и великим экономическим принципам, о которых ведут деятельную пропаганду наши экономические теории», — так говорили о своих коварных планах «мудрецы»⁸⁴⁷. Цель пропаганды — подрыв и уничтожение арис-

⁸⁴⁴ Подробнее см.: Кон Н. Благословение на геноцид. М., 1990.

⁸⁴⁵ *Нилус С.А.* Близ есть, при дверех... М., 2004. С. 98.

⁸⁴⁶ Там же. С. 114.

⁸⁴⁷ Там же. С. 117.

тократии «гоев», дабы заменить ее аристократией богатства. Используя фальшивые лозунги «свобода, равенство, братство», «мудрецы» сумели *«добиться важнейшего козыря (...) — уничтожения привилегий, иначе говоря, самой сущности аристократии гоев, которая была единственной против нас защитой народов и стран»*, а на ее месте «поставили аристократию нашей интеллигенции во главе всего. Ценз этой новой аристократии мы установили в богатстве, от нас зависимом, и в науке,двигаемой нашими мудрецами»⁸⁴⁸. В крайне правых кругах «Протоколы» воспринимались как ключ, раскрывающий подоплеку революционных событий. «...В настоящее время Русская держава и Русский народ являются главными объектами, на которые направлена разрушительная деятельность масонства в союзе с иудейством. Для меня лично, да, я думаю, и для всех, имевших возможность ознакомиться с прекрасною книгой г. Бутми «Враги человечества» это не подлежит ни малейшему сомнению», утверждал один из членов Русской монархической партии, скрывшийся под псевдонимом⁸⁴⁹. Итак, следуя логике Протоколов, любая деятельность этнического еврея изначально будет носить антигосударственный, антинародный характер. Задача заключается в том, чтобы обнаружить подоплеку этих человеконенавистнических планов и предать ее гласности. Уже сам отказ от высокого жалованья в банке и переход Герценштейна к преподавательской деятельности выглядел с точки зрения правой прессы достаточно подозрительно. В рамках теории еврейско-масонского заговора такое странное поведение можно было объяснить только одним: желанием внести дух разложения и анархии в среду учащейся молодежи.

Дополнительный эсхатологический оттенок восприятию фигуры Герценштейна придавал и ход избирательной кампании в Государственную думу. Москва рассматривалась правыми как оплот традиционных ценностей в противовес космополитично-бюрократическому Петербургу. Тем неожиданней была полная и сокрушительная победа кадетского списка на выборах по городу Москве. Еще 19 марта 1906 г., т.е. за неделю до выборов, известный антисемит А.С. Шмаков на собрании Русской монархической партии произнес имя Герценштейна как возможного представителя Москвы в Думе⁸⁵⁰. Вряд ли Шмаков, желавший встряхнуть своим прогнозом консервативную общественность,

⁸⁴⁸ Там же. С. 102.

⁸⁴⁹ Я. Б-ов. Виновики революции: [Речь, произнесенная автором на собрании Русской монархической партии 3 марта 1906 г.] // Московские ведомости. 1906. 21 марта.

⁸⁵⁰ Еврейская победа над Москвой // Московские ведомости. 1906. 15 апреля.

всерьез верил в осуществимость этой перспективы. Но слова его действительно оказались пророческими. Из поданных на первой стадии выборов 2016 записок в 1339 значилось имя Герценштейна, в то время как представлявшие крайних правых Д.И. Иловайский набрал 142 голоса, Ф.Ф. Самарин – 151 голос, а кандидат от октябристов Ф.Н. Плевако 535 голосов⁸⁵¹. Через две недели собрание выборщиков с триумфом избрало Герценштейна депутатом Думы от Москвы. Не менее потрясающим для правых было и избрание в Думу депутатом от Костромы – города, который связан с романовскими традициями, – З.Г. Френкеля⁸⁵². Заголовок статьи «Московских ведомостей» «Еврейская победа над Москвой» напрямую связывал победу Герценштейна с такими событиями русской истории как нашествие поляков и взятие столицы армией Наполеона. Более того, в оплоте православия, Третьем Риме, победу одержал еврей. «Достаточно будет сказать русскому народу, что Москва выбрала своим представителем Жида, чтобы весь народ русский содрогнулся от ужаса и негодования», – заключали «Московские ведомости»⁸⁵³. Дополнительный и, с точки зрения крайних правых кругов, зловещий смысл имел и тот факт, что выборы выборщиков по Москве проходили в Вербное воскресенье, а избрание депутатов – через неделю после Пасхи. Таким образом, ход и исход избирательной кампании рассматривался как символическое повторение событий священной истории, как отказ избранного народа (в данном случае русского) от Спасителя, как новое распятие Христа. Эта тема нашла свое выражение в проповеди о. Иоанна Восторгова, который напоминал, что иудеи отвергли царствие небесное во имя царствия земного, а ныне соблазнили и русский народ. Россия, подобно Христу, оказалась на Голгофе. Обращаясь к России, батюшка продолжал: «Родина наша вступает на новый путь жизни. Пред ней впереди – новая Россия.... Прости, прости старая тысячелетняя Россия! На наших глазах судили, осудили тебя и приговорили к смерти.... Грозные и беспощадные судьи заплевали твое лицо и не нашли в тебе ничего доброго. Суд был строгий, неумолимый и беспощадный. Все смешалось в одном вопле: возьми, распни»⁸⁵⁴. Врагов России, которые «готовят разложение государства» обличал в своей проповеди и о. Иоанн Кронштадтский. По его словам, «не стало у интеллигенции

⁸⁵¹ Русские ведомости. 1906. 28 марта.

⁸⁵² Захват евреями Костромы – колыбели царствующего дома Романовых // Московские ведомости. 1906. 12 апреля.

⁸⁵³ Еврейская победа над Москвой // Московские ведомости. 1906. 15 апреля.

⁸⁵⁴ Восторгов И. Слово в Великий пяток перед плашаницей // Московские ведомости. 1906. 12 апреля.

любви к Родине, и она готова, как Иуда, предать Христа злым книжникам и фарисеям»⁸⁵⁵.

Исход выборов в Думу превзошел самые пессимистические ожидания. Несмотря на значительное крестьянское представительство, в Думе так и не удалось сформировать действенную фракцию крайне правых. Адрес Думы, требовавший всеобщей амнистии, перехода к парламентской системе управления, и аграрной реформы, был принят практически единогласно. Это вызвало всплеск злобы и ненависти правой печати. Дума изображалась прежде всего как орудие в руках еврейства. По словам одного из ведущих публицистов «Нового времени» А.А. Столыпина, который сам себя аттестовал как филосемита, «евреи-кадеты имеют свои дальновидные планы, о которых не подозревают простаки-русские кадеты»⁸⁵⁶. Эту тему на страницах «Русского знамени» развивал один из руководителей СРН А.И. Дубровин, утверждавший, что хотя в Думе на 500 депутатов приходилось не более 11 евреев, она все равно была еврейской. «Кто же представлял главных действующих лиц в заседаниях и комиссиях и руководил всем — известно достаточно из отчетов Думы. Винавер, Герценштейн, Острогорский, Иоллос, Якубсон и еврействующие люди, от которых весь русский народ чаял великих и богатых милостей»⁸⁵⁷.

В качестве доказательства антирусского характера Государственной думы правая пресса использовала думское постановление о порядке работы первого русского парламента. Для работы комиссий Дума выделила два дня — среду и субботу. В эти дни общие заседания не проводились. Воскресенье было объявлено общим днем отдыха и могло использоваться для заседаний только в случае экстренной необходимости. Таким образом, суббота оставалась рабочим днем для комиссий. Более того, если среди недели выдавался праздничный день, то, компенсируя пропуск, Дума проводила общее заседание в среду или субботу⁸⁵⁸. Но, явно передергивая факты, «Новое время» сообщало читателям: «Государственная Дума решила сегодня праздновать по предложению еврея Острогорского субботу, а по предложению других депутатов еще и среду, а воскресенье не праздновать»⁸⁵⁹. Развивая эту же тему, «Московские ведомости» риторически вопрошали: «Почему,

⁸⁵⁵ Сергеев И. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы // Московские ведомости. 1906. 25 марта.

⁸⁵⁶ А. Ст-н [Столыпин А.А.] Заметки // Новое время. 1906. 29 мая.

⁸⁵⁷ Дубровин А.И. К воспоминаниям о Государственной думе // Русское знамя. 1906. 21 июля.

⁸⁵⁸ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 373 – 378.

⁸⁵⁹ Новое время. 1906. 16 мая.

наконец, Дума не считается с религиозными воззрениями русского народа, к которым она, кажется, должна была бы относиться с уважением? Или шабашовать ее заставляют евреи, в услужение которым Дума давно, по-видимому, поступила?»⁸⁶⁰.

В истории Первой Думы Герценштейн остался прежде всего как оратор по аграрному вопросу, который отстаивал основные положения кадетского проекта. Этот проект предусматривал принудительное отчуждение частновладельческой земли с образованием общенационального земельного фонда, который предназначался для наделения малоземельного крестьянства. Разумеется, кадетский законопроект, сохраняя общинную форму землевладения и неотчуждаемость наделенных земель, в сущности, воспроизводил основные положения реформы 1861 г. А это означало, что его реализация консервировала бы сложившиеся аграрные отношения. В своих выступлениях Герценштейн отстаивал преимущество мелкого крестьянского землепользования перед крупным землевладением. Такой подход встретил вполне обоснованную критику внутри самой кадетской партии. В частности, Л.И. Петражицкий, разделяя мнение о необходимости принудительного отчуждения, настаивал на передаче земли не в пользование, а в собственность⁸⁶¹.

Следует отметить, что и сам Герценштейн, по крайней мере, до начала 1906 года, был сторонником сохранения частного землевладения и постепенного разрушения общины путем передачи земли крестьянам в собственность. По его словам, «помещичье хозяйство является в настоящее время во многих случаях культурным центром как в смысле техники, так и в смысле распространения всякого рода знаний и умственного развития. Нельзя же не признать, что во многих местностях сельскохозяйственные машины, улучшенный севооборот, новые производства и промыслы, дающие заработок населению и ряд других улучшений обязаны своим происхождением частному землевладению»⁸⁶². В сущности, эти же аргументы повторили в Думе главноуправляющий землеустройством и земледелием А.С. Стишинский и товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко, оппонируя Герценштейну. Думается, что и сам московский депутат хорошо понимал коренные противоречия отстаиваемой им программы. В частной беседе он утверждал, что предлагаемые кадетами меры для решения аграр-

⁸⁶⁰ А.И.Е. Шабаш Государственной думы // Московские ведомости. 1906. 25 июня.

⁸⁶¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 451 – 458.

⁸⁶² Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос. Национализация земли. Крестьянский банк. Выкупная операция. М., 1906. С. 39.

ного вопроса имеют не экономическое, но чисто политическое значение⁸⁶³. Это политическое значение выразилось и в том, что аграрная программа кадетов, построенная на принципах широкого отчуждения и передачи земли в государственный земельный фонд, смогла привлечь симпатии крестьянских депутатов, что и обеспечивало руководящую роль кадетской фракции в Думе, где они располагали не более чем третьей частью голосов. По словам В.Г. Короленко, крестьянские депутаты сразу признали в Герценштейне «своего руководителя и союзника»⁸⁶⁴.

Коренной порок правительственной программы заключался вовсе не в защите принципа частной собственности, а в отказе рассмотреть саму возможность принудительного отчуждения, принцип которого, включенный в думский адрес, был единодушно поддержан, в том числе и умеренными депутатами, и крупными землевладельцами. Действительно, в условиях широкого размаха аграрного движения только эта мера могла успокоить волнуемую деревню. Поэтому, полемизируя с Турко, Герценштейн сделал упор не столько на защите идеи государственного земельного фонда, сколько на отстаивании принципа принудительного отчуждения земельной собственности. Продолжив полемику с правительственным чиновником на газетных полосах, Герценштейн с горечью писал: «Что же предлагает правительство? Отвергнув принудительное отчуждение частновладельческих земель как посягательство на права частной собственности, оно свело все ожидания, все надежды крестьян к переселению и покупке земель через посредство Крестьянского банка. Это - не программа, а набор слов, пустое место. И если кто хоть мог еще питать надежду на то, что кабинет Горемыкина будет считаться с волею народа, то после заседания Думы 13 мая пришлось окончательно расстаться с этою мыслью. Такое правительство не в силах разрешить ни одного вопроса, а тем менее пойти навстречу крестьянской массе, которая ожидает от Думы прежде всего земли»⁸⁶⁵. Нет ничего удивительного в том, что его ответ представителям правительства носил эмоциональный характер. Бросая упрек правительству в провоцировании аграрных беспорядков, Герценштейн сказал фразу, которая позднее неоднократно цитировалась правой печатью: «Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?! Нельзя теперь предлагать меры, рассчи-

⁸⁶³ Новое время. 1906. 28 мая.

⁸⁶⁴ Короленко В.Г. Земли! Земли! М., 1991. С. 94.

⁸⁶⁵ Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос в Государственной думе // Русские ведомости. 1906. 17 мая.

танные на продолжительный срок, необходима экстренная мера, а принудительное отчуждение и есть экстренная мера!»⁸⁶⁶. Совершенно очевидно, что Герценштейн предлагал аграрную реформу как альтернативу аграрной революции. Возможно, речь депутата излишне эмоциональна, но могла ли она быть другой в накаленной думской атмосфере? Заметим также, что Наказ запрещал депутатам читать заранее подготовленные тексты речей, а это неизбежно делало думское слово эмоционально окрашенным.

Позже именно этой речи правые публицисты придали значение того толчка, который и спровоцировал убийство депутата. Выступая в III Думе, В.В. Шульгин так объяснил мотивы убийства. «Смерть витала над Герценштейном, когда он стоял на том самом месте, где сейчас стою я, – и говорил свою аграрную речь. Смысл этой речи мало кто помнит теперь, но осталось одно слово, которое до сих пор жжет, как раскаленный уголь»⁸⁶⁷. Но, как ни странно, первоначально правая печать вообще никак не отреагировала на упоминание «иллюминаций». «Русское знамя», комментируя речь Герценштейна, указывала на развязные и бестактные, по мнению газеты, манеры оратора⁸⁶⁸, а «Гражданин» князя В.П. Мещерского, защищавший позиции помещиков, вообще обошел выступление Герценштейна молчанием. Впервые об «иллюминациях» вспомнила «Россия», которая, как мы говорили ранее, пыталась объяснить акт террора мстостью задетого за живое агрария.

Аграрная программа кадетов, в разработке которой участвовал Герценштейн, крайне непоследовательная, действительно открывала возможности для ее критической оценки. В аргументах оратора заметно желание воздействовать не столько на разум, сколько на эмоции слушателей. Герценштейн в сущности обошел молчанием последствия реформы для государственного хозяйства, приводя в качестве примера страны, где преобладает крестьянское хозяйство, Данию, он не упомянул, что в сельском хозяйстве этой страны преобладали крупные крестьянские хозяйства, а вовсе не мелкое крестьянское землевладение. Широкие возможности для полемики с кадетским оратором открывал и тот факт, что его воззрения на аграрный вопрос к началу созыва Думы серьезно изменились, при этом сама мировоззренческая эволюция, несомненно, во многом predetermined была политичес-

⁸⁶⁶ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 524.

⁸⁶⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Стб. 2234.

⁸⁶⁸ Русский. Покушение с негодными средствами // Русское знамя. 1906. 23 мая.

кой конъюнктурой. Однако эти выигрышные моменты правая публицистика почти не использовала. Не использовала, как представляется, потому, что никакими логическими аргументами невозможно было успокоить аграрное крестьянское движение. Требование дополнительного наделения землей, принудительного отчуждения объединяло крестьян вне зависимости от национальной и партийной принадлежности. Вероятно, по этим же причинам правая пресса не эксплуатировала и тему об «иллюминациях», к которым, якобы, призывал кадетский депутат. Обвинение в покушении на помещичью собственность было сильным аргументом в кругу дворян, но вовсе не в крестьянской среде. Поэтому для дискредитации кадетской аграрной программы беззастенчиво использовался, как, по-видимому, казалось бесприкрытый в глазах крестьян аргумент об «инородческих» корнях кадетской аграрной программы. Полемику открыло Новое время. Газета отрицала, что программа частичной национализации земли, выработанная Герценштейном вместе с А.А. Кауфманом и Н.Н. Кутлером могла отвечать интересам народа. По мнению автора, она отражала еврейское правосознание. Прочитав библейский текст: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит, 25, 23), автор сделал вывод: «Вот откуда эта quasi-русская народная формула [земля – Божья – В.В.], без сомнения, не без еврейского содействия пущенная в оборот среди русских». А первый опыт национализации земли, по мнению автора, осуществил Иосиф Прекрасный, который обратил земли египтян в собственность, сделав их рабами⁸⁶⁹.

«Эту тему подхватили и развили «Московские ведомости». Первоначальная реакция газеты на выступление Герценштейна была очень невнятной. Критиковалась, скорее, сама манера выступления. Газета находила, что в речах московского депутата «много грубости и пошлости, свойственных зазнавшемуся еврейчику»⁸⁷⁰. Затем, подхватив тему «Нового времени», газета снабдила ее своими вариациями. По мнению газеты, евреи используют аграрный вопрос для разжигания смуты. Проекты национализации земли неразрывно связаны с проектами гражданского равноправия. В результате доступ к государственному земельному фонду откроется евреям, и они получат «лучшие куски нашей матери-земли»⁸⁷¹. Это же утверждение повторил и прavitельственный официоз⁸⁷².

⁸⁶⁹ Библиофил. Справка для г. Герценштейна // Новое время. 1906. 25 мая.

⁸⁷⁰ Аграрные иллюзии г. Герценштейна // Московские ведомости. 1906. 26 мая.

⁸⁷¹ Аграрный вопрос и евреи // Московские ведомости. 1906. 31 мая.

⁸⁷² Бодрый. Скрытый проект наделения евреев землею // Россия. 1906. 10 июня. Эту же заметку перепечатала и газета Дубровина. См.: Русское знамя. 1906. 14 июня.

С трудом верится в искренность антисемитских эскапад официозной газеты, поскольку ее фактическим руководителем был И.Я. Гурлянд, подобно Герценштейну, принявший православие. Напротив, Дубровин абсолютно искренен в своем зоологическом антисемитизме. Что бы ни исходило от лица еврейского происхождения, все трактовалось им как свидетельство наличия мирового еврейского заговора. В этом смысле показателен следующий эпизод. Выступая в Думе, один из лидеров кадетской фракции М.М. Винавер призвал пригвоздить министров к позорному столбу. Этот стандартный митинговый оборот сразу же привлек внимание Дубровина, который разразился громовой статьей, обличающей мировое еврейство. «Если евреи со свойственным им изуверством не колебались пригвоздить Сына Божия (...), то что для них казнь сынов России – мы все знаем, что сыны Иуды способны выполнить свою угрозу и пригвоздить к позорному столбу не только министров, но и выше их стоящих, а о маленьких людишках и говорить не стоит: они ежедневно гибнут от тех средств, которые любы сердцу еврея, и которыми Израиль стремится насадить по всей Руси равенство и братство (...) Терпи, русский народ. Твоим идеалом всегда было терпение. Скоро наступит время, и гг. Винаверы с государственной трибуны будут призывать и пригвозждать твоих голодных жен, детей, матерей и отцов. Что ему обездоленный русский народ – вьючная скотина для наполнения еврейских богатств, как иудейского божества, как средство господствовать над всем миром. Винаверы, Герценштейны и другие еврейские представители уже начали его распинать». И далее Дубровин обращается с мольбой, которая, похоже, исходит из самых недр его души: «Боже правый, умиласердись над несчастным нашим народом и смени твой праведный карающий ее за грехи гнев на милосердие Ты видишь, Господи, что нет более силы переносить муки»⁸⁷³. Очевидно, что Дубровин недвусмысленно вызывает к искупительной жертве. Следует отметить, что Дубровин искренно был убежден в существовании широкомасштабного заговора против России, направляемого еврейскими и масонскими кругами. Генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии Г.О. Раух, встречавшийся с А.И. Дубровиным в середине декабря 1905 г., изложил концепцию русского революционного движения, которую развивал председатель СРН. По мнению Дубровина, к революции страну привел С.Ю. Витте, «побуждаемый жидами». Дирижируют революцией «восемь масонских лож», а движение, получающее серьезную финансовую подпитку, «исключительно еврейское». Любопытно, что Раух, близкий к великому князю Николаю Николаевичу, нашел, что все это «правдоподобно

⁸⁷³ Дубровин А.И. К русскому народу!!! // Русское знамя. 1906. 23 мая.

и возможно»⁸⁷⁴. Следовательно, точка зрения Дубровина находила поддержку и понимание среди, по крайней мере, части представителей высокопоставленных придворных кругов.

И вскоре началась подготовка к жертвоприношению.

По показаниям Егора Ларичкина, в конце июня 1906 года Юскевич-Красковский сказал, что необходимо «снимать» наиболее ненавистных правительству лиц. В их числе были названы депутаты Думы Аладын, Шитников, Петрункевич, Винавер и Герценштейн. Достаточно трудно предполагать, что эта инициатива обошлась без санкции самого Дубровина. В противном случае, непонятно его желание не только увести одного из своих соратников от уголовного преследования, но и уплата Юскевичу-Красковскому значительной суммы денег за молчание⁸⁷⁵. Но охота началась именно за Герценштейном⁸⁷⁶, поскольку еще до появления на общественном поприще Герценштейна в правых кругах был сформирован обобщенный образ врага. Это еврей-финансист, связанный с либеральными (или, что то же самое, масонскими кругами), который активно эксплуатируя тему народной нужды, ставит своей целью разрушение традиционного миропорядка для того, чтобы обеспечить гегемонию мировому еврейству. Православное вероисповедание в этом контексте рассматривалось как боевой прием опытного врага, желающего проникнуть во враждебный стан. А это еще более увеличивало в глазах крайних правых «вину» Герценштейна. Эта точка зрения обеспечивала по-своему цельное, но абсолютно неадекватное восприятие революционного кризиса 1905–1907 гг. и делала неизбежной териокскую трагедию.

И.Ю. СОСНЕР

Член I Думы князь Георгий Львов

Одним из лидеров российского либерального общества начала XX века являлся видный земский и общественный деятель князь Георгий Евгеньевич Львов, член Государственной думы первого созыва (1906 г.), позднее лично возглавивший Временное правительство новой и демократической страны⁸⁷⁷.

⁸⁷⁴ *Дневник Г.О. Рауха*. Запись 16 декабря 1905 г. // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 88–89.

⁸⁷⁵ *Пруссаков А.И.* Кто убил Герценштейна? СПб., 1909. С. 10.

⁸⁷⁶ Показания Егора Ларичкина // *Речь*. 1909. 20 августа.

⁸⁷⁷ Полнер Т.И. *Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. Личность, взгляды, условия деятельности*. М., 2001. С. 162.

Род Львовых – один из старейших русских княжеских родов, ведущий свое начало с IX века от основателя древнерусского государства легендарного Рюрика, потомки которого дожили и до настоящего времени. В прошлом многие представители этой фамилии играли заметную роль в истории нашей страны, но к началу XIX века и так небогатые князья оскудели и, несмотря на принадлежность к высшей российской аристократии, естественно, не могли рассчитывать на блестящее будущее. Родители Георгия: отец – просвещенный алексинский помещик, надворный советник Евгений Владимирович и мать Варвара Алексеевна (ур. Мосолова), трогательные в своей любви и идеалах, много сделали для образования окрестного населения, писали учебники для начальной школы и книги для детей, которые одобрял и рецензировал гр. Л.Н. Толстой, друживший с семьей кн. Львовых⁸⁷⁸. Для обучения младших сыновей выбор родителей пал на частную классическую гимназию Л.И. Поливанова и по окончании ее, вернувшись в родовое имение с. Поповку, Георгий в меру своих сил и способностей все свободное время там помогал брату Сергею по хозяйству. А для продолжения образования им был избран юридический факультет Московского императорского университета, который ранее закончил другой старший брат Алексей. Диплом об окончании университетского курса Львов получил в 1885 г., и в дальнейшем большая часть молодости и зрелой жизни князя была связана с работой в земствах, что возникли в России после принятия Императором Александром II «Положений о губернских и уездных земских учреждениях».

Георгий Евгеньевич начинал свою общественную службу в Тульском губернском земстве в 1892 г. как гласный от Алексинского, поработал и в Ефремовском уездах. Львов был гласным Тульского губернского земского собрания пятнадцать лет и за заслуги на этом поприще награжден орденом Св. Станислава 2-й ст.⁸⁷⁹. Проблемы народного образования, устройство детских приютов, помощь страдающим от голода крестьянам – вот далеко не полный список его повседневных трудов. Князь был убежден в том, что правительство должно было иметь четкую программу помощи людям в неурожайные и кризисные годы, когда голод распространялся на десятки губерний России. Работая в Тульском губернском земстве, Львов раскрылся как человек государственно-мыслящий, как политик нового поколения. Именно в эти 90-е гг. XIX в. начинают закладываться его общественно-политичес-

⁸⁷⁸ Письма гр. Л.Н. Толстого к кн. Львовым // Л.Н. Толстой. Труды Толстовского музея / под ред. Н.Н. Гусева. М.: Л., 1928. С. 56–57, 59–61.

⁸⁷⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 639. ЛЛ. 6–11. (формулярный список о службе кн. Г.Е. Львова).

кие взгляды либерального монархиста. Георгий Евгеньевич считал, что для процветания отечества достаточно объединить деятельность земских гласных и земской интеллигенции в губерниях. Как земский гласный князь сделал свой политический выбор, он вошел в группу земцев-либералов, стоявших за реформы, способные уничтожить бюрократический произвол, за осуществление гражданских прав. Имя Львова стало известным в земской среде, с ним стали связывать определенные успехи в земской жизни губернии. В 1903 г. Георгий Евгеньевич был избран председателем Тульской губернской земской управы⁸⁸⁰.

Либеральное земство приветствовало Манифест 17 октября 1905 года, считая необходимым воспитывать в гражданах навык к свободе, чтобы из свободы «не родился беспорядок и своеволие». 6 июня 1905 года была организована представительная земская делегация к императору Николаю II с верноподданническим прошением во главе с кн. С.Н. Трубецким, в которой участвовал и кн. Г.Е. Львов⁸⁸¹. После издания Манифеста 17 октября, председатель Совета министров гр. С.Ю. Витте предлагал Львову занять пост министра земледелия, однако этот план не был осуществлен. Очередной грубый выпад губернской администрации против Георгия Евгеньевича заставил того уйти из руководства местного земства и выдвинуть свою кандидатуру на выборах в I Государственную думу. Так одновременно с деятельностью в тульском земстве Львов с 1904 г. включился в Российское общеземское движение.

В 1906 году князь от блока кадетов и октябристов был избран депутатом в Государственную думу, где во все время ее работы старался трудиться в разнообразных комитетах (в том числе продовольственном), а не выступать с трибуны⁸⁸². После разгона Думы 200 делегатов ее выехали в Выборг, где после 2-х дней возбужденных совещаний подписали зажигательное воззвание к народу. Львов один из немногих его не подписал, считая невозможным для себя ввергать страну в анархию гражданского неповиновения и понятно-жестких ответных шагов правительства. Позднее не сойдясь во взглядах с направленностью новых действий кадетской партии, он покинул ее ряды.

Со времени образования земских учреждений, которые согласно закону о земской реформе должны были заниматься исключительно местным хозяйством, обнаружилось и их стремление к объединению. Инициатором налаживания связей между отдельными земствами в

⁸⁸⁰ Журнал чрезвычайного тульского губернского земского собрания 25 февраля 1903 г. Тула, 1903. С. 6, 13.

⁸⁸¹ *Соснер И.Ю.* Князь Георгий Львов. Возвращение имени. М., 2006. С. 39.

⁸⁸² *Полнер Т.И.* Указ. соч. С. 168.

начале XX века выступила Московская губернская земская управа во главе с ее председателем Д.Н. Шиповым, который решил привлечь Георгия Евгеньевича к общеземской деятельности, разглядев в нем талант организатора практических дел. Когда 14 российских губернских земств из двадцати одного высказались за участие в помощи раненым русским воинам на фронтах русско-японской войны: госпитали, лазареты, перевязочные пункты, походные кухни, Львов был избран главноуполномоченным общеземской организации, действовавшей в Манчжурии. Он выехал туда в мае 1904 г. малоизвестным земским деятелем, в распоряжении которого было всего 360 человек (врачей, сестер милосердия, поваров), в том числе и два тульских врачебно-питательных отряда. Там, находясь во главе трудного, ответственного и обширного дела, князь проявил огромную трудоспособность, политический такт, спартанскую простоту и нетребовательность личных качеств, организаторский талант и практическую хватку, что обеспечило четкую работу в сложных военных условиях земским отрядам⁸⁸³. В прессе писали, что Львов был главным организатором земских успехов среди неудач непопулярной войны. При возвращении в Москву в начале октября 1904 г. он стал одним из героев русского общества и со времени японской компании имя князя стало широко известным и популярным не только в земских кругах, но и в прессе.

Под влиянием военных неудач правительство пошло на некоторые уступки, не препятствуя земским деятелям собираться на частных квартирах для обсуждения своих проблем. Неоднократно Георгий Евгеньевич входил в состав особых земских депутатий, которые ходатайствовали об этом перед Царем, князь умел ладить с большими чиновниками. Он участвовал во всех шести земских съездах 1904–1905 гг. Львов пережил за этот период глубокую эволюцию своих аполитических воззрений, став земцем-конституционалистом, признанным лидером общеземского движения. Но с организацией политических партий и работой 4-х Государственных дум земские съезды постепенно утратили свое былое общественное значение.

Общеземская организация осталась, но ее работа уже не касалась вопросов политических. Ее главное внимание займут проблемы помощи русскому народу в чрезвычайных ситуациях голода, переселенческой политики, эпидемии. Георгий Евгеньевич по-прежнему стоял во главе этого движения. Не желая и сам заниматься политикой, он вновь организовал общеземскую благотворительную деятельность. Там, где обнаруживалось общенародное бедствие, там, где нужна ско-

⁸⁸³ Полнер Т.И. Указ. соч. С. 128–129.

рая и действенная помощь, - там находился и там без усталы трудился князь Львов...

К середине июля 1914 г. Московское губернское земство планировало провести ряд совещаний относительно создания центральной санитарной организации земского типа, так как подобное учреждение было необходимо в условиях надвигающейся войны. Георгий Евгеньевич как руководитель созданной еще в период русско-японской войны общеземской организации оказался в числе лиц, приглашенных к обсуждению этого проекта. Речь тогда шла об организации эвакуации больных и раненых воинов из распределительных пунктов с последующим размещением их в местных госпиталях, создавать которые также должен был будущий Всероссийский земский союз (ВЗС)⁸⁸⁴.

На учредительный съезд ВЗС, который проходил 30 июля 1914 г., съехались представители 35 губернских земств. Имя князя в то время было широко известным и популярным в Российском обществе и 37 голосами против 13 Львов стал главным уполномоченным Земсоюза⁸⁸⁵. Созданная организация объединила все губернские земства России, кроме Курского, консервативно «правое» руководство которого в пику либералам решило действовать самостоятельно. А несколькими днями спустя, городские головы страны, следуя земскому примеру, объединились во Всероссийский союз городов (ВСГ) с аналогичными же функциями.

Тем временем Георгий Евгеньевич приступил к налаживанию текущей работы Земсоюза. Не будучи «кабинетным» руководителем, он постоянно находился в гуще дел и среди людей. Начались его бесконечные поездки в Петроград, где князь посещал министерства и различные ведомства с целью координации будущих действий, а также с ходатайствами о выделении необходимых для дела денежных субсидий. Посещение служащих, работающих во вновь созданных мастерских и складах, участие в различных ведомственных комиссиях – Львова не так-то просто было застать в здании на Маросейке 7, где располагался Главный комитет ВЗС. И вскоре Земсоюз в огромных количествах начал заготавливать для действующей армии теплые вещи и белье. А уже в первые месяцы войны около его центрального аппарата выросли и приступили к работе многочисленные отделы, количество которых на протяжении войны неуклонно возрастало: центральный склад, отдел санитарных поездов, отдел по приему пожертвований, медико-санитарный и эвакуационный отделы, канцелярия,

⁸⁸⁴ Гисин С. И. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Политическая эволюция с июля 1914 г. по февраль 1917 г. М., 1946. С. 19.

⁸⁸⁵ РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

бухгалтерия, касса и пр. и пр. Состояние санитарной помощи в Действующей армии в первые месяцы войны было ужасающим и свидетели тому воспоминания и рассказы современников⁸⁸⁶. В создавшихся условиях правительство было просто вынуждено обратиться за поддержкой к столь нелюбимой им либеральной общественности, которая в лице ВЗС и ВСГ предлагала свою действенную помощь воюющей стране.

Именно с этого момента можно прямо говорить о появлении Георгия Евгеньевича на арене «большой» политики. Выборгское воззвание, которое князь не подписал в 1906 г., казалось бы, поставило точку на политической карьере князя, лишивший раз доказывая внутреннюю аполитичность и его миролюбие. Безусловным катализатором в дальнейшей смене политических ориентиров Львова, которых он сам не хотел и которым в глубине души был не рад, стала его активная работа в Земсоюзе и сложные, а порой и унижающие достоинство взаимоотношения с властью, которые он по долгу службы обязан был поддерживать. Именно 1916 г. во многом предопределил включение Георгия Евгеньевича в общественно-политическую борьбу. Постепенно отдаляясь от активного хозяйственного руководства Земсоюзом, он все более участвует в политических заседаниях на квартирах лидеров либеральных партий, посвященных обсуждению ситуации в стране и ее будущему. А уже в октябре 1916 г. сам князь Львов посетил Ставку, где беседовал с генералом М.В. Алексеевым относительно отстранения императрицы Александры Федоровны от «влияния» на политические решения мужа и утверждения правительства нового состава⁸⁸⁷.

Для разогнанного полицией Съезда уполномоченных земств 9 декабря Георгий Евгеньевич подготовил замечательную речь, которая так и не была произнесена. «Мы прошли этот тяжелый путь государственного труда под непрерывным обстрелом враждебной к нашей работе власти... Власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее и не руководит страной», — писал князь. А после того, как полицейстер составил протокол о закрытии съезда, Георгий Евгеньевич, вскочив на стул, воскликнул: «И все-таки мы победим, мы победим, господа!»⁸⁸⁸. Не правда ли, удивительные метаморфозы происходили со спокойным и ранее малозаметным на многочисленных собраниях человеком?

⁸⁸⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001, С. 82; Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб., 2001, С. 42, 48, 77–78, 86–88.

⁸⁸⁷ Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле // «Минувшее». Т. 12. 1993. С. 10–11.

⁸⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 436. П.И. Корженевский. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 71.

Будучи руководителем ВЗС и расширяя сферы своей деятельности, Львов обладал еще и очень редким талантом – он умел добывать у правительства для союза огромные средства. В этой заслуге князю не могли отказать даже его недоброжелатели и враги. Пропуская через свои руки миллионы рублей, он прожил жизнь очень скромно да так и умер, не оставив после себя большого наследства. Позднее мемуаристы, которые характеризовали деятельность Георгия Евгеньевича без прикрас и даже частенько с явным оттенком критики, тем не менее единодушно и твердо отмечали его личную непричастность ко всем происходившим финансовым злоупотреблениям в руководимом им Земсоюзе. Читая их отзывы о Львове, необходимо учитывать, что именно его политическое поражение как главы Временного правительства главным образом и перечеркнуло прежние его земские достижения и доброе имя, которое князь по праву заслужил за многие-многие годы общественной жизни и служения Отечеству. А значительная часть русского общества, покинувшая страну в годы Гражданской войны, была склонна обвинять Георгия Евгеньевича во всех грехах, часто делая его жизнь в эмиграции невыносимой⁸⁸⁹.

Созданный путем объединения ВЗС и ВСГ в июне 1915 г. ЗЕМГОР стал центром своеобразной добровольческой и трудовой мобилизации той части интеллигенции, которая во время Русско-японской войны была настроена пораженчески. Соприкосновение с армией оздоровило и отрезвило общественное мнение, придавая деятельным порывам людей стойкость и деловитость. Своей гуманитарной работой Земский и Городской союзы спасли миллионы жизней наших соотечественников, будь то раненые солдаты или бегущее от наступления вражеских армий мирное население. Уход за ранеными в летучках и санитарных поездах Земсоюза носил более человеческий характер, чем те же услуги в военных госпиталях – часто бытовые, сравнительно мелкие заботы скрашивали суровую фронтовую жизнь. В холодные ночи военных перебросок солдаты очень ценили возможность выпить кружку горячего чая, а присылаемые к праздникам подарки наполняли их сердца теплом. Невиданное по масштабам финансирование большинства иницированных правительством начинаний ВЗС и ВСГ в конечном итоге сделало их мощным фактором российской общественной жизни, позволив непосредственно вступить на арену политической борьбы за демократизацию общества.

Однако переход России к либеральным началам происходил в тяжелейшее время. Три года страна вела несчастливую войну против

⁸⁸⁹ История одного миллиона // Общее дело. 1921. 24 июня (Париж); Чебышев Н. Опекун // Зарницы. 1921. № 15. С. 1 (Константинополь).

Германии и ее союзников, которая привела в конечном итоге к экономическому и политическому кризису. Народ устал от неудач, и стране требовалось «ответственное министерство», облеченное народным доверием. Бурные события Февральской революции 1917 г. в Петрограде привели к отречению от престола Императора, Членов его Семьи, созданию первого в России демократического правительства, вставшего на путь либеральных реформ.

Кн. Львов возглавил правительство и осуществлял в нем функции председателя и министра МВД. 2 марта 1917 г. имя именно Георгия Евгеньевича назвал Государь Император Николай II в своем указе о назначении его председателем Совета министров. Следует уточнить, что в период Февральской революции также начали формироваться Советы рабочих и солдатских депутатов – в частности Петроградский. Однако в первые дни революции они не являлись достаточно влиятельной силой и поэтому не смогли серьезно вмешаться в борьбу за власть. Советы стали реальной политической силой уже позднее, и тогда соперничество этих двух сил привело к возникновению так называемого двоевластия.

Февральская революция фактически уничтожила прежнюю структуру государственного аппарата, а его остатки сделала мало дееспособными. И хотя властная вертикаль в стране была убрана, но новая система еще не успела сложиться и представляла собою нагромождение значительного количества всевозможных комиссий и разнообразных комитетов. Создавались они все под давлением обстоятельств, сопутствующих революции. Эти новые органы действовали в огромной спешке и довольно хаотично, а их очевидное всем бессилие новым установлениям влекло к очередным кадровым перестановкам и реорганизациям как в центре, так и на местах. Все прежние государственные структуры, отмененные задним числом, рухнули в одночасье, и никто этому в стране почти не воспротивился. Между тем и старые и новые органы власти практически бездействовали. И если в начале 1917 г. у России был шанс стать демократическим государством, то он так и остался нереализованным...

В МВД проходили самые масштабные реорганизации. И поэтому «ломка старых структур» составляла главную заботу кн. Г.Е. Львова как его министра. В должности товарищей министра в то время находились: Д.М. Щепкин, кн. С.Д. Урусов и С.М. Леонтьев. Именно им было доверено производить подготовку административной реформы в центре и на местах. Но реальная ситуация уже мало способствовала активной деятельности и явно вышла из-под контроля самих младореформаторов.

Поражение на фронте при июньском наступлении русской армии вновь возбудило революционное брожение в Петрограде в запасных

полках. К началу июля 1917 года активизировалась деятельность всех политических группировок в столице: левых и правых, начались интенсивные переговоры между различными политическими группировками. В столице прокатилась волна вооруженных выступлений, связанных с попыткой Советов свергнуть законную власть. 4 июля военный и морской министр А.Ф. Керенский направил на имя премьера кн. Г.Е. Львова резкую телеграмму с требованием «прекращения предательских выступлений, разоружения бунтующих частей и предания суду всех зачинщиков и мятежников». Эта публичная отповедь, вероятно, также явилась одним из поводов к отставке либерального министра-председателя. 7 июля 1917 г. по предложению Керенского правительство принимает решение «о расформировании всех воинских частей, принимавших участие в вооруженном мятеже начала июля 1917 года». Было принято предложение «о расследовании организации вооруженного выступления 3–5 июля». В действительности Временное правительство, не колеблясь, прибегло к решительным мерам по подавлению беспорядков – кто его за это осудит? Правда, большие сомнения вызывают заранее выставленные пулеметы на крышах при организованных леворадикальными экстремистами стихийных беспорядках на улицах. Этот же сценарий повторно, уже в конце октября принес заслуженный «успех»...

В новых обстоятельствах Временное правительство приняло отставку министра-председателя кн. Г.Е. Львова и ряда министров. Начался иной период истории Временного правительства, новый стиль руководства, который позднее был назван «Правительством спасения революции». Усилия его были сосредоточены прежде всего на подавлении политических противников крайне левого толка. Однако это была скорее декларация о намерениях – перечень основных задач, без пояснения механизма и реальной возможности их выполнения. Эти несколько запоздалые меры не могли уже привести страну к успокоению и вскоре ввергли ее в Октябрьской переворот – свержению законного правительства.

Пестуя Россию как свой алексинский сад, Львов старался удерживать страну над бездной, куда историей ей суждено было пасть. Он пытался не втягиваться ни в чьи интересы, раздиравшие страну на партии и кланы. Этим «бездействием» князь очень быстро приобрел со всех сторон множество недоброжелателей и врагов, разочарованных «сторонников». По мнению его биографа Т.И. Полнера, Георгий Евгеньевич обладал сильным характером, твердой волею, был человеком быстрых решений⁸⁹⁰. То есть человеком, созданным для управ-

⁸⁹⁰ Полнер Т.И. Указ. соч.

ления, обладавшим крупным административным талантом и необыкновенным даром общения с людьми. И вот такой человек оказался просто без всякой возможности действовать. Некоторые политические вожди напрасно считали его скорее декоративной фигурой «у руля» власти, гарантирующей правительству столь необходимый авторитет. Они были вскоре разочарованы невозможностью «управлять» Львовым, действительно не имевшим за собою реальной политической силы в виде партий и соратников.

Князь имел только моральный авторитет всей своей беспорочной 30-летней земской службы на благо Отечества. Будучи всю свою жизнь человеком долга, он видел себя лишь главой правительства временного, обязанного привести страну к Всероссийскому земскому собору, который один вправе решить будущую судьбу ее народов. Георгия Евгеньевича, видимо, справедливо упрекают в слабом и нерешительном Временном правительстве. Но попробуйте сами управлять, опираясь только на силу Закона, там, где новый закон не написан, да и никогда не был в почете! Мало того, Львов прошел мимо искушения властью и властью практически безграничной для нашей полуазиатской страны. «Далеким он был и от всякой символики власти, ибо хотел, как можно глубже раскрыть пропасть между старой и новой Россией...», — писал позднее о князе А.Ф. Керенский⁸⁹¹.

Напряженнейшая работа и изнурительная политическая борьба совершенно истощили силы Георгия Евгеньевича. Осенью 1917 г. князь долго лечился и, покидая Москву, он выехал в Сибирь, которую всегда считал краем безграничных хозяйственных возможностей. Хотел заняться тем, что умел лучше всего – конкретным делом, а не бороться с политическими противниками. Когда все рухнуло, за Уралом была реальна угроза смерти, пока матросы везли его арестованного, на каждой остановке показательно выводили к стенке «расстреливать». Затем тюрьма в Екатеринбурге совсем неподалеку от печально знаменитого дома Ипатьева, «чудесное» вызволение из нее⁸⁹², а оттуда путь к адмиралу А.В. Колчаку как верховному правителю России и руководителю борьбы с большевиками в Сибири. Львов участвовал во 2-м Челябинском совещании (20–25 августа 1918 г.) представителей «Комуча», Сибирского и Уральского временных правительств⁸⁹³. Георгий Евгеньевич покинул страну с полномочиями от Уфимской директо-

⁸⁹¹ Керенский А. Ф. Воспоминания о кн. Г.Е. Львове // Львов Г.Е. Воспоминания. М., 2002. С. 302.

⁸⁹² Плотников И. Ф. Тюрмные и угрожающие жизни дни и месяцы кн. Г.Е. Львова на Урале. 1917 – 1918 гг. Алексин, 2001.

⁸⁹³ Соснер И.Ю. Указ. соч. С. 120.

рии – «Временного всероссийского правительства», которое решило направить его в США для переговоров с американским правительством о военной и материально-технической помощи сибирским антибольшевистским силам. В сентябре-октябре 1918 г. из Владивостока через Токио и Сан-Франциско князь прибыл в США для встречи с президентом Вудро Вильсоном⁸⁹⁴. Америка, а затем и Европа, куда за помощью к правительствам этих стран он обращался и надеялся – не принесли желаемых результатов, и вот Георгий Евгеньевич во Франции.

Пока в Сибири шли бои, Львов собирал средства на санитарное обеспечение Белой армии, а позже, когда Гражданская война в России закончилась, – на пропитание русских беженцев в столицах и на окраинах Европы. Некоторое время, пока беженцы были в моде, его обращения к состоятельным филантропам давали результаты. Вскоре, однако, милости их стали оскудевать, на первый план выходили новые мировые проблемы, деньги же катастрофически иссякали. Представители французского правительства категорически заявляли, что перестанут оказывать помощь беженцам к 1 января 1921 г., и предложили образовать общественный русский беспартийный благотворительный комитет. Между тем в эмиграции после эвакуации оказались представители Земского и Городского союзов, работавшие на Юге России. Князь Львов вместе с Советом местной французской организации помощи беженцам («Объединения земских и городских деятелей во Франции») взял на себя почин в создании намеченной центральной организации. В конце 1920 г., за подписью Георгия Евгеньевича разосланы приглашения прислать в Париж своих делегатов всем центральным органам Земского и Городского союзов, а в январе 1921 г. собравшиеся делегаты обсудили и приняли общие положения устава «Российского Земско-Городского Комитета помощи российским гражданам за границей». При этом в качестве основного руководящего начала было установлено, что Комитет является учреждением аполитическим, преследующим исключительно гуманитарные задачи – оказания всякого рода помощи всем без различия нуждающимся русским гражданам, оказавшимся за границей.

Объединение это состоялось вокруг имени Львова, и в последующие годы он неизменно, до самой своей кончины, избирался председателем обеих организаций – местной, французской («Объединения земских и городских деятелей во Франции») и – центральной, для всех стран, куда сумели попасть русские беженцы. Самая трудная часть

⁸⁹⁴ *Теребов О. В.* Россия теперь больна. Публикация документов о встрече кн. Г.Е. Львова с президентом США В. Вильсоном. Ноябрь 1918 г. // Исторический архив. М., 1994. № 1. С. 102–108.

работы – приискание средств – всецело легла на плечи князя, вместе с тем с горечью пришлось убедиться, что у ряда эмигрантских общин он далеко не пользуется тем престижем, к которому привык. Само имя Георгия Евгеньевича, да и некоторых иных деятелей Земгора вызывали в среде военных Добровольческой армии и иных «правых» эмигрантских сообществ подозрительность, раздражение, подчас даже и открытую ненависть...⁸⁹⁵.

В 1921 году воссозданный в Париже «Российский Земгор» под руководством кн. Львова по всей Европе от Балкан до Франции организовал сотни русских школ, амбулатории, больницы, дома для престарелых. Представители его присутствовали на заводах, где трудились русские люди, а о простой и повседневной им помощи рассказывать можно очень долго. Для очередного сбора средств Георгию Евгеньевичу довелось прожить в Америке 5 месяцев (в 1921–1922 гг.) – почти столько же, сколько он занимал пост главы Временного правительства. За это время он провел сложные переговоры со многими общественными и государственными деятелями, сумел убедить их не только в том, что гуманитарная помощь необходима нуждающимся эмигрантам, но и ввиду повального голода – должна быть оказана и Советской России⁸⁹⁶.

Кн. Георгий Евгеньевич Львов скоропостижно скончался 6 марта 1925 г., на 64-м году жизни. Погребенный на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем ныне его прах покоится там под скромной мраморной семейной плитой среди бесчисленного множества русских могил. Львов по кругу родственных и дружеских связей принадлежал к русской аристократической элите и прошел путь в большей или меньшей степени общий для той ее части, что прокладывала дорогу новым и демократическим веяниям в стране. Не приняв революции в ее первоизданном виде, князь был вынужден покинуть родину и пройти тяжкий крестный путь невольного эмигранта, не желая приспособливаться к иным социальным условиям.

В начале XX в. в России Г.Е. Львов был широко известен, а сегодня, в XXI в., его вспоминают только историки-специалисты, да еще немногие эрудиты. На этих страницах сквозь краткое жизнеописание князя проступает судьба целого поколения русских общественных и политических деятелей, членов Государственной думы – живших мечтою об общенародном благе, людей, история которых еще не написана.

⁸⁹⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 297.

⁸⁹⁶ Полнер Т.И. Указ. соч. С. 436.

Правые депутаты в энциклопедии «Государственная дума Российской империи»: уточнения и дополнения

Вышедшая в 2006-м и переизданная в 2008 году солидная энциклопедия, посвященная Государственной думе Российской империи⁸⁹⁷, стала значимым событием для историков российского парламентаризма. Авторитетный труд, подготовленный известными специалистами по истории Государственной думы -- А.Б. Николаевым, В.А. Деминым, В.В. Шелохаевым, Р.Б. Ромовым, Д.А. Коцюбинским, Д.М. Усмановой и др. -- является, несомненно, прорывом по сравнению с предшествующими справочными изданиями на ту же тему, но и он не лишен некоторых неточностей и недостатков.

Оставив в стороне мелкие неточности, связанные с отдельными аспектами деятельности депутатов Государственной думы I–IV созывов и постатейные списки литературы (которые, по понятным причинам, в справочных изданиях всегда носят рекомендательный характер и не могут охватывать весь спектр работ, посвященных тому или иному персонажу), в рамках данной статьи коснемся только биографических сведений о депутатах правого спектра Думы (собственно правых и националистов). Несмотря на ряд интересных открытий и введение в научный оборот большого числа неизвестных ранее широкому кругу историков сведений о судьбах депутатов после крушения монархии и прекращения legislatures последней Государственной думы, некоторые данные все же остались за рамками энциклопедии.

Например, биографические данные о видном члене фракции русских националистов Ф.Н. Безаке⁸⁹⁸ обрываются в энциклопедии 2006 года издания 1918 г., во втором же издании о годах жизни указано, что Безак скончался не позднее 1940 г. Между тем сегодня можно с уверенностью констатировать, что кончина Безака припала на 14 декабря 1940 г. Эта дата была введена в научный оборот уже в 2007 г. в справочнике, посвященном членам Государственного совета (1801–1906)⁸⁹⁹,

⁸⁹⁷ Государственная дума России. Энциклопедия. В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906 – 1917) / Ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2006; Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008. (Далее: ГД – 2006, ГД – 2008).

⁸⁹⁸ Николаев А.Б. Безак Федор Николаевич // ГД – 2006. С. 47; ГД – 2008. С. 42.

⁸⁹⁹ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 65.

а затем подтверждена в ряде других публикаций⁹⁰⁰, посвященных этому правому политику, благодаря сведениям, полученным от ныне здравствующей дочери Безака Ксении Федоровны. Кстати, тут же обратим внимание на еще одну неточность в биографической статье о Безаке: у Федора Николаевича было не двое, как указывается в энциклопедии, а трое детей – Мария (1902–1944), Николай (1904–1991) и Ксения (р. 1915).

Коснемся и других упущений в биографии Ф.Н. Безака после 1917 г.⁹⁰¹ В энциклопедической статье остались обойденными вниманием такие важные факты в биографии правого политика, как активное участие в подготовке гетманского переворота на Украине⁹⁰², участие в бюро Совещания членов законодательных палат в Киеве (1918), работа в монархической организации «Союз верных», попытки спасения царской семьи и руководство созданным при графе Ф.А. Келлере Советом обороны. Неточным является утверждение, что Безак эмигрировал из России во Францию. После заключения петлюровцами в Лукьяновской тюрьме Безак при содействии эвакуировавшихся немецких военнослужащих эмигрировал в Германию. Оказавшись в Берлине, он возглавил Русский комитет, который являлся представителем русских беженцев перед германскими властями; был членом церковного комитета, по некоторым данным участвовал в Капповском путче (1920). В 1921 г. он переехал с семьей в Данию, а оттуда вскоре перебрался во Францию, в Ниццу. Здесь Ф.Н. Безак с супру-

⁹⁰⁰ *Иванов А.А.* Федор Николаевич Безак // Русское самосознание. Философско-исторический журнал. 2008. № 14. С. 43–52; Он же. Кавалергард императрицы. Полковник Федор Николаевич Безак // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов; вступ. ст., биограф. словарь и коммент. А.А. Иванов, С.Г. Зирин. М., 2008. С. 309–345. Эта же дата смерти Ф.Н. Безака была указана и в работе: Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 16–17. Однако данная публикация содержит некоторые погрешности в биографии Безака, в частности неверно указывая, что он был выходцем «из рода сврсйского происхождения, получившего дворянское достоинство при имп. Николае I» (С. 16). Между тем в указанных выше публикациях было справедливо указано на славяно-немецкие корни рода.

⁹⁰¹ Подробное изложение биографии Ф.Н. Безака см.: *Иванов А.А.* Кавалергард императрицы. Полковник Федор Николаевич Безак; Он же. Незвестные страницы биографии Ф.Н. Безака: судьба правого политика после 1917 г. // Герценовские чтения 2008. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных и учебно-методических трудов / Отв. ред. В.В. Барабанов; сост. А.Б. Николаев. СПб., 2009. С. 140–144; Он же. Верные Патриаршей Церкви. О существовавшем в 1930–1940-х годах в Ницце домовом храме иконы Божией Матери «Державная» // Московский журнал. История государства Российского. 2009. № 4 (220). С. 52–57.

⁹⁰² См.: Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия.

гой, поддержав декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о признании советской власти (1927), в 1930-х гг. основали домовую церковь в честь иконы Божией Матери «Державная», принадлежавшую Московскому патриархату⁹⁰³, за что многие русские эмигранты стали называть ее «большевистской церковью»⁹⁰⁴. В эмиграции им были написаны воспоминания, вторая часть которых, посвященная революции и гражданской войне, была издана в Москве⁹⁰⁵, а первая, о службе Безака в Кавалергардском полку, еще ждет своего издателя. Скончался Ф.Н. Безак от уремии и воспаления легких в городской больнице Ниццы, тело его было предано земле на муниципальном французском кладбище «Кокад». Однако позже, в годы Второй мировой войны, его сослуживцы по Кавалергардскому полку перезахоронили прах в общем склепе под алтарем церкви на Русском кладбище в Ницце⁹⁰⁶.

Некоторые добавления можно внести и в статью о председателе Всероссийского национального союза (ВНС) и лидера фракции националистов и умеренно правых П.Н. Балашеве⁹⁰⁷. Судя по данным, представленным в статье Я.А. Бутакова⁹⁰⁸, Балашев отнюдь не сразу после октября 1917 г. покинул Россию, предпринимая попытки по воссозданию ВНС на Белом юге. Благодаря сведениям, полученным в беседах с К.Ф. Безак, удалось также несколько расширить сведения об эмигрантской жизни Балашева. Как свидетельствует дочь Ф.Н. Безака — сподвижника П.Н. Балашева, последний пережил не только 1927 г., как обычно ранее отмечалось во всех справочных изданиях, и даже не 1939 г., как указывается в рассматриваемой нами энциклопедии Государственной думы, а оставался в Марокко на протяжении всей Второй мировой войны и был жив еще в 1950 г.⁹⁰⁹ Дальнейшими сведе-

⁹⁰³ Подробнее см.: Царица Небесная — Державная Правительница Земли Русской. Коломенская икона Божией Матери «Державная». Службы. Акафисты. Молитвы. Сказание. Свидетельства / Автор-составитель С.В. Фомин. М., 2007. С. 185–191; *Невярович В.К.* Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб., 2008. С. 302–317.

⁹⁰⁴ Из письма К.Ф. Безак — А.А. Иванову (Личный архив автора).

⁹⁰⁵ *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте.

⁹⁰⁶ Из письма К.Ф. Безак — А.А. Иванову (Личный архив автора). Это обстоятельство осталось неизвестным авторам статьи о Безаке в энциклопедии «Государственный совет Российской империи: 1906 – 1917».

⁹⁰⁷ Николаев А.Б. Балашев (Балашов) Петр Николаевич // ГД — 2006. С. 39; ГД — 2008. С. 34.

⁹⁰⁸ *Бутаков Я.А.* Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7) / электронная версия: http://www.nivestnik.ru/2002_2/1.shtml, автор ссылается на ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 69.

⁹⁰⁹ Эта дата была введена нами в научный оборот в публикации: Иванов А.А. Имперский национализм П.Н. Балашева // Имперское возрождение. 2007. № 5 (13). С. 75–80.

ниями об этом политике К.Ф. Безак, к сожалению, не располагает, так как она и все ее знакомые уже покинули Марокко к этому времени, а наши попытки выяснить судьбу П.Н. Балашева через Российское консульство в этой африканской стране успехом пока не увенчались.

Несколько проявились и судьбы некоторых других депутатов-националистов. Так, согласно свидетельству Ф.Н. Безака, депутат А.А. Потоцкий, о котором в энциклопедии говорится, что судьба его после 1917 г. неизвестна⁹¹⁰, находился на службе у гетмана П.П. Скоропадского (Потоцкий был отставным поручиком), командуя одним из конных отрядов Державной варты, с которым ему после захвата Киева петлюровцами удалось пробыть в Румынии⁹¹¹. Приблизительно удалось установить и кончину другого депутата, последовательно состоявшего во фракциях правых и националистов, А.П. Горсткина. После активной деятельности на «белом» Северо-западе России, о чем совершенно точно сообщается в энциклопедической статье⁹¹², Горсткину, по свидетельству его племянника полковника А.С. Гершельмана⁹¹³, удалось эмигрировать. Он скоропостижно скончался в поезде около 1922 г., предположительно во Франции. Гершельман также указывает и на судьбу его сына Павла, который погиб во время атаки на красных в последние дни перед эвакуацией «белого» Крыма⁹¹⁴.

Существенно можно уточнить биографические сведения о депутате-националисте А.Д. Зарине. Если в энциклопедии указывается, что он скончался не ранее июня 1921 г.⁹¹⁵, то согласно сведениям, полученным нами от А.В. Проскуры, занимающемуся историей имения помещиков Дерюгиных, после Октябрьской революции Зарин проживал на территории тогдашней Эстонии в Печорах. Получив нотариальную доверенность от другого думского депутата, своего софракционера Г.М. Дерюгина, начиная с 1922/23 гг., Зарин вел судебные процессы и работу с эстонскими чиновниками по возвращению собственности братьям Дерюгиным, которая после Гражданской войны также оказалась на территории Эстонской республики. Работа Зарина была завершена к 1936 г., когда им были собраны 110 га земли имения Дерюгиных. В 1934 г. Зарин с супругой получили эстонское гражданство, а поскольку

⁹¹⁰ Николаев А.Б. Потоцкий Александр Александрович // ГД – 2006. С. 505–506; ГД – 2008. С. 486 – 487.

⁹¹¹ Безак Ф.Н. Указ. соч. С. 404.

⁹¹² Николаев А.Б. Горсткий Александр Павлович // ГД – 2006. С. 145; ГД – 2008. С. 138.

⁹¹³ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия. С. 576.

⁹¹⁴ Там же.

⁹¹⁵ Николаев А.Б. Зарин Александр Дмитриевич // ГД – 2006. С. 218; ГД – 2008. С. 206.

ку в списках репрессированных советской властью в 1940/41 нет ни его, ни супруги, ни сына, можно предположить, что А.Д. Зарин выехал с семьей из Эстонии перед приходом Красной армии⁹¹⁶. Однако дальнейшая его судьба по-прежнему остается неизвестной.

Новые данные есть и о судьбе такого видного думского депутата как националист А.И. Савенко. В обоих изданиях энциклопедии указывается, что политик эмигрировал, и жизнь его оборвалась после 1920 г.⁹¹⁷, однако благодаря украинским авторам сегодня мы располагаем более точной информацией о судьбе Савенко. В недавней публикации киевского исследователя Т.В. Кальченко⁹¹⁸ указывается, что вместе с сыном Борисом (в энциклопедической статье он почему-то назван Василием, также ошибочно указан и год его рождения – 1899 вместо правильного – 1904), Савенко прошел с Белой армией путь от Киева до Одессы, эвакуировавшись в Турцию на остров Халки. После смерти сына от сыпного тифа (а вовсе не «расстрелянного Одесской ЧК», как указывает Д.А. Коцюбинский), несмотря на призывы знакомых следовать на Запад, Савенко тайно вернулся в советскую Россию, осев в Керчи под вымышленной фамилией Степуренко. Отсюда он вел переписку со своей супругой – оперной певицей Н.К. Новоспасской, подписывая свои письма псевдонимом «Твоя тетя» (одно из последних писем датируется 26 августа 1922 г.). Согласно публикации одесской журналистки Т.В. Морозовой⁹¹⁹, вернувшись в советскую Россию, Савенко-Степуренко работал дворником, а затем юрисконсультom Рыбтреста. Скончался депутат от скоротечной чахотки в 1922 г. в Керчи и был похоронен на городском кладбище под подлинной фамилией.

Но если Кальченко обнаружил информацию о последних годах жизни А.И. Савенко в киевских газетах 1920-х годов⁹²⁰, то Морозова в переписке с автором этих строк указала на другой ценный и совершенно обойденный авторами биографических справок о Киевском депутате источник – романизированные воспоминания его дочери И.А. Савенко⁹²¹, изданные еще в СССР в 1988 году! В книге подробно

⁹¹⁶ Из письма А.В. Проскуры – А.А. Иванову (Личный архив автора).

⁹¹⁷ Коцюбинский Д.А. Савенко Анатолий Иванович // 1Д – 2006. С. 565; 1Д – 2008. С. 544.

⁹¹⁸ Кальченко Т.В. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Кисв, 2008. С. 244 – 245.

⁹¹⁹ Морозова Т.В. Дворянин из семьи переяславского казака // ХайВей (Киев). 3.04.2006 / <https://h.ua/story/10331/>

⁹²⁰ См., напр.: Якубовский С. Крушение (из неопубликованных «Записок» Анатолия Савенко 1919 – 1920 гг.) // Вечерний Киев. 1927. № 2 – 3.

⁹²¹ Савенко И. Наяву – не во сне. Роман-воспоминание. Киев, 1988. Книга выдержала второе издание в том же Киеве в 1990.

описывается жизнь семьи Савенко; приводятся воспоминания его супруги, оставленные в конце жизни; рассказывается о побеге депутата из Киева осенью 1917 года; даются выдержки из дневниковых записей А.И. Савенко, охватывающих период его скитаний с сыном после второго оставления им Киева (по свидетельству дочери – это бесследно исчезнувшие из семейного архива в годы Великой Отечественной войны четыре толстых тетради, озаглавленные автором «Последние дни жизни Боречки»⁹²²). По свидетельству И.А. Савенко, ее отец к 1920 году полностью разочаровался в «белом» движении и как-то даже произнес фразу, отчетливо запечатлевшуюся в памяти его супруги – «А может быть, Ленин все же спасет Россию?»⁹²³.

Кое-что можно добавить и к биографии депутата-националиста Н.И. Чихачева. По свидетельству уже упоминавшегося нами Ф.Н. Безака, в марте 1917 г. он не только участвовал в совещании постановившем создать в Киеве Комитет общественных организаций, как сообщается в энциклопедии⁹²⁴, но и активно содействовал Совету солдатских и рабочих депутатов⁹²⁵. Помимо того, что он задним числом покинул состав своей фракции, Чихачев в революционные дни клялся в том, что еще задолго до революции разорвал все отношения с правыми, за что от В.М. Пуришкевича удостоился ироничного прозвища «национал-социалиста»⁹²⁶.

Дополнения требует и статья о лидере фракции правых III Государственной думы А.С. Вязигине⁹²⁷. В первом издании энциклопедии утверждалось, что депутат в 1919 г. был расстрелян большевиками, однако в издании 2008 г. (хотя точная дата смерти по-прежнему не указывалась) уточнялось, что Вязигин был зарублен. При этом послереволюционная биография этого видного правого деятеля так и осталась ограниченной лишь указанием причины его гибели. Между тем благодаря исследованиям харьковского историка А.Д. Каплина, жиз-

⁹²² Там же. С. 19, 101–102.

⁹²³ Там же. С. 19, 79. «Сколько я разыскивала эти дневники! Ведь они – единственное свидетельство того, что отец полностью разочаровался в белом движении за время своего с Борисом пути от Киева до Турции. А главное – того, что отец вернулся тайком от всех на Родину, работал там как советский служащий и умер в Керчи от скоротечной чахотки. На советской земле, а не в Париже, как считают многие, как считают все, что-то о моем отце знающие» (Там же. С. 17).

⁹²⁴ Николаев А.Б. Чихачев (Чихачев 2-й) Николай Николаевич // ГД – 2006. С. 711 – 712; ГД – 2008. С. 684 – 685.

⁹²⁵ Безак Ф.Н. Указ. соч. С. 383.

⁹²⁶ Подробнее см.: Иванов А.А. Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. / Ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2007. С. 69.

⁹²⁷ Ромов Р.Б. Вязигин Андрей Сергеевич // ГД – 2006. С. 122; ГД – 2008. С. 116.

ненный путь Вязигина уже достаточно хорошо изучен и отражен в ряде публикаций, не учтенных составителями энциклопедии⁹²⁸. На сегодняшний день известно, что после Февральской революции Вязигин отошел от всякой политической деятельности, продолжая, в том числе и после прихода к власти большевиков, работать в Харьковском университете. Отстранили его от преподавательской работы в начале апреля 1919 г. решением Совета комиссаров высших учебных заведений («Сквузом»), который также постановил лишить Вязигина профессорства. В мае того же года он был заключен в тюрьму, а перед отступлением красных из Харькова был вывезен в числе многих заложников, переведен в Орловскую центральную тюрьму, а затем в концентрационный лагерь. В ночь на 11 (24) сентября 1919 г. Вязигин был зарублен⁹²⁹. Т.И. Вязигиной – супруге убитого профессора – удалось найти тело своего мужа и перевезти его в Харьков для погребения.

Ряд добавлений следует внести и в статью, посвященную депутату правой фракции IV Государственной думы Ф.Н. Казину⁹³⁰. Так, в статье оказались опущенными факты службы Казина в канцелярии Казанского губернатора (1879–1881, 1883–1884); помощником старшего сортового содержателя экипажных магазинов Кронштадтского порта (1882–1883)⁹³¹. Автором также не приводится список наград Казина (в большинстве статей энциклопедии такие данные присутствуют): Св. Станислава 3-й ст. (1890), Св. Анны 3-й ст. (1898), Св. Станислава 2-й ст. (1901), Св. Анны 2-й ст. (1904), Св. Владимира 4-й ст. (1906), «темно-бронзовая медаль на ленте из государственных цветов» за труды по Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897)⁹³².

Досадная для энциклопедии неточность содержится и в статье, посвященной депутату фракции правых III Государственной думы ар-

⁹²⁸ См.: Каплин А. [Д.], Степанов А. [Д.] «Только вера дает силу жить». Профессор Андрей Сергеевич Вязигин (1867–1919) // Воинство святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 339–368; Они же. Предисловие // Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма / Сост. и коммент. А. [Д.] Каплина и А. [Д.] Степанова. М., 2008. С. 5–33; Они же. Вязигин Андрей Сергеевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 130–135.

⁹²⁹ Подробный некролог А.С. Вязигина см.: Бузескул В.П. Памяти ученика, профессора-страдальца // Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма. С. 359 – 364. Впервые некролог был напечатан в газете «Новая Россия» (1919. 10 октября).

⁹³⁰ Усманова Д.М. Казин Федор Нилович // ГД – 2006. С. 242; ГД – 2008. С. 228.

⁹³¹ Алексеев И. [Е.] «Это был стойкий и убежденный работник...» Депутат Четвертой Государственной думы от Казанской губернии, земский деятель Федор Нилович Казин // Русская линия. 26.05.2008 / <http://www.rusk.ru/st.php?idar=105264>.

⁹³² Там же.

хиепископу Митрофану⁹³³. Его фамилия, вместо правильной – Краснопольский, указана в статье как Краснопевцев.

Некоторая неточность содержится и в статье, посвященной В.М. Пуришкевичу⁹³⁴. В ней указаны два варианта даты кончины правого политика: 11 и 20 января 1920 г. Однако на сегодняшний день абсолютно точно известно, что Пуришкевич скончался именно 11 января, но только по юлианскому, а не григорианскому календарю. Это видно из откликов на его кончину в белогвардейских газетах⁹³⁵, а также из стихотворения С.С. Бехтеева «Венок на могилу В.М. Пуришкевича», датированного автором 13 января 1920 г.⁹³⁶ Поэтому в соответствии с принятым сегодня календарным исчислением, дату смерти депутата следовало бы указать как 24 января 1920 г.

Небольшое уточнение, которое, возможно, позволит прояснить дальнейшую биографию депутата, можно сделать и в отношении члена правой фракции IV Думы В.Н. Снежкова⁹³⁷. Как утверждает тамбовская исследовательница Н. Шарова, помимо информации уже указанной в энциклопедии, после 1917 г. депутат Снежков работал санитаром⁹³⁸. Однако более подробной информацией Шарова также не располагает.

Подводя итог, следует заметить, что энциклопедия «Государственная дума Российской империи», являясь серьезным академическим изданием – весьма информативным и актуальным – тем не менее уже на момент выхода второго издания, содержала ряд неточностей и упущений, указанных нами в данной статье на примере судеб депутатов консервативного спектра. При этом некоторое недоумение вызывает и то обстоятельство, что второе издание энциклопедии не анонсируется как таковое, хотя и имеет некоторые отличия от издания 2006 г. Поэтому хочется выразить надежду, что работа над энциклопедией будет продолжена и ее последующие издания будут исправлены и дополнены новыми данными о судьбах думских депутатов.

⁹³³ Ромов Р.Б. Митрофан // ГД – 2006. С. 393 – 394; ГД – 2008. С. 377–378.

⁹³⁴ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Пуришкевич Владимир Митрофанович // ГД – 2006. С. 527; ГД – 2008. С. 508.

⁹³⁵ См.: Великая Россия. 1920. 14/27 января; Казачьи думы. 1920. 16 января; Кубанская воля. 1920. 16 января.

⁹³⁶ Бехтеев С.С. Венок на могилу В.М. Пуришкевича // Он же. Грядущее. Стихотворения. СПб., 2002. С. 184–185.

⁹³⁷ Каницев В.В., Протасов Л.Г. Снежков Василий Николаевич // ГД – 2006. С. 587; ГД – 2008. С. 566.

⁹³⁸ Иванов А., Шарова Н. Снежков Василий Николаевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 490–492.

А.В. ПАВРОЗ

Политический процесс 1992–1993 гг. и формирование современного российского парламентаризма

Становление современной российской государственности – и одного из ее центральных институтов – парламентаризма – происходило в сложной политической борьбе начала 1990-х гг., главной детерминантой которой явился институциональный раскол между президентскими и советскими политико-административными структурами, образовавшийся вследствие взаимного паложения результатов хронологически разделенных этапов конституционных реформ Перестройки: проекта перенесения реального центра власти в советские учреждения (XIX партконференция) и курса на построения президентской системы правления (III Съезд народных депутатов СССР). Подобная «конституционная неопределенность» (сочетание практически всевластного парламента (Съезд народных депутатов провозглашался «высшим органом государственной власти», «правомочным принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР»⁹³⁹) и сильного, избравшегося всеобщим голосованием президента, являвшегося «высшим должностным лицом» и «главой исполнительной власти в РСФСР»⁹⁴⁰), дополненная традицией властоцентристской ориентации основных социально-политических институтов и групп, привела к формированию двух параллельных и взаимоисключающих властно-управленческих иерархий вокруг советских и президентских политико-административных структур.

На раннем этапе становления новой российской государственности (1991) взаимодействие между Съездом и президентом в условиях

⁹³⁹ Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303.

⁹⁴⁰ Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776.

совместной борьбы с союзным Центром не носило конфликтного характера и шло в направлении предоставления все больших полномочий структурам исполнительной власти. Так, V Съезд народных депутатов (10–17 июля, 28 октября – 2 ноября 1991) принял два важнейших постановления, наделявших президента дополнительными полномочиями. Первое («Об организации исполнительной власти в период проведения радикальной экономической реформы») предоставляло президенту право самостоятельно реорганизовывать высшие органы исполнительной власти и назначать глав администраций в краях, областях, городах и районах (вводился запрет на проведение до конца 1992 г. практически всех выборов). Кроме того данное постановление утверждало положение, согласно которому нижестоящие исполнительные органы подчинялись вышестоящим, вводя тем самым жесткую властную вертикаль⁹⁴¹. Второе постановление («О правовом обеспечении экономической реформы») резко поднимало статус указов Президента. Наряду с законами все указы, принятые в обеспечение экономической реформы, подлежали приоритетному исполнению. Президент также получал право издавать указы, противоречащие действующим законам, которые вступали в силу, если Верховный Совет не отклонял их в течение 7 дней⁹⁴². В данный период сила президентской власти в России достигает наивысшего уровня. Вместе с тем отмеченное делегирование полномочий носило временный характер. Р. Саква писал по этому поводу, что Россия в то время де-юре была парламентской, а де-факто – президентской республикой⁹⁴³.

Предпосылкой для перехода от единства к конфликту между советскими и президентскими структурами явилась очевидная неудача правительства в проведении радикальных экономических реформ. В сложившихся условиях на фоне разочарования значительной части депутатов, как и общества в целом,⁹⁴⁴ в проводимой государством социально-экономической политике вокруг Председателя Верховного совета Р.И. Хасбулатова формируется альтернативный, оппозицион-

⁹⁴¹ См.: Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 1 ноября 1991 г. № 1830-1 «Об организации исполнительной власти в период проведения радикальной экономической реформы» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1455.

⁹⁴² См.: Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 1 ноября 1991 г. № 1831-1 «О правовом обеспечении экономической реформы» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1456.

⁹⁴³ См.: Sakwa R. Russian Politics and Society. London: Routledge, 2002. P. 47.

⁹⁴⁴ См.: Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 30 – 35; Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992 – 2002 гг. М., 2003. С. 55.

ный президенту Б.Н. Ельцину центр власти. Стратегия данного центра власти заключалась в том, чтобы посредством контроля над большинством депутатов Съезда и Верховного совета РФ лишить президента делегированных ему ранее расширенных полномочий и подчинить исполнительную ветвь власти Верховному совету. Так, уже VI Съезд народных депутатов (апрель 1992) принимает постановление «О защите конституционных органов власти», согласно которому «никто не вправе присваивать полномочия конституционных органов власти, ... органы, присвоившие себе полномочия конституционных органов власти, подлежат роспуску Верховным Советом Российской Федерации»⁹⁴⁵, а VII Съезд народных депутатов (декабрь 1992) утверждает поправки к Конституции, лишившие президента значительной части тех полномочий, которые он получил на V Съезде. В частности, Верховный Совет наделялся правом приостанавливать действие указов и распоряжений Президента в случае их несоответствия законам Российской Федерации; вновь требовалось согласие Верховного Совета на назначение основных министров; Совет Министров, которому возвращалось право законодательной инициативы, становился подотчетным не только перед Президентом, но и перед Съездом и Верховным Советом; вопросы реорганизации органов федеральной исполнительной власти переходили от ведения Президента к прерогативе Верховного Совета. Б.Н. Ельцин оценил действия съезда как «ползучий переворот» и выступил с инициативой всенародного референдума со следующей формулировкой: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации нынешнему составу Съезда и Верховного Совета или Президенту России?»⁹⁴⁶. Таким образом, к концу 1992 г. потенциальный институциональный конфликт перерос в жесткое противостояние между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Причем в рамках указанного конфликта при несформированной партийно-политической системе советские и президентские структуры выступали как «суперпартии, борющиеся за власть»⁹⁴⁷. В этих условиях «раскол политически активных слоев российского общества»

⁹⁴⁵ Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3618-1 «О защите конституционных органов власти в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 44. Ст. 2470.

⁹⁴⁶ Ельцин Б.Н. Консервативные силы решили осуществить ползучий переворот. С таким съездом работать невозможно // Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 235–238.

⁹⁴⁷ Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. М., 1998. С. 25.

был обусловлен не идеологическими или социально-экономическими факторами, но «прошел по линии отношения к Президенту и Верховному Совету»⁹⁴⁸. Само противостояние ветвей власти, которое, по точному замечанию Д. Хоскинга, велось согласно старым аппаратным законам, в соответствии с которыми представители политической элиты «группировались вокруг персональных лидеров, обеспечивающих им доступ к привилегиям и материальным благам»⁹⁴⁹, также определялось не столько вопросами идеологии или экономической политики, сколько борьбой за контроль над основными властными ресурсами и главными рычагами управления.

В конституционно-правовом аспекте противостояние советских и президентских властно-управленческих структур выражалось в отстаивании различных моделей новой конституции, разработка которой, как верно подчеркнул М. Бри, «превратилась в разменную карту в борьбе между Президентом и Верховным Советом»⁹⁵⁰. Так, несмотря на то, что осознание потребности в создании новой Конституции России, «исходя из необходимости определения пути развития Республики в новых исторических условиях»⁹⁵¹, было достигнуто еще на Первом Съезде народных депутатов РСФСР (июнь 1990), Конституция в период с 1990 по конец 1993 гг. так и не была принята. Все это время шла острая борьба за различные варианты конституционного устройства: с сильным Президентом и слабым парламентом; с сильным парламентом и слабым Президентом; с не слабым Президентом, но в сочетании с достаточно влиятельным парламентом⁹⁵². В результате подобного, конфронтационного по своей сути конституционного процесса выкристаллизовались два проекта: проект, выработанный Конституционной комиссией и одобренный Верховным советом («парламентский» проект), и проект, подготовленный по инициативе Президента («президентский» проект).

⁹⁴⁸ *Пихоя Р.Г.* Эволюция системы власти и управления в СССР и России во второй половине XX века: От Советов и КПСС к Президенту и Думе // Восточноευропейские исследования. 2005. № 1. С. 22.

⁹⁴⁹ *Хоскинг Дж.* Исторические факторы противостояния // Новый «октябрь» в оценке историков. М., 1994. С. 16.

⁹⁵⁰ *Бри М.* Россия: становление «делегативной демократии» // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2-х т. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т. 1. С. 305.

⁹⁵¹ О некоторых вопросах подготовки проекта Конституции РСФСР // О работе над проектом новой Конституции Российской Федерации: Документы первого – девятого съездов народных депутатов РФ. М., 1993. С. 2.

⁹⁵² См.: *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 143 – 171; Шейнис В.Л. Тернистый путь российской конституции // Государство и право. 1997. № 12. С. 62–68.

В первом проекте утверждалась ведущая роль парламента в системе высших органов государственной власти. Верховный Совет провозглашался единственным представительным и законодательным органом Российской Федерации и наделялся правами не только вносить изменения в Конституцию и принимать федеральные законы, но и осуществлять контрольные полномочия и принимать решения по основным направлениям внутренней и внешней политики РФ. Основные назначения в правительстве (Председателя правительства, его заместителей, министров экономики, финансов, внутренних дел, иностранных дел, обороны, безопасности) Президент как глава государства и высшее должностное лицо должен был осуществлять с согласия Верховного Совета РФ, причем само правительство было подотчетно как перед Президентом, так и перед Верховным советом. Во втором проекте, напротив, значительно расширялись полномочия Президента. Именно Президент как глава государства и гарант Конституции должен был принимать меры «по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности», обеспечивать «согласованное функционирование и взаимодействие всех государственных органов» и непосредственно производить назначения или представлять Федеральному Собранию кандидатов для избрания на высшие государственные должности. Роль же парламента (особенно в вопросах влияния на деятельность правительства) заметно сокращалась⁹⁵³. Таким образом, несмотря на то, что и президентский и парламентский проекты устанавливали полупрезидентскую республику, предполагаемый характер взаимодействия исполнительной и законодательной власти в политическом процессе различался кардинальным образом. Естественно, что отсутствие консенсуса по поводу базовых норм будущей конституции существенно обостряло противостояние между президентскими и советскими властно-управленческими структурами.

Анализируя непосредственный ход противостояния президента и парламента, следует признать, что фазы эскалации конфликта сменялись временными компромиссами, которые, впрочем, не разрешая фундаментального институционального противоречия, приводили лишь к дальнейшему углублению конфронтации. Так, лобовое столкновение между президентом и парламентом на VII Съезде народных депутатов завершилось (не в последнюю очередь под воздействием

⁹⁵³ См.: Проекты Конституций Российской Федерации и аналитические материалы: в 2-х ч. М., 1993. Ч. 1. С. 23–24, 26–28, 46–52; Румянцев О.Г., Лафитский В.И. Форма правления и федерализм в двух проектах Конституции: Политико-правовой анализ // Аналитические материалы к проектам Конституции Российской Федерации. М., 1993. С. 14–18.

ультиматума председателя Конституционного суда В.Д. Зорькина, потребовавшего от сторон незамедлительно сесть за стол переговоров) Соглашением о стабилизации конституционного строя в России (12 декабря), в соответствии с которым было решено в апреле 1993 г. провести Всероссийский референдум об основных положениях новой Конституции, отложить вступление в действие конституционных поправок, ограничивающих полномочия президента, сохранив тем самым сложившийся баланс законодательной, исполнительной и судебной власти. Очередное обострение ситуации произошло после того, как на VIII съезде народных депутатов было принято постановление «О мерах по осуществлению конституционной реформы», которое объявляло мораторий на референдум, отменяло соглашение о стабилизации конституционного строя и еще более ограничивало полномочия президента. В ответ на действия VIII съезда Б.Н. Ельцин выступил по Центральному телевидению с Обращением к гражданам России, где отметил, что «страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса власти» и заявил о подписании указа «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса», в соответствии с которым на 25 апреля 1993 г. назначалось голосование о доверии президенту, а также по проекту новой Конституции и проекту Закона о выборах. В соответствии с этим документом, хотя до начала выборов Съезд и Верховный Совет не распускались, любые решения государственных органов и должностных лиц, направленные на приостановление указов и распоряжений Президента РФ, признавались не имеющими юридической силы⁹⁵⁴. Верховный Совет расценил действия президента как «попытку установления авторитарной диктатуры» и «посягательство на законно избранные органы власти»⁹⁵⁵, Конституционный суд обнаружил в действиях и решениях Президента множественные несоответствия Конституции⁹⁵⁶, однако IX внеочередной Съезд народных депутатов, назвав действия Президента попыткой государственного переворота, не набрал достаточного количества голосов для отрешения Б.Н. Ельцина от должности. В результате кри-

⁹⁵⁴ См.: Ельцин Б.Н. Корень проблем -- в противоречии между народом и прежней большевистской системой // Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 307 – 310.

⁹⁵⁵ Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 20 марта 1993 г. № 4632-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 13. Ст. 470.

⁹⁵⁶ См.: Заключение Конституционного суда Российской Федерации от 23 марта 1993 г. «О соответствии Конституции Российской Федерации действия и решений Президента РФ Б. Н. Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 г.» // Вести Конституционного суда Российской Федерации. 1994. № 1. С. 47–51.

зис власти завершился очередным компромиссом: Президент отказался от своего обращения, а Съезд принял решение о проведении 25 апреля референдума по следующим вопросам: 1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Ельцину? 2. Одобряете ли Вы социальную политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года? 3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации? 4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации? Однозначность результатов референдума (положительные ответы на первый вопрос дали 58,05 % голосовавших; на второй – 52,88 %; за переизбрание президента высказались 32,64 % от зарегистрированного числа избирателей, а за переизбрание народных депутатов – 41,4 %), который не принес решающего перевеса ни одной из ветвей власти, также не способствовала выходу из политического кризиса. Острота борьбы между законодательной и исполнительной властью, парализовавшая деятельность обеих ветвей власти и систему политико-административного управления в целом, продолжала нарастать, и многие наблюдатели начали приходить к выводу, что разрешение антагонизма между президентом и парламентом обычными конституционными методами становилось невозможным⁹⁵⁷.

Указанный кризис был преодолен авторитарными действиями президента Б.Н. Ельцина, который своим кардинально выходящим за рамки имевшегося тогда конституционного поля Указом № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (21 сентября 1993), «прервал осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов РФ и Верховным советом РФ»⁹⁵⁸, обозначив институт президентства в качестве единственного легитимного центра власти в стране. Успех данного указа, в отличие от всех прочих попыток введения «особого порядка управления», был обусловлен как безапелляционной решимостью главы государства ликвидировать систему двоевластия, не желавшего более идти на какие-либо компромиссы, так и мобилизацией вокруг структур исполнительной власти достаточного политико-административного ресурса для того, чтобы подкрепить настоящий указ силовой акцией по разгону парламента (3–4 октября 1993). Устранение советс-

⁹⁵⁷ См.: *Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985–2001. М., 2001. С. 152; Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 389–395; 471–489.

⁹⁵⁸ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации.* 1993. № 39. Ст. 3597.

ких политико-административных структур открыло путь для принятия президентского проекта конституции, утверждение которого на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. ознаменовало собой завершение процессов конституционной трансформации начала 1990-х гг. и переход от первой ко второй российской республике.

Новая конституция 1993 г., заложив основы современной российской государственности, в значительной степени преодолела характерные для периода 1991–1993 гг. институциональные противоречия за счет выделения одного, безусловно, доминантного политического института – института президентства. Подобное возвышение института президентства, ставшее прямым следствием победы Б.Н. Ельцина над советским парламентом, было осуществлено посредством включения в Конституцию 1993 г. отдельных элементов американской и французской президентских систем⁹⁵⁹, комбинация которых дала российскому президенту чрезвычайно широкий объем полномочий при относительно ослаблении прочих ведущих политических институтов. Указанное положение, утвердив гипертрофированную роль президента в политической системе и воспроизведя традиционный для России монособъектный характер политической власти, позволяет сделать вполне обоснованный вывод о закреплении в новой российской конституции суперпрезидентской модели правления⁹⁶⁰.

Однако, несмотря на подобный, критиковавшийся многими исследователями дисбаланс власти⁹⁶¹, следует признать, что Конституция 1993 г. закрепила переход России от советской к либерально-демократической модели организации власти и управления. В том числе, и в

⁹⁵⁹ См.: Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. М., 2002. С. 57–58; Клямкин И. М. Постсоветская политическая система в России (возникновение, эволюция и перспективы трансформации) // Фонд «Либеральная миссия». 18.02.2002 – <http://www.liberal.ru/article.asp?Num=52>

⁹⁶⁰ См.: Холмс С. Суперпрезидентство и его проблемы // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. № 1 (6). С. 22 – 25; Уокер Э. Политика вины и президентские полномочия в новой России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. № 1 (6). С. 15 – 19; Fish S. The Pitfalls of Russian Superpresidentialism // Current History. 1997. Vol. 96. № 612. October. P. 326 – 330 и др.

⁹⁶¹ См.: Sakwa R. Russian Politics and Society. London: Routledge, 2002. P. 62–63; Fish S. The Pitfalls of Russian Superpresidentialism // Current History. 1997. Vol. 96. № 612. October. P. 326–330; McFaul M. Lessons from Russia's Protracted Transition from Communist Rule // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114. № 1. P. 124–127; Холмс С. Суперпрезидентство и его проблемы // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. № 1 (6). С. 22–25; Уокер Э. Политика вины и президентские полномочия в новой России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. № 1 (6). С. 16–19; Сравнительный анализ Конституций США и России («круглый стол») // Социально-политический журнал; 1994. № 9–10. С. 7 и др.

первую очередь данное положение выразилось в окончательном отказе от советской системы политического представительства и введении института профессионального парламентаризма. Таким образом, формирование современного российского парламентаризма было напрямую обусловлено политическим процессом 1992–1993 гг., результаты которого определили черты современной парламентской системы в России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С.А. НАУМОВ

«Парламентские дебаты»: от игры к публичной политике

Вряд ли даже приблизительно можно определить время появления дебатов. Ведь спор естественен для человека. Именно в споре, как известно, рождается истина; из столкновения мнений – объективное знание. Известно: еще великий греческий мыслитель Сократ пытался спровоцировать спор, чтобы выявить заблуждения соотечественников. Его ученик, Платон, записал свои идеи в форме диалогов. Диспуты между политическими деятелями, нередко принимавшие крайние формы, были характерны для повседневной жизни античного мира. Формальную законченность дебаты приобрели к Средневековью. Сколько чертей может поместиться на острие иглы – характерная тема жарких теологических споров тех времен. Новое время – эпоха становления западной демократии. Ее основной принцип – реализация воли большинства при сохранении прав меньшинства. Но кто представляет это большинство? Кто получит мандат доверия общества? И снова: споры, диспуты, дебаты.

Но нужно ли учиться искусству спора, умению убеждать слушателей и оппонентов? Всякий, кто хоть раз выступал перед аудиторией, у кого дрожали руки, а язык становился ватным, кто отлично представлял тему выступления, но не мог сформулировать свои мысли, тот, без сомнения, ответит: «Да!». Как же научиться этому? Есть мнение, что достаточно прочитать книгу с изложением основ ораторского искусства – и лавры Цицерона станут вашими. Если Вам будет достаточно знать, чем аспект отличается от аргумента, а фабула от композиции – смело принимайтесь за чтение. Если же Ваша цель – научиться непринужденно беседовать с аудиторией, то Ваш единственный учитель – практика.

Именно так решили еще в XIX веке студенты крупнейших университетов мира. Сначала они создавали ораторские кружки, которые впоследствии становились дебат-клубами. Дебаты – это не что иное,

как формализованный спор. Проще говоря, оппоненты не поливают друг друга из бутылок и не машут кулаками, а выступают в строгой последовательности в соответствии со строгим регламентом. В конце концов, появилась та форма диспута, которую мы называем парламентскими дебатами. Они широко распространены за рубежом: Оксфорд, Кембридж, Йель, Гарвард, Сорбонна – вот очень неполный список тех университетов, где действуют и развиваются клубы парламентских дебатов. Ричард Никсон, Вудро Вильсон, Беназир Бхутто, Иосиро Мори – вот краткий список знаменитостей, участвовавших в свое время в «парламентских дебатах».

«Парламентские дебаты» – интеллектуальное, образовательное студенческое движение, в основу которого положена имитация классических парламентских прений. Существует две стороны, условно называемые «Правительство» и «Оппозиция». «Правительство» предлагает некий законопроект (от предложения интегрироваться в ЕС до рекомендации повысить стипендию студентам). Цель «Оппозиции» – доказать «Парламенту», что данный законопроект не может быть принят. В качестве «Парламента» выступают все собравшиеся слушатели – именно они выносят окончательное решение.

В России «Дебаты» получили широкое распространение с 1994 г. Сейчас в программу «Дебаты» вовлечены школьники и студенты более 40 городов России. И для многих людей слово «дебаты» стало неразрывно связано с интересной и познавательной игрой, которая получила особенно широкое распространение с начала 1990-х гг., когда Институтом «Открытое общество» была основана международная программа «Дебаты».

Основными принципами дебатов являются:

1. Обучение. Участие в дебатах призвано обогатить образование, поэтому первое предназначение игры «Дебаты» – обучение. Оно имеет большее значение, чем победа. Если вы участвуете в дебатах только для того, чтобы выиграть, то вы поставили неправильную цель. Почему обучение важнее, чем победа? Во-первых, желание учиться и совершенствоваться не позволит вам использовать недозволённые приемы. А если вы не будете использовать недозволённые приемы, вы проявите свой характер и приобретете уважение окружающих. Во-вторых, если единственная цель – победа, это может оправдать любые средства ее достижения, что недопустимо.

2. Честность. Честность – стержень дебатов. Если вы приняли первый принцип, второй – честность – вам будет легко принять. Если для вас действительно обучение и совершенствование умений важнее, чем победа, то и мотивов для подтасовки аргументов будет меньше. Задача участников дебатов – быть честным в своих аргументах, в использо-

вании доказательств и поддержек и в ваших ответах в раунде перекрестных вопросов. Иногда «быть честным» – значит, признать то, что у вас недостаточно материала для обоснования своей позиции. Иногда это означает ответ «Я не знаю» на вопрос, затрагивающий самое сердце вашей позиции. Иногда это означает признание, что ваши логические построения ошибочны. Эти признания пойдут вам на пользу, поскольку впоследствии вы, благодаря своей честности, больше узнаете и лучше разовьете свои способности. Вас будут уважать и судья, и ваш оппонент. В конце концов вы поможете другим, которые тоже ищут истину.

Тема «Парламентских дебатов» – это законопроект, который «Правительство» вносит на рассмотрение в «Парламент».

Данная тема представляет собой некоторое условие и предполагает, что сторона «Правительства», согласившись с ним, сузит его до некоторого кейса (законопроекта), пытающегося изменить и/или решить конкретно-выбранную проблему. Очевидно, что дискуссия в «парламентских дебатах» предполагает не обсуждение того, «возможно» или «невозможно», а спор о том, как, какие конкретные действия необходимо предпринять, кто это будет делать и почему вообще это является приоритетной задачей для «Правительства».

Это общая стратегия утверждающей стороны. Для ее реализации, команде «Правительства» необходимо решить ряд важных задач:

1. Определиться («по понятиям»). При сужении темы стороне «Правительства» следует определить то, о чем они намерены дискутировать. Эти «определения» (точнее, пояснения) не должны представлять собой просто выдержки из словаря («Масло – это продукт, который маслит»), они должны носить функциональный характер – то есть соответствовать тем задачам и стратегиям, которые ставит в игре стороны «Правительства». Поэтому, соблюдая принцип честности, «Правительству» следует в свободной форме выработать свои «уникальные» определения, которые, естественно, не противоречат общепринятым.

2. Выбрать проблему и сформулировать свой кейс (законопроект). В современной законодательной практике принято при вынесении некоторого законопроекта на обсуждение парламента сопровождать его так называемой «пояснительной запиской к проекту закона» (1–2 страницы), структура которой как нельзя лучше соответствует задачам команды «Правительства» в «парламентских дебатах». Она должна выбрать некоторую проблему, исходящую из заданной темы, показать ее значимость для всего общества (или, по крайней мере, значительной его части) – своего рода «преамбулу» – и предложить способ ее разрешения в форме кейса (законопроекта), название которого должно быть кратко сформулировано. Опять же здесь может потребоваться определение новых понятий, которые вошли в данную формулировку.

3. Раскрытие содержания законопроекта. Кейс в «парламентских дебатах», хотя и называется иногда законопроектом, представляет собой не перечень тех или иных статей, а скорее пояснительную записку с изложением основных разделов или же предлагаемых мер + комментариев к ним (другими словами, аргументы, обосновывающие необходимость данных шагов).

4. Механизмы реализации и преимущества – после изложения конкретных мер необходимо завершить выдвижение кейса «заключительными статьями» о вступлении в силу, порядке действия, средствах исполнения и связи с другими правовыми нормами. Здесь необходимо представить так называемые «переходные положения» и ответить на вопросы: каковы возможности реализации данного предложения (насколько он реалистичен)? потребует ли законопроект дополнительного финансирования за счет средств бюджета соответствующего уровня, как будет осуществляться переходный период к его реализации и каково соотношение преимуществ и издержек (затрат) при вступлении данного проекта в силу.

Очевидно, что за 7 минут выступления «Премьер-министра» невозможно в деталях изложить содержание кейса. Да это и не нужно. Ему следует представить все (!) основные (принципиальные) позиции своего законопроекта и быть готовым детализировать его при ответах на вопросы в ходе выступления, а также последующей речи «Члена Правительства» (который может приводить новые аргументы и детализировать заявленные «Премьером» положения). Тем не менее стоит обратить внимание на то, что «Член Правительства» не должен вводить пункты, принципиально отличающиеся от позиции «Премьера» или же противоречащие ей.

Сторона «Оппозиции», услышав впервые формулировку законопроекта из речи «Премьер-министра», должна выбрать свою стратегию опровержения.

Таким образом, сторона «Оппозиции» должна помнить, что в дебатах нет аксиом и любая мысль, даже выраженная законодателем в статье закона или конституции, должна быть доказана оппонентами логическим ходом мысли и примерами. Нельзя просто ссылаться на статьи конституции, законов, деклараций и конвенций как нечто, не требующее доказательств – всегда у оппонентов могут возникнуть вопросы, почему это так, а не иначе. Поэтому по вопросам связи демократии и гражданского общества и о безусловной полезности последнего существует отнюдь неоднозначная позиция, как это может показаться на первый взгляд. Наиболее успешными для «Оппозиции» будут следующие стратегии атаки:

- отрицание существования выбранной проблемы и целесообразности законопроекта правительства;
- признание существования проблемы, но отклонение предложенного способа ее решения (здесь возможно атаковать положения законопроекта или предложить альтернативный);
- оспорить преимущества и механизмы реализации (показать, что проект абсолютно нереалистичен или негативные последствия его принятия «перевесят» преимущества).

Следует помнить, что бремя доказательства лежит на стороне «Правительства», однако «Оппозиция» при опровержении должна быть содержательной и конструктивной – даже если и не выдвигать свой альтернативный кейс, использовать многочисленные и конкретные доказательства и поддержки при контраргументации, избегая «универсальных» и общих возражений.

«Оппозиция» должна отвечать на любой кейс «Правительства». «Оппозиция» не обязана представлять собственный кейс. Она должна опровергнуть кейс «Правительства».

Команды не имеют права менять формулировок своих позиций, аргументов, определений неясных понятий.

«Правительству» не разрешается привлекать узко специализированные профессиональные знания, кроме как в ответах на возражения «Оппозиции».

В течение первых четырех речей (кроме первой и последней минуты речи) любой представитель команды оппонента может с позволения выступающего задать ему вопрос или сделать комментарий (не более чем 15 секунд) по поводу его выступления. Вопросы задаются непосредственно в ходе речи. Вопрос можно не принять. Ответ на вопрос должен быть гармонично встроен в речь.

В заключительных речах (речах опровержения) не разрешается приводить новые аргументы или логические построения, а также давать комментарии и задавать вопросы.

В случае нарушения лимита времени более чем на минуту ведущий дебаты («Спикер») призывает выступающего закончить речь.

В «Парламентских дебатах» принимают участие две команды, каждая состоит из двух человек. Каждая команда располагает временем для трех речей – каждый игрок будет в ходе раунда выступать дважды. Названия команд и порядок речей таков:

Команды

«Правительство»	«Оппозиция»
«Премьер-министр»	«Лидер Оппозиции»
«Заместитель Премьера»	«Заместитель Лидера Оппозиции»

Порядок речей		
«Премьер-министр»		
Конструктивная речь	7 мин	
«Лидер Оппозиции»		
Конструктивная речь	8 мин	
«Заместитель Премьера»		
Конструктивная речь	8 мин	
«Заместитель Лидера «Оппозиции»		
Конструктивная речь	8 мин	
«Лидер Оппозиции»		
Подведение итогов	4 мин	
«Премьер-министр»		
Подведение итогов	5 мин	

Роль каждой команды.

Команды обсуждают тему, которая должна представлять собой противоречивое утверждение относительно интересующей участников проблемы. «Правительство» может защищать «широкую» версию темы или сузить ее до конкретного случая. «Правительство» представляет свой «законопроект» по отдельному вопросу или по всей теме, который должен быть справедлив, чтобы «Оппозиция» имела возможность его опровергнуть, непосредственно следовать теме и быть для всех ясным. Собственный «законопроект» «Оппозиции» возможен, но необязателен.

Новые аргументы.

Новые аргументы разрешены в первых четырех («конструктивных») речах раунда дебатов. Новые аргументы запрещены в двух последних речах («опровержение»), однако приветствуются новые примеры, и «Премьер-министр» может ответить при опровержении на аргументы, впервые заявленные в речи «Члена Оппозиции».

Вопросы.

Вопросы разрешены в любое время за исключением первой и последней минуты первых четырех речей и в течение двух последних речей. Чтобы задать вопрос, дебатер может встать с места и показать жестом, что у него имеется вопрос. Выступающий имеет полное право принять или не принять предложение задать вопрос. Если он отказывается от вопроса, задающий его садится на место. Если вопрос принимается, допускается или прямой вопрос со стороны задающего, или комментарий, предназначенный выступающему. Вопросы могут длиться не более 15 секунд и будут вычтены из времени выступления, которое идет в момент вопроса.

Дебаты должны предлагать свои вопросы и отвечать на вопросы других в ходе самих дебатов. Нежелание принять хотя бы пару воп-

росов показывает, что дебатер не может или не хочет ответить на возражения против его аргументов. Судьи обязательно обращают внимание на вопросы в ходе раунда дебатов.

Время на подготовку.

Формально время на подготовку не выделяется. Однако судья имеет право делать одно- или двухминутный перерыв перед каждой речью. Хотя правила лояльны к тому, дается ли время на подготовку, все участники дебатов должны получить одинаковое время, и ко всем командам, участвующим в турнире, должны применяться одинаковые критерии.

Судейство.

«Парламентские дебаты» может судить коллегия судей или же один судья. Один из судей назначается спикером палаты. Этот судья должен объявлять каждое выступление перед его началом и благодарить каждого участника после его речи.

«Парламентские дебаты» судят, основываясь на простом критерии: какая сторона лучше утверждала свои аргументы и отвечала на аргументы оппонентов. Главным является соблюдение вышеперечисленных правил. Если команды следуют этим правилам, тогда единственный вопрос, встающий перед судьями, – это какая команда была лучшей в развитии собственных аргументов и опровержении аргументов оппонентов.

За соблюдением регламента и правил игры следит тайм-кипер, который в «Парламентских дебатах» называется «бульдог».

Для обозначения определенного временного отрезка речи в «Парламентских дебатах» используется удар. Удар – это достаточно сильный стук по столу (стулу и т.п.) или хлопок такой силы, чтобы его услышали все присутствующие в аудитории. Как особо строгий знак, предупреждающий о нарушении регламента, используется поднятый вверх кулак.

Схема действий тайм-кипера («бульдога»):

Одиночный удар после того, как пройдет 1 минута с момента начала речи.

Одиночный удар за 1 минуту до конца речи.

Двойной удар после окончания речи.

Поднять кулак после того, как пройдет 30 секунд с момента окончания речи.

Вопросы, комментарии, протесты.

В «Парламентских дебатах» вопросы задаются в первых четырех речах между первой и последней минутой выступления. Тот, кто хочет задать вопрос или высказать замечание, должен подать определенный условный сигнал (встать, левую руку приложить к затылку, правую вытянуть вперед) и ждать, когда говорящий даст ему слово. Выступа-

ющий участник дебатов имеет право отклонить просьбу о вопросе (при этом обязательно поблагодарив оппонента: «Спасибо, нет!», «Спасибо, позже» и т.п.). Однако нельзя совершенно не позволять задавать вопросы, это может послужить основанием для снижения судьями оценочных баллов.

Темы «Парламентских дебатов».

Тема всегда сообщается дебатерам заранее, чтобы команды имели возможность для проведения исследований и подготовки. Темы могут касаться вопросов морали, политики, философских, социальных проблем и т.д.

Любая тема начинается со слов «Эта Палата выдвигает законопроект...:

- 1 – об ограничении свободы слова;
- 2 – об открытии государственных границ;
- 3 – о расширении прав студентов;
- 4 – о свободной купле-продаже земли» и т.д.

Большинство тем в «Парламентских дебатах» начинается со слов «Эта палата...», которые означают лишь то, что дебаты происходят в воображаемом парламенте.

Для успешной игры в «Парламентских дебатах» также важна систематическая подготовка. Поскольку темы – это проблемы из области текущих событий, активное чтение означает, что вопрос редко оказывается неожиданным. Поэтому активные дебаты постепенно привыкают к состоянию непрерывного чтения серьезной прессы и к работе с информацией в Интернете.

Если студенты достаточно компетентны в текущих событиях и проблемах, бывает интересно проводить дебаты, объявляя тему лишь перед началом раунда. Но, если они поверхностно знакомы с темой, дебаты будут примитивными и не создадут возможности для обучения. Поэтому в большинстве случаев следует объявлять тему, по меньшей мере, за неделю до дебатов и давать участникам ориентиры в поиске информации по проблеме.

В отличие от формата К. Поппера, «Правительство» имеет больше возможностей, чем утверждающая сторона, для определения темы. В «Парламентских дебатах» определение терминов темы часто называют «построением блока доказательств». Каждое слово темы не определяет, а передает общий смысл темы. Любая интерпретация темы возможна, если блок доказательств последовательно определяет общий смысл темы, достаточно справедлив, чтобы можно было вести дебаты за обе стороны, достаточно ясен, чтобы обе команды четко знали, что им нужно доказывать.

Давайте подробно рассмотрим, что означает «быть последователь-

ным» в соответствии с общим смыслом темы. Например, тема «Эта Палата поддерживает смертную казнь». «Правительство» может начать дебаты, заявив, что «Законопроект, который мы хотим ввести, о том, что нужно ввести смертную казнь для преступников, совершивших более чем одно убийство». Или же законопроект будет состоять в том, что смертной казни должны быть подвергнуты все насильники, убийцы. Или же «Правительство» может заявить, что они хотят поддерживать смертную казнь на философском уровне и не связывать себя никаким конкретным примером преступников, которые должны понести такое наказание. Все эти законопроекты последовательны в отношении значения темы.

Правительство может представить в дебатах позицию, с которой разумные люди просто не могут согласиться. Это значит, что следует избегать специального знания или очевидных вещей, не требующих доказательств. Если «Правительство» основывает свое доказательство на информации, которой «Оппозиция» просто не владеет в силу ее специфичности, то «Правительство» должно предоставить «Оппозиции» достаточное количество сведений, чтобы она могла опровергнуть их блок доказательств. В таком случае можно говорить о том, что позиция «Правительства» справедлива.

Во время раунда дебатов нужно постоянно помнить о том, что судье должно быть ясно, что обе стороны должны доказывать. Например, рассмотрим тему «Эта Палата поддерживает открытые границы». Если «Правительство» не очень четко заявляет, что оно собирается доказывать, тогда «Оппозиция» не может знать, как опровергнуть блок доказательств «Правительства». Утверждает ли «Правительство», что границы должны быть открыты для людей и торговли? Есть ли какие-либо ограничения, которые вводит «Правительство»? Если «Оппозиция» не знает, что защищает «Правительство», она не сможет опровергнуть его блок доказательств. Поэтому необходимо, чтобы «Правительство» четко и ясно в каждой речи заявляло, в чем состоит их позиция и в чем должна состоять позиция оппонентов.

В публичных «Парламентских дебатах» (или в финальном раунде турнира) допускается возможность включить в ход дебатов «речи из зала» в качестве способа вовлечь аудиторию в ход дискуссии. Речи из зала – это речи, произносимые кем-либо из аудитории перед речами опровержения. Речи из зала должны быть короткими (до 2-х мин.) Они не должны учитываться судьями.

Чтобы управлять выступлениями из зала, «Спикер» должен спросить, есть ли в аудитории желающие говорить в пользу «Правительства» или «Оппозиции». Рекомендуется позволять равное количество одних и других выступлений.

Конструктивная речь «Премьер-министра».

«Премьер-министр» обычно начинает свою речь с приветствия, а затем объявляет тему дебатов. После объявления темы «Премьер-министр» должен ясными фразами указать конкретный закон(проект, который желает обсуждать «Правительство». «Премьер-министр» должен объяснить, что означает взятый для рассмотрения закон(проект, как он связан с темой. После представления своего закон(проекта «Премьер-министр» обычно вводит «философию Правительства», что очень напоминает критерий в дебатах К. Поппера. «Философия Правительства» – это общее основание, которое соединяет все отдельные аргументы «Правительства».

Далее «Премьер-министр» заявляет аргументы (обычно от 2 до 5). «Премьер-министр» должен кратко заявить формулировку аргумента в одном предложении, затем объяснить ее, затем доказать и поддерживать, сводя все к тому, почему аргумент верен. Далее провозносится заключение; в лучшем варианте он подведет итог аргументации таким образом, чтобы показать, что она в целом значит нечто большее, чем просто сумму отдельной информации.

Конструктивная речь «Лидера Оппозиции».

«Лидер Оппозиции» должен сфокусировать внимание на толковании мнений с законопроектом «Правительства».

«Лидер Оппозиции» начинает речь, обращаясь к проблеме, согласно определениям темы. Если нужно, он исправляет это толкование. Далее обычно представляется «философия Оппозиции». «Лидер Оппозиции» имеет возможность отвечать сначала на аргументы «Правительства» в защиту их законопроекта, а потом только вводить аргументы в поддержку собственной позиции. Или же он может сделать наоборот.

Конструктивная речь «Заместителя Премьера».

«Член Правительства» должен восстановить аргументацию «Правительства» и принизить попытки «Оппозиции» опровергнуть ее. Если «Члену Правительства» не удастся выполнить эти задачи, у «Оппозиции» будет 12 мин, в течение которых она продолжит разбивать позицию «Правительства». Это единственная речь, в которой «Правительство» может ответить на аргументы, введенные «Лидером Оппозиции». «Правительство» практически не сможет выиграть раунд, если в конце этой речи не будет видно его преимущества.

Конструктивная речь «Заместитель лидера Оппозиции».

«Член Оппозиции» должен снова восстановить основные аргументы «Оппозиции» и опровергнуть аргументы «Правительства» Обязанностью «Члена Оппозиции» является ответ на все новые аргументы, введенные «Членом Правительства». Кроме того, «Член Оппозиции»

должен восстановить и развить доводы «Лидера Оппозиции» и представить независимый анализ.

Заключительные речи.

Цель данных речей – подвести итог и четко обозначить основные моменты столкновения мнений, объясняя при этом, почему их команда смогла доказать свою позицию. Помните, поскольку новые аргументы в опровержениях запрещены, эти речи должны обратить внимание на доказательство того, почему Ваша команда «уже выиграла».

Цель «Лидера Оппозиции» – указать на все фундаментальные недостатки, присущие позиции «Правительства», усилить точку зрения «Оппозиции» и соединить в одно все сказанное им раньше и сказанное «Членом Оппозиции».

Цель «Премьер-министра» – вернуть дебаты обратно к фундаментальным ценностям, представленным в конструктивной речи «Премьер-министра», ответить на все более-менее важные новые аргументы, введенные «Членом Оппозиции», и разрушить итоговую точку зрения «Оппозиции» в том виде, как она была заявлена в опровержении «Лидера Оппозиции». Задача «Премьер-министра» в своем последнем выступлении часто самая большая в ходе раунда, но «Премьер-министр» также имеет преимущество последнего слова.

При подготовке к финальной речи лучшая стратегия – помочь судье догадаться, что вы выиграли дебаты. Вместо того чтобы предоставлять судье возможность решать, в каких аргументах стороны «действительно столкнулись во мнениях», подскажите ему, что это за аргументы, объясните в своей речи, что выиграла именно ваша команда. То есть вы должны сгруппировать важные аргументы так, чтобы выделить ключевые моменты столкновения позиций, подвести итог тому, как именно ваша команда выигрывала в этих вопросах. И, наконец, следует показать, что значение выигрыша этих отдельных вопросов означает, что Вы доказали свою позицию.

Как и в дебатах К. Поппера, в «Парламентских дебатах» ведение таблицы хода игры – важный инструмент и для судей, и для дебатеров. Чтобы вести такую таблицу, нужно разделить лист бумаги на шесть колонок – для каждой речи. В колонке кратко помечается содержание речи, записывается минимально необходимое количество информации, чтобы потом восстановить главные аргументы и поддержки в пользу этих аргументов.

«Заседание парламента»: коллективные дебаты

Что такое «Заседание парламента»?

«Заседание парламента» – это формат дебатов, основанный на заседании некой палаты парламента (Государственной думы, Палаты

представителей, Палаты общин и т.п.). Команды-участницы представляют определенные фракции (группы) и отстаивают политический курс своей партии (региона) на всех этапах лоббирования и самих дебатов. Целью «Заседания парламента» является обсуждение, лоббирование и голосование по резолюциям (законопроектам), предлагающим пути решения различных актуальных проблем для той или иной страны.

Регламент «Заседания парламента»

□ *Для начала, необходимо изучить политический курс «своей» фракции (группы)*, исходя из которого делегация произносит вступительную речь на церемонии открытия и отстаивает интересы и политику «своей» фракции (группы).

□ *Составить проект резолюции парламента.* Резолюция – это реальное предложение по разрешению той или иной проблемы. Она состоит из двух частей: преамбулы и аргументов. Преамбула представляет собой изложение принципов и ценностей, которых Вы придерживаетесь – это объясняет, почему Вы настаиваете на принятии данной резолюции. Не следует вести дебаты о преамбуле – Вы ведете спор относительно аргументов.

□ *Найти поддержку Вашей резолюции.* «Заседание парламента» направлено, в основном, на поиск консенсуса: Вы должны найти другие фракции (группы), которые поддержат вашу резолюцию. Если Вы не находите поддержки, то резолюция не будет обсуждаться и, следовательно, не будет принята. Не имеет принципиального значения, кто предложил резолюцию, а кто ее просто поддержал – в любом случае Вы должны представлять политический курс «своей» партии (региона), выраженный в программных документах, принимать резолюции, соответствующие ему и отвергать противоречащие. Процесс получения поддержки Вашей резолюции называется лоббированием. Во время лоббирования можно изменить или даже объединить различные резолюции, но все время необходимо помнить, что резолюция, которую Вы собираетесь представить, не должна противоречить политическому курсу Вашей партии (региона). Можно поддержать несколько резолюций или не поддержать ни одной. Хорошей резолюцией является та, вокруг которой объединилось большинство фракций (групп), согласившиеся по основным путям решения той или иной проблемы.

□ *Дебаты.* У Вас в распоряжении равное количество времени для поддержки и отклонения резолюции. Сначала у Вас есть время «на защиту», по окончании которого – время «на опровержение», в том числе и время для внесения поправок. Те, кто защищает резолюцию, должны поддержать все аргументы, содержащиеся в ней. Если Вы опровергаете резолюцию – это не означает, что надо оспаривать каж-

дый аргумент. Можно выступать против резолюции, даже в случае согласия с некоторыми доводами. В этом случае следует объяснить, что Вы против некоторых аргументов и именно поэтому не можете принять резолюцию за основу. Для этого «Заседание парламента» предусматривает внесение поправок – предложений по изменению части резолюции. (В случае принятия поправки Вы должны голосовать за резолюцию). Фракции (группы) не могут сначала поддержать, а потом опровергать резолюцию.

□ **Процедура голосования.** Каждая фракция (группа) должна проголосовать «за», «против» или «воздержаться».

Конкурсы

На большинстве заседаний проводится конкурс «Лучшая Делегация». Лучшая делегация выбирается на основании таких критериев, как:

- последовательность и реалистичность отстаивания командой своей линии;
- уважение делегатами мнения других;
- четкое выражение своих мыслей и следование логике при ведении дебатов;
- конструктивная критика (использование поправок);
- поиск консенсуса относительно разнообразных подходов к проблеме.

«Заседание парламента»

РАБОТА НАД ПРОЕКТОМ РЕЗОЛЮЦИИ

Проект резолюции (*draft resolution*) – это главный документ, отражающий позицию фракции (группы и т.п.) по конкретному вопросу повестки дня конференции. Подготовке этого документа делегаты должны уделять особое внимание.

Для того чтобы написать резолюцию от имени какой-либо фракции (группы и т.п.), необходимо, во-первых, узнать как можно больше об этой группе, а, во-вторых, изучить сущность и историю рассматриваемого вопроса.

Любая резолюция состоит из двух основных частей:

- 1) преамбула;
- 2) «оперативная» часть, в которой содержатся конкретные предложения по решению проблемы.

При написании проекта резолюции лучше начать с формулировки «оперативных» пунктов. После того, как будут определены меры, которые, по мнению автора проекта, должно предпринять мировое сообщество, можно написать вводную часть документа.

Информация о предыстории вопроса, аргументация необходимости решения той или иной проблемы, – все это должно быть размещено в первой части резолюции.

Проект резолюции оформляется согласно принятым стандартам. Заголовок содержит название обсуждаемого вопроса.

При оформлении проекта делегатам следует учесть следующие правила:

- *вводное слово или фраза каждого пункта резолюции должна быть подчеркнута;*
- *между пунктами необходимо оставлять пробел в одну строку;*
- *все строки текста должны быть пронумерованы;*
- *каждый «оперативный» пункт должен быть отдельно пронумерован;*
- *подпункты обозначаются латинскими буквами.*

Л.А. КРОХИНА

Концепция постоянно действующей выставки «Парламентаризм: история и современность»

Изучение истории и теории парламентаризма гражданами России, интерес к этому вопросу являются необходимыми условиями для развития политической культуры, гражданской ответственности, формирования демократических ценностей открытого общества.

Именно этой теме посвящается постоянно действующая выставка «Парламентаризм: история и современность».

Таврический дворец является очень удачным местом для размещения подобных экспозиций. Это здание непосредственно связано с историей парламентаризма: именно в Таврическом дворце с 1906 по 1917 гг. работали первые народные избранники России.

Цели выставки:

Приобщение граждан нашей страны к наследию по истории парламентаризма России и других стран мира. Ориентированная в первую очередь на молодое поколение, выставка даст возможность проводить деловые игры, дискуссии, различные учебные занятия для студентов и школьников старших классов, что поможет более глубокому и прочному усвоению знаний по истории парламентаризма. Доступ в музей открыт для всех желающих. Постоянное проведение экскурсий по выставочному пространству для широких слоев населения будет способствовать популяризации идей парламентаризма.

Исходя из этих целей, выставка должна решать несколько задач.

Одна из них – детальное знакомство посетителей с парламентской историей России и других стран мира.

Чтобы лучше понять историю своей страны, ее надо изучать в контексте мировой истории. Историю своего собственного парламента лучше всего изучать в контексте парламентской истории других стран. На выставке будут представлены материалы и экспонаты, содержащие информацию о традициях, внутренних механизмах жизни и работы парламентов России, Великобритании, Германии, Франции, США, Японии и других стран. Посетителям будет интересно сравнить историю парламентов. Экспозиция позволит не только выявить различия, но и найти общие черты в парламентской истории стран мира.

Не менее важной задачей является знакомство посетителей с идеями великих философов о парламентаризме, их размышлениями об идеальном политическом устройстве.

Но назначение выставки, конечно, не исчерпывается предоставлением большого объема информации по различным аспектам парламентаризма. Перед создателями экспозиции стоит и более сложная задача: создать особый эмоциональный настрой у посетителей, организовать «приглашение к размышлению», а в дальнейшем – к диалогу, дискуссии о роли и месте парламента в жизни общества, достоинствах и недостатках современной парламентской системы, путях ее совершенствования. Предмет дискуссии очень актуален. Граждане разных стран мечтают о доступности, открытости власти, о возможности ее постоянного диалога с обществом. Однако дискуссия не должна быть искусственно организована как «завершающий» этап экскурсии.

Экспозиция в целом, расположение и внешний вид арт-объектов и экспонатов должны оказывать глубокое эмоциональное воздействие, создавать совершенно особую атмосферу, вызывать интерес и побуждать к размышлениям...Посетители выставки, таким образом, будут уже настроены на диалог, дискуссию, деловую игру или другое мероприятие по данной теме.

Решение этой задачи крайне важно (особенно при работе со школьниками и студентами), ведь цель выставки будет достигаться только при условии «превращения» пассивного экскурсанта в активного участника познавательного процесса.

Для решения поставленных задач выставка, представляя собой единое целое, будет условно разделена на две части: одна из них посвящается размышлениям великих философов об **идеальной** политической системе, в том числе об идеальном парламенте, и созданному на основе этих размышлений зрительному образу идеального парла-

мента. Другая часть посвящается **реально** существующим парламентам мира.

Смысловым центром всей выставки, объединяющим обе части, будет являться арт-объект, символизирующий идею парламентаризма. Размещенный в центре зала на довольно большой высоте, легкий, он словно парит в воздухе, прекрасно гармонируя с просторным помещением и небом за прозрачной крышей. Прозрачность, «разомкнутость» объекта символизирует открытость власти, готовность к диалогу с обществом. Изображение земного шара в верхней части свидетельствует о популярности идей парламентаризма во всем мире. В нижней части арт-объекта – изображение идеального парламента. Гень от объекта, возникающая на полу, должна напоминать схему зала заседаний любого парламента.

Изображение идеального парламента

Предлагая различные проекты в политической сфере, философы стремились к главному: достижению политической гармонии. **«Политическая гармония»** – эти слова звучат своеобразным лейтмотивом всей выставки, а понятие «гармония» является ключевым при создании зрительного образа идеального парламента. Имея целью создание этого образа, лучше всего взять за образец искусство античности. Ведь именно в античный период ГАРМОНИЯ мыслилась как основная черта бытия, как упорядоченность Космоса, противостоящая хаосу... В античности берут начало демократические идеи, здесь была впервые предпринята попытка осуществить «правление народа, избранное народом и для народа». Именно античные философы (Платон, Сократ, Аристотель) стали первыми размышлять о политической гармонии...

...Просторный, наполненный светом зал с величественным амфитеатром, строгие колонны, статуи великих мыслителей – таков образ идеального парламента. Все в нем говорит о гармонии и совершенстве, во всем ощущается «дух античности», он словно создан для заседаний парламентариев, следующих принципу «Благо народа густь будет высшим законом»...

Первая часть выставки будет включать в себя центральный арт-объект с изображением идеального парламента, а также арт-огни и настенные панно, расположенные по всему периметру выставочного помещения (атриума).

Арт-окна, на зеркальной поверхности которых слегка проступают изображения парламентов, зрительно значительно расширяют пространство и без того просторного атриума. Настенные панно, чередующиеся с арт-окнами, выполнены из легкого материала. Изображенные на них фигуры великих мыслителей, а также прекрасные колонны

СОВЕТ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В РОССИИ

„БЛАГО НАРОДА ПУСТЬ БУДЕТ ВЫСШИМ ЗАКОНОМ”

Марк Туллий Цицерон

тел/факс: (812)326 69 11 www.mipr.info

„SALUS POPULI SUPREMA LEX ESTO”

Marcus Tullius Cicero

НОВЫЙ ПРОЕКТ
Выставка «ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»,
ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ, АТРИУМ

«Благо народа пусть будет высшим законом»....

«Каждый человек может, хочет и должен участвовать в политической жизни»...

В подобных высказываниях великие философы формулировали свои представления о гармонии в политической сфере. Гармония есть там, где существует взаимопонимание и доверие между властью и обществом...

Цели выставки:

- создание зрительного образа *идеального* парламента, парламента-мечты, осуществляющего «правление народа, избранное народом и для народа»;
- знакомство с историей и современной жизнью *реальных* парламентов мира, в том числе России, Великобритании, Франции, Германии, США и других стран.

Санкт-Петербург
Таврический дворец, Шпалерная, 47
Тел/факс: (812)326 69 11
e-mail: kla@iacis.ru
www.mipr.info

в античном духе упорядочивают, гармонизируют пространство помещения, придают ему строгость и торжественность. А легкость прозрачного материала, так же как легкость, даже кажущаяся невесомость центрального арт-объекта, и иллюзорное изображение парламентов на арт-окнах напоминают о том, что речь идет лишь об идеях, которые еще ждут своего воплощения в жизнь...

Само помещение атриума с зеркальными арт-окнами арочной формы, «колоннами» и «скульптурами» великих мыслителей должно являться в некоторой степени повторением зала идеального парламента, изображенного на центральном арт-объекте. С помощью подобной организации пространства атриума (с опорой на принципы симметрии, соразмерности, соблюдения пропорций) создатели выставки получают эффект «присутствия» посетителя выставки в зале идеального парламента. У людей, находящихся в выставочном зале, должно возникать ОЩУЩЕНИЕ ГАРМОНИИ (по мнению создателей выставки, подобное ощущение должно появляться у человека, попавшего в идеальный парламента).

Вторая часть выставки будет включать в себя арт-окна с чуть заметным изображением парламентов (изображения 7 парламентов становятся четкими и яркими при включенной подсветке), а также пристенные витрины. Поскольку материал, посвященный парламентам, В ОСНОВНОМ ПЛОСКОСТНОЙ (фотографии, документы), то очень важную роль играют способы подачи этого материала, они должны быть интересными и оригинальными.

Грань между двумя частями выставки достаточно условна. Общими для обеих частей должны являться центральный арт-объект, а также высказывание Цицерона над входом в атриум: «Благо народа пусть будет высшим законом» (на русском и латинском языках).

Наряду с постоянной экспозицией в зале планируется размещение временных выставок по теме парламентаризма.

Сведения об авторах

(на декабрь 2008 г.)

Булгакова Людмила Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПБИИРАН;

Ведерников Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории гуманитарного факультета СПбГПУ;

Гинев Владимир Николаевич – доктор исторических наук, директор Архива СПБИИРАН;

Григорьев Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГММ А.В. Суворова;

Иванов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, докторант.

Колоницкий Борис Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник группы истории российских революций и общественного движения СПБИИРАН, преподаватель ЕУ СПб;

Кулегин Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий сектором ГМПР, заслуженный работник культуры РФ;

Костылев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории СПбГАУ;

Куликов Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПБИИРАН, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Лукоянов Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПБИИРАН, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Мельцин Максим Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СЗИП СПбГУТД, сотрудник ЕУ СПб;

Нардова Валерия Антониновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник СПБИИРАН;

Наумов Сергей Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии РГПУ, член Совета директоров международной образовательной ассоциации «Дебаты» (IDEA)

Ростовцев Евгений Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до начала XX в. СПбГУ;

Соснер Илья Юрьевич – сотрудник РГАДА;

Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Казанского государственного университета, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Шилов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РНБ.

Сокращения

Архив СПБИИРАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук;

БГТИ «Военмех» – Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова;

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации;

ГАТО – Государственный архив Тульской области;

ГММ А.В. Суворова – Государственный мемориальный музей А.В. Суворова;

ГМПир – Государственный музей политической истории России;

ЕУ СПб – Европейский университет в Санкт-Петербурге;

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения;

МНП – Министерство народного просвещения;

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки;

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;

ПСЗ II – Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе;

ПСЗ III – Полное собрание Законов Российской империи. Собрание третье;

РАПН – Российская ассоциация политической науки;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов;

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства;

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории;

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;

РНБ – Российская национальная библиотека;

СЗИИ СПбГУТД – Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна;

СПбГАУ – Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;

СПбГПУ – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет;

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;

СПбИИРАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СУ – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (с дек. 1917);

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга;

ЦДІАУК – Центральний державний історичний архів в Україні, м. Київ (Центральный государственный исторический архив Украины, Киев).

Таврические чтения 2008

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ**

Всероссийская научно-практическая конференция

Подписано к печати 10.11.2009. Формат 60х84 1/16.
Печ. л. 22,5. Усл. печ. л. 20,7. Тираж 300 экз. Заказ 127

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «ЭлекСис», СПб, ул. Моисеенко, д. 10.

